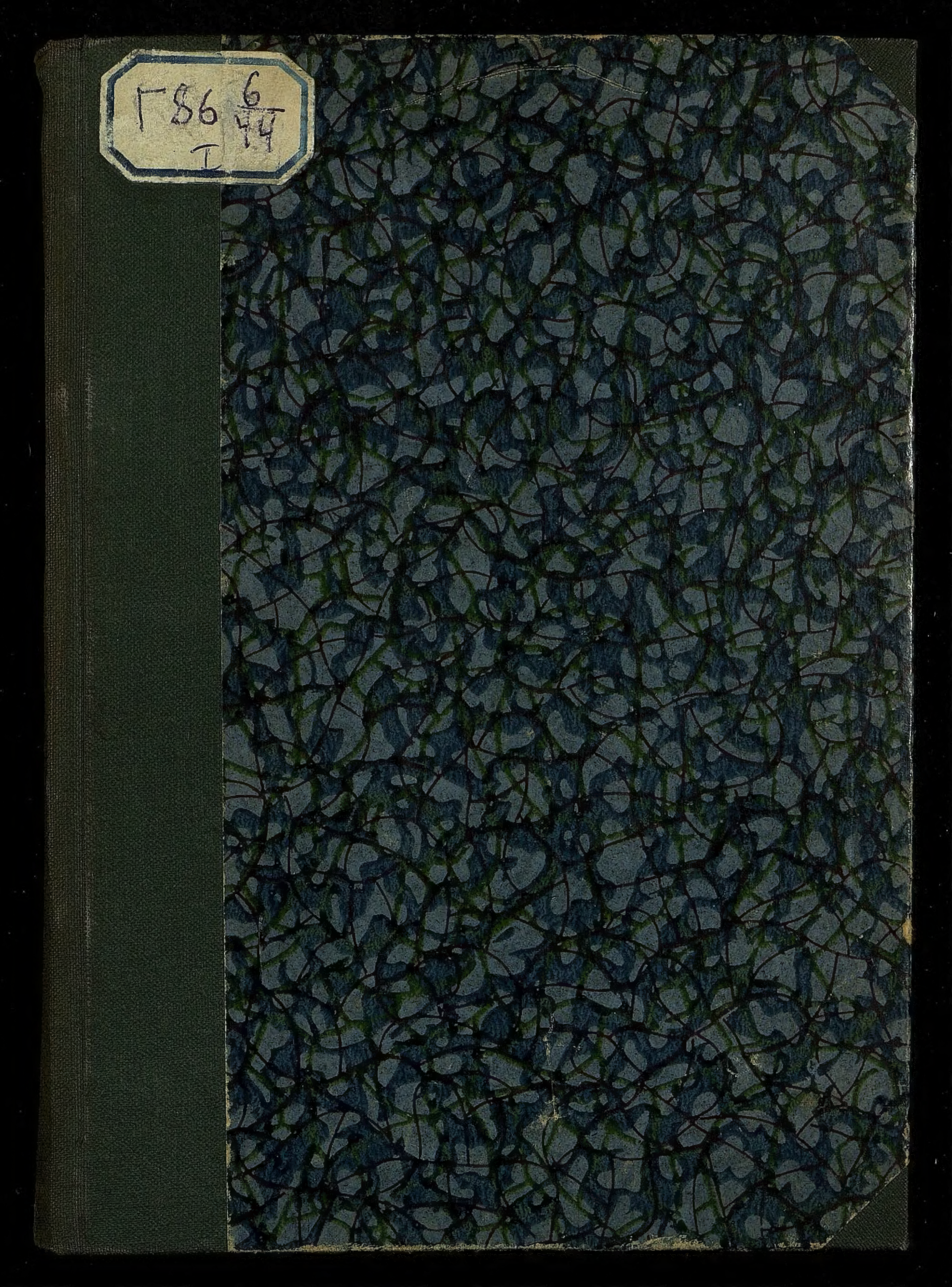

Г86 6/44
I

РАЗВѢДКИ
о
ДРЕВНѢЙШЕЙ РУСЬ-СЛАВЯНСКОЙ
ГРАМАТНОСТИ.

А. С. ВЕЛИКАНОВА.

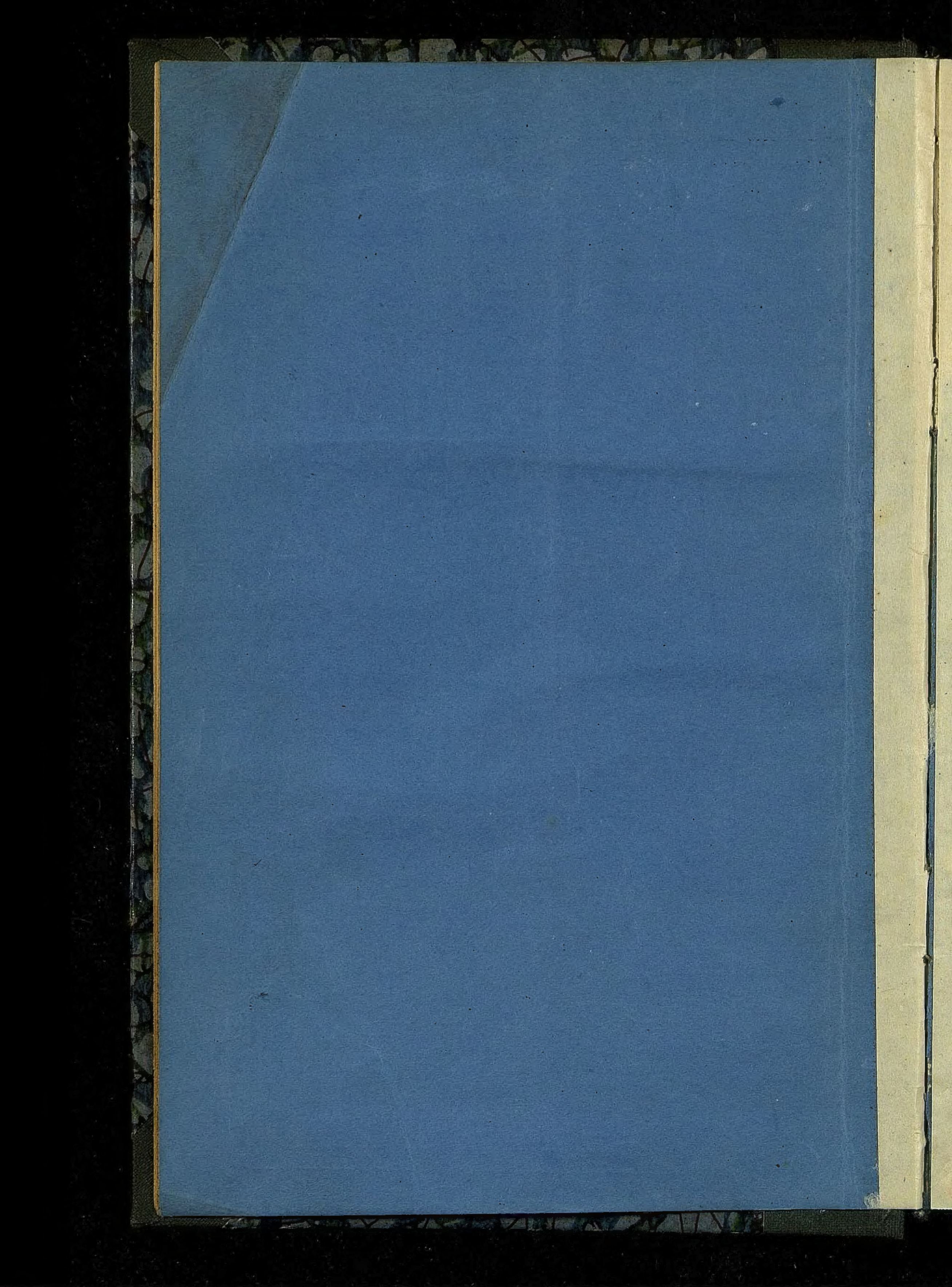
Въ словахъ содержится болѣе, чѣмъ грезилось нашимъ мудрецамъ. — Подъ внѣшней одеждою языка таятся цѣлыя хроники, во всякомъ словѣ сокрыто сѣмя знанія.

Максъ Мюллеръ.

Если Россія не займется изученіемъ своей древнѣйшей старины, то она не исполнитъ своей задачи, какъ образованнаго государства.

И. Забѣлинъ.

ОДЕССА.
Франко-Русская тип. Л. Данікана, Преображенская ул., д. Галли № 24.
1878.



РАЗВѢДКИ

о

ДРЕВНѢЙШЕЙ РУСЬ-СЛАВЯНСКОЙ

ГРАМАТНОСТИ.

А. С. Великанова.

Въ словахъ содержится болѣе, чѣмъ грезилось нашимъ мудрецамъ. — Подъ внѣшней одеждою языка таятся цѣлыя хроники, во всякомъ словѣ сокрыто сѣмя знанія.

Максъ Мюллеръ.

Если Россія не займется изученьемъ своей древнѣйшей старины, то она не исполнитъ своей задачи, какъ образованнаго государства.

И. Забѣлинъ.

ОДЕССА
Франко-Русская типографія Л. Даникана (бывшая Славянск.)
1878.

Дозволено цензурою. Одесса, 9-го Января 1878 года.

Настоящая книга, представляя развитіе идей, изложенныхъ въ сочиненіи „Зарницы Руси“, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ только введеніемъ къ главному предмету, указанному въ ея заглавіи: въ ней о древнѣйшей русь-славянской граматности лишь намекается. По мнѣнію автора, читателямъ нужно сперва ознакомиться съ тѣми данными, которыя будутъ положены имъ въ основу разбора, какъ легендъ о славянскихъ апостолахъ Константинѣ и Меѳодіѣ, такъ и этимологическаго значенія словъ, употребленныхъ, по древнѣйшимъ манускриптамъ, для передачи христіанскихъ идей русь-славянскому народу. Чтобъ достаточно оправдать избранный путь къ разрѣшенью главнаго вопроса, авторъ попытался подвергнуть въ этой книгѣ предварительному этимологическому анализу множество словъ, встрѣчающихся въ живомъ русскомъ языкѣ, народномъ и литературномъ, равно и въ нашихъ древнихъ рукописяхъ, и объяснить нѣсколько темныхъ мѣстъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Объясненія эти, основанныя ...ъ, которыя не были въ виду ни у кого изъ ... толкователей „Слова“, будутъ далеко не лиш... ращеніемъ матеріаловъ для разработки исторіи ... языка и словесности.

РАЗВѢДКИ

О

ДРЕВНѢЙШЕЙ РУСЬ-СЛАВЯНСКОЙ

ГРАМАТНОСТИ.

I.

Первоначальная лѣтопись наша открываетъ свое повѣствованье словами: „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуду есть пошла *Руская земля*, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть.“ Предложенья: „откуду есть пошла Руская земля“ и „откуду Руская земля стала есть“—тожественны по смыслу. По этому задача лѣтописи, въ простѣйшемъ выраженіи, есть слѣдующая: „Кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля пошла или стала есть.“ Это—тема. Оставляя въ сторонѣ лѣтописныя варіяціи, послушаемъ, какія основные тоны звучатъ въ ней.

Первообразъ существующей редакціи нашей первоначальной лѣтописи принадлежитъ Кіеву. Онъ возникъ уже въ то время, когда христіанская вѣра утвердилась въ Русской землѣ, какъ религія государственная. Составленіе его, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ книжному духовному лицу: по всей лѣтописи проведенъ взглядъ съ библейской точки

зрѣнія, едва-ли, въ то же время, не съ такимъ же почтеньемъ къ византійско-булгарской хронографіи. Въ глазахъ лѣтописца, языческій бытъ русскихъ Славянъ не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія; онъ говоритъ о нихъ съ полнымъ омерзѣніемъ, потому что до христіанства они были „поганіи, не вѣдуще закона Божія, но творяще сами себѣ законъ.“ Самое начало имени: „Руская земля,“ онъ относитъ къ очень поздней эпохѣ, именно къ царствованью византійскаго императора Михаила въ IX в., и единственно на томъ основаньи, что о семъ „глаголетъ Георгій (Амартолъ) въ лѣтописаньи.“ Туземныхъ русскихъ источниковъ, изъ которыхъ можно было бы извлечь свѣдѣнія о древнѣйшей, языческой эпохѣ Руси, лѣтописецъ едва коснулся; потому что это относилось къ временамъ „бѣсовскихъ игрищъ.“ Разсказывая преданіе о путешествіи св. апостола Андрея черезъ Русскую землю, онъ, на основаньи русскихъ источниковъ, мимоходомъ упомянулъ, и то лишь однажды, о томъ, что Черное море „словеть“ Русскимъ моремъ; но за тѣмъ оно у него уже постоянно является подъ именемъ Понта и Понетьскаго моря. Словомъ, нельзя не замѣтить въ лѣтописи предвзятой мысли о томъ, что Русь всѣмъ обязана христіанству, до котораго она жила „звѣринскимъ образомъ“, особенно же тѣмъ, что имѣетъ „исписанъ законъ“, то есть законъ Божій, а не обычаи, которые „беззаконникамъ отечествіе мнится“. „Брака у нихъ не бываше,“ потому что лѣтописцу бракъ представляется достойнымъ этого названія лишь въ томъ видѣ, въ какомъ онъ наиболѣе соотвѣтствуетъ церковному уставу. Извѣстія объ обычаяхъ Индовъ, Халдѣевъ, Вавилонянъ и проч. сообщаются единственно съ тѣмъ намѣреньемъ, чтобъ вывесть заключенье: „мы же, хри-

стіане, законъ имамы единъ," и по этому должны быть въ единствѣ съ Византіей не только духовномъ, но и политическомъ; потому что попытка „безбожныхъ Руссовъ," подъ предводительствомъ Аскольда и Дира, напасть на Царьградъ, была наказана гнѣвомъ Божіимъ именно потому, какъ видно по сцѣпленію мыслей, что эти Руссы не были одного съ Греками закона. Двѣсти лѣтъ сряду первопрестольныхъ іерарховъ Русской Церкви изъ Грековъ, за исключеніемъ одного Илларіона,—этотъ крупный фактъ не могъ остаться безъ значительнаго вліянія на столь важное дѣло, какъ „русскія лѣтописи."

По преданію, о которомъ выше упомянуто, св. апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ Синопѣ. Отсюда онъ отплылъ въ Корсунь, гдѣ узнавши о близости Днѣпровскаго устья, „восхотѣ поити въ Римъ." И такъ, уже въ I вѣкѣ христіанской эры былъ извѣстенъ знаменитый варяжскій путь, по которому Днѣпромъ можно было дойти до Рима. Въ этомъ извѣстіи нѣтъ, впрочемъ, ничего удивительнаго. Уже у Геродота проскользнула фраза: „семь дней плаванья вверхъ по Бористену" *). Слѣдовательно, плаванье вверхъ по Днѣпру—фактъ несомнѣнный и очень древній, и апостолъ, конечно, хорошо освѣдомился, что на этой рѣкѣ были судовщики, которымъ можно было безопасно довѣриться. Онъ предпринималъ плаванье вовсе не съ цѣлью изслѣдованья или изученья страны, подобно Геродоту, а для посѣянья сѣмянъ слова Божія. Значитъ онъ зналъ, что избранный имъ путь пролегалъ черезъ страну населенную, людную, внушавшую надежду, что посѣянное сѣмя въ свое время принесетъ плодъ. Плывя по Днѣпру, апостолъ, по разсказу лѣтописи, случайно остановился

*) Город., IV, гл. XVIII.

подъ горами на берегу. Вставъ по утру, онъ „рече къ сущимъ съ нимъ ученикомъ: видите-ли горы сія? яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, имать градъ великъ быти, и церкви многи Богъ воздвигнути имать.“ По этому разсказу видно, что Кіева, въ первомъ вѣкѣ нашей эры, еще несуществовало. Но лѣтописи нужно это отрицаніе для того, чтобъ оправдать апостольское пророчество; доказать тѣмъ, что Кіевъ достоинъ чести быть крестильною купелью Руси и матерью русскихъ городовъ, духовнымъ отцемъ и просвѣтителемъ которыхъ—Византія.

Да пошолъ-де Илья ко Царюгороду,
Да иде мимо палаты бѣлокаменны,
Да закричалъ-де старикъ зычнымъ голосомъ:
Ужъ ты царь Константинъ Боголюбовичъ,
Да создай-ко *калики* да милостину.... [1])

Духовныя связи Руси съ Балканскимъ полуостровомъ въ дохристіанскую эпоху поддерживались именно языческими каликами, которые позднѣе смѣнились странниками на Аѳонскія горы. Почти современное офиціальному введенію христіанской вѣры въ Булгаріи княземъ Богорисомъ возникновеніе ереси „богомиловъ“, хотя въ началѣ и незамѣтное, заслуживаетъ глубокаго вниманія историка. Писатели церковные обыкновенно видятъ въ этой ереси плевелы ересіарховъ первыхъ вѣковъ христіанства, между тѣмъ какъ она возникла въ славянскомъ мірѣ самостоятельно, и представляетъ, въ основѣ своей, смѣшеніе вѣдійскихъ вѣрованій съ христіанскими.

„Вы нѣста князя, ни рода княжа, но *азъ есмь рода княжа*, и се сынъ Рюрика.“ Съ такими словами обратился

---

*) Гильфердингъ, Олонецк. был. стр. 1123.

Олегъ къ мужамъ Рюрика, Аскольду и Диру, которые, путемъ захвата, овладѣли политическою властію въ Кіевѣ, по пресѣченіи тамъ древняго княжескаго рода. Слова Олега были такъ ясны и опредѣленны, что Аскольдъ и Диръ вполнѣ поняли ихъ силу, безъ всякихъ коментаріевъ. Въ ту эпоху княжеское достоинство у Русь-Славянъ не жаловалось, ни пріобрѣталось заслугами. Рюрикъ не по тому князь, что былъ призванъ новгородцами княжить; но онъ былъ князь по кровному происхожденію отъ предковъ князей. Съ этими предками былъ въ кровной связи и Олегъ: „азъ есмь *рода княжа*". Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ переселились княжить на сѣверъ Руси *съ роды своими*.

Черниговъ, Полтѣскъ, Ростовъ.... „по тѣмъ городамъ сѣдяху *велиции князи подъ Ольгомъ суще*".

А и тутъ старья козакъ да Илья Муромецъ,
Становилъ коня да посередъ двора,
Самъ идетъ онъ во палаты бѣлокаменны.....
На всѣ на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру въ особину,
Еще всѣмъ его *князьямъ* онъ *подколѣннымъ*...[1])

Это—не простые мужи Рюрика, но „велиции князи", то есть принадлежавшіе къ роду княжу.—Древляне говорятъ Ольгѣ: „наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю".—Когда Владиміръ посватался на Рогнѣдѣ, княжна отвѣчала: „Не хочу розути робичича", и отказала ему въ рукѣ своей. По отцу, Владиміръ былъ княжеской крови, но по матери- сынъ Ольгиной ключницы Малуши. Откуда же взялись у Рогнѣды такія генеалогическія понятія, что ей мало было происхожденія отъ отца князя; но нужно, чтобъ женихъ ея былъ и по матери княжеской крови? Очевидно,

---

[1]) Олон. был. № 74, стр. 442.

что такія строгія генеалогическія идеи не могли родиться со вчерашняго дня; для ихъ развитія и укрѣпленія нужны были цѣлые вѣка. Онѣ отзываются глубочайшею древностію, и, безъ всякаго сомнѣнья, взлелѣяны длиннымъ рядомъ княжескихъ поколѣній. Въ Рамаянѣ, поэтическомъ твореніи индійскихъ Арійцевъ, за XV вѣковъ до христіанской эры, мы имѣемъ разсказъ объ одномъ княжескомъ сватовствѣ. Царь Дасаратъ, съ своими двумя сыновьями женихами, прибылъ къ царю Джанаку, отцу двухъ невѣстъ. Призванные на совѣтъ великіе святые отшельники Висвамітра и Васіща сказали: „Роды ваши равны и подобны великому морю: прославляется родъ Дасарата, и въ такой же степени прославляется родъ Джанака. Съ той и другой стороны дѣти ваши равны по роду“..... Царь Джанакъ отвѣчалъ: „Такъ какъ ваши преподобія доказали намъ, что генеалогіи нашихъ родовъ равны; то да совершится по слову вашему“.....[1])

И такъ, въ то время, когда составители нашей первональной лѣтописи, съ смиренною покорностію передъ византійско-булгарскими авторитетами и съ пренебреженіемъ къ туземнымъ источникамъ эпохи поганыхъ Русь-Славянъ, писали подъ 852 годомъ: „наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля“, то есть съ началомъ одного изъ позорнѣйшихъ византійскихъ царствованій сдѣлалась извѣстною Русская земля, — эта земля, несомнѣнно, уже тогда имѣла многовѣковой княжескій родъ, далеко превосходившій древнею знаменитостію, безпрестанно возникавшія изъ низкаго званія, роды византійскихъ императоровъ. Замѣчательно, что въ одной изъ легендъ о Константинѣ и Меѳодіѣ приводится вопросъ нѣкоего Казарина: „како вы золъ обычай

[1]/ Hyp. Fauche, Le Romayana t. I. p. 77.

имаете, иже вы ставите царя иного колѣна, а не отъ того-же колѣна?" Константинъ, въ своемъ отвѣтѣ, опираясь на авторитетъ Библіи, разсказалъ о Саулѣ и Давидѣ, происходившихъ не изъ царскаго колѣна [1]); но понятно, что для язычника Библія вовсе не имѣла того авторитета, какимъ она пользовалась у христіанъ, а потому и приведенные изъ нея примѣры могли только убѣдить казарина въ крѣпости корня закоснѣлаго зла. Въ этомъ сочиненномъ отвѣтѣ Константина въ виду, конечно, имѣлось оправдать безурядицу византійскаго престолонаслѣдія не передъ казариномъ, а передъ христіанскими подданными, входившими въ составъ Византійской имперіи. Въ другой разъ казаринъ говоритъ: „Вы убо книги держите въ рукахъ, отъ нихъ вся притча глаголете; мы же не такъ: но отъ Персіи всю мудрость, яко поглощше, износимъ." Отвѣтъ философа былъ слишкомъ не философскій, обращенный къ казарину въ видѣ вопроса: скажи ми, колько лѣтъ есть отъ Моисея до Христа, и колько родовъ? [2])" Важно здѣсь то, что казаринъ не является тутъ ни магометаниномъ, ни іудеемъ; ибо мудрость свою связываетъ съ востокомъ, съ ближайшею страною вѣдійскаго ученія, *Персіей*, и слѣдовательно воздавалъ поклоненье древнѣйшему арійскому божеству Агни.

Когда окинешь мысленнымъ взоромъ нынѣшнія славянскія государства и области; когда къ ихъ славянскимъ населеньямъ прикинешь еще тѣ, которыя нѣкогда занимали южное побережье Балтійскаго моря и часть среднихъ странъ западной Европы, и которыя, въ теченье минувшихъ вѣковъ, были насильственно онѣмечены: то становится яснымъ, что

[1]) Добровскій, Кириллъ и Меѳодій пер. Погодина; стр. 108, хроногр. 1494 г.
[2]) Тамъ же.

самымъ многолюднымъ въ Европѣ арійскимъ народомъ были Славяне, о времени переселенья которыхъ въ эту часть свѣта изъ ихъ азіатской прародины писменные памятники ничего не знаютъ. Не всѣ историки свободны отъ пріемовъ старой школы; у многихъ прорываются фразы въ родѣ такой, съ какою мы встрѣчаемся, на примѣръ, у Калайдовича, и фразы отождествляются съ фактомъ: „Славянскій языкъ, вмѣстѣ съ народомъ *появился въ V вѣкѣ* въ бытописаньи." Неужели этотъ ученый взаправду вѣрилъ, что многомилліонный славянскій народъ съ своимъ языкомъ такъ и упалъ съ неба въ V вѣкѣ? Уже ли, въ самомъ дѣлѣ, современная Русь-исполинъ, протолпившаяся на свѣтъ божій, не замѣченная любопытными въ исторической камерѣ, среди множества пестрыхъ названій: Киммеріанъ, Скиѳовъ, Тавроскиѳовъ, Савроматовъ, Меланхленовъ, Каллипедовъ, Андрофаговъ, Босфоритянъ, Готовъ, Тетракситовъ, Гунновъ, Булгаръ, Турокъ, Казаръ, Сабировъ, Утургуровъ, Кутургуровъ, Аваровъ, Угровъ-Маджаръ, Печенѣговъ, Кумановъ, Половцевъ, Татаръ и проч. и проч., — уже ли въ самомъ дѣлѣ должна она начинать свое историческое бытіе съ „наченшу Михаилу царствовати"? Тѣ, которые написали эти слова, устраняли ихъ своимъ разсказомъ, изъ древнихъ источниковъ, преданія о путешествіи св. апостола Андрея, приписавши къ нему замѣтку: „Понетьское море, *еже море словеть Руское, по нему же училъ св. Ондрей"*... И въ подтвержденіе этой, какъ бы невольной оговорки, изъ устъ древняго героя нашего Святослава раздается призывный голосъ: „*Да не посрамимъ земли Рускіѣ*, но ляжемъ костьми ту!" Развѣ могло такое глубокое чувство чести и славы единой Русской земли выработаться въ духѣ нашего героя за какихъ нибудь лѣтъ 70, со временъ Олегова похода на

Грековъ? Нѣтъ, въ этой геройской готовности самопожертвованья *за землю Рускую* звучитъ могучее сознанье, откликъ многовѣковой минувшей славы Руси, длиннаго ряда знаменитыхъ предковъ. По поводу войны Святослава съ Греками, Левъ Діаконъ замѣтилъ мимоходомъ: „Руссы *давно* пріобрѣли славу побѣдителей надъ всѣми сосѣдними народами" [1]); горячій противникъ Пелагіанъ, тройскій епископъ Пруденцій, говоритъ о нихъ подъ 839 г., какъ о народѣ всѣмъ извѣстномъ [2]). Объ этомъ Святославъ зналъ конечно не изъ византійскихъ или западныхъ хронографовъ, но изъ устъ русскихъ гомеровъ — тѣхъ сопровождавшихъ его баяновъ, скудный образчикъ пѣсней которыхъ время пощадило для насъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ", и убогіе потомки которыхъ, въ онежскихъ и другихъ захолустьяхъ, и теперь еще поютъ славу Руси древней эпохи: эту эпоху намъ теперь, спустя тысячу лѣтъ, приходится называть миѳическою. Одни слова ихъ языка сами по себѣ—многовѣковые историческіе памятники.

Въ 1018 г., польскій король Болеславъ взялъ Кіевъ, при содѣйствіи того самаго Анастаса, греческаго священника, который измѣнилъ гражданамъ Херсонеса, и котораго Владиміръ привезъ съ собою въ Кіевъ. Стольный городъ Руси привелъ иностранцевъ въ удивленіе своимъ богатствомъ, роскошью и многолюдствомъ: здѣсь было болѣе 400 церквей, 8 рынковъ [3]); сюда, на перепутьи между Цареградомъ и Новгородомъ, которое задержало и Первозваннаго, постоянно стекались иноземные гости. Побѣдитель нашелъ въ городѣ

¹) Кн. VIII.

²) Пертцъ, Monum. german. histor. I, стр. 434.

³) Успенскій, первыя Слав. Монархіи, стр. 259.

несмѣтное множество скопленныхъ богатствъ, золота и дорогихъ одеждъ, большую часть которыхъ раздѣлилъ между своими дружинниками и любимцами, и многое отослалъ въ Польшу.

Князь Владиміръ принялъ христіанство и крестилъ Русь въ 988 г. Промежутокъ между этимъ годомъ и 1018 всего 30 лѣтъ; спрашивается, можно-ли допустить, чтобъ въ такое непродолжительное время было повыстроено въ Кіевѣ болѣе 400 церквей, когда, по лѣтописи, самимъ Владиміромъ было воздвигнуто ихъ очень немного. Для заключенія о томъ, что онѣ существовали въ значительномъ числѣ еще до его княженія, достаточно и самаго скуднаго, вскользь проглядывающаго упоминанія нашей лѣтописи, что церкви были уже при Игорѣ; что Ольга была христіанскою, и что преданіе считаетъ Аскольда и Дира христіанами. Они въ Кіевѣ „княжита", и отъ убіенія ихъ Олегомъ въ 882 г. до 1018-го промежутокъ—136 лѣтъ. За такой періодъ времени, геній Петра Великаго и новая эпоха могли создать блестящій и богатый Петербургъ; но какимъ бы обаятельнымъ свѣтомъ не окружали „вѣщаго" Олега народныя о немъ преданія, которыми такъ скудно воспользовались составители нашей первоначальной лѣтописи,—все-же извѣстно, что онъ, равно какъ Игорь и Святославъ, большую часть своей жизни, если не всю, провели въ походахъ, и что по этому неосновательно предполагать, чтобы Кіевъ, даже въ 136 лѣтъ, могъ сдѣлаться такимъ блестящимъ и богатымъ городомъ, какъ нашли его Болеславъ и иноземцы. Держась этого разумнаго воззрѣнія: нельзя допустить, чтобы слова Олега относительно Кіева, „се буди мати градомъ руськимъ" были обращены къ какой нибудь деревушкѣ, какъ то думается при чтеніи лѣтописнаго

разсказа о занятіи этого города Аскольдомъ и Диромъ. Олегъ ни чуть не говорилъ въ прорицательномъ духѣ о назначеніи Кіева матерью *будущихъ городовъ*; онъ назвалъ его матерью городовъ существующихъ, слѣдовательно многихъ, надъ которыми Кіевъ имѣлъ несомнѣнныя преимущества по своему географическому положенію и богатству. Всѣ эти соображенія логически приводятъ къ убѣжденію, что городъ этотъ окрѣпъ и процвѣталъ за долго до „наченшу Михаилу царствовати", и что онъ принялъ Варяговъ Аскольда и Дира, съ ихъ дружиною, въ видѣ охраннаго гарнизона, какъ то дѣлалъ Новгородъ, быть можетъ и другіе города. Святославъ, по видимому, стѣснялся пребываньемъ въ древнемъ и богатомъ Кіевѣ, какъ Олегъ—въ Новгородѣ. Когда Новгородцы просили у него дать имъ одного изъ сыновей его въ князья, онъ сомнительно сказалъ: „а бы пошолъ кто къ вамъ". Подобно Петру Великому, которому не сидѣлось въ Москвѣ, онъ страстно желалъ основать новую столицу въ другомъ мѣстѣ, и часто говорилъ: „Не любо ми есть въ Кіевѣ быти; хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть *среда земли моей*".

Голосъ идеальнаго единства Русской земли никогда не замиралъ, но гремѣлъ черезъ рядъ всѣхъ вѣковъ. „Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, въступила дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебединными крилы на Синемъ морѣ, у Дону плещучи, убуди жирьна (стародавнія) времена. Усобица княземъ.... и начаста князи сами на себе крамолу ковати, а *поганіи со всѣхъ странъ* прихождаху съ побѣдами на *землю руськую*... О! стонати *руськой земли*, помянувьши пьрвую годину и пьрвыхъ князей!"....

Идеализація единства русской земли, среди непрестан-

ныхъ княжескихъ усобицъ, не была созданіемъ воображенія, а истекала, какъ и всякая отвлеченная идея, изъ нѣкогда дѣйствительно бывшаго, на самомъ дѣлѣ существовавшаго единства Руси. Власть, сосредоточенная въ рукахъ одного государя, была вмѣстѣ съ тѣмъ и единствомъ Руси въ ту далекую эпоху, когда принципъ господства старшаго брата „во отца мѣсто" имѣлъ еще всю первобытною арійскую жизненность, не обращался въ пустую фразу, и правилъ съ тою силою, съ какою онъ высказанъ еще въ Рамайанѣ. — „Старшій братъ, читаемъ мы въ ней, во отца мѣсто своему младшему брату; младшій братъ вмѣсто сына своему старшему брату.—Если Рама станетъ царемъ; если, послѣ него, на престолъ вступитъ сынъ его, потомъ сынъ его сына, за тѣмъ отрасль, рожденная отъ его внука: то братъ Рамы, Баратъ, не окажется-ли исключеннымъ изъ царской фамиліи? По этому царскимъ сыновьямъ не принадлежитъ каждому, въ его будущности, царскій престолъ. Между многими сыновьями лишь одинъ получаетъ царское помазанье; ибо, еслибъ всѣмъ принадлежало право носить царскій вѣнецъ, то не было ли бы это величайшимъ безначальемъ? Потому-то земные владыки вручаютъ бразды царства своимъ старшимъ сыновьямъ". — Баратъ, съ своей стороны, подтверждаетъ эти слова, говоря: „Въ моей фамиліи престолъ, со временъ Ману, всегда законно принадлежалъ старшему изъ братьевъ". При олицетвореньи единства царства въ одномъ царѣ, были однакожъ, даже въ ту отдаленную эпоху, князья, сущіе подъ его рукою, подколѣнные, какъ ясно видно изъ словъ: „Цари не прощаютъ проступковъ въ *князьяхъ народа*". Принципъ почтенія къ старшему въ родѣ и тогда терпѣлъ уже посягательства на его святость; потому что, по замѣчанью поэт,

„несчастія родичей доставляютъ удовольствіе родичамъ-же: родичи для насъ—ужасные враги; отъ нихъ и ожидать намъ опасносностей [1])“

Мы уже объяснили смыслъ словъ, занесенныхъ въ нашу первоначальную лѣтопись изъ древнихъ русь-славянскихъ источниковъ: „Языкъ Славенѣскъ, (отъ племени Афетова), *Нарци, еже суть Словѣне*“ [2]). Въ основѣ имени *Нарьци* лежитъ вѣдійское слово *нара*—человѣкъ исключительно арійской расы. Происшедшее отсюда слово *народъ* означаетъ единство во множествѣ не по кровной связи, не по физическому *нарожденію* посредствомъ общенія половъ; но совокупное единство по сходству отличительныхъ внѣшнихъ, преимушественно же духовно-нравственныхъ качествъ въ каждомъ изъ наръ, вслѣдствіе чего явилось въ нихъ сознаніе ихъ превосходства надъ всѣми не-аррійскими расами, объединяющее ихъ отчужденіемъ отъ послѣднихъ и призваніемъ къ господству надъ ними [3]). При сознаніи такого именно единства становится понятнымъ употребленіе слова *народъ* въ нашемъ древнемъ языкѣ. Въ Сборникѣ XII вѣка читаемъ: „Помысли же студа онаго при *народѣ ангельстѣмъ*“ [4]). Тутъ идея физическаго *нарожденія* не примѣнима къ ангеламъ. Въ охридской книгѣ апостольскихъ чтеній, рукописи XI—XII в., написано: „Сотворилъ же есть отъ единыя крове весь *языкъ* человѣчь“ [5]); въ греческ. текстъ *ἔθνος ανθρώπον*: здѣсь было бы совершенно умѣстно употребить слово

---

[1]) Hyp. Fauche, Le Ramayana, I, p. 101, 125, 149. 201, 231; II, 33. 91.

[2]) Зарницы, стр. 20.

[3]) Em. Burnouf, Le Vêda, p. 143.

[4]) Зап. Импер. А. Н. 1876 г., т. 28: Срезневскій, LXXVIII, Слово о богачѣ.

[5]) Дѣян. 17: 26. Срезневскій, Памятники юсов. письма.

народъ, если бы въ первоначальномъ значеньи его участвовала идея кровнаго размноженья, нарожденья. Въ Дѣян. 17: 4 — „И приложишася къ Павлу и Силѣ отъ честивыхъ Еллинъ *множество много*"; такъ и въ греческомъ текстѣ; *πολὺ πλῆθος.* Но въ Охридской книгѣ *плиѳос*—множество, передано словомъ *народъ*: приложишася... народъ многъ. Здѣсь *нараті,* *народъ* въ буквальномъ смыслѣ значитъ *множество наръ,* такъ что прибавка слова *многъ* вызвана лишь необходимостію быть буквально вѣрнымъ переводимому подлиннику.— Въ Саввиной книгѣ, рукописи XI в., изъ еванг. Іоан. 7: 49 —„*Народъ* съ, иже не вѣсть закона, прокляти суть". Здѣсь словомъ „народъ" передано греческое *ὁ ὄχλος,* также означающеее великое множество. Съ глаголомъ *раждать,* въ смыслѣ кровнаго происхожденія, имѣло связь реченіе *родъ*-племя; а слово *нараті,* *народъ* первоначально выражало идею простаго количественнаго объединенія всего множества наровъ, распредѣленныхъ по арійскимъ родамъ-племенамъ. Въ этомъ смыслѣ нашему слову „*народъ*" совершенно соотвѣтствуетъ въ Рігъ-Вѣдѣ реченіе *наранъ,* выражающее цѣльную совокупность наръ; такъ, Агни величается владыкою „наръ народа", *нарінам наріпате* [1])

Имя Русь-славянъ *Нарцѣ* или *Норцѣ* показываетъ, что предки наши принесли съ собою въ Европу сознаніе значенія *нара,* и что слово это было въ оборотѣ живой народной рѣчи. Оно, это дорогое слово, донынѣ сохранилось въ устахъ русскаго народа, какъ четі[1]а, нѣмой памятникъ, хотя сознаніе его значенія давно утратилось. Въ языческую эпоху нашей исторіи несомнѣнно существовали пѣсни, гимны въ

---

[1]) Die Hymmen des Rigveda, herausgeg. v. Th. Aufrecht, 2-te aufl' Mand. II, № 1, 1.

честь поклоняемыхъ божествъ; съ наступленіемъ же христіанскаго періода, они исподоволь обратились, такъ сказать, въ канву извѣстныхъ народныхъ духовныхъ стиховъ, въ которыхъ прославляются уже событія христіанской исторіи. Достаточно даже поверхностнаго наблюденія, чтобъ открыть въ этихъ стихахъ языческую подкладку; достаточно сравнить, въ изданіи Гильфердинга, былины о Садкѣ, № 2 съ № 70 и 174. Въ стихѣ на Рождество Христово, который поется въ Колѣ дѣтьми, ходящими въ этотъ праздникъ по домамъ, мы встрѣчаемъ слова:

„Нывѣ звѣзда на небеси явися,
Паче всѣхъ святая: ты предвозвѣщаеши Бога нашего,
И на земли проявляеши,
Яко *Даждь-нару* нашъ наидетъ.... [1])

Понятно, что въ глубокой древности, когда слагалось слово *Даждь-нару*, въ народѣ еще жило ясное сознаніе значенья его составныхъ частей. *Даждь*, какъ извѣстно, есть собственное имя русь-славянскаго божества; оно отдѣлено отъ предшествующаго во второмъ стихѣ слова Богъ, вмѣсто котораго присоединено къ нему: *нару*, *наръ* — человѣкъ: *Даждь-нару*—Богочеловѣкъ. Въ ту эпоху неумѣстнымъ, неприличнымъ казалось народу употребить здѣсь слово человѣкъ, по сознанію его этимологическаго значенія, которое объяснимъ ниже. Для божества, человѣкъ понятъ въ вѣдійскомъ смыслѣ нара, какъ единицы арійской расы. Сознаніе значенія: *нара* и *народъ*, пока оно еще не затемнилось, было для русь-славянской отрасли Арійцевъ такимъ же знаменемъ, подъ которымъ она заселяла восточную Европу, какимъ для индійской отрасли служило имя *арія*, (благородная,

[1]) Максимовъ у Якушкина: Нар. рус. пѣсни, 1865 г., стр. 35.

чистая, раса), въ ея завладѣніи южнымъ полуостровомъ Азіи: „Индра покровительствуетъ въ битвахъ тѣмъ, которые ему поклоняются, и *во всякомъ случаѣ защищаетъ вѣрнаго ему арійца*", какъ сказано въ одномъ изъ гимновъ Рігъ-Вѣды [1]). Такое знамя означало связь Русь-Славянъ въ общемъ предкѣ Ману, въ общихъ обычаяхъ, вѣрованьяхъ и преданьяхъ, вынесенныхъ ими изъ первобытной прародины, и сознаніе ихъ неоспоримаго превосходства надъ племенемъ не-арійскаго происхожденія. Сознаніе это, тожественное ихъ нервной организаціи, этому хранилищу накопляющихся силъ, вмѣстѣ съ нею перешло къ потомству, развиваясь, въ увеличенныхъ размѣрахъ, въ продолженіе многихъ поколѣній, и проводя по нимъ какъ бы сплошную цвѣтную линію, отливы которой, путемъ надежной прогрессіи, становились все болѣе и болѣе замѣтными. Такъ возникала наслѣдственная учба, исходившая отъ нравственныхъ началъ и производившая второстепенныя физическія причины. Безъ этихъ задатковъ въ самомъ организмѣ арійской особи, которые связывали единичныхъ *наръ* въ одинъ крѣпкій *народъ*, русь-славянская отрасль Арійцевъ, по физическимъ условіямъ занятой страны, непремѣнно исчезла бы безслѣдно, какъ и циклопы, не оставившіе по себѣ никакихъ достовѣрныхъ воспоминаній. Связь, завѣщанная прародиной русь-славянскому народу, существовала и по занятіи имъ восточной Европы, отъ береговъ Чернаго моря до Балтійскаго и Бѣлаго; убѣждаетъ насъ въ томъ значенье словъ *сѣверъ* или *сіверъ* и *югъ*. Востокъ и западъ, этимологически, сами по себѣ понятны и не нуждаются въ объясненьи.

Первобытная прародина Арійцевъ, по самымъ основа-

---

[1]) Rig-Veda, ed, Migne. s, 89.

тельнымъ ученымъ изслѣдованьямъ, простиралась по угорьямъ Гинду-Кô, въ сопредѣльностяхъ верхняго теченья Оксуса и Яксарта, нынѣшнихъ, если онѣ не измѣнили своего теченья, Аму-Дарьи и Сиръ-Дарьи [1]). Къ сѣверу отъ Яксарта—широкая безводная степь, пустыня. Было ей названіе *авара*, означающее по корнямъ.

А (5) отриц. частица: не, безъ, [2])

Ва̂ръ, Ва̂рі (577, 578)—вода; отсюда нашъ глаголъ *варить*—приготовлять пищу на разогрѣваемой водѣ;

Авара—безводный.

Отъ этого слова, означавшаго сперва конкретное понятіе, образовалось впослѣдствіи отвлеченное въ географическомъ смыслѣ: всякая страна, лежавшая отъ извѣстнаго пункта къ сѣверу, указывала сѣверное направленіе. Отсюда

Авара (54) значитъ сѣверный.

Въ Русь-славянскомъ языкѣ, слова *сѣверъ, сіверъ* имѣютъ слѣдующія значенья, опредѣляемыя созвучными корнями:

а) *Сї* (715)—земля,

Авара (54)—Сѣверный:

Сї-авара, сѣ-веръ—сѣверная земля: „всея *сѣверныя страны* повелитель.“

Сї—земля

Варъ (578)—вода:

Сіваръ, сіверъ—водная земля, изобильная водою страна: слово, указывающее на озерно-рѣчную область — Онегу или Пейпусъ, Ильмень, Нево, Неву, Волховъ, Мсту и проч., гдѣ былъ древній *Нáугараудa*, обратившійся въ славянское *Нóвгарадъ* [3]).

---

[1]) Burnouf, Le Veda, p. 11. sv.—L. Carre, l'Ancien Orient, 1875, t. I. p. 14

[2]) Цифры въ текстѣ, отмѣченныя скобками, указываютъ на страницы книги: Dictionaire senscrit-français. p. Em. Burnouf, P. 1866.

[3]) Зарницы Руси, стр. 42.

в) *Сі*—земля,

Аваra (57)—слѣдующее побережье:

Сі-авара, *сѣ-веръ*—земля слѣдующаго, втораго побережья: это указываетъ на вторую послѣ Чернаго моря прибрежную страну, вѣрнѣе всего Онего-Двинскую Бѣломорскую землю.

Въ какомъ бы изъ этихъ трехъ значеній мы ни приняли слово *сѣверъ*, *сіверъ*—его связь съ *югомъ* и послѣдняго съ первымъ, первоначально опредѣлилась конкретнымъ смысломъ этого слова; потому что корень

Іугъ, *югъ* (527) значитъ соединяться, быть въ связи посредствомъ *іуга*, *юга* (528); а это слово значитъ: а) религіозный союзъ, б) сообщеніе судномъ, водянымъ путемъ,

Слово *югъ*, какъ отвлеченный географическій терминъ, опредѣляющій относительное положеніе одной точки земной поверхности къ другой, есть позднѣйшее произведеніе умственной дѣятельности; но въ своемъ первоначальномъ конкретномъ значеньи, оно зародило и опредѣлило, на всю будущность, главныя явленія въ жизни русь-славянскаго народа, съ первыхъ же дней занятія имъ европейской почвы. Если, въ концѣ концовъ, владыкою восточной Европы остался русь-славянскій народъ; если изъ множества инородныхъ племенъ, имъ же имя легіонъ, пестрыя имена которыхъ безпрерывно смѣнялись въ ней въ теченіе вѣковъ, ни одно не овладѣло ею: то это произошло именно вслѣдствіе того, что русь-славянскій народъ, съ перваго же заселенія этой обширной страны, сталъ властелиномъ ея водяныхъ путей. Наша первоначальная лѣтопись, за одно съ мусульманскими писателями, свидѣтельствуетъ, что Черное море давно было извѣстно міру, не смотря на упорное молчаніе Грековъ, подъ

именемъ *Русъкого моря*; исторія уже застаетъ, Русь-Славянъ смѣлыми и безстрашными плавателями по морямъ, по Днѣпру и Западной Двинѣ, по Волгѣ и Дону, съ главнѣйшими ихъ притоками. Они свободно и владычественно плавали Волгою, мимо предѣловъ нѣкогда сильнаго Булгарскаго царства, но столица котораго была окружена подданными, жившими въ арбахъ [1]); входили въ казарскую землю, пренебрегая могуществомъ кагана, люди котораго, по словамъ Массуди, не способны были къ строенію судовъ, ни къ плаванью по водамъ [2]). Мы по этому думаемъ, что исконная, древнѣйшая, посредствомъ водяныхъ путей, связь сѣверныхъ и южныхъ предѣловъ земли, занятой русь-славянскимъ народомъ, не можетъ подлежать сомнѣнію. Помимо другихъ бытовыхъ сторонъ, одинаковое содержаніе свадебныхъ и хороводныхъ пѣсень, отзывающееся глубокою древностію, и ихъ иногда поразительное сходство даже въ выраженьяхъ и оборотахъ рѣчи, одинаковая форма свадебныхъ обрядовъ и хороводныхъ игръ на всемъ пространствѣ русской земли, отъ Галичины, до Волги и Урала, отъ побережья черноморскаго до бѣломорскаго, съ очень незначительными различіями, указываютъ на древнее единство русскаго народа, не взирая на его разселеніе по всему широкому раздолью восточной Европы. Теперь никто изъ основательно ученыхъ мужей не опровергаетъ того положенія, что существующее всегда представляется результатомъ продолжительнаго, многовѣковаго дѣйствія, постоянно совершавшагося въ одномъ и томъ же направленіи. Не смотря на широкораскинутое пространство земли,

---

[1]) Невоструевъ, Труды перваго архл. съз. въ М., т. II, стр. 524.

[2]) Зарницы, стр. 57.

прогрессъ для русь-славянскаго народа былъ вполнѣ обезпеченъ. Онъ явился въ Европу уже знаючи употребленіе многихъ металловъ и владѣючи оружіемъ, скорѣе желѣзнымъ, чѣмъ мѣднымъ или бронзовымъ, какъ покажетъ намъ разборъ словъ, означающихъ этотъ предметъ; а такое оружіе давало русь-славянскимъ Арійцамъ дѣйствительное превосходство надъ ихъ противниками. При тѣхъ связяхъ, концы которыхъ исходили изъ азіятской прародины, и которыя отдѣляли ихъ отъ туземцевъ-варваровъ, не-арійцевъ, Русь-Славяне, по переселеніи въ Европу, въ теченіе многихъ вѣковъ составляли одинъ народъ, хотя и раздѣленный на племена, съ несущественными различіями по языку, или діалектами. Съ одной стороны, общая религія, общіе древніе обычаи и преданія, крѣпко утвердившаяся мысль, что политическая власть среди него должна принадлежать лишь мужу княжа рода; съ другой —неумолкаемый бой съ кочевниками, передвиженіе населенія по сушѣ и водамъ, народоправленіе или вѣче въ Новгородѣ и по другимъ городамъ, мірскія сходки, грамады по селамъ: всѣ эти условія дѣйствительно „дѣлали изъ народа крѣпко связанный вѣникъ, но не въ такой степени туго стянутый, чтобъ умертвить въ немъ разнообразія и задушить непрерывное стремленіе природы къ перемѣнѣ“ [1]). И прогрессъ Руси въ дотатарскій періодъ былъ широкъ и великъ; но налегла на нее двухвѣковая татарщина, убила сѣмена, обѣщавшія хорошіе уражаи, и оставила въ народномъ быту и государственной жизни слѣды, которые и донынѣ еще не совсѣмъ изгладились. Порабощеніе Руси Татарами исторія должна считать самымъ печальнымъ періодомъ въ продолженіе всего сущест-

[1]) Bagehot, Lois scientif. du devolop. des nations, 1875, p. 70.

вованія Руси; оно отвлекло ее надолго отъ связей съ Арійцами запада и обособило въ нѣчто чуждое ихъ цивилизаціи. Между тѣмъ какъ по былинамъ, которыя поются далеко отъ Кіева, на сѣверѣ и востокѣ русской земли, супруга Владиміра, княгиня Апракса пировала съ богатырями и принимала пословъ,—въ московскій періодъ русской исторіи царицы не только лично не принимали подарковъ отъ пословъ и вовсе не показывались имъ, но и вообще не участвовали ни въ какихъ торжественныхъ событіяхъ при дворѣ. Женщина въ высшемъ классѣ русскаго народа была въ то время исключена изъ общества мущинъ; а этого одного достаточно для характеристики двухъ эпохъ въ исторической жизни Руси раздѣломъ между которыми сдѣлалось татарское нашествіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальное поэтическое творчество, которое процвѣтало въ дотатарскій періодъ и драгоцѣннымъ обломкомъ котораго представляется намъ Слово о полку Игоревѣ, было окончательно подавлено византійскимъ риторическимъ витійствомъ и византійскою церемоніальностію московскаго великокняжескаго двора, со времени женитьбы Іоанна III на греческой царевнѣ Софіи.

Мы окончимъ эту главу указаніемъ на поразительное сходство русь-славянскихъ названій чиселъ съ санскритскими по десятичному исчисленію. Изобрѣтеніе этой системы исчисленія служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ умственнаго превосходства Арійцевъ, достигнутаго ими еще до начала ихъ древнѣйшихъ переселеній. „Если хотятъ, говоритъ Максъ Мюллеръ, имѣть доказательство дѣйствительности того періода, который предшествовалъ разсѣянію арійской расы, и тогдашней довольно продолжительной умственной дѣятельности, которая развилась между ними; то мы можемъ сослаться на

арійскія названія чиселъ: Вотъ система десятичнаго исчисленья, которая представляетъ, быть можетъ, одно изъ самыхъ чудесныхъ произведеній человѣческаго ума; — система, основанная на отвлеченномъ представленіи количества, установленная духомъ философской классификаціи, замышленная, обдуманная и законченная прежде, чѣмъ нога Грека, Римлянина, Славянина или Тевтона ступила на европейскую почву"…. Къ этому Пиктетъ прибавляетъ, что изъ приведенныхъ имъ соображеній, „должно заключить, что древніе Арійцы образовали свою *десятичную систему*, начиная съ ручныхъ пальцевъ, при помощи которыхъ они считали" [1]). „Этотъ народъ имѣетъ, быть можетъ, право считать своимъ изобрѣтеньемъ и ариѳметику, и алгебру; но ужъ навѣрное ему принадлежитъ столь остроумное изобрѣтенье тѣхъ условныхъ знаковъ, которые мы называемъ цифрами. Безъ нихъ всѣ отрасли математическихъ наукъ были бы почти безплодными; а между тѣмъ ихъ приписали Арабамъ, потому что намъ передали ихъ Арабы, ученики Индійцевъ, хотя происхожденіе этихъ цифръ очень хорошо удостовѣряется ихъ формами, которыя суть сокращенія начальныхъ буквъ въ индійскихъ названіяхъ числа" [2]).

Изъ слѣдующаго сопоставленія санскритскихъ и русь-славянскихъ числовыхъ названій, читатель увидитъ, что названіе единицы не сходно; онъ при этомъ замѣтитъ, безъ сомнѣнья, что наши порядочныя числительныя: *первый*, *вторый*, *другой* не произведены отъ названія количественныхъ. Причины тому

[1]) Max Miller, Mythologie comparée, p. 40.— Pictet, Les origines indo-europ. II, p. 564, 574, 578.

[2]) Weber, Hist. de la litterature ind. p. 378.

объяснимъ ниже; а здѣсь представимъ объясненія отличій въ русь-славянскихъ названіяхъ 9 и 40.

Ѣка . . . . . . *единъ, одинъ.*
два . . . . два.
трі . . . . три.
чатуръ . . . . четыре.
панчанъ . . . . пять.
шашь, шасць . . . . . шесть.
саптамъ . . . . семь.
аштанъ, асцтанъ . . . осмь.
наванъ . . . . *девять.*
дацанъ (дасати) . . . десять.
двâдацанъ . два-на-десять, двѣ-на-дьсятъ, дцать.
чатурдацанъ. четыре-на-десять, четыр-на-дьцать.
и проч.

вінцаті . двадесять, два-дьсять, два-дьцать [1]).
трінцать . . . . . . тридцать.
чатварінцать . . четыредесять, *сорокъ.*
папчацать . . . . . пятьдесятъ.
шастцті . . . . . шестьдесять.
саптати . . . . . . семьдесятъ.
аціті . . . . осмьдесятъ.
наватп . . . . *девя*носто.
Сата . . . . Сътó и сóтъ-ня.

Слово *девять*—общее всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ; но *сорокъ*—исключительное достояніе русскаго языка. Разсмотримъ ихъ значеніе.

Санскритское *Мâсъ* (505) означаетъ луну и вмѣстѣ съ тѣмъ определенную часть года. Такъ и у нашихъ предковъ русь-славянскихъ Арійцевъ: слово *мѣсяцъ* до сихъ поръ осталось названьемъ и луны и извѣстной части года. Теченіе года опредѣлялось лунными видоизмѣненьями, начинавшимися съ полнолунія каждаго мѣсяца, какъ это видно изъ этимологіи этого слова:

[1]) Санскритское *вінцаті* есть искаженіе:—два-дасаті, два-десять.

Мâсъ—луна, мѣсяцъ,

Іâацъ, яцъ (523)—ясный, свѣтлый:

Мâсъ-яцъ, мѣсъ-яцъ, мѣсяцъ—ясная, свѣтлая луна.

Вѣдійская религія установляла свои обряды по лунному теченью. Первый день всякаго полнолунія освящался жертвеннымъ пиршествомъ. Годъ состоялъ изъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ, каждый въ 30 дней, что составляло 360 дней. Съ теченьемъ времени такой годъ оказался въ большомъ разногласіи съ солнечнымъ, и нѣкогда наступила эпоха устраненья этой неправильности. Исправленіе было произведено подъ вліяніемъ религіи: изъ трехъ десятковъ дней каждаго мѣсяца отнимался у *луны* одинъ день передъ десятымъ, который по этому самому названъ *Девъ-атъ*, что, по составнымъ частямъ свова, означаетъ:

Дiва (320), *девъ*—день,

Атта (71), *атъ*—отнятый, изъятый:

Дiва-атта, девъ-атъ—отнятый день.

Такой отнятый день былъ посвященъ владыкѣ умершихъ Ямѣ, и поэтому въ память и честь предковъ освящался жертвеннымъ пиршествомъ, возліяніемъ воды и омовеньями [1]) отсюда названье этихъ дней *девятинами*. На каждый мѣсяцъ ихъ приходилось три, и это формулировалось въ четію [2]) *три-девятъ*. Такъ какъ три отнятыхъ дня изъ 30 завершали цѣльную единицу — сидерическій мѣсяцъ, состоящій изъ 27 дней; то четія эта, для всегдашняго сохраненья въ памяти, обращена была въ счетную единицу *три-девятъ*, каковою

---

[1]) Les Livres sacrés, ed. Migne, Vischou-Purana, sect. II, ch. XII, p. 305

[2]) Этимологическое значенье этого слова объяснено въ нашей книжкѣ „Зарницы Руси“. Оно означало всякій предметъ и знакъ, всякое слово, короче все то, что служило для напоминанья о чемъ-либо или о комъ-либо.

она была у насъ въ древности. Но 12 двадцати-семи-дневныхъ сидерическихъ мѣсяцевъ составляли въ годъ только 324 дня; поэтому, по прошествіи этихъ мѣсяцевъ, наступалъ *дополнительный* мѣсяцъ, въ которомъ возстановлялись всѣ отнятые дни, числомъ 36, съ прибавкою еще 4, всего 40 дней, *для уравненія съ солнечнымъ годомъ*, который такимъ образомъ приводился къ числу 364 дней [1]). О существованіи, съ древнѣйшей эпохи, дополнительнаго мѣсяца къ 12 сидерическимъ, свидѣтельствуетъ стихъ одного изъ гимновъ Рігъ-Вѣды, посвященнаго Варунѣ: „Онъ вѣдаетъ двѣнадцать мѣсяцевъ, преданныхъ питомцевъ, досточтимое поколѣніе; вѣдаетъ наступленіе подражденнаго" т. е. дополнительнаго мѣсяца [2]). У русскаго народа 40-дневный мѣсяцъ, уравнивающій лунный годъ *съ солнечнымъ*, былъ названъ словомъ *сбракъ*, этимологическое значенье котораго есть слѣдующее:

Сура (721), *суръ*—солнце

Акха (6) *акъ*—кругъ; *акхна*—время:

Сура-акха, *соръ-акъ*—солнечный кругъ.

Въ теченье 40-дневнаго мѣсяца вѣроятно не было жертвоприношеній въ память и честь предковъ, такъ какъ онъ составился изъ возстановленія дней, отнятыхъ у луны и посвященныхъ умершимъ. По этому, съ истеченьемъ его, наступало возстановленіе обычныхъ *девятинъ*, и первая изъ нихъ, по имени истекшаго мѣсяца, получила названіе *сарачинъ* т. е. перваго поминовенья предковъ послѣ 40 дней.

„Никто-то во Кіевѣ вѣсточки не скажетъ про Добрыню

---

[1]) L. Carre, L'Ancien Orient, II, p. 84.

[2]) Die Hymmen des Rv. herausg. v. Aufrecht, 2 Aufl. I. Mand. I, № 25 ст. 8.—Langlois. Rig-Veda, t. I, p. 43, st. 8

Никитича. А и справляла его матушка, матера вдова Аѳимья Ивановна, *честныя девятинки* Сходилися *калики перехожія*, пили, ѣли честной канунъ про Добрынюшку Никитича... А молвилъ каліка перехожая словечушко къ матерой вдовѣ Аѳимьѣ Ивановнѣ: Спасибо тебѣ, матушка, матера вдова, на *честномъ* канунѣ! А и правь ты скорѣй *сорочины великія* на веселъ пиръ.... [1])".

Такъ какъ дополнительнымъ 40-дневнымъ мѣсяцемъ завершалась единица времени — годъ; то числительное *четыредесятъ* было замѣнено у русскаго народа словомъ *сорокъ* и обращено въ счетную единицу, чтобъ, посредствомъ употребленія въ круговоротѣ дѣйствительной жизни, навсегда сдѣлать его четіей; долго считали у насъ встарь: первое сорокъ, другое сорокъ и т. д. Безъ значенья памятника, число это не могло бы пріобрѣсть такого уваженья въ народѣ:

У меня свадебка снаряжена:
Сорокъ варей пива сваронс,
Сорокъ курей вина скурено,
Сорокъ печей пироговъ спечено,
А что больше того, мелкихъ пряженцевъ [2]).

Это значитъ „править *сорочины великія на веселъ пиръ*".

Дополнительный мѣсяцъ, завершавшій годъ, совпадалъ съ осенью; слѣдовательно, годъ, въ нашу миѳическую эпоху, считался отъ осени до осени. Мы такъ думаемъ на основаніи словъ одного изъ гимновъ Рігъ-Вѣды, выражающихъ доброжеланіе вѣдійскаго жреца жениху при совершеніи брач-

[1]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, в. II, стр. XIV.

[2]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, свадеб. псковскія, стр. 527.

наго обряда: „Да проживешь ты сто осеней“ [1]), т. е. сто годовъ. Подробнѣе объ этомъ будетъ при разборѣ слова „осень“ въ продолженіи настоящаго труда.

Въ числѣ санскритскихъ синонимовъ, означающихъ названіе луны есть.

Сома (730), *Сэма*, *Зэма*, отъ котораго: *сэміка*—полнолуніе; а названіе года—*Цару* (638, 639) которое, какъ гомонимъ, означало также и осень. Съ суфиксомъ

Ка (132, 200)—солнце, могло быть слово *Царука*—солнечный годъ. Миѳическая эпоха, когда былъ произведенъ переворотъ для уравненья *луннаго* и *солнечнаго* года, засѣла въ памяти русьславянскаго народа четіей: *тридевять зёмъ тридесять царука*, то есть: „три дня отнятыхъ у луны изъ тридесяти солнечнаго года“. Въ теченье вѣковъ, эта четія, потерявъ въ сознаньи народа свое значенье, была затемнена обращеньемъ ея словъ въ созвучныя съ другимъ значеньемъ: *зэма*, луна, обратилась въ *земъ*, *земля*, а *царука*, солнечный годъ, — въ *царство*, и вся четія, въ концѣ концовъ, сдѣлалась сказочнымъ присловьемъ: *За тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ.*

Осенній дополнительный мѣсяцъ — „сорачины на веселъ пиръ“ — былъ на Руси порою увеселеній и разгула, послѣ уборки хлѣбовъ и окончанья полевыхъ работъ. Онъ праздновался народомъ еще и въ XI в. Объ этомъ можно догадываться по одной изъ рѣчей преподобнаго Ѳеодосія, игумена печерскаго, въ которой нельзя не замѣтить намека на языческую сорачину, такъ какъ онъ говоритъ, что у христіанъ есть своя четыредесятница, которая также образуется чрезъ совокупле-

---

[1]) E. Burnouf, Essai sur le Vêda, p. 204, st. 39.

ніе въ одно число изъятыхъ изъ года дней, для посвященія ихъ истинному Богу: „Богъ далъ есть намъ 40 дний сия на очищенье души; се бо есть десятина, *даема отъ лѣта Богу:* дний бо есть отъ года до года 300 и 60 и 5, а отъ сихъ дней *десятый день воздаяти Богови десятину*, еже есть постъ 40-тный“ [1]). Такимъ образомъ, по воззрѣнію Өеодосія, который очень хорошо зналъ бытъ и языческія вѣрованья народа, изъемлется изъ каждыхъ десяти дней одинъ, или изъ мѣсяца — три дня, которые потомъ, въ опредѣленное время, всѣ совокупляются воедино, 36 дней, съ дополненіемъ 4 дней, для составленія христіанской сорачины. Такъ какъ солнечный годъ уже точнѣе опредѣлился, именно въ 365 дней, быть можетъ еще до Владиміра; то незначительной разницѣ между 4 и 5, именно одному дню, Өеодосій не придавалъ важности, и выводилъ совокупное число взятыхъ изъ года дней ровно въ 40, которые должны были отличаться отъ поганыхъ сорачинъ не какимими-либо пиршествами, но постомъ покаяніемъ и *поминовеніемъ усопшихъ братій.*

Памятники, на скрижаляхъ нашего языка начертанныя и говорящіе о разрѣшеніи такого мудренаго вопроса, какъ уравненіе луннаго и солнечнаго года, съ приспособленіемъ къ нимъ жертвоприношеній, хотя и повреждены временемъ, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствуютъ, что въ незапамятную эпоху и въ климатѣ, болѣе счастливомъ, русь-славянскій народъ находился подъ цивилизующимъ вліяніемъ „жрецовъ нестаровъ“, и что, по своему соціальному развитію, онъ стоялъ тогда на гораздо высшей степени, чѣмъ та, на которой, по описанію нашей, такъ называемой первоначальной лѣтописи, оказался

---

[1]) Сводная Лѣтоп. Лейбовича I, прил. 8, стр. 313.

въ эпоху „начешу Михаилу царствовати“. Но съ подобны ми памятниками, подтверждающими болѣе развитый древній бытъ и строй народа мы еще не разъ встрѣтимся въ продолженіи настоящаго труда.

Въ дальнѣйшемъ изложеньи мы ясно раскроемъ, что *югъ* — священный очагъ вѣдійской религіи, объединявшій русьславянскій народъ, многое множество вѣковъ пребывалъ на чарноморскомъ побережьи. Безъ сомнѣнья, Греки проползли сюда своими поселеніями, принявши сначала смиренный видъ ищущихъ покровительства и гостепріимства: „суть бо льстиви и до сего дне“, какъ замѣчено о нихъ лѣтъ тысячу тому назадъ. Они втерлись вовсе не въ среду дикарей, какъ это до сихъ поръ представляется многими изслѣдователями, а въ среду простодушнаго *народа*, у котораго впрочемъ не меньше, чѣмъ у колонистовъ, еще были живы задатки цивилизаціи древней арійской прародины. Мы однакожъ уже поспѣшили раскрыть страницы той правдивой, безъ всякой тенденціозности созданной самимъ *народомъ* лѣтописи его минувшаго бытія, которая называется его *рѣчью*, *языкомъ*. Прежде чѣмъ читать ее дальше, необходимо сказать о ней самой нѣсколько словъ.

Примѣчаніе къ стр. 32. Объясненное нами значенье *девяти*, какъ дня, отнятаго изъ десяти и посвященнаго Ямѣ, или жертвоприношенью въ память умершихъ, подтверждается словомъ, общимъ и великорусскому и малорусскому обл. нарѣчіямъ, и которое употреблено также въ нашей первоначальной лѣтописи: „Приведе Янка митрополита Іоана скопьчину, его же видѣвше людье вси рекоша: „се *навье* пришелъ“, т. е. вставшій изъ гроба мертвецъ пришелъ. *Навъ*, *навья*, *навей* — мертвецъ, усопшій, покойникъ, происходитъ отъ санскритскаго

Наванъ (536)—девять; *навья*, *навь*—девятины по умершимъ; *навіі діна* (320), *навій день*, что теперь означаетъ понедѣльникъ или вторникъ Ѳоминой недѣли, первоначально значило: „девятый день“.

II.

Языкъ нашъ богатъ обломками забытыхъ этимологій, увядшихъ метафоръ. —Этимологистъ знаетъ, что онъ не покончилъ съ исторіей какого нибудь слова, пока не взошолъ къ матеріальному представленію, въ которомъ, въ силу аналогій языка, слово это должно найти свой источникъ.

Whitney.

Первое искусственное произведеніе, созданное человѣческимъ умомъ, есть языкъ. Онъ древнѣе всякаго письменнаго или иного вещественнаго памятника, и стародавнѣе перваго лепетанья преданій, представляя намъ непрерывную цѣпь отъ разсвѣта исторіи до нашихъ дней. Прежде всего, конечно, разнообразіе этимологическихъ и синтаксическихъ формъ, при развитіи словъ изъ корней, свидѣтельствуетъ о творческомъ дѣйствіи разума, по крайней мѣрѣ столь же великаго художника, какъ и его произведеніе. Изучите языкъ народа во всей его широтѣ и глубинѣ, и вы постигнете тотъ зиждительный умъ-геній, который былъ ему свѣтильникомъ во тьмѣ минувшихъ вѣковъ, и указалъ путь къ свѣту современнаго міра.

Тотъ первобытный арійскій языкъ, діалектами котораго представляются намъ санскритскій, зендскій, греческій, латинскій, славянскій, германскій, былъ нѣкогда живымъ языкомъ

небольшаго рода или племени, быть можетъ даже одной семьи, укрывавшейся подъ одною кровлей. Вмѣстѣ съ разростаніемъ племени ъ народъ, развивался и языкъ, такъ что существующія въ этихъ діалектахъ грамматическія формы установились окончательно, прежде нежели вѣтви, отрасли первоначальной семьи разлучились. Законченныя черты въ лексикѣ и грамматикѣ мы и теперь можемъ открывать какъ въ древнихъ гимнахъ Вѣды и поэмахъ Гомера, такъ и въ словѣ о полку Игоревѣ и въ нашихъ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ названные нами діалекты различны другъ отъ друга, и ни одинъ изъ добросовѣстныхъ ученыхъ не въ состояніи дать положительный отвѣтъ, сколько прошло вѣковъ на развитіе этихъ различій съ эпохи общаго первоначальнаго арійскаго языка? Но подобный вопросъ представляется намъ больше предметомъ любопытства, чѣмъ науки. „Филологи, по словамъ одного современнаго ученаго, могутъ конечно замѣтить, что они не видятъ основанья допустить возможность развитія индоевропейскихъ языковъ въ періодъ шести тысячъ лѣтъ; но они вѣдь еще не нашли правила для измѣренія времени, которое, по ихъ мнѣнью, потребно для этого развитія [1]". Достаточно намъ знать, что современные арійскіе языки мы можемъ провѣрять древнѣйшими гимнами, собранными въ Ріг-Вѣдѣ. Для насъ важно въ особенности то, что слова, общія всѣмъ названнымъ діалектамъ, даютъ намъ право обращать ихъ въ посылки для вывода заключенья о бытѣ и искусствахъ древнѣйшаго арійскаго общества, разумѣется, съ принятіемъ въ соображеніе нѣкоторыхъ этнографическихъ особенностей. Такъ, напри-

---

[1]) Whytney, La vie du langage, p. 159.

мѣръ, общеславянское слово *домъ* принадлежитъ также языкамъ санскритскому, греческому, латинскому; отсюда мы заключаемъ, что народы эти оставили свою прародину уже знаючи искусство построенія этого рода жилищъ.

Каждое слово первобытнаго арійскаго языка было, въ нѣкоторомъ смыслѣ, миѳомъ. Слова вначалѣ всѣ были нарицательными именами; они выражали одинъ изъ многочисленныхъ характеристическихъ признаковъ предмета, выборъ которыхъ предполагалъ нѣкоторый родъ самоизвольной поэзіи, совершенно утраченной новѣйшими языками [1]). Возмемъ, на примѣръ, наши слова *лошадь*, *комонь*, *конь*: у насъ это простыя, прозаическія названія извѣстныхъ животныхъ, но у нашихъ русь-славянскихъ предковъ Арійцевъ въ этихъ словахъ заключалась исторія этихъ животныхъ, миѳъ, какъ мы увидимъ ниже изъ разбора ихъ этимологическаго значенья. Поэзія была формою, въ которую древнѣйшая эпоха арійскаго человѣчества влагала все, что могло удивлять его или возбуждать въ немъ благоговѣніе. Оно не способно было сказать по нашему: „всякое преступленіе рано или поздно открывается.“ Подобная мысль становилась ему понятною лишь въ поэтической формѣ: „заря выведетъ преступника на свѣтъ.“ „Метафора, говоритъ Максъ Мюллеръ, есть одно изъ тѣхъ могущественныхъ орудій, которыя послужили къ сооруженію человѣческаго языка, и мы рѣшительно не можемъ себѣ представить, какъ, безъ нея, какой-бы то ни было языкъ могъ бы когда либо возвыситься надъ самыми простыми зачатками. *Метафора* вообще означаетъ фактъ перенесенія названія предмета, которому собственно оно принадлежитъ, на другіе

---

[1]) Max Müller, Essais sur la mythologie comparée, p. 68.

предметы, такъ или иначе участвующіе въ свойствахъ перваго" [1]). Возмемъ латинское spiritus: въ началѣ оно означало „духъ" или „вѣтеръ". Но когда понадобилось назвать жизненное начало, существующее въ человѣкѣ или животномъ; то, для выраженія его, естественно избрали внѣшній признакъ этого жизненнаго начала, т. е. дуновеніе, дыханіе устъ.—„Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ": *Τὸ πνεῦμα* значитъ и вѣтеръ и духъ, какъ жизненное начало человѣка; *Τὸ πνεῦμα πνεῖ* —„духъ дышетъ", но значитъ также и „вѣтеръ дуетъ, вѣетъ". *То пневма* переведено по-славянски „духъ"; а первоначальное значеніе этого слова есть санскритское *Дука* (346), *духъ*—вѣтеръ, отъ корня

Ду, *дунâмі* — вѣять, дуть, колебать. Отъ него происходятъ

Ду-в-ана (346) — Агні, божество агня и наше *душа*:

Ша (665) — зародышь, что, съ корнемъ *Ду*, составляетъ: *ду-ша*—зародышь вѣянія, дуновенія, *дыханія*, которое соотвѣтствуетъ корню

Діхъ (345), *дых-ать*—горѣть, пылать; корень этотъ получилъ въ санскритѣ метафорическое значеніе „жить", т. е. горѣть колеблющимся пламенемъ жизни. Поэтому въ метафорѣ, какъ поэзіи именъ, основанныхъ на аналогіи, каждое названіе не есть выраженіе существеннаго или специфическаго качества предмета, но того, которое поражаетъ наше воображеніе; такое названіе представляется болѣе пригоднымъ, чтобъ сдѣлать для другихъ понятнымъ то, что мы желаемъ высказать. Въ этимологическихъ разборахъ словъ, которые будутъ приводимы въ настоящемъ трудѣ, читателямъ,

---

[1]) Nouv. Leçons sur la science du langage, t. II, p. 71.

быть можетъ, не рѣдко придется впадать въ разочарованіе, когда, слѣдя за всѣми переходами словъ до точки ихъ отправленія, они найдутъ на концѣ, или, вѣрнѣе, въ началѣ, одни лишь корни съ самымъ неопредѣленнымъ или общимъ смысломъ, каковы: „ходить, двигаться, бѣгать, дѣлать". Но если приглядѣться попристальнѣе; то этотъ фактъ не окажется источникомъ разочарованья, а скорѣе долженъ усилить наше удивленіе къ чудесному могуществу языка; потому что, изъ этихъ неопредѣленныхъ и темныхъ представленій, человѣкъ съумѣлъ извлечь слова для передачи самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ мысли и чувства.

Корнями языка, какъ извѣстно, называются его простѣйшія части, до которыхъ мы добираемся анализомъ; дальнѣйшее ихъ разложеніе невозможно безъ разрушенія самаго языка, такъ какъ языкъ не просто одинъ звукъ, но звукъ, всегда выражающій мысль. Ихъ должно принимать за первоначальные факты, далѣе которыхъ восходить нельзя. Они были настоящими зародышами, въ которыхъ еще не усматривается яснаго и опредѣлительнаго разграниченія между частями рѣчи, и которые выражали исключительно внѣшнія впечатлѣнія. Въ этой простой формѣ своей, корни должны были удовлетворять всѣмъ потребностямъ первобытнаго человѣчества. Съ теченьемъ времени, значенье многихъ корней, образовавшихъ слова, затемнилось и извратилось. Отъ этого множество словъ не только потеряло свой поэтическій смыслъ, но и свое корневое значенье. Слова эти нѣкогда были понятны дѣду, прадѣду, но для правнуковъ они сдѣлались простыми звуковыми отличіями однихъ предметовъ отъ другихъ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ языкъ нашъ, по справедливому замѣчанію Жанъ-Поля, есть „словарь увядшихъ метафоръ"; то долгъ

этимологиста—постараться возвратить этимъ метафорамъ ихъ первоначальную живость и свѣжесть.

У каждаго предмета не одинъ признакъ. Смотря по тому, какимъ изъ нихъ онъ произвелъ, въ данный моментъ, сильнѣйшее впечатлѣніе, по той выдающейся примѣтѣ получилъ онъ и имя. По другимъ признакамъ ему давались и другія имена и отсюда произошло, что каждый изъ многочисленныхъ предметовъ, въ древнѣйшій періодъ языка, получилъ много именъ, обратившихся въ синонимы или тожезначущія слова. Собака, напримѣръ, могла произвесть на умъ впечатлѣніе то какъ дикое животное, то какъ товарищъ человѣка, то какъ сторожъ, то какъ воръ, то какъ проворный охотникъ, и по этимъ признакамъ получила различныя имена. Естественнымъ послѣдствіемъ синонимовъ было происхожденье множества гомонимовъ. У солнца, положимъ, было 25 именъ, выражающихъ его различные признаки; но этисамые признаки встрѣтились и въ другихъ предметахъ,которые, по этой причинѣ, названы тѣми же именами. Такимъ образомъ однозвучныя слова, означавшія различные предметы, составили категорію гомонимовъ. Среди множества словъ, имѣвшихъ одно и тоже значеніе, едва-ли можно было опознаться, еслибъ они не сопровождались нѣкоторымъ указаньемъ, отмѣчавшимъ ихъ настоящее значенье. Указанье это доставлялось различными степенями пѣвучести, интонаціями; остатокъ этого первоначальнаго пріема усматривается въ тонѣ, который мы сами даемъ своимъ рѣчамъ.—Синонимы и гомонимы,— богатство всякаго древняго языка, а тѣмъ болѣе санскритскаго.

Простою классификаціей языковъ, тщательнымъ анализомъ словъ, новѣйшая лингвистика пролила ослѣпительный

блескъ на самыя тёмныя эпохи исторіи человѣчества. Въ этой классификаціи самое выдающееся мѣсто принадлежитъ арійской семьѣ языковъ, раздѣляющейся на семь великихъ отраслей: санскритскую, иранскую или зендскую, греческую, италійскую, кельтскую, русь-славянскую и германскую или тевтонскую [1]. Имъ отдается преимущество предъ всѣми языками на свѣтѣ, потому что они — достояніе расы, господствующей надъ исторіей міра и не встрѣчавшей себѣ соперника ни прежде, ни теперь. Языки египетскій и китайскій заклеймены безплодіемъ развитія, а семитическій заявилъ себя скудостію и однообразіемъ.

У Индійцевъ до нашего времени сохранилась древнѣйшая въ мірѣ священная книга, называемая Вѣдою. Она содержитъ четыре отдѣла или книги: *Рігъ* или, вѣрнѣе, *Річь*, *Саму*, двѣ *Яджуръ* (бѣлую и черную); къ нимъ наичаще прибавляется еще *Атгарва* (617). Изъ нихъ первая содержитъ самые первоначальные гимны, составленіе которыхъ съ полною вѣроятностію относятъ къ эпохѣ за двѣ тысячи лѣтъ до христіанской эры [2]. Языкъ гимновъ Вѣды не есть языкъ браманскихъ книгъ. Исключительно употребляемый у Индійцевъ въ богослуженіи, онъ нѣкогда былъ живою рѣчью въ устахъ высшихъ кастъ и назывался *санскрітъ*, то есть созданный изъ всѣхъ частей, совершенный [3]. Это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ брагманскій періодъ, языкъ священный, научный, литературный и официальный; позднѣе на немъ было написано множество толкованій на Вѣду, ставшую священнымъ писаньемъ. Нынѣ очень

[1] La vie du langage, p. 149.
[2] Whytney, La vie du langage, p. 154.
[3] Em. Burnouf, Le Vêda, p. 17.

не много найдется брагмановъ, могущихъ читать и понимать Вѣду, и этотъ отзывъ Максъ Мюллера подтверждаетъ Мэнъ, говоря: „черезъ пятьдесятъ лѣтъ всякое знаніе санскрита исчезнетъ изъ Индіи, или если удержится, то лишь силою противодѣйствующаго вліянія Англіи и Германіи [1]. Отъ общаго съ санскритомъ корня образовалось народное нарѣчіе *прâкрітъ*, на которомъ написаны брагманскія книги, и которое нужно отличать отъ употребляемаго въ буддійскихъ книгахъ южнаго нарѣчія *пâлі*.

Въ настоящемъ сочиненьи мы приравнимаемъ и относимъ слова русь-славянскаго языка къ санскриту, при помощи котораго разъясняемъ ихъ первоначальное этимологическое значенье. Мы дѣлаемъ это не потому, чтобъ считали санскритъ непосредственнымъ отцомъ русь-славянскаго языка: санскритъ не болѣе, какъ одна изъ многихъ отраслей одной семьи; но эта отрасль — старшая, потому что сохранила слова въ состояньи, наиболѣе близкомъ къ первоначальному состоянью общаго арійскаго языка. „Санскритскій языкъ, говоритъ о немъ одинъ изъ современныхъ авторитетовъ, не есть матерь греческому и латинскому въ томъ смыслѣ, въ какомъ латинскій считаютъ матерью французскаго и итальянскаго. Три языка: санскритскій, греческій и латинскій — сестры, разновидности одного и того же типа. Всѣ они предполагаютъ болѣе первоначальное состояніе, когда они менѣе, чѣмъ теперь, различались одинъ отъ другаго; но тѣмъ и ограничиваются ихъ отношенія. Въ пользу санскритскаго языка можно сказать лишь то, что онъ—старшій братъ; что въ немъ сохранилось много формъ и много словъ, менѣе

[1]) Max Müller, Essais sur la mythol. comp., 2-me ed., p. 347; Мэнъ, Дерев. общины на вост. и зап., стр. 14.

искажанныхъ и испорченныхъ, чѣмъ въ греческомъ и латинскимъ. Болѣе первоначальный характеръ и прозрачный строй санскрита естественно сдѣлали его дорогимъ для лингвиста, но не настолько ослѣпили его, чтобъ ему не замѣтенъ былъ тотъ фактъ, что, во многихъ отношеніяхъ, греческій и латинскій, и даже готскій и келтскій, сохранили тѣ первочальныя черты, которыя утрачены санскритомъ. Греческій языкъ есть какъ бы сукъ того-же самаго пня, изъ котораго и санскритъ; но не вѣтвь, отдѣлившаяся отъ санскрита. Единственное отличіе, какого санскритъ вправѣ требовать для себя, есть такое же самое, какое приписывалъ себѣ австрійскій императоръ въ древней германской конфедераціи,—быть первымъ между равными, primus inter pares" [1]). Предоставляя впрочемъ германскимъ ученымъ гадать и мечтать о равноправности ихъ языка съ санскритомъ, имѣющемъ памятники, восходящіе тысячи за двѣ лѣтъ до нашей эры, мы предпочитаемъ принимать его, какъ положительное мѣрило по вопросамъ о древностяхъ арійскихъ языковъ, и въ этомъ смыслѣ разногласіе какого либо изъ нихъ съ санскритомъ скорѣе можемъ принять за уклоненіе отъ первобытнаго арійскаго языка, нежели за оригинальную особенность послѣдняго. Такъ, напримѣръ, мы не думаемъ, чтобы разительное преобладаніе въ санскритскихъ словахъ основнаго звука *a* надъ всѣми прочими гласными, не было особенностію одновременно и санскрита и первоначальнаго языка, и отсюда считаемъ себя вправѣ заключать, что тѣ арійскіе языки, которые отдаютъ видимое предпочтенье *оканью*, на столько же удалились отъ своей праматери, на сколько и отъ санскрита, не говоря

[1]) Max Müller, Nouv. Leçons sur la sc. du langage, II, p. 140

уже о большей или меньшей утратѣ или обезразличеніи нѣкоторыми изъ нихъ падежныхъ окончаній въ именахъ. Въ образованіи самостоятельныхъ словъ, русь-славянскій языкъ, такъ же свободно, какъ и санскритъ, пользуется корнями, общими имъ обоимъ. Но въ сближеніи обоихъ языковъ представляется намъ такая особенность, какой мы не замѣчаемъ ни въ одномъ изъ арійскихъ языковъ Европы, ни въ древнихъ, ни въ новыхъ. Невольно навязывается мысль, что русь-славянскій языкъ есть какъ бы ближайшее нарѣчіе санскрита. Слова изъ послѣдняго переходятъ въ первый, съ соблюденіемъ относительно ударенья, одного постояннаго правила, которое несомнѣнно могло выработаться лишь въ долгій періодъ общенія между обоими языками; законъ экономизаціи звуковъ, посредствомъ усѣченія гласной *а*, однообразно прилагается къ санскритскимъ словамъ почти при всякомъ переходѣ ихъ въ русскій языкъ. По этимъ даннымъ мы допускаемъ, что русь-славянская отрасль Арійцевъ была въ ближайшихъ и добрыхъ связяхъ съ индійскою отраслію; сопровождала ее въ движеньи изъ прародины къ Инду; долго жила на берегахъ этой рѣки, и отсюда наконецъ начала, по неизвѣстнымъ причинамъ, свое колонизаціонное движенье къ сѣверозападу. Есть основанье предполагать, что и послѣ раздѣленья обѣихъ отраслей, ихъ связи и сношенья, въ теченье долгаго періода, не прерывались. Предметъ, которому посвящаемъ мы настоящее изслѣдованье, наведетъ на ту же мысль и другихъ внимательныхъ читателей, когда мы раскроемъ передъ ними его частности и подробности, донынѣ ускользавшіе отъ наблюденій нашихъ филологовъ; теперь же пояснимъ сказанное пока краткимъ примѣромъ значенія русскаго языка даже для истолкованія Рігъ-

Вѣды: возмемъ 1-й стихъ 1-го гимна I Мандалы, по изданію Ауфрехта [1]):

Agnim ile purôhitam yajnasya devam, hôtaram ratnadatamam.

Его переводятъ слѣдующимъ образомъ:

а) Грассманнъ [2]):

„Священника Агні восхваляю я, который жертву по чину приноситъ, — бога, наиболѣе надѣляющаго сокровищами".

б) Людвигъ [3]).

„Агні я умоляю, пурогіта, священнодѣйствующаго бога жертвоприношенія, готара, наиболѣе создающаго радость".

в) Потье и Брюне, по изданію Миня [4]):

„Я прославляю Агні, первосвященника жертвы, волхва, священнодѣйствующаго, возносящаго приношеніе богамъ и обладателя великаго богатства".

Людвигъ оставилъ безъ перевода спеціальные термины „пурогіта" и „гôтара", различно понимаемые; а у Грассманна, пурогіта — священникъ, у Потье и Брюне—первосвященникъ или, вѣрнѣе, священникъ-предстоятель; по объясненію Бюрнуфа (418)—домашній священникъ, раздаятель милостины.

Гôтара, Гаутара у Грассмана—богъ, у Потье и Брюне—возносящій приношеніе богамъ; по объясненію Бюрнуфа

---

[1]) Die Hymnen des Rigveda, herausg. v. Th. Aufrecht, 2 Aufl. Bonn 1877 I. Th.

[2]) Rig-Veda, übers. v. H. Grassmann, Leipz. 1877. II Th., S. 2 № 1.

[3]) Der Ridveda. zum erst. Male übers. v. A. Ludwig; Prag 1867. I B, S., 277, № 249.

[4]) Les livres sacrés de toutes religions, traduits ou revus et corrigés p. Pauthier et Brunet, publ. p. Migne, P. 1866.

(758), отъ корня *Гу*, — священникъ, при жертвоприношеніи на распѣвъ произносящій гимнъ. И мы думаемъ, что это объясненіе—самое вѣрное; слѣдъ этого слова сохранился въ нашемъ областномъ реченіи, первоначально конечно имѣвшемъ священное значеніе: *гутаръ*—бесѣда, *гутбра*—сказатель, разскащикъ, говорунъ, *гуторить* — бесѣдовать, говорить. Должно замѣтить, что, въ другихъ гимнахъ Рігъ-Вѣды, шипѣніе и трескъ огня, охватившаго костеръ и поддержаннаго возліяніемъ растопленнаго масла, называется ,,пѣснію" Агні.

Ратна, у Грассманна и Потье, сокровища, богатства, а у Людвига—радость: корень *Рамъ* (534)—радоваться, утѣшаться; услаждаться; прич. прош. *Рата*, и отъ этой формы, съ перемѣное *т* въ родственное *д*, произошли наши реченія *радо*-сть, *радо*-ваться".

Yajnasya (отъ syam)— священный голосъ, вопль; священное пѣніе.

Ritvijam—священнодѣйствующій въ урочный часъ.

Тогда, мы полагаемъ, ближайшій къ тексту переводъ будетъ слѣдующій: ,,Агні я прославляю, священника домашняго очага, священное пѣніе богамъ возносящаго въ урочный часъ, *гутара*-пѣвца *радость* подающаго".

Мы считаемъ долгомъ здѣсь объясниться, почему употребляемъ выраженья: русь-славянскій народъ, русь-славянскій языкъ. Изъ именъ Днѣпровскихъ пароговъ, пересказанныхъ намъ Константиномъ Багрянороднымъ, древнѣйшія названы русскими, а позднѣйшія—славянскими. Какъ ни искажены тѣ и другія греческимъ произношеньемъ, мы, по возможности, показали однакожъ ихъ взаимное соотвѣтствіе, на которое наводили и слова нашей первоначальной лѣтописи: А русскій языкъ и славянскій — одинъ и тотъ же языкъ.

Замѣчанье это было бы совершенно неумѣстнымъ, еслибъ лѣтопись не предполагала, что русскій и славянскій языки, по различію многихъ словъ, могли быть, по недоразумѣнію, приняты за два различныхъ языка. Соображенія, выводимыя изъ именъ пароговъ о двухъ періодахъ русь-славянскаго языка—древнемъ и новомъ, подтверждаются еще другимъ весьма замѣчательнымъ фактомъ, ускользнувшимъ отъ наблюденія. По сказанію Кедрина, византійскаго писателя XI вѣка, Казарская держава, въ 1016 г., была окончательно сокрушена греческимъ вождемъ Адроникомъ, при помощи Тьмутараканскаго князя *Сфенга* [1]). Намъ извѣстно изъ нашей лѣтописи, что этимъ княземъ былъ въ то время *Мьстиславъ* Владиміровичъ. И такъ, одно и то же лице носитъ два имени: среди дружины—древнее русское Сфенгъ, славянское же народное — Мьстиславъ. Однакожъ имена эти — синонимы:

а) *Свана* или *сфана* (746)—слава, молва; шумъ, звонъ,

Ка (131)—государь, князь;

Сфанъ-ка, *Сфенъ-къ*—князь славы.

б) *Мьсти* во все не происходитъ отъ глагола *мстить*, а есть древнее слово

Маста, *мьста* (496)—глава, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ,

Слава (663)—слава, хвала [2])

Маста-слава, *мьсти-славъ* — глава славы.

Въ своемъ мѣстѣ мы объяснимъ, что древнее русское имя *Рюрикъ* есть славянское *Святославъ* — имя, которымъ,

---

[1]) Memoriae pop. II, 1010.

[2]) Въ словѣ „слава", послѣдній слогъ *ва* изображается въ санскритѣ буквою, которая, какъ у насъ, такъ и въ другихъ арійскихъ языкахъ произносится какъ *ф. в.* Если эту букву поворотить открытою стороною вправо такъ чтобъ низъ былъ верхомъ; то выйдетъ точная копія нашей буквы В.

въ честь дѣда, былъ названъ герой нашей древней исторіи; что *Игорь*—славянское Богуславъ; что знаменитое въ былинахъ имя *Олѣша* Поповичъ есть уменьшительная форма не имени христіанскаго Алексій, а русскаго—*Олегъ*, и проч.

Великій языкъ можетъ быть только твореньемъ великаго народа. Кто же усомнится въ величіи русь-славянскаго языка, многовѣтвистаго, но съ вѣтвями очень сближенными между собою? Въ то время, какъ божественное ученье, обновившее весь міръ, разглашалось въ Европѣ только на языкахъ двухъ умершихъ арійскихъ народовъ, ни одинъ изъ новыхъ арійской семьи не успѣлъ, въ этой части свѣта, воплотить въ свой языкъ евангельскія идеи въ такой степени, чтобъ, посредствомъ богослуженья на этомъ самомъ языкѣ, сдѣлаться ихъ распространителемъ среди членовъ своей отрасли. Завидная доля эта выпала только одному русь-славянскому народу, и мы, посредствомъ творенья его, постараемся, на сколько возможно, проникнуть взоромъ къ той царственной колыбели, которая взлелѣяла младенчество, вскормила и воспитала юность его.

Съ теченьемъ вѣковъ, большая часть синонимовъ и гомонимовъ первобытнаго арійскаго языка становилась безполезнымъ богатствомъ; діалекты все болѣе и болѣе ограничивались въ названіи каждаго предмета опредѣленнымъ именемъ, которое становилось, въ нѣкоторомъ смыслѣ, его собственнымъ. Синонимическіе корни употреблены, во многихъ случаяхъ, для производныхъ словъ, какъ названій однородныхъ предметовъ; такъ, напримѣръ, въ нашемъ языкѣ, плавательныя сооруженія почти всѣ произведены отъ синонимовъ, означающихъ движенье и воду. Однакожъ изгнанье древнихъ словъ изъ языка не обхолось безъ борьбы, какъ

не обходится безъ ней никакая рѣзкая перемѣна въ народномъ быту. Всякая первоначальная община пребываетъ подъ владычествомъ той идеи, что если древніе обычаи племени нарушаются; то надо ждать неминуемыхъ бѣдствій, которыя не вѣсть откуда нахлыпутъ. Идеи, символически и языкомъ, выражаются въ унаслѣдованныхъ пріемахъ, обрядностяхъ и обычаяхъ; какъ крѣпки послѣдніе, такъ твердо и существованье древнихъ словъ въ языкѣ. Необходимость перемѣны для прогресса допускается, такъ сказать, на мирныхъ условіяхъ: новое принимается на столько, на сколько оно не противорѣчитъ древнему. Оттого-то вошедшее въ предпочтительный оборотъ живой рѣчи слово *перехожая* не убило, въ нашей старинѣ, прежняго *калѣка*, но мирно стало съ нимъ рядомъ, оставивъ его читіей древности; слово *рѣка* сжилось съ тожезначущимъ *дунавъ*, обративъ его въ читію и собственное имя; слово *свѣтъ*, тожезначущее съ *бѣлъ*, очень подружилось съ нимъ, обративъ его въ свой постоянный эпитетъ....

Наступившій, въ концѣ концевъ, въ исторіи развитія арійской расы, долгій періодъ разсудительности и разчетливости мало по малу снималъ съ природы древній покровъ, сотканный изъ блестящихъ метафоръ и поэтическихъ словъ, въ которыхъ выражалась вся полнота ея одушевленной жизни. Современный европейскій человѣкъ, лишь послѣ многихъ вѣковъ предъидущаго періода, началъ видѣть въ быстронесущихся облакахъ не болѣе, какъ сгущенные пары, въ мрачныхъ горахъ — однѣ каменныя массы, въ величественномъ ужасѣ грозы—электрическія искры. Наблюдаемыя въ развитіи каждаго языка видоизмѣненія видимо направляются къ тому, чтобъ отбрасывать отъ слова всѣ тѣ части, отсѣченье кото-

рыхъ не вредитъ его смыслу, а остальныя располагать самымъ удобнымъ для говорящаго способомъ, наиболѣе сообразнымъ съ его привычками и наклонностями [1]). Это постоянное стремленье языка къ экономіи средствъ, къ удобству произношенья, потихоньку пролагающее себѣ путь черезъ всю исторію каждаго языка, можно назвать въ лингвистикѣ закономъ экономизаціи звуковъ. „Большая часть греческихъ и латинскихъ словъ, говоритъ Максъ Мюллеръ, вдвое длиннѣе, чѣмъ надо, и я сомнѣваюсь, стоитъ-ли упрекать романскіе народы за то, что они упростили трудъ словопроизношенья" [2]).

Въ примѣръ стремленья языка къ экономіи звуковъ, западные ученые приводятъ греческое слово *пресвутерос*, обратившееся въ германскомъ языкѣ въ *пріест*, или англосаксонскія: hlaf-ord и hláef-dige сократившіяся въ нынѣшнемъ англійскомъ языкѣ въ lord и lady, латинскія: historia, paragraphus — въ англійскія: story, paraf; sacramentum — во франц. serment [3]). Въ области нашего изслѣдованья, мы можемъ указать на болѣе замѣчательное въ этомъ родѣ явленье. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что первоначальная одежда человѣка могла быть вызвана прежде всего потребностію прикрытія наготы. Изъ двухъ корней:

Пас (403)—завязывать,

Вйе (629) — покрывать,

образовалось въ санскритѣ слово *Упасамвійана* (111) —нижняя одежда. Тутъ, въ завязкѣ и покровѣ, шитья не

---

[1]) Withney, La vie du langage, p. 41, 42.

[2]) Ibid. p. 65, также Максъ Мюллеръ, Лекціи по наукѣ о языкѣ, 1865 г. стр. 156.

[3]) Nouvelles leçons sur la science du langage, t. I, p. 222, 240, 241.

видать, и въ такомъ первобытномъ видѣ одежда эта сохранилась въ Малой Руси и до нашихъ дней. Въ санскритскомъ словѣ произведено сокращенье звуковъ; при этомъ корень *пас*—завязывать, удержанъ вполнѣ; санскр. префиксъ *у* замѣненъ частицею *за*; вмѣсто втораго корня *вїйе*, приставкою взято слово *ка* (132), означающее всякій движимый или движущійся предметъ. Такъ слово „упасавйїана" обратилось у насъ въ

За-пас-ка, означающее нижнюю женскую одежду, *привязываемую* къ поясницѣ и спускающуюся до половины голяшекъ. Она состоитъ изъ двухъ полотнищъ домотканины: бóльшее накладывается сзади, а меньшее охватываетъ пéредъ. Если пожелаете отыскать это слово въ Словарѣ Даля; то ищите его, промежъ многочисленныхъ строкъ, подъ глаголомъ *запасать*!

Замѣчателенъ также, по экономизаціи звуковъ, нашъ глаголъ *упасать*. Слѣдующія санскритскія слова означаютъ:

1) *Упасâмайїмї* (111)—умиротворять, успокоивать;

Упасêвê (112)—любить; заботливо за кѣмъ ухаживать; прилежать, предаваться; его корни:

а) *Пас* (637 — усмириться, укротиться; нравственно—успокоиться, умиротвориться;

б) *Сêвъ* (720) — благоговѣть, полагать. Идеи, выражаемыя этими словами, вмѣщены въ нашемъ глаголѣ *упасать*, то есть умиротворять, успокоивать: „Вождь, иже *упасетъ* люди моя Израиля." Въ греческомъ текстѣ здѣсь стоитъ глаголъ *ποιμαίνω* (Матѳ. 2: 6), который, въ переносномъ смыслѣ, означаетъ: руководить, управлять, пектися. Но глаголъ *Упасâмайїмї*, какъ гомонимъ, значитъ еще усмирять,

укрощать. И это значенье также вошло въ нашъ глаголъ *упасать*, какъ видно изъ рѣчи:

„*Упасеши* я жезломъ желѣзнымъ“.

Вліяніе закона экономизаціи звуковъ отразилось также на нашемъ словѣ *второй*. Оно составилось изъ двухъ словъ:

Ва (559)—рука.

Тарі̂та (286)— указательный палецъ, слѣдующій, какъ извѣстно за большимъ:

Ва-тарі̂та, *въ-тóръ*, *въ-тарый* — указательный палецъ руки. Отъ этаго конкретнаго значенья развилось потомъ отвлеченное числительное — всякій предметъ, по порядку слѣдующій за переднимъ.

Укажемъ еще на одинъ, такъ сказать, историческій фактъ дѣйствія упомянутаго закона въ нашемъ языкѣ: въ Погодинской псалтыри, рукописи XII в., первый стихъ послѣдняго псалма написанъ такъ [1]):

„Мьнихъ бѣхь вь *братрии* моей.....“

Санскритское *Братаръ* (482), въ нашей рукописи *братръ*; окончаніе, означаемое санскритскою буквою, равнозначущею *ръ*, замѣнено у насъ *еромъ*, и вышло: *братъ*, какъ, вѣроятно, слово это произносилось уже и въ эпоху, когда рукопись была писана. *Братръ* нѣсколько разъ написано такъ и въ Слѣпченской книгѣ апостольскихъ чтеній [2]).

Санскритъ, старшую отрасль первоначальнаго арійскаго языка, можно назвать по преимуществу *áкающимъ* говоромъ, то есть въ составъ его словъ входятъ, почти съ исключительнымъ преобладаньемъ, слоги въ сочетаньи со звукомъ *а*.

---

[1]) Срезневскій, Др. Слав. памятники юсов. письма, стр. 53.

[2]) Тамъ же.

По лексикону Бюрнуфа, словъ, начинающихся, напримѣръ, слогомъ *па*, мы насчитали около 1450, а тѣхъ, которые начинаются слогомъ *по̂*, *пӧ*. до 66; начинающихся съ слога *ма* — около 1355, а съ слога *мо̂*, *мӧ* — до 55; съ начальнымъ слогомъ *пра*—до 1275, а съ *про̂*—до 41 слова, и пр. При этомъ слѣдуетъ замѣтить еще и то, что въ санскритѣ нѣтъ чистаго звука *о*, какъ онъ произносится въ арійскихъ языкахъ Европы; онъ представляетъ въ немъ какъ бы двухгласную букву, близкую по произношенію къ *аў*, какъ въ нашемъ бѣлорусскомъ нарѣчьи. Сосчитавши въ первомъ гимнѣ Рігъ-Вѣды, по изданію Ауфрехта, гласныя *а*, *о* и прочія, мы еще болѣе убѣдимся въ поразительномъ преобладаніи *а* надъ прочими звуками. Всѣхъ словъ гимна 86; въ нихъ находится гласныхъ:

а,	*о*	всѣхъ прочихъ	
130	10	91,	всего: 231.

Если мы выразимъ эти числа въ процентной формѣ, то получимъ:

На 100	*о*	1300 *а*;
„ „	гласныхъ вообще	56. 27 *а*;
„ „	словъ	160. 49 *а*.

По буквамъ „дêванâгарі“ — божественнымъ письменамъ, каждая санскритская согласная представляетъ, въ отдѣльности, извѣстный членораздѣльный звукъ, сопровождаемый гласною *а*. Если слово состоитъ изъ слоговъ на *а*, то оно пишется однѣми согласными буквами, напримѣръ, *сђ-ка-та*, изъ которыхъ каждая и въ отдѣльности называется такъ, какъ она, въ видѣ слога, участвуетъ въ составѣ слова. Пусть, въ

извѣстныхъ случаяхъ, нужно будетъ усѣчь звукъ *а*: для этого употребляется усѣкательный подстрочный знакъ *вірама*, соотвѣтствующій нашимъ *еръ, ерь, еры.* Позволяемъ себѣ называть наши буквы *ъ, ь, ы* или *ѣ* усѣкательными, потому что самое названье ихъ объясняется корнемъ

Еръ, *ерха*, *ерхъ* (120)—уничтожать усѣкать.

Такое же значенье имѣетъ синонимъ *вірама*, отъ глагола

Вірамâмі (599)—усѣкать звукъ, умалчивать.

Наглядный примѣръ подобнаго усѣченія представляетъ намъ санскритское *тама* (285), которое, посредствомъ замѣны *а* усѣкательнымъ *ъ*, переходитъ въ нашъ языкъ словомъ *тьма*, имѣющимъ тотъ же смыслъ, что и санскритское.

Древніе рукописи наши отличаются изобильнымъ употребленіемъ сократительнаго надстрочнаго знака, называемаго *титла*: члкъ црь— человѣкъ, царь: это придумано писцами для сокращенія времени, потребнаго на прописаніе слова сполна всѣми буквами, а слѣдовательно и для сокращенія всего срока, который былъ бы нуженъ на переписку всей книги. Толкованіе наше подтверждается самимъ названіемъ этого знака:

Тіта (292)—время,

Ла (548)—усѣченіе, укорачиванье:

Тіта-ла, *тітъ-ла*—усѣченіе, сокращенье времени.

Произношенье согласныхъ буквъ на *а* обозначается въ санскритѣ стоящею у каждой изъ нихъ вертикальною чертою съ правой стороны. Усѣченье *а*, въ письмѣ дѣлается иногда простою отмѣною этой черты. Такъ, напримѣръ, знакъ प есть *па*; въ словѣ *пса* (456) и другихъ оно пишется प्

Буква *ра*, при усѣченьи въ серединѣ словъ, обращается

иногда въ надстрочный знакъ, сходный съ *ерикомъ*, который употреблялся въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ.

Въ развитіи русь-славянскаго языка, изъ его первоначальной основы, усѣченье въ произношеньи звука *а*, и обозначенье этого усѣченья на письмѣ особымъ знакомъ, было первымъ и наиболѣе обширнымъ приложеньемъ закона экономизаціи звуковъ. Другой законъ, о которомъ мы замѣтили въ „Зарницахъ Руси", есть обращенье звука *а*, претерпѣвающаго ударенье, въ другія гласныя, а наичаще въ *о*, при переходѣ санскритскаго слова въ русь-славянское акающее произношенье. Объяснимъ оба правила примѣромъ вышеприведеннаго слова

Саката (641) — тяглый быкъ, волъ. Здѣсь сошлось вліяніе обоихъ законовъ: *са-ка́-та* есть русь-славянское слово *съ-ко́-тъ*, имѣющее одно и тоже съ санскритскомъ значенье: въ двухъ крайнихъ слогахъ, или санскритскихъ согласныхъ буквахъ, звуки *а* усѣчены посредствомъ ъ, а средній слогъ *ка*, вслѣдствіе ударенья, обратился въ *о*. Мы также полагаемъ, что древнѣйшая форма санскритскаго *Агнì* (8) была *Аганì*, какъ это видно изъ русскаго произношенья *аго́нь*; чрезъ усѣченіе звука *а* въ слогѣ *га*, образовалось *а́гнì*, славянское *о́гнь*.

Када (138), нар. времени, имѣетъ у насъ такое же значенье и такъ же, по отсутствію ударенья, произносится и въ русскомъ акающемъ говорѣ; а въ окающемъ, невѣсть какимъ образомъ, произошло *когда*.

Въ рукописи XI вѣка, названной у И. И. Срезневскаго „Саввиной книгою", читаемъ: „Глагола Іисусові: Господи, а *съ* что есть? Глагола ему Іисусъ: аще хошу, да *тъ* прѣбы-

ваетъ....“ [1]). Въ нынѣшнемъ церковнослав. текстѣ (Іоан. 21: 21), вмѣсто *съ*, *тъ*, написано—*сей*, *той*. Каждое изъ этихъ мѣстоименій изображено въ санскритѣ одною согласною буквою: *са*, *та* (706, 281); но въ русь-славянскомъ письмѣ, для отмѣны звуковъ *а*, поставлены усѣченья: *съ*, *тъ*. Русское *то́тъ* происходитъ отъ *та́тъ* (282): въ санскритѣ, на концѣ, подъ второю согласною, поставлена вирама, которой соотвѣтствуетъ здѣсь наше *ъ*; *о́* произошло у насъ по объясненному закону ударенья. *Этатъ* — санскр. тожезначущее *ѐтатъ* (126). Также точно

До́мъ образовалось отъ слова

Да́ма (344)—жилище, отъ корня

'Да̂ (344)—помѣщать, основывать, ставить [2]).

'Бага (469), *бо́гъ*. Прежде чѣмъ обратиться въ отвлеченную идею о Верховномъ Существѣ, слово это было конкретнымъ понятіемъ. Оно означало Солнце: ,,Да ускорятъ ходъ нашей колесницы лучистый *'Бага*, Небо и Земля....“ [3]). Среди политеизма древѣйшей арійской эпохи, въ творцахъ гимновъ Рігъ-Вѣды замѣтно колебаніе, кому изъ боговъ приписать объединяющее первенство. Большинство поэтовъ склонно однакожъ признать творческую роль за божествомъ Солнца. Отъ единаго въ мірѣ Солнца отвлечена идея единаго высшаго божества, отъ котораго произошли всѣ нисшія. По виновнику своего бытія, нисшіе небожители стали именоваться *богами*, и слово это, обратившись въ эпитетъ, утратило у

---

[1]) Древніе слав. пам. юсов. письма; Сборникъ статей Отд. Рус. яз. Акад. н., т. III, стр. 6.

[2]) Шимкевичъ, въ своемъ Корнесловѣ, неправиляно подвелъ подъ это слово *даманъ* и невѣрно истолковалъ корень.

[3]) Pauthier et Brunet, les livres sacrés des toutes les relig., ed. Migne, t. II. Rig-Veda, p. 136, suk. IX, 4.

насъ какъ и въ санскритѣ, свое конкретное, единичное значеніе. Оно стало означать безсмертвую, высшую, блаженную природу: *'бага* — блаженный [1]). Агні, напримѣръ, величается такъ: ,,Ты, о боже, наръ владыко, добромъ обладаешь: ты рачитель въ домѣ того, кто къ тебѣ благоговѣетъ" [2]). Былъ и у насъ Даждь-*богъ* по преимуществу, но богами назывались также Перунъ, Валесъ и проч. Присоединеніе къ Даждь слово *богъ* доказываетъ, что и у насъ оно первоначально означало Солнце:

'Да̂ (343)—кормилецъ, питатель, хранитель,

Жа, жжа, жда (256)—рожденный:

Да̂-жда богъ, *да-ждь-богъ* — кормилецъ рожденный Солнцемъ (богомъ).

Въ глубокой арійской древности, чѣмъ выше становилось въ многобожной іерархіи какое нибудь божество, тѣмъ было неопредѣленнѣе понятіе о немъ, и тѣмъ реальнѣе дѣлались нисшія божества, свойства и аттрибуты которыхъ вслѣдствіе того точнѣе обозначались. Оттого гимновъ въ прославленье послѣднихъ несравненно больше, нежели въ честь высшихъ божествъ, которыя притомъ не рѣдко смѣшивались съ нисшими, такъ что Солнце и Индра (нашъ Перунъ) порой отождествлялись.

По русь-славянскому народному воззрѣнію, ,,небо — теремъ *божій*": это—санскритское *Наб̂ а* (353), *небо*—государство, городъ Солнца. На значеніи *б̂ага, бо́гъ*, какъ Солнца, издревле создалось въ народѣ изреченіе: ,,богъ на небѣ, царь на земли". Этимъ сжатымъ сравненіемъ высказанъ древ-

---

[1]) Em. Burnouf, Le Veda, p. 389.

[2]) Aufrecht, Die Himmen der Rv. 2-te Aufl., I, M. II, № 1, 7. — Grassmann. Rv. I, S. 7.

нѣйшій взглядъ русь-славянскаго народа на единство власти въ мірѣ и человѣческомъ обществѣ, — тотъ идеалъ, который онъ усиливался осуществить въ продолженіе всего своего бытія, и за который страдалъ среди усобицъ княжескаго рода, въ періоды исторической и миѳической эпохи. Смыслъ приведеннаго изрѣченія таковъ: тотъ, кто на небѣ есть *бага*, *бôгъ* или Солнце; тотъ самый на землѣ есть царь: земной царь долженъ быть представителемъ власти единаго *бага* или солнца; потому-то, въ народномъ творчествѣ, идеальный типъ князя „Владиміръ" сопровождается постояннымъ эпитетомъ „солнце".

Къ частнымъ свойствамъ санскритскаго языка относится сродство звуковъ *р* и *л*, отъ чего происходитъ взаимная замѣна ихъ въ нѣкоторыхъ словахъ:

Рâк и *Лâк* (537, 554); *рутъ*, *рôте* и *лутъ*, *лôте* (542, 554), *сара* и *сала* (638, 640)—слова тожезначущія. То-же должно замѣтить и о взаимной замѣнимости звуковъ *б* и *в*; *бала* и *вала* (461, 569), *балгъ* и *валгъ* (462, 570) —значитъ одно и тоже. Это свойство санскрита отразилось и въ русскомъ языкѣ, какъ самостоятельно, такъ и при переходѣ въ него санскритскихъ словъ, напримѣръ:

а) Въ нѣкоторыхъ хронографахъ имена: „Рюрикъ", „Труворъ", „Григорій", пишутся „Люрикъ", „Труволъ", „Глигорій"; въ служебной минеѣ Григоровича: „Александлу.... и длужинѣ его [1]), „рыцарь", малорус. „лыцарь;

б) *Вâрка* (612), *вâлка* есть русское *вôлкъ*—извѣстный хищный звѣрь.

[1]) Срезневскій, Др. сл. пам. юсов. письма, стр. 78; Добровскій. Кириллъ и Меѳ., рус. пер., стр., 108, и проч.

Ручъ, ручі, (542) есть наше *лучь* свѣтовой. Даже въ классическихъ языкахъ замѣчаются слѣды смѣшенія *р* и *л*; несомнѣнно, что оба латинскія окончанія aris и alis— совершенно тожественны [1].

Настоящимъ предварительнымъ объясненьемъ, мы, въ виду дальнѣйшихъ изслѣдованій, желали избавить себя отъ напоминаній, при всякомъ случаѣ, о двухъ вышеизложенныхъ законахъ или правилахъ, т. е. объ обращеніи санскр. *а* въ *о* и другія гласн. и объ эконом. звуковъ. Чтобъ нагляднѣе показать ихъ приложенье, мы разберемъ здѣсь еще нѣсколько словъ, отчасти съ намѣреньемъ — вручить читателю задатки тѣхъ идей, съ которыми онъ уже встрѣчался и еще встрѣтится въ нашемъ послѣдующемъ изложеньи. При этомъ еще болѣе разъяснится та мысль, которую мы уже прежде высказали, то есть, что русь-славянская отрасль Арійцевъ свободно создавала свои слова изъ тѣхъ корней, которые были у нея общими съ санскритомъ, и этимологическое значенье которыхъ, въ эпоху созданья этихъ словъ, еще не утратилось въ народномъ сознаньи.

Корни многихъ нашихъ словъ утратили самостоятельное значенье въ сознаньи русскаго народа, и смыслъ ихъ теперь можно объяснить лишь при помощи санскрита. Такъ, напримѣръ:

а) *Досъ, даусъ* (332)—рука, лежитъ въосновѣ нѣкоторыхъ нашихъ словъ, означающихъ дѣйствіе рукою: *дос*тань мнѣ шубу. *Дос*адить, въ арханг. губ., значитъ ранить кого-либо, а у насъ расширило значенье до дѣланья кому-либо непріятностей. „*Руки* коротки: не *дос*ягнешь“.

[1]) Max Müller, Nouv. leçons sur la science du langage, P. 1867, t. I. p. 214. о сродствѣ *р* и *л* его же замѣчаніе t. II, p. 27.

Въ соединеніи съ *ка* (132), означающимъ всякій подвижный предметъ, образуется слово *доска*: такъ называется, въ ярослав. губ., подносъ.

Досужій—мастеръ сдѣлать что рукою, расширилось до значенья смышленаго, ловкаго, искуснаго человѣка.

б) Синонимъ *досъ* есть *кара* (141) — рука. Это слово служитъ основою нѣкоторыхъ нашихъ реченій, для означенья дѣйствій при участіи руки: *кара*пкаться — лѣзть, цѣпляясь руками; *кара*пить пашню, въ тамбов. губ., бороновать, скародить; *карать*, *кара* — наказывать, наказанье, по первоначальному смыслу, бить руками, связывать; *кара*пчить—воровать, стащить, брать взятки.

Мьстить.

Маста, какъ объяснено въ разборѣ имени Мьстиславъ, значитъ голова,

Іта—требующій, отъ кр. *I* (86):

Маста-іта, мьсть-іть, мстить—требовать головы.

Конкретный смыслъ этого слова содержалъ въ себѣ синтезъ института древнѣйшей общины; его значенье реально выполнялось, то есть, за убитую голову или человѣка требовали равномѣрно головы, за убійство воздавали убійствомъ: „Убьетъ мужъ мужа, то *мьстить* брату брата“.... брату *требовать головы* за брата. „Аще не будетъ кто *мьстя*, то положити 40 гривенъ за *голову*.... По Ярославѣ же, совокупившеся сынове его, отложиша *убіеніе за голову*“ [1]). Итакъ *мьстить* значило за убійство *требовать головы* или убій-

---

[1]) Качаловъ, Текстъ Русской Правды, епс. академ. и тр.

ства виновнаго. Потомъ уже слово это расширилось до общаго значенья воздавать зломъ за зло.

Рахманный.

Слово это представляетъ замѣчательное явленье въ исторіи развитія русскаго языка. Въ различныхъ краяхъ Руси оно имѣетъ различныя значенья, обусловленныя преобладаньемъ того или другаго гомонима. На сѣверъ и востокъ отъ Москвы, оно значитъ:

а) веселый, хлѣбосольный, чивый отъ

Рахъ (537)—весело, здорово поживать; быть достаточнымъ, избыточествовать,

Манъ (490)—человѣкъ:

Рах-манъ—весело поживающій достаточный человѣкъ;

б) Щеголь, отъ

Рагъ (567)—блистать одеждою, украшеньями,

Манъ—человѣкъ.

Къ югз. и югв. отъ Москвы:

а) Вялый, хилый, отъ

Ракгъ (537)—вянуть, изнывать:

Ракъ-манъ—вянущій, изнывающій человвкъ;

б) Смирный, скучный, молчаливый, отъ

Рагагѐ (533)—быть скрытнымъ, молчаливымъ:

Рагъ-манъ—молчаливый, смирный человѣкъ.

Русь-славянскіе составители хронографовъ, вмѣсто стоящаго въ греческомъ текстѣ *Βραχμᾶνες* — брахманы, употребляли его народную форму „рахманы". Хотя эти слова родственны, но они означаютъ два различныхъ устава вѣдійской религіи:

Брагманъ (467) есть совершающій богослуженіе жрецъ, *браминъ* (482)—странникъ, синонимъ каліки перехожей; а рахманъ отъ

Рага (536) *рагъ*—отшельничество; пустыня, уединеніе,

Манъ—человѣкъ.

Рагъ-манъ, рах-манъ—пустынникъ, отшельникъ.

Описанья совершенно соотвѣтствуютъ послѣднему значенью слова, „проповѣмъ ти рахманское житье..... Ты же, аще хощеши наша смыслити, шедъ во Инды, въ *пустыни* живи нагъ.... Ядять же, еже ся случаеть, младичия дубоввая и зѣлия дивия, елико отъ земля само растеть и воды пиють, въ дрязгахъ живуще и на листвиихъ почивающе.... Влъны же не ткуть, ни лна; овчины же, добре уменше о лядвияхъ обложатся точию.....“ „Въ лѣсахъ дѣлаютъ себѣ одежду изъ скотской кожи, изъ древесной коры; нужно скручивать волоса въ снопъ, носить длинную бороду и держать тѣло и члены, изсушенные дыханіемъ вѣтра и солнечнымъ зноемъ, въ грязи и пыли“ [1]).

Этой формы слова народный языкъ не занялъ у книжниковъ; она, какъ и слово „каліка“, издревле присуща ему въ значеньи вѣдійскаго устава, о которомъ безсознательная память сохранилась въ пословицѣ:

Постімо якъ Рахманы [2]).

(*Іяка* (520), *якъ* — который, какой; отсюда нарѣчіе: украинск. *якъ*, церковнослав. *яко*.)

---

[1]) А. Поповъ, Обзоръ хронографовъ, I стр. 31—35. — Le Ramayana, tr p. Fauche, I p. 137.

[2]) Номіс, Украинські Приказки, № 128.

Съ самой первобытной эпохи Русь-славяне были знакомы съ плаваньемъ по водамъ и необходимыми для этого сооруженьями. Слова, означающія то и другое, не заняты ими ни у Грековъ, ни у Римлянъ, ни у другихъ какихъ-либо народовъ. Они происходятъ отъ первоначальныхъ корней, и самостоятельно созданы Русь-славянами.

а) *Пата* (386) есть русь-слав. *путь*, дорога, у Мизійцевъ или Булгаръ—*пунтъ*; у Грековъ *понтос* — море. Въ сочетаньи съ

Щінна отъ *щідъ* (255) — прорѣзать, образуется наше слово *путщінна*, *пучіна*—прорѣзаемый путь, море: „Носимымъ намъ въ Адріатской *пучинѣ*" (Дѣяп. 27: 27).

Такое значенье *моря*, какъ *водянаго пути* [1]), удобнѣйшаго для переселенья, подкрѣпляетъ своимъ мнѣньемъ и Тацитъ: „Древле тѣ, которые искали перемѣны пребыванья, пріѣзжали не сушею, но флотами". [2])

Малорус. *хвіля*—волна, происходитъ отъ корня

Хвелъ (200)—вздыматься и опускаться; прыгать, волноваться, съ идеей звука.

б) *Плу, плав* (456)—*плавать* тѣломъ и на суднѣ;

Плава, плавака (ів.) — барка, серб. *плав*;

Плу и приставка *та* (281)—дерево: *плу-та*, *пло-тъ*—деревянный плавательный помостъ, для переправы черезъ рѣчку на канатѣ, паромъ;

Плавайамі (456)—заливать водою, откуда наше областное реченье *плавъ*—мѣсто, залитое водою подъ дерномъ, трясина; *плавня* — камышовая, тростниковая заросль, залитая водою.

---

[1]) Зарницы Руси, стр. 31.

[2]) Germania, c. II.

в) *Карапъ*, карабль, отъ

Кара (141)—рука,

Апъ (30) —вода: *кар-апъ*. Это указываетъ на самую древнюю форму плавательнаго сооруженія, двигающагося лишь при участіи рукъ, посредствомъ веселъ; у Константина Багрянороднаго *ρουσικα καραβια* — русскій карапь. Нынѣшній именит. пад., корабль, произведенъ отъ косвен: карапь, карабля, караблю....

Какъ на синемъ морѣ
Три карабли плыли:
Какъ первый корабль
Съ дорогими таварами.... [1])

г) *Паръ*, (423) —перевозить; *пара́мъ* (ів.), *паро́мъ*—на другой берегъ. Нашъ паромъ есть плотъ или двѣ лодки съ помостомъ, для переправы *на другой берегъ*; *паромить*—перевозить на другой берегъ.

д) *Судно*, отъ

Суда (718)—вода

Ну (378)—ходить, плавать; или *наў* (380)—корабль:

Судъ-но́—водоходъ.

е) Въ договорѣ Игоря съ Греками встрѣчается выраженіе: *греческая кубара* или *кувара*. Значеніе этого слова объясняется слѣдующими:

аа) *Ку̂вара* (179)—румпель, рулевое правило;

бб) *Ку̂па* (178)—мачта,

Ра (120)—итти, плавать, двигаться: *ку̂пара*—мачтовое плаванье;

вв) *Купа̂ра* (178) — море.

---

[1]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, свадеб. Тул. г., стр. 442.

По идеѣ этихъ словъ и средству звуковъ *п* и *б*, образовалось

Купара, *кубара* или *кувара* — морское мачтовое и съ рулемъ судно.

ж) *Насадъ; наў-садасъ* корабль-дружина [1]).

з) *Ладья*:

Лаiй (351)—ходить

Дѣнаа (348)— рѣка:

Ла-денаа, *ла-дъньа*, во второмъ словѣ *н* выкинуто для удобства произношенья, и образовалось: *ла-дьа* — рѣкоходъ, сооруженье для плаванья по рѣкѣ: *ла́-дь-ка*, *ло́-дь-ка* — приставка означаетъ всякій подвижной предметъ: подвижпое сооруженье для плаванья по рѣкѣ.

и) *Баркасъ* и *баржа* — большія сооруженія, движимыя веслами; общій ихъ корень:

Ба́ръ или *ва́ръ* (577) вода;

Касъ (152) — ходить,

Жа (256) рожденный отъ:

Баръ-касъ — водоходъ,

Баръ-жа — рожденный отъ воды.

і) *Челнокъ*:

Чеѵъ, *чалъ* (251, 241) — двигаться взадъ и впередъ, сновать,

Ну (378); *нӧ*, *нӧка*, *наўка* (380)—судно; корабль:

Челъ-нӧ, *чёлъ-нъ*; *челъ-нӧка*, *челъ-нокъ*—снующее; безпрестанно подвижное судно.

к) *Стругъ*, встарину и по Западной Двинѣ, рѣчное судно; его значенье по корнямъ:

---

[1]) Зарницы Руси, стр. 40.

Стрх (735)—ходить

Га (747)—вода:

Стрх-га, стругъ—водоходъ.

л) *Камья*, псков. губ., сиб. — лодка долбушка, употребляемая, при достаточной величинѣ, также для устройства парома: Значенье этого слова въ корняхъ:

Ка (132, 141)—вода,

Майе (192)—ходить: водоходная вещь.

м) *'Басадъ* (473)—плотъ, паромъ отъ

Бусца, *Буша* (466)—вода. Вологодск. г. *Буса*—большая долбленная лодка, отъ *Бусца*-вода и *Ай* (45) — ходить, двигаться: *Буса-ай*, *буса*—водоходный предметъ. *Буша*—вода, въ арх. губ. *Буча*—вешня вода, по вскрытіи рѣкъ.

н) *Падâра* (387) — судно; у насъ *байдара* — рѣчное судно, бывшее въ употребленіи на Днѣпрѣ и по его притокамъ. На Волгѣ и Дону—*будара*.

о) *Киржим*, по Каспію и р. Куру,—лодка:

Кірца (181)—вода,

Жімъ (268)—питаться:

Кірц-жімъ, *кір-жімъ*—питающаяся отъ воды.

п) Древній, простѣйшей формы якорь назывался у насъ *котва*, что значитъ:

Кâта (153)—камень,

Ва (559)—вода:

Кâта-ва, *кôтъ-ва* — камень въ водѣ. Такой именно продырявленный камень, служившій якоремъ, называется у Гомера εὐνή. — *Якарь*, по корнямъ, выражаетъ болѣе общую идею, не означая задерживающаго предмета:

Iйâ (524)—стоять,

Кâра (157),—привязь, прицѣпленіе:

Я-пара, *я-каръ* — привязь для стоянья, задерживающее прицѣпленье.

р) *Парусъ*—сложное слово; вторая, основная часть его *съ* есть *са* (667)—вѣтеръ; а первая, какъ эпитетъ, выражаетъ общую идею нѣсколькихъ созвучныхъ словъ:

Пâръ (423)—наполнять, надувать;

а) *Пâ* (403)—покровительствовать,

б) *Ру* (542)—итти:

Пâ-ру — покровительствующій спутникъ;

Пара (388)—задній.

По этимъ значеньямъ характеристическихъ признаковъ, *пару-са*, *пару-съ* значитъ: покровительственное попутное вмѣстилище вѣтра.

с) *Базанитъ*—юлить весломъ съ кормы лодки, вправо и влѣво, подвигаясь этимъ впередъ. На Волгѣ, *базанная*—коренная снасть, толстая веревка, натянутая отъ вершины мачты къ носу, для держанья мачьты спереди. Корень словъ:

Басадъ, *базадъ* (473)—плотъ.

т) *Учанъ* и *мишанъ* — старинныя названія рѣчныхъ плавательныхъ сооруженій; происходятъ отъ корней:

аа) *Уччъ*, *ущъ* (95) переплывать на другую сторону; плыть далѣе,

прист. *Анъ* (19)—движенье: *Уч-анъ*.

бб) *Мî* (507)—плавать, переплывать, проходить,

Прист. *шанъ* (666)—движенье: *Мî-шанъ*.

ф) Въ соборн. посланіи Іакова по древнимъ спискамъ: „Се корабли обращаются отъ мала *кръмила*“, въ другихъ: „маломъ *кръмиломъ*, *крменомъ*“ [1]). Корни:

[1]) Срезневскій, въ Зап. Ак. Наукъ, т. 28, к. I, LXXVII.

Кръ, каръ, карамі (179)—искусно управлять;

Кара (141)—рука;

аа) *Малъ* (494)—держать,

бб) *Манта* (491) — орудіе, которымъ ворочаютъ, мѣшаютъ, во́ротъ; шестъ:

Кръ-малъ, кръ-мило—правило-держка,

Кара-малъ, къръ-мило—руко-держка,

Кара-манта, къръ-менъ—руко-воротъ.

Вся приведенная нами русь-славянская термонологія плавательнаго искусства ясно свидѣтельствуетъ, что этотъ народъ вовсе не нуждался въ руководительствѣ Грековъ для проложенія себѣ путей по водамъ, проводникамъ ихъ колонизаціоннаго движенья въ Европу и разселенья по ней. Италійцы заняли у Грековъ свои слова: gubernare, управлять рулемъ, отъ *κυβερνᾶν*; anchora, якорь отъ *ἄγκυρα*; prora, носъ корабля, отъ *πρῶρα* и проч. Ничего подобнаго мы не видимъ у Русь-славянъ. Послѣ этого, пусть сами читатели оцѣниваютъ подходчивыя рѣчи Шлецера, который, при помощи ученой нѣмецкой дыбы, хотѣлъ выпытать у русскаго лѣтописца — разрѣшить недоумѣніе: какъ это „Руссы заняли у Грековъ тѣ мореходныя названія, которыми *такъ богатъ норманскій языкъ*". ?

Тарабанить, тарбанить — олонецкія слова: тащить, волочить, причаливать. Тарбанить лодку, плотъ, дрова.

а) *Тара* (286) — все, что́ можно тащить;

Бандъ (460)—привязывать, прикрѣплять: *тарабанить*—привязью тащить вещь.

б) Наше слово *тара*—оберточный, увязочный, укладоч-

ный матеріалъ *для товаровъ*, объясняется словомъ *Тара* (286)—перевозка, переволочка; перетаскиваемая вещь.

в) *Тарадъ*, *тарі* (286) — плотъ, ладья; отсюда понятно лѣтописное выраженье: „Крымцы подѣлали *тары*, да повезлись.“

г) Самое слово *таваръ*, которое, вопреки произношенью, пишутъ у насъ, по окающ. говору, *товаръ*, по своимъ составнымъ частямъ означаетъ:

Та (281)—проводъ, провозъ, перевозъ, проѣздъ,

Варъ (577)—вода:

Та-варъ—провозъ, перевозъ водою—слово, которое, съ утратою-ли сознанья о его этимологическомъ значеньи, или по присущей языку аналогіи, перешло и на предметы, передвигаемые водою для обмѣна или сбыта. Сложнымъ словомъ *таварищество* народъ увѣковѣчилъ память о первоначальномъ способѣ передвиженья таваровъ:

Та—провозъ, перевозъ,

Варі (578)—вода,

Са (667), *съ*,

Чі (244)—соединяться, собираться,

Сатва (647), *сътва*—всякій предметъ, имущество, что́ теперь называется таваромъ:

Та-варі-съ-чі-ства, рус. *та-варі-щі-ство*, малорус. *таварі-съ-ць-тво*: водяная перевозка дружиною имущества, или перевозка водяною дружиною предметовъ. Такъ какъ она не рѣдко должна была переволакивать товары и по сушѣ, изъ рѣки въ рѣку; то, по аналогіи языка, слово „таварищество“ примѣнилось и къ сухопутнымъ дружинамъ, перевозившимъ тавары. — На что́ намъ лучшаго свидѣтельства, чѣмъ эти

слова, о томъ, что Русь-славяне искони были народомъ, который умѣлъ перевозить употребляемые предметы по воднымъ путямъ, рѣчнымъ и морскимъ, связывавшимъ отдаленный *Нагараўда*, *Ноўгарадъ*, съ черноморскимъ побережьемъ, при перепутьѣ у Кіева. Сѣверъ и югъ Руси были нѣкогда въ постоянномъ водяномъ сообщеніи между собою. Важнѣйшіе перевалы: отъ Ладоги къ Кіеву, отъ верхней Двины и верхняго Днѣпра къ верхней Окѣ и Волгѣ, отъ средней Оки къ верхнему Дону—это такіе пути, которыми чтобъ не воспользоваться, нужно-бъ быть Русь-славянамъ не нарами, а Мордвою либо Мещерою.

Такое же значенье имѣютъ и составныя части синонима:

Тара [286]—перевозка, провозъ, перегонъ;
Гô [Gô 223]—вода:

Тáра-го, Торъ-гъ — провозъ водою. Единицами товарищества были: а] *Таргавецъ*: *Віцъ* [603] — человѣкъ вообще; *таръ-го-віцъ, таръ-га-вéцъ*— перевозящій водою человѣкъ; б] *Та-варі-съ-чі, Та-варі-щъ*—водянаго провоза дружинникъ.

Но *Гô* есть также гомонимъ, означающій быка и корову, равно и покрытую волосомъ шкуру: *Тáра-гô, тóръ-гъ*—перевозка шкуръ, перегонъ, прогонъ скота;

Гавайа [214]—особая порода скота: *Тара-гавайа*, откуда нашъ глаголъ *таръ-гава-ть* — переводить, перегонять скотъ.

Гáвала [214], *гóвъля*—особая парода крупнаго скота; *таръ-говъля*—переводъ, перегонъ скота.

Уже на первыхъ страницахъ исторіи бытія человѣческаго рода отмѣчены были двѣ противоположности: съ одной

стороны, человѣкъ осѣдлый, земледѣлецъ, противный историку-пастуху; съ другой—кочевникъ, пастухъ. Одному нуженъ былъ скотъ, другому—хлѣбъ: обмѣнъ естественно долженъ былъ возникнуть. У одного—таваръ, прикрѣпленный къ землѣ, который нужно было снимать и перевозить; у другаго таваръ самодвижный, который стоило только перегонять. По этому скотъ, по легкости перемѣщенія, сдѣлался, съ древнѣйшей эпохи, мѣновою единицею, къ которой приравнивался сперва главнѣйшій обмѣниваемый предметъ—хлѣбъ, а потомъ и прочіе потребляемые предметы. Далѣе, когда узнали вещи, которыя, по цѣнности, легкости и малому объему, оказались болѣе надежными и пригодными, чѣмъ скотъ, къ передвиженью, переноскѣ и прятанью, каковы металлы; то послѣдніе стали, въ мѣновыхъ операціяхъ, нести службу скота, для чего запечатлѣвались клеймомъ, вѣроятно изображавшимъ быка [aes signatum], и потому самому носившіе названіе первоначальной мѣновой единицы: по крайней мѣрѣ у насъ деньги древле назывались *скотомъ*, какъ у Римлянъ—pecunia.

Многія изъ тѣхъ плавательныхъ сооруженій, наименованія которыхъ мы привели выше, были конечно приспособлены для перевозки громоздкихъ товаровъ, какокы хлѣбъ, мѣха, шкуры, медъ и проч. Проводниками по водамъ были, съ незапамятныхъ временъ, приднѣпровскія и придонскія русьславянскія дружины, предки казаковъ, доставлявшія опытныхъ моряковъ на „Русскомъ" морѣ для флотиліи Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава. Товары нѣкогда отправлялись въ Аѳины, Царьградъ; а обратно были привозимы бархаты, парчи и всякія ортмы, которыя испоконъ вѣку тянулись въ Кіевъ и Новгородъ, знаменитымъ Варяжскимъ путемъ, и далѣе къ

прибалтійскимъ Славянамъ. Нѣтъ, не пустынною и безлюдною *дарогою* поплылъ Днѣпромъ, по древнему преданью, изъ Херсонеса въ Римъ, св. апостолъ Андрей!

На южномъ побережьи Варяжскаго моря жило славянское племя, одно имя котораго само по себѣ есть историческій памятникъ. Вообще южное побережье Балтики было почти неизвѣстно Римлянамъ въ Тацитово время, т. е. въ концѣ I и началѣ II вѣка нашей эры. Море это представлялось римскому историку океаномъ, на берегу котораго жили между прочими *Венеды*: „не знаю, говоритъ онъ, долженъ-ли я считать ихъ Германцами или Сарматами [1])?“ Подъ Сарматами въ то время, какъ прежде подъ Скиѳами, обыкновенно разумѣли кочевниковъ, разсыпанныхъ будто бы на всемъ пространствѣ восточной Европы; но, по Тациту же, Венеды были осѣдлыми, потому что жили въ домахъ. Вообще историкъ зналъ о нихъ только по слуху, и въ начертаніи ихъ имени букву *т* замѣнилъ родственною *д*: Venedi. Имя это, какъ едва-ли не всѣ древнія, первоначально было нарицательнымъ, выражавшимъ отличительный признакъ племени отъ другихъ родственныхъ славянскихъ племенъ,—признакъ, который указывалъ на спеціальное занятіе, вызванное приморскимъ положеніемъ въ связи съ примыкавшимъ къ нему рѣчнымъ путемъ. Это именно

Вінѣта (594), *Вінѣтъ*—торговецъ, негоціантъ, — имя, отозвавшееся и на сѣверномъ концѣ Адріатическаго моря, въ *Венетіи*, первоначальными поселенцами которой были Славяне. Важнѣйшею, если не исключительною, отраслію отвоза изъ страны Винетовъ, и единственно воднымъ путемъ, былъ *янтарь*.

---

[1]) Germ., XLVI.

Йа̂на (525), *янъ* — перевозъ,

Тарі (286)—судно:

Яна-тарі, *янъ-таръ*—судовой перевозъ или грузъ. Съ этимъ словомъ окончательно слилось и самое названіе дорого цѣнившагося товара, вѣроятно

Антаріюха (28), что значитъ „прозрачный предметъ“. Такимъ образомъ слова эти, ставши гомонимомъ, обратились въ безразличное названіе и предмета, груза, и самаго способа его перевозки. Обѣ идеи этого слова совмѣстились въ названіи знаменитаго по нашимъ былинамъ кмня *Слатырь*, *Алатырь*:

ôла, *Аўла* (130)—водный,

Таара (290) *тырь*—провозъ; путь; прозрачный, ясный предметъ:

ôла-таара, *ола-тырь*—водный провозъ; водяной прозрачный (камень).

Самое значенье имени Винетовъ ставило это племя, въ культурномъ отношеніи, выше окружавшаго населенія: Торговыя сношенія варяжскимъ и волжскимъ путемъ съ другими народами не могло не подѣйствовать, съ древнѣйшихъ временъ, на развитіе муниципальной жизни среди Винетовъ, у которыхъ были цвѣтущіе города еще въ среднія вѣка.

Въ словахъ: *тôргъ*, *таргавать*, *таргôвля*, тавары, таварищество, какъ и во многихъ другихъ, о которыхъ, при случаяхъ, намъ придется упомннать, норманская школа русской исторіи думала найти доказательства мнимой просвѣтильной дѣятельности, которую выходцы изъ Скандинавіи будто бы внесли въ среду русь-славянскаго народа.

При словѣ *тара*, кстати припомнить южно-русское: *тарабанъ* и его синонимъ сѣверно-рус. *барабанъ*:

а) *Тара* (286) — дорога,

Банъ (459, 561)—удареньемъ гремѣть, звучать: *тарабанъ*—дорожное гремящее орудіе.

б) *Бара* (461, 565, 577)—призывъ; войско,

Банъ, въ объясненномъ значеньи:

Барабанъ—призывное, военное гремящее орудіе.

Наше слово *собака* происходитъ отъ

а) *Савака* (646) — щенокъ: она сдѣлалась домашнимъ животнымъ посредствомъ вскормленія человѣковъ щенковъ.

б) Самка собаки—*сука*, отъ

Сӯ (725)—рождающая, мать,

Ка — блудливая бродячая [приставка эта, какъ мы неоднократно замѣчали, означаетъ всякій подвижной предметъ]. Отсюда, въ переносномъ смыслѣ, бранное прозвище слоняющейся женщины.

Добрынюшки-то матушка говаривала...
Сука блядь Маринка-та Кайдальевна:
Она много нунь казнила да князей князевичевъ,
А безъ счету тутъ народушку да черняди....
Говоритъ Маринка да Кайдальевна:
„Ахъ ты душечка Добрыня сынъ Никитиничъ!
Сдѣлаемъ Добрынюшка со мною любовь!“ [1])

Бāла (464) — молодая женщина,

йатъ (524)—причастн. форма корня *йā*—требовать, навязываться, приставать:

Бāла-йатъ, бль-ять — молодая навязчивая женщина. Кстати здѣсь замѣтить, что стыдливый женскій удъ называется

---

[1]) Онежс. былины, стр. 25.

по-санскритски *Жарту* (262), откуда малорус. глаголъ *жарто-вати*—неприлично затрогивать: „Ой мати, мати, козакъ у хаті, пустуе, *жартуе, не дае спати*". [1])

Савайамі, сабаійамі — подражать собакѣ: костр. *собачить*, вятск. *собачиться*—бранить, поносить кого; браниться съ кѣмъ.

г) *'Басца, 'баша* (473) есть наше *пёсъ*, такъ какъ эта начальная санскр. буква способна переходить, въ другихъ арійск. язык., въ *п*, *ф*. —

'Басці—пьсиха. Кор.

'Басцъ, башъ—лаять, брехать; визжать.

Сербскія слова: а) *куче* — щенокъ, *кучак*, — песъ, отъ *кучъ* (167)—визжать, лаять; б) *куца*—сука, отъ *куца* (167) соски, титьки. Вѣроятнѣе однакожъ, что *куца* есть женск. родъ слова *кучакъ*, происходя отъ того же корня *Кучъ* и совпадая съ значеньемъ санскр. *куца* Отъ корня же „Кучъ", съ обращеньемъ *к* и *ч* въ *ц*, происходитъ областное юж. *цуцка*—щеня, собака.

д) *Скавучати, скавытать*—визжать щенкомъ и вообще по собачьи, отъ

Скâва (645)—щенокъ, *скаваійамі*—скавучать.

е) *Гавкать*, малорус., — лаять, брехать; дѣтское *гавка* собака, отъ

Гавê (759) — вызывать, призывать, требовать; враждовать: „Собака гавкаетъ на дворѣ", значитъ: вызываетъ хазяина.

ж) *Канючить*, вологд., плакаться, визжать, отъ

Кань, каньамі (136)—кричать, пищать, визжать. *Канья* — малютка крошка.

з) *Лâкъ, лакаійами* (548)—вкушать, хлебать; у насъ

---

[1]) Закревскій, Старосв. Банд. стр. 89.

лбкать: локни разокъ— хлебни; говорится однакожъ преимущественно о питьѣ собаки.

и] *Ла*, *ла́-амі* [550]—*лаять*. Отсюда, въ арханг. губ., *лайка*—сабака. Собачья шкура мягкой выдѣлки называется у насъ *лайкою*.

і] Канура, помѣщеніе для сабакъ, у насъ называется *закута*, отъ

Закута [256]—сабака.

Кошка — извѣстное домашнее житотное; смыслъ объясняется корнями:

Кашь [151]—доискиваться, шарить; умерщвлять;

Аку [68]—мышь; крыса:

Кашь-аку, *кошь-ка* — искательница, истребительница, убійца мышей, крысъ.

Свэра (747)—вольный, независимый, необузданный; отсюда наше слово *звѣрь*, въ противуположность укрощенному, домашнему животному.

Медвѣдь. Арійцы русь-славянской отрасли дали ему названье по признаку, слишкомъ замѣтному. Медвѣдь — любитель, знатокъ меда:

Маду (488. 502)—медъ,

Вѣда (617)—знающій;

Ма́ду-вѣда, *ме́дь-вѣдь*—знатокъ меда.

Другая примѣта въ этомъ звѣрѣ, кидкая въ глаза—продолжительный зимній сонъ. Это выражено корнями;

Вê, вiйê (616, 629)—укрывать; одѣвать,

Вêра (618)—тѣло,

Цаййа (638)—спящiй:

Вê-вêра-цаййа, вѣ-вѣрi-ца — одѣтое спящее тѣло. Таково значенье древняго русскаго слова, означавшаго донынѣ неизвѣстнаго звѣря; между тѣмъ какъ это—медвѣдь.

Въ лѣтописи подъ 6367 (859) г. написано: „Козари имаху дань.... по *бѣлѣй вѣверицѣ* отъ дыма.“ Тутъ вѣверица есть глосса къ древнему слову *бѣля*, санскритскому *'Балла* (472) — медвѣдь. Древнiе взиматели дани называли ее *'бáла бѣла*, а Козары—вѣверица. Пожалуй, намъ могутъ возразить, что по сербски такъ называется векша или бѣлка; но мы, въ свою очередь, замѣтимъ, что этотъ самый звѣрекъ въ областномъ псковскомъ нарѣчiи называется *урма* или *урманъ*, чтó въ другихъ областныхъ нарѣчiяхъ, какъ увидимъ ниже, означаетъ медвѣдя. Намъ кажется, что вся эта разноголосица произошла вслѣдствiе утраченнаго сознанiя о значенiи первоначальнаго слова *'балла*. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы приходимъ къ тому заключенью, что русь-славянскiй языкъ уже въ очень отдаленную эпоху распадался на нарѣчiя.

Повидомому и латинское слово ursus произошло отъ синонимическихъ корней, выражающихъ ту же примѣту медвѣдя:

Урнъу (119)—укрывать, откуда

Урнъа—мѣхъ,

Цаййа—спящiй:

Урн-цаййа, ur-sus—мѣховой, укрытый сонливецъ.

Областное тобольское *урманъ* — медвѣдь, объясняется корнями того же значенья:

Урну —
Манда [491] — заснувшій; неповоротливый:
Урнъ-манда, *ур-манъ* — укрытый сонливецъ.

Въ сѣверной и восточной Руси, сѣрмяга, верхняя крестьянская одежда въ видѣ кафтана, армяка, домотканина изъ козьей либо верблюжьей шерсти, называется *Азямъ*. Въ этомъ словѣ сохранилось два санскритскихъ названія животныхъ:

Аза (11)—коза,
Маййа [492]—верблюдъ:
Аза-маййа, *Азя-мъ*.

Не *слонъ* въ чистомъ полѣ слóнится,
Не сырой дубъ въ полѣ шатается —
Слонится-шатается добрый молодецъ... [1])

Мы обращаемъ особенное вниманіе на эти стихи былины, потому что народъ обыкновенно беретъ въ своемъ творчествѣ сравненія изъ обиходной, вполнѣ знакомой ему жизни, со всею ея будничною обстановкою; а тутъ въ сравненіе взятъ слонъ, совершенно чуждый Европѣ, и гдѣ же? въ одномъ изъ селъ Нижегородской губ.! Очевидно, что оно зажилось въ народѣ по старой памяти такъ-же, какъ и упоминанія въ его пѣсняхъ о виноградѣ. Это четія о его древнѣйшей прародинѣ; самый этимологическій составъ слова теперь совершенно чуждъ народному сознанію, а между тѣмъ оно образовалось по примѣтѣ, которая совершенно отсутствуетъ въ европейскомъ отечествѣ русь-славянскаго народа. Слово это составлено изъ:

Сâлі [644]—рисъ вообще,

---

[1]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. 2, стр. 19, пѣсня о Добрынѣ.

Сíла [648]—колосъ, верхушка на стеблѣ хлѣбнаго растенія,

Анъ, анна [19, 29] — жить, питаться; хлѣбная пища:

Сâлі-анъ или *сíла-анъ, сълъ-ôнъ*, слонъ — питающійся рисомъ, хлѣбными колосьями.

Санскритское названіе слона есть *Ванаджа* [563] — рожденный въ лѣсахъ; а греческое *ἐλέφας* образовалось, по нашему мнѣнію, изъ словъ:

Аала [80]—громадный,

Пасу [403]—животное:

Аала-пасу, еле-фас — громадное животное.

Итакъ, въ санскритскомъ понятіи слона преобладающею примѣтою оказывается его лѣсное мѣстопребываніе, въ греческомъ — его необыкновенная величина, а въ русь-славянскомъ — истребленіе имъ рисовыхъ и вообще хлѣбныхъ полей. Отсюда ясно, что русь-славянскіе предки уже въ своей азіатской прародинѣ были земледѣльцами, и смотрѣли на слона, какъ вредное животное, истребляющее плоды ихъ полевыхъ работъ. У Нѣмцевъ названіе этого животнаго есть греческое или латинское, elephant, а это показываетъ, что предки ихъ не составили себѣ понятія о немъ изъ собственнаго непосредственнаго наблюденія.

Шимкевичъ, въ своемъ Корнесловѣ, произвелъ слово *слонъ* отъ глагола *слонить* въ значеньи *прислоняться* къ дереву, какъ это животное дѣлаетъ будто бы во время сна; но сопоставка въ былинѣ глаголовъ: *слонится-шатается* указываетъ на ихъ синонимическое отношеніе въ смыслѣ движенія, а не соннаго покоя. И дѣйствительно, корень

Саль, салê [640] означаетъ шататься, двигаться,

Салê, сьло-ниться — шататься.

Неестественное сравненіе движеній слона и дуба, да притомъ въ чистомъ полѣ, заставляетъ предполагать, что подъ первымъ словомъ разумѣлось, при сравненіи, нѣчто другое, о чемъ въ народѣ утратилось сознаніе, и что въ гомонимѣ окончатально восторжествовало то значеніе, какое теперь имѣетъ слово слонъ, а другое его значеніе уже до отцовскихъ памятей совершенно позабыто. Исчезнувшій гомонимъ былъ составленъ изъ древнихъ словъ:

Сіла 648) — колосъ, вѣнчающій стебель хлѣбныхъ растеній,

На (351)—рѣдко засѣянный, рѣдкій:

Сіла́-на, *сло́-нъ*—рѣдкій колосъ.

Такимъ образомъ реченіе *слонъ* было гомонимомъ, съ двоякимъ значеніемъ: извѣстнаго животнаго и рѣдкихъ колосьевъ, и тогда сравненіе въ былинѣ пріобрѣтаетъ свой настоящій смыслъ:

Не рѣдкій колосъ въ чистомъ полѣ слонится,
Не сырой дубъ въ полѣ шатается....

Такой смыслъ этого двустишія подтверждается варіантомъ другой пѣсни:

Не *былинушка* въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталась безпріютная головушка,
Безпріютая головушка молодецкая [1]).

„Былинушка“ отъ *былiе* — травянистый, стеблевой, соломчатый злакъ, отъ корня

Бу, первоначально означавшаго расти, произрастать [2]).

---

[1]) Сахаровъ, Сказанія рус. народа, II, стр. 226.
[2]) Max Müller, Nouv. Leçons sur la sc. du langage, II, p. 69.

Памятникомъ употребленія въ глубокой древности слова *сіла*, въ объясненномъ нами значеніи, служитъ пословица: *сила солому ломитъ*: это—четія о плодородной странѣ, которую нѣкогда занимали наши предки, и гдѣ колосъ дѣйствительно такъ могъ наливаться, что ломилась солома. Послѣднее слово: „солома", также свидѣтельствуетъ о своемъ происхожденіи отъ

Сіла—колосъ,

Ма (483)—мать:

Сіла-ма, *съла-ма*, *сало́-ма*—мать колоса, т. е. стебель, изъ котораго раждается колосъ. — Отъ этого же слова „сіла́" происходитъ *село́*, которымъ переведено греческое *агро́с*: „Уподобися царствіе небесное человѣку сѣявшу доброе семя на *селѣ* своемъ (Матѳ. 13: 24)" т. е. на своемъ полѣ, на своей пашнѣ.

а) *Патъ*, *пате̂* (385)—рѣять, двигаться быстро и непрерывно. Отсюда:

Па́татъ (ів), рус. *пъ-така*,

Пата́са (386), рус. пъ-таша, пътіца. Но

Сербск. *пата*, *патка*, специализировано въ значенье утка.

б) Извѣстная птица *гусь*. отъ

Гусцъ, *гушъ* (232)—шипѣть и гоготать.

в) Отъ корней:

аа) *Какъ* (132) происходитъ наше *кач-атъ*—колыхать, зыбиться; отсюда арханг. *ко́ча*, что́ колышется, зыблется на водѣ—названіе маленькаго морскаго двухмачтоваго судна;

бб) *Качъ*, *кача̂мі* (133)—кричать.

Отъ сліянія значенія этихъ двухъ корней произошло малорусское *качь-ка*, утка: первая часть слова выражаетъ, что колышется на водѣ и что кричитъ, а вторая—движущійся предметъ. Санскр. *кача—(т)—ура*—лысуха, подобно уткѣ водяная птица, сократилось въ малорусское *качъ-уръ*, *качуръ* — селезень. Идея же нашего слова *утка* образовалась изъ двухъ гомонимовъ, которые въ тоже время и синонимы, выражающіе два главныхъ признака этой птицы, а именно:

а) *Уда* (99)—вода,

Ка (132)—одушевленный предметъ:

Уда-ка, *утъ-ка* — движущійся по водѣ.

б) *Утка* [96]—жадный, прожорливый: „Утинаго зоба не накормишь, судейскаго кармана не наполнишь. Утка глупа и прожорлива“.

Что не *ласточка*, не *касаточка*
Кругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается тутъ родная матушка.... [1])

аа) *Ласуна* [552]—крыло,

Татъ [282]—ширяющій, рѣющій,

Ка—движущееся:

Лас-тат-ка, *лас-тач-ка*, *лас-тъ-ка*.

бб) *Кашіка* [151]—птица вообще; *касатка*, псков. *кашанокъ*—ласточка. Онежск. *касака*—птица вообще:

Что не пташицы *ко́саки*
Въ зеленомъ саду поютъ:
Добры молодцы бурлаки
Со бесѣдушки идутъ,
Веселы пѣсни поютъ..... [2])

---

[1]) Сахаровъ, Сказанья рус. нар. II, № 76.

[2]) Максимовъ у Якушкина: Нар. Рус. пѣсни, стр. 161.

д) *Канюкъ*, у насъ родъ ястреба, а саскритское *Каньука* [154]—воронъ.

е] „Мѣтилъ въ *варону*, а попалъ въ *карову*.“ Поговорка эта основана на гомонимахъ:

Карава [142]—варона,

Карава [iв.)—карóва [1]

ж) *Тіттіра* [292], *тетеря* — птица куриной семьи: Мѣтилъ въ *тетерю*, а угодилъ въ *сукъ*.

Сука [651], *сукъ*—попугай.

з] *Лебедь*, отъ

Рêба [545]—священный пѣвецъ,

'Дг [346]—гимнъ:

Рêба-'ді, *лѣбе-дь*—священный пѣвецъ гимна. Какъ извѣстно, вся древность вѣровала, что лѣбедь поетъ очень трогательно. Слово это представляетъ примѣръ перехода звука *р* въ *л*.

Ахъ вы торы, *горы* крутыя!
Ничего вы горы не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревыхъ цвѣточковъ *василечковъ*..... [2])

Любимый народный цвѣтокъ, отъ

Васу [371]—названіе нѣкоторыхъ растеній; въ смыслѣ же прилагательнаго—душистый благовонный,

Ліе̂ отъ *Лі* (554] быть привлекаему:

Васу-ліие-ка, *васи-лё-къ* — душистый привлекательный цвѣтокъ.

---

[1]) Въ обоихъ санскр. словахъ, вмѣсто нашего *в*, стоитъ буква ड, которую Индійцы называютъ *головною* или *мозговою*.

[2]) Якушкинъ, Пѣсни № 31.

Гора—кор. *Гӯръ* [219, 221] съ усиліемъ подниматься, восходить; *гуру*—тяжелый подъемъ; высокій, длинный, широкій. „Вгору-то семеро тащатъ, а съ горы и одинъ столкнетъ; хвали горку какъ перевалишься“.

Примѣчаніе. При писаніи *Гōра*, корнемъ слова должно признать *гуръ*; но *гарà* и санскр. *гірі*, также означающее гару, вѣрнѣе производить отъ корня

Гаръ или *Гіръ* [221] — источать, изливать, такъ какъ горы считаются хранилищами воды и производителями потоковъ.

Раять [костр., нижегор., яросл.]—зычать, звучать, раздаваться гуломъ; *Рай* — зыкъ, раскатъ звука. Происходить отъ

Раййамі, крн. *Рэ* [545]—кричать, вопить;

Ра̂йяна [540]—зыкъ гулъ крикъ

Вінійа [594], *винà*— проступокь, погрѣшность, грѣхъ; отсюда и нашъ глаголъ *винить* — изобличать кого въ проступкѣ, преступленіи, грѣхѣ; *вініта*, *винный* — покорный, послушный.

Чигае як каня на дощ, или, *як каня дощу* [1]. По объясненью Номиса, *каня* значитъ у кого туча, а у кого хіджа птиця; настоящее значенье неизвѣстно. Это—простая метеорологическая примѣта, какъ видно изъ значенья словъ:

Канъа [136]—родъ мелкой мушки,

---

[1]) Номис. Укр приказки и проч. № 13,543.

Чі, чікайіа [204]—скопляться; сверкать; сновать; жалить:

Послѣ этого смыслъ понятенъ: скопомъ сверкаетъ, снуетъ, какъ мелкая мушка на дождь.

Санки.

Сану [708] — гладкая поверкность земли; дорога, путь; отсюда наше выраженье: *санный путь*—гладкая дорога.

Ка—извѣстно.

Санъ-ки—полозья для скользанья по гладкому и наклонному пути. „Будутъ сани, поѣдемъ и сами; выигрышъ и проигрышъ на однѣхъ саняхъ ѣздятъ", т. е. по одной и той же гладкой скользкой дорогѣ.

Карà—наружная твердая оболочка предмета, отъ

Кара (200)—черствый, твердый.

Скарузнуть, — рус. глаголъ, черствѣть, твердѣть трескаясь.

Первый открытый металлъ былъ употребленъ Русь-славянами на оружіе для защиты себя и для нападенья:

а) *Копьё*—древнѣйшая форма оружія, потому что названо такъ отъ

Купійа (171)—мѣдь, желѣзо и всякій металлъ, за исключеньемъ золота и серебра.

б) *Са* (631)—оружіе,

Балла (472)—желѣзное лезвіе, въ формѣ молодаго мѣсяца;

Са-балла, са-бльа — желѣзное оружіе въ формѣ молодаго мѣсяца.

в) *Ма* (483) — поясъ, опояска,

Ца (631)—оружіе:

Ма-ца, мé-цъ, ме-чь—поясное оружіе, оружіе у опояски, при поясѣ.

Эпитетомъ меча является въ нашихъ былинахъ слово *кла́денецъ*:

> Выскакиваетъ Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
> Со своего онъ да бѣла шатра:
> Не увидѣлъ онъ сабли вострыи,
> Не увидѣлъ онъ меча *кла́денца*,
> Хватилъ онъ телѣжку ордынскую... [1])

Это—сложное слово:

Кла́тъ (193)—ранить, убивать; отсюда латинск. clades;

Нáца (359),—*нецъ*—смерть; латинск. nex:

Кла́тъ-нáца, кладе-нецъ — смертельно ранящій, убивающій.

г) *Лукъ*, отъ крн. *Лукъ* (554)—*лукать*, спускать, бросать.

д) Отъ корней:

аа) *Калъ* (147)—носить, держать,

Кóлъ (206)—лукать, бросать, вонзать, — происходитъ:

Колі (206)—носило, влагалище для стрѣлъ.

У насъ значенье послѣдняго слова имѣетъ прибавку другаго:

бб) *Чанъ* (238)—разить, ранить, убивать:

Колъ-чанъ— влагалище разителей, убивателей.

---

[1]) Онежск. был. № 39, стр. 182.

Отъ присоединенья къ слову *чанъ*—

вв) *'Калга* (201) — ножъ, короткій мечъ, образовалось:

Чанъ-'калга, чінъ-галъ, старинное чингалище, чинжалище, кинжалъ,--убивающій, разящій ножъ:

А сѣлъ-то къ ему на бѣлую грудь,
А выдернулъ *ножищо* самъ *кинжалищо*....
И выдергивалъ *чингалище* булатное.... [1])

е) *Астра* (64), *óстръ, áстріё* — всякое острое метательно оружіе, стрѣла, копье.

ж) *Сала* (640)—остріе, копье,

Ца (631)—оружіе:

Сáла-ца, сулі-ца—наше старинное оружіе, метное копье: „Половьци сулици своя повьргоша" (Сл. о плк. Игор.)

Сáлійа—остріе, *шило*.

Полкъ:

а) *Пáлъ* (409)—охранять, оберегать, защищать,

Ка: *пáлъ-ка, пълъ-къ, плкъ, полкъ*—подвижная охрана, защита.

б) *Папъ* [403]—ходить,

Ка (132)—князь; движущееся:

Пълъ-къ—походный князь; походъ: „Слово о плъку" — о походѣ.

в] *Пáлі* [409]—рядъ, строй; *Ка*: *пълъ-къ, плъ-къ, пол-къ* —подвижной рядъ, строй: „Потопташа поганыя *пълкы* половецкыя".

г] Слово *пълкъ*, въ значеньи походнаго князя, не употреблялось; вмѣсто его, въ первоначальномъ смыслѣ, вошло въ оборотъ рѣчи слово *воинъ*, отъ

---

[1]) Онеж. был. стр. 231,—Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, 1860, вып. I, стр. 14.

Вайй [564]—ходить,

Іна [88]—владыка, господинъ; солнце:

Ва́йй-іна, вой-інъ—походный владыка, или идущее солнце; послѣднее, какъ эпитетъ князя.

Вайй,

На [351]—сраженіе, битва:

Вайй-на, вайна—походъ-война.

Ва́йй, во́йі—идущіе: „Игорь къ Дону *вои ведетъ*" [Сл. о плк. Иг.)

Вайй —

Ска [631]—оружіе:

Ва́йй-ска, во́й-ска—вооруженное шествіе.

д] „То было въ ти *рати* и въ ти *пълки*, а сицей *рати* не слышано" [Сл. о плк. Иг.], т. е. то было въ тѣ битвы и въ тѣ походы, а такой битвы не слышано:

Ра̂ті [539], *ратъ*—битва;

Ратійа [534] сборище колесницъ, ихъ суматоха, толкотня, *ратъ*—войско;

Ратінъ [ів.]—воинъ на колесницѣ, *ратьникъ*.

Топитъ.

а) *Топить печь* — нагрѣвать огнемъ, сожигая дрова и проч. Серб. топлити:

Тапъ [284]—тапить, нагрѣвать, жарить;

Та́па—те́пло, жара; жаркая пора;

Тапана—тапле́нье, нагрѣванье.

Пора *тапить* печь; слуги *то́пятъ* печи каждый день.

Это—цѣльное слово, общее санскриту и русскому языку. Но

б] Слѣдующій гомонимъ самостоятельно образованъ Русью изъ корней, общихъ ей съ санскритомъ:

Злые шалуны *тóпятъ* щенятъ; *тапить*, то же и сербское,—погружать, бросать въ воду, пускать на дно воднаго вмѣстилища:

Та [272], *тъ* — звукъ отъ произношенья этой буквы безъ помощи гласной, похожій на звукъ тетивы лука, падающаго въ воду камня и пр.; [278] — пузырки, кружки, образующіеся на водѣ отъ упавшаго въ нее камушка или другаго предмета;

Апъ [30]—вода:

Т.-ап-ить—производить звукъ, пузырьки, кружки на водѣ отъ паденья въ нее.

Правописанье по окающей церковно-славянской системѣ не даетъ возможности различать эти гомонимы, указываемые лишь по смыслу рѣчи.

Примѣръ, подобный предъидущему, представляетъ намъ еще глаголъ *колоть*, который имѣетъ два различныхъ значенья; а между тѣмъ, по окающему правописанью, пишется одинаково:

а) *'Кал*ъ (201) — раздѣлять на двое, щепить, щелить. Таково же значенье нашего глагола *калоть*, напримѣръ: кали дрова; а [illegible]

б) *'Кôлъ* (206)—устремлять, вонзать, паражать тычкомъ острія,—есть наше *колоть*: не проткнувъ, не проколешь; коloть мелкую скатину.

Онъ плохо *ходитъ ногами*; не *ходятъ ноги*: нужны костыли. Этотъ плеоназмъ образовался у насъ изъ двухъ синонимическихъ корней:

а) *Накгъ, накгâмі* (351) — ходить, двигаться. Отсюда произошло слово *нагâ*, какъ бы ходули, хадушки; въ санскритѣ же оно значитъ „нóгать". Глаголъ отъ этого корня у насъ утратился.

б) *Хадъ* (215)—итти; всходить. Нашъ глаголъ отъ этого корня—*хадить*.

Мы называемъ *Членомъ* часть цѣлаго, содѣйствующую его движенію, орудіе движенія, по корню

Чалъ (241)—вступать въ движеніе, двигаться, ходить; отсюда санскр. *Чалáна* (242), *чълéнъ* — ноги, а у насъ: всѣ орудія движенія тѣла—ноги, руки, пальцы; также, въ переносномъ смыслѣ, всякія части цѣлаго, способствующія его движенію, жизни, существованію: „члены совѣта", „члены корабля".

Черпать—брать сосудомъ что-либо жидкое изъ какого-либо вмѣстилища; такой сосудъ былъ первоначально естественный, именно:

Чарпата (241) — разверзтая ладонь. Черпать воду ладонью, сложенною въ горсть, — признакъ человѣческаго достоинства, какъ видно изъ исторіи Гедеона: „И бысть число въ горстехъ локавшихъ языкомъ триста мужей, и вси оставшіи людіе преклонишася на колѣна своя пити воду, (яко же лочетъ песъ). И рече къ Гедеону: *треми сты мужей спасу васъ*".

Сушъ, сушійамі [654] — *сушъ-итъ*; *суша* — сушь.

Наше *ѣ* повидимому образовалось изъ усугубленнаго санскритскаго *ê*; такъ *вѣникъ* связка прутьевъ для подметанья полу, для парки въ банѣ, происходитъ отъ *Вêну* [617] — тростникъ, кустарникъ. Но усугубленное *а* также переходитъ въ нашъ языкъ какъ *ѣ*; такъ:

Ваатръ, ваатеръ [576] — *вѣтръ, вѣтеръ*.

Такъ же точно удвоенное *і*:

Ціль [651] — итти, направляться къ чему; откуда наше слово *цѣль*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ малорусскомъ нарѣчіи ставится *і*: вітеръ, ціль.

Базанить, тврск., вологод., пермск., — кричать, горланить; выть; говорить важно, свысока. — Малорус. *базикати, базувати*; бѣлорус. *базикаць*. Глаголы эти произошли отъ корней:

ʿБазцъ, ʿбазцамі [373] — кричать, горланить: выть.

ʿБâзцъ, ʿбâзцамі [475] — говорить; повѣствовать, разсказывать.

Рачить есть санскритское

Рачъ, рачайiамі [532] — уряжать, приготовлять; усердствовать, исполнять, дѣлать, хлопотать.

Парâчъ [390] — противный; отсюда нашъ глаголъ *перéчить* — спорить, утверждать противное. *Парâчіна* [ib.] то же, что псков. *перéчина* — споръ, супротивность.

Таращить глаза—пучить, пялить ихъ, отъ

Тáра]290]—глазный зрачекъ. Но это же слово означаетъ въ санскритѣ „звѣзду". Сознаніе такого значенья его русь-славянскимъ народомъ, въ древнѣйшую эпоху, подтверждается сближеніемъ обѣихъ идей этого слова въ народномъ представленіи неба: ,,Небо — *теремъ* божій, *звѣзды* — *óкна* откуда ангелы *смотрятъ*". Это вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняетъ намъ и этимологическое происхожденіе и значеніе самаго слова „теремъ": великолѣпное человѣческое жилище съ окнами сравнено съ небесною твердію, черезъ круглыя отверстія которой свѣтятся, сверкаютъ *очи* небожителей:

Акха (6), *óка*—всякій шаровидный вращающійся предметъ: отсюда *акхі* (7) — глазъ, русь-слав. слово *óка*, греч. *ὄκκος*;

На (351)—просвѣтный, проглядный:

Акха-нá, *акъ-нó*—глазъ проглядывающій, проглядъ, отверстіе для глаза. Синонимъ „акнá" есть:

Тара—зрачекъ глазный,

Ма (483)—свѣтъ:

Тáра-ма, тéрь-мъ, тéремъ—глазъ просвѣтный, проглявающій, глазный свѣтъ.

Но такъ какъ *тара* есть гомонимъ; то на игрѣ его значеньями и развито приведенное выше народное представленіе небесной тверди, *терема*, части котораго тара—óка, темъ—óкна: проглядъ, звѣзды.

Въ народномъ творчествѣ нашемъ, эпитетомъ ,,терема" является слово ,,высокъ". Его первоначальное, конкретное значенье таково:

Ва (559)—жилище,

Іса (92)—владыка, господинъ,

Ка (132) — солнце, свѣтъ; князь; богатый;

Ва-іса́-ка, *въ-ісо́-къ*, *выіс́окъ* — жилище владыки-свѣта; жилище князя-солнца; жилище владыки богатаго. „Высокъ теремъ" значитъ по этому „жилище князя-солнца или владыки-свѣта, съ глазными просвѣтами". Это показываетъ, что жилища съ окнами, возвышающіяся слѣдовательно надъ уровнемъ земли, для пропуска свѣта, были у русь-славянскаго народа, въ древнѣйшую эпоху, достояніемъ только князей, знатныхъ и богатыхъ людей.

Посылала ее матушка
Во *высокъ теремъ* бояръ смотрѣть:
Выбирай себѣ, дитятко,
Изъ князей себѣ княжича,
Изъ бояръ себѣ боярина,
Изъ ратныхъ ратнаго.... [1])

Первоначальное конкретное значенье эпитета „высокъ" перешло потомъ въ отвлеченное понятіе, означающее все то, что подымается надъ обычнымъ уровнемъ людей, вещей и обстоятельствъ.

Итакъ, „высокъ теремъ" — знатнаго человѣка жилище, въ стѣнахъ котораго отверстія подобны глазнымъ зрачкамъ, испускающимъ свѣтъ и пропускающимъ его врутрь дома, который отъ того дѣлается подобнымъ свѣтлому небу, такъ что „на небѣ солнце—и въ терему солнце, на небѣ мѣсяцъ —и въ терему мѣсяцъ, на небѣ звѣзды—и въ терему звѣзды и вся красота поднебесная". *Теремъ*, въ общемъ значеніи *свѣтлаго* жилища, мы можемъ, слѣдуя терминологіи Константина Багрянороднаго, выразившейся въ древнихъ именахъ Днѣпровскихъ пароговъ, назвать древнимъ, русскимъ словомъ, а *свѣтлица*—славянскимъ.

---

[1]) Сахаровъ, Сказ. Рус. нар. III, стр. 9.

Слово *дождь* представляетъ, въ своемъ составѣ, замѣну гортаннаго *г* родственнымъ *ж* въ санскритскомъ корнѣ

Дугда отъ *Дугъ* (327) и формы *Дôгдгі* (332) — выдоенный;

Дôга (332)—молоко,

Да (308)—дающій:

Дôга-да, *дождь*—дающій молоко;

Дугдга, *Дôгдгі*, *дождь*—выдоенное.

Чтобъ понять миѳологическій смыслъ этого слова, надо знать, что у Арійцевъ дождь представлялся небеснымъ молокомъ, облака казались дающими молоко или сосцами, а Маруты, дружина Индры—доильщиками:

„Маруты! извѣстна ваша энергія, когда схвативши сосцы неба, вы изъ нихъ выжали молоко", т. е, дождь [1]).

Отъ того же корня произошло шведское dugg и исландское dägg — *дождь*, *дощь*, *дещь*, во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Значитъ, миѳологическое воззрѣніе на это явленіе природы вынесено было поименованными европейскими Арійцами изъ ихъ азіятской прародины.

Первоначальная форма нашего слова „дождь" донынѣ удержалась въ реченіи *рай-дуга*, какъ оно произносится въ нѣкоторыхъ нашихъ областныхъ нарѣчіяхъ. Это явленіе считалось признакомъ дождя; къ нему дѣти и теперь еще обращаются съ причитаньемъ или кликаньемъ: „Райдуга дуга; принеси ты намъ дождя". Въ гимнѣ Рігъ-Вѣды: „Маруты, распространяющіе ливни и, подобно страшнымъ львамъ, одаренные неодолимою силою, *блистаютъ агнемъ* и, обременен-

---

[1]) Pauthier et Brunet, Les livres sacrés, ed. Migne, t. II, Rig-Veda, p. 138, suk. II, 10. — Aufrecht, Die Hymnen des Rv. Mand. II № 34, 10.

ные водою, разсѣеваютъ своимъ дыханіемъ блуждающія облака, спуская дождь, въ нихъ скопленный.—Снабженные сладкозвучными гуслями и разряженныя въ *багряныя украшенія*, они забавляются въ водныхъ жилищахъ". [1])

Раійі (535)—изобиліе, богатство, могущество;

Дугдга, дуга—доеніе, миѳологическое названіе дождя:

Раійі-дугдга, райдуга — изобильное доеніе, т. е. изобильный дождь.

По этому здѣсь слово *дуга* имѣетъ значеніе, утраченное народнымъ сознаніемъ и смѣшанное, по внѣшнему виду явленія, съ *дугою* или согнутою линіей, первоначальный смыслъ которой происходитъ отъ другаго созвучнаго корня. *Дуга* у насъ значитъ: согнутое лукомъ дерево, употребляемое распоркою между оглобель. Оно приводится въ такое состояніе не иначе, какъ при посредствѣ агня. По этому корнемъ слова служитъ

Дукгъ (346), синонимъ Дагъ—приближать, приставлять къ агню. Корень этотъ созвученъ другимъ словамъ, отчего наше „дуга" получило метафорическое значенье:

Дугкга, отъ *Дугкгъ* (326)—бѣдствіе, страданіе, скорбь; *дуекгінъ* — страдающій, скорбный. Отсюда поговорки: „Согнулся *дугой* да и сталъ другой", т. е. прикинулся страдающимъ, скорбнымъ; „Барскаго слугу стало гнуть въ *дугу*": его стало угнетать бѣдствіе, страданіе.

Болванъ, балванъ.

а) Въ прямомъ значеніи: обрубокъ бревна, чурбанъ; истуканъ, идолъ, отъ:

---

[1]) Ibid, стихъ 1, 13.—

Бала (461)—образъ, зракъ; верзила, долгай;

Вана, ванінъ (363)—дерево:

Бала-вана, балъ-ванъ — деревянная образина; образъ, зракъ изъ дерева; деревянный верзила.

б) Въ переносномъ смыслѣ: грубый невѣжа, глупецъ, отъ:

Ба̂ла, (464)—невѣжа; глупецъ:

Балъ-ванъ—грубъ и глупъ, какъ истуканъ, какъ дерево.

Талагай означаетъ у насъ большаго болвана, неуча, невѣжу. Слово это образовалось изъ:

Та̂ла [291]—обдѣланное дерево,

Каййа [156]—тѣло; по природѣ похожее на что-либо. Это—корень окончанія *кій* въ нашихъ прилагательныхъ: человѣче-с-*кій*, *звѣр-с-кій*, т. е. *са-каййа*, *съ-кый*, или *съ-кый* — схожій съ звѣремъ, съ человѣкомъ; свинь-*съ-кый*

Та̂ла-каййа, тала-гай: похожій на обдѣланное изъ дерева тѣло, на болвана, на истукана.

Кгаркгара [231] — взрывъ хохота; отсюда нашъ областной глаголъ *гаргатать* — шумно смѣяться, заливаться хохотомъ.

Отвлеченныя идеи, представляющія противоположность: *добро* и *зло*, образовались въ русь-славянскомъ языкѣ изъ словъ, выражающихъ конкретныя понятія: *свѣта-теплоты* — источника жизни и *холода* — причины смерти:

a) *'Да* (315)—даръ,

'Ба (469)—свѣтъ,

Ра (530)—теплота:

Да-ба-ра́, да-бъ-ро́—даръ свѣта-теплоты: Тако да *просвѣтится свѣтъ* вашъ передъ человѣки, яко да *видятъ* ваши *добрыя* дѣла.....

Греческое *καλὰ ἔργα*—добрыя дѣла, также совмѣщаетъ идею свѣта; потому что *καλὸς*, означающее честный, добрый; хорошій, красивый, имѣетъ своимъ корнемъ *калйа* (150)—разсвѣтъ, утренняя заря.

Зала́, зъло́ (262)—холодъ; оцѣпененье; отсутствіе сердечной теплоты [1]). Злые духи, враги боговъ, носятъ въ саскритѣ имена, произведенныя отъ парицательныхъ, которыя вообще означаютъ противниковъ, пресѣкателей свѣта-теплоты. Такъ имена: Врітры, Агі, означаютъ безводныя облака, заслоняющія солнце. Самбара — пожиратель солнца или луны во время ихъ затмѣнія. „Індра, совершающій святыя дѣла и поразившій Врітру! ты возвратилъ свободу водамъ и сдѣлалъ видимымъ солнце въ небесахъ“ [2]). Въ нашей лѣтописи подъ 6573 (1065) г: „И *солнце* перемѣнися, и не бысть свѣтло, но аки *мѣсяцъ* бысть, *его же невѣгласи глаголютъ снѣдаему* сущю“. Отдаленный источникъ этого суевѣрія нашихъ предковъ въ вѣдійскихъ миѳахъ о Самбарѣ или Рâгу (540).

Въ древнѣйшемъ славянскомъ переводѣ богословія Іоанна

---

[1]) *Зала* начинается буквою, о которой мы сдѣлали примѣчаніе въ „Зарницахъ“, стр. 65. Смотря по словамъ, она въ русь-слав. языкъ переходитъ сродными, взаимно замѣняющимися въ немъ звуками: г, к, х, з, ц, ж. ч. ш.

[2]) Pauthier et Brunet, Les Livres sacrés, t. II, Rig-Veda, p. 48; Vishnou-Pour., p. 285, ed. Migne.

Дамаскіана, оба *а* въ санскритскомъ *зала* усѣченье, и слово это написано такъ: *зъль*, т. е. зъло́ [1]).

Такимъ образомъ идея борьбы добра и зла есть обстракція, отвлеченье отъ конкретнаго представленья борьбы, происходящей въ физической природѣ между свѣтомъ-теплотою и тьмою-холодомъ. Борющіяся противоположности окончательно не торжествуютъ одна надъ другою, нейтрализуясь въ средней температурѣ. Такое представленье облеклось и въ иносказательную форму, приводящую борьбу добра и зла на землѣ какъ бы въ нейтральное положенье: „Господинъ! не доброе ли сѣмя сѣялъ ты на полѣ своемъ? откуда же на немъ плевелы.... Хочешь-ли, мы пойдемъ выберемъ ихъ? Но господинъ сказалъ: нѣтъ; чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вмѣстѣ съ ними пшеницы. Оставьте расти вмѣстѣ то и другое до жатвы“.... Вѣдійская религія представляетъ злыхъ духовъ стольже могущественными, какъ и сами боги: „Маруты — побѣдители своихъ враговъ, изъятые отъ грѣха, очищающіе все, лучистые какъ солнца, *могущественные какъ злые духи*“... [2]) Въ Вішну-Puранѣ это объясняется точнѣе: „Когда Брагма былъ погруженъ въ самосозерцаніе, въ тѣло его проникло качество мраковъ, и отсюда первыми родились бѣсы [асурасъ], выйдя изъ его бедра. Потомъ изъ устъ его вышли боги, одаренные качествомъ благости. Послѣ покинутой формы бытія, насталъ день, когда господствуетъ благое качество; оттого-то *днемъ* могущественнѣе бываютъ боги, а *ночью*—бѣсы“ [3]).

---

[1]) Калайдовичъ, Іоаннъ экз. блг., стр. 22.
[2]) Rig-Veda, ibid. p. 53, s. VII, 2, ed. Migne.
[3]) Vishnou-Pourana, chap. V. Ibid. p. 236., ed. Migne.

Представленное нами разъясненіе значенія словъ „дабро́“ и „зъло́“ показываетъ, что они создались по аналогіи, составляющей законъ всякаго языка и основу всякой метафоры, которая и выразилась въ этихъ словахъ. Путемъ разбора, мы отрыли въ этой метафорѣ признаки отвлеченныхъ нравственныхъ идей. Безъ метафоры не былъ возможенъ никакой прогрессъ въ умственной жизни человѣка. Всѣ корни арійскихъ языковъ, донынѣ извѣстные, первоначально имѣли матеріальное значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ столь общее и объемистое, что легко могли примѣняться ко многимъ спеціальнымъ предметамъ: при анализахъ словъ, этого не должно упускать изъ виду.

Идеи зла и добра, образовавшіяся путемъ метафоры изъ конкретныхъ понятій, олицетворены русь-славянскою миѳологіей въ двухъ противоположныхъ божествахъ: *Чо́рнъ-богъ* и *Бѣлъ-богъ*. Слово

а) *Ка̂ла* (159) означаетъ „Яму“, бога смерти и самую „смерть“,

Іиа̂ (524)—обращаться къ кому, призывать:

Ка̂ла-іиа̂,—*Къ-лъ-я* — обращаться къ Ямѣ; призывать Яму, Смерть. Отсюда произошолъ нашъ глаголъ: *къль-я-ти*, *кля-ти*—призывать на кого зло, высказывать кому черныя, злыя пожеланія: „Не *кляни* постылаго — *приберетъ богъ* милаго“ т. е. возметъ богъ Яма.

Но *Ка̂ла* есть вмѣстѣ съ тѣмъ гомонимъ, означающій *чо́рный* цвѣтъ. Отсюда древнее русское *Ка̂ла-ʿбага* перешло въ славянское *Чо́рнъ-богъ* — богъ тьмы, зла, смерти. Здѣсь звукъ *ч* могъ образоваться изъ родственнаго *к* [подобно какъ, наприм., въ словахъ су*к*ъ — су*ч*екъ; лу*к*ъ (овощь)—

псковск. лучина]. И потому слово *чо́рнъ* состоитъ въ родствѣ съ

Ка́рана (137), *чо́ръиъ* — осужденіе, низведеніе въ адъ, въ царство смерти, *ка́рана-ʿба́га*, *чо́ръиъ-бо́гъ* — осуждающій въ адъ богъ: „Ты камень, о Яма, и никогда я не добьюсь ни твоего сердца, ни чуства“. „Умершій человѣкъ подвергается истязаніямъ судьею мертвыхъ и мукамъ новаго рожденія“. Царство Ямы, по индійской мифологіи, находится на югѣ [*ямі́йа*, 625]; тамъ „пребываніе агня и казней, куда низвергаются всѣ тѣ, которые, въ продолженіе земной жизни, совершаютъ преступныя дѣла“. Оно называется *Мукія* [2]): это одно изъ значеній русскаго гомонима *мука*, въ противоположеніи раю: „Ни въ *рай*, ни въ *муку*, ни на среднюю руку“.

Блаженное состояніе представлялось древнѣйшимъ Арійцамъ не инымъ чѣмъ, какъ состояніемъ изобилія, довольства, богатства и соединеннаго съ этимъ могущества. Въ рѣдкомъ изъ гимновъ Рігъ-Вѣды нѣтъ моленья о дарованьи этихъ благъ вмѣстѣ съ могуществомъ, торжествующимъ надъ неарійцами. По этому русь-славянское слово рай есть, по нашему мнѣнію, санскритское

Ра́йі (535) — изобиліе, довольство, богатство, могущество. Въ этомъ значеньи оно употреблено и въ одной изъ нашихъ свадебныхъ пѣсень:

Коли хочешь въ *рай*,
Передайся намъ:
Еще есть про тебя
У насъ скляница вина,
И пива яндова,
Еще кринка молока
И конецъ пирога [3]).

[1]) Grassmann, Rigv., II, № 836, 13.—Vishnou-Pourana, ed. Migne (Les Livres sacr.) p. 263.

[2]) Vishnou-Pour., p. 279, 281.

[3]) Сахаровъ, Сказанія рус. народа, III, стр. 16.

Тутъ поющіе переманиваютъ дружку въ *рай*, въ свой кружокъ изобилія и довольства.

б] *'Бáла* [474]—*свѣтъ*: Эти два синонима, въ нашемъ народномъ творчествѣ, неразлучны, такъ что первый, значеніе котораго утратилось въ народномъ сознаніи, обратился въ постоянный эпитетъ втораго *бѣлъ-свѣтъ*. Но самое слово

Бáла есть сложное:

'Бá (473)—свѣтъ,

Ла [548)—Индра, богъ свѣтлой, небесной области. По этому древнее русское *'бáла-бáга* перешло въ славянское *бѣлъ-бóгъ*—свѣтъ-Індра-богъ, свѣто-богъ—богъ жизни, счастія, добра. „Обитатели трехъ міровъ, своими священными обрядами, связуютъ Індру подъ видомъ Солнца, Агня и Вѣтра. Звѣзды, сіяющія на небѣ, суть только формы Індры. — Эти могучіе кони, холимые и лелѣемые, должны быть, о Індра, запряжены въ твою колесницу. О герой! ты каждый день показываешься вмѣстѣ съ лучами солнца, ты *даешь жизнь усыпленнымъ тварямъ, возвращаешь имъ форму, которой у нихъ уже не было*" [1]).

Чулое сердце—догадливое, отзывчатое на впечатлѣнья, отъ крн.

Чуллъ (249) — догадываться; радушничать, быть расположеннымъ къ веселости.

Журитися, малорусское, печалиться, горевать, тосковать, отъ

---

¹) Sama-Veda, ed. Migne, II, Adhyaya XIII, 11—12, p. 201.

Жу̂р, *журійе̂* [272]—печалиться, горевать.

Прагарѣть (прогорѣть), обл. тверск., значитъ: лопнуть, проиграться, обанкрутиться, отъ:

Га̂рі [752]—окончательная неудача, пораженіе въ игрѣ, торговлѣ, предпріятіи и проч.

Пара [388] — окончательный, крайній: *Пара-га̂рі*, перешло въ глагольную: *пърагарѣ-ть*.

Гордый, въ нравственномъ смыслѣ, гнушающійся низкихъ поступковъ, есть буквальное воспроизведеніе санскритскаго

Гардайінъ (756) — имѣющій благородное сердце, мужество, самоувѣренность, отъ *гардъ*—сердце; мысль.

Скучь (652) — оплакивать, печалитьтя; нашъ глаголъ *скучать*: скучаетъ по покойномъ мужѣ.

Скукъ [ib]—скорбь, кручина, *скука*.

Выбирать *любую* вещь, т. е. какую пожелаешь, желательную, отъ корня

Лубъ [555]—желать; отсюда

Лоубійа [557], *любой*—желательный, желаемый.

Въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста называется *горъкою*, отъ корня

а] *Гръ*, *гаре̂* [756]—брать, уводить,

б) *Ка̂йа* [156],—домъ, жилище;

Га̂ре̂-кайа, *горъ-кая*—отторгаемая отъ дома, уводимая изъ него:

„Благословите меня *горькую,*
Меня горькую къ суду Божьему,
Къ суду Божьему—золотому вѣнцу! [1]).

Владимiръ, по эпическимъ пѣснямъ древнихъ русскихъ баяновъ [2]), былъ миѳическимъ, идеальнымъ типомъ русскаго князя. Составители нашей первоначальной лѣтописи, слыша въ народѣ эпическiе о немъ разсказы, приписали идеальныя черты типа историческому Владимiру. На этомъ основаньи, они, напримѣръ, надѣлили его великимъ множествомъ наложницъ, и вывели изъ этого заключенье: „бѣ бо женолюбивъ якоже и Соломанъ". Между тѣмъ, по идеалу баяновъ, князь есть покровитель угнетенныхъ женщинъ; его эпитетъ бала *камана* или *ласака* [553]—сильный, благосклонный или *ласковый* [3]]—самъ по себѣ привлекалъ ихъ къ нему, а еще болѣе гомонимъ *бала Кама* (474, 135) — свѣтъ-любовь, свѣтлый богъ любви. По утратѣ народнымъ сознаньемъ значенья этихъ словъ, они обратились въ *бѣлый камень*: но и въ этой формѣ ихъ древнее значенье обнаруживается смысломъ рѣчи. Такъ, въ одной свадебной пѣсни дѣвицы поютъ невѣстѣ:

Ужъ мы не будемъ тебѣ сказывать,
Какъ жить на чужой сторонушкѣ,
Какъ упаковать улаживать
На чужаго отца съ матерью....
А коль задумаешь, мила сестра,
Крѣпку думушку подумати,
Ужъ ты выйди въ чисто поле,
Припади ты къ *бѣлу камушку*:
Бѣлый камущекъ не просудливый,
Не просудливый не насмѣшливый [4])

---

[1]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, свадеб. Тульск. г., стр. 451.

[2]) Онѣ у Русь-Славянъ были то же, что, по замѣчанью Тацита, и у Германцевъ: „единственный у нихъ родъ исторiи и лѣтописей". Germ. c. II,

[3] Зарницы Руси, стр. 32.

[4]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, стр. 489,

Выводъ нашъ, основанный на этой пѣснѣ, подкрѣпляется еще слѣдующею:

Гуляй, гуляй батюшко не долго,
Сними меня съ *камушка бѣлаго*,
Скупи меня съ *правила драгаго*.
У батюшки жалости немного:
Не снялъ меня съ камушка бѣлаго,
Не скупилъ меня съ правила драгаго..,
У Данилѣ жалости много,
У Пантелѣевича жалости много:
Онъ снялъ меня съ камышка бѣлаго.
Онъ скупилъ меня съ *правила драгаго* [1]).

Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что наши свадебные обряды и пѣсни представляютъ завѣтъ очень глубокой древности, сохраняючи вмѣстѣ съ тѣмъ и древнія слова въ ихъ почти неприкосновенной чистотѣ, хотя не всегда съ сознаньемъ ихъ смысла.

а] *Праві̂ра* (453), или, по взаимной замѣняемости *р* и *л*, *правіла*—знатный человѣкъ; витязь,

Драгка (334)—городъ вообще:

Правіла драга—княжій городъ.

б] *Правâра* [454], *правіла*—ограда, заборъ, тынъ,

Дâріка, дâрака [317], *дърагъ*—дѣвичій:

Правіла драга—заборъ, дворъ дѣвичій.

Изъ сопоставленья этихъ двухъ пѣсень видно, что бывшія въ замужествѣ молодицы, если имъ въ мужнемъ родѣ было невыносимо, убѣгали и отдавались подъ покровительство ласковаго князя — *бѣла камня*; онѣ помѣщались въ княжихъ городахъ, или, иначе, въ дѣвичьихъ оградахъ, дворахъ; отсюда онѣ *скупались* у князя, т. е. за нихъ платили вѣно, и

[1]) Сахаровъ, Сказ. Рус. нар., ч. III, свадеб. п. № 57.

онѣ опять выходили за мужъ. Женщинъ этихъ первоначальная лѣтопись называетъ наложницами князя. Она говоритъ, что у Владиміра, кромѣ водимыхъ, т. е. законныхъ женъ, было наложницъ: 300 въ Вышегородѣ, 300 въ Бѣлѣгородѣ, 200 на Берестовѣ сельцѣ: „бѣ бо женолюбецъ якоже и Соломанъ“. Такъ составители нашей первоначальной лѣтописи, сообразно своему христіанскому взгляду, истолковали это явленье. Оно однакожъ не возникало изъ княжескаго женолюбія; а было древнимъ уставомъ, допускавшимъ для женщинъ право убѣжища, когда ей жизнь въ чужомъ родѣ становилось не въ мочь, когда тамъ, быть можетъ, на самомъ дѣлѣ исполнялись слова пѣсни:

Я велю сыну во Новгородъ сходить,
Я велю ли шелковую плеть купить,
Я велю ли сыну жену свою учить,
Съ головы кожу до ногъ спускить, [1]).

Въ былинахъ, народныхъ эпопеяхъ, подъ именемъ Владиміра изображался идеальный типъ русскаго князя, оказывавшагося покровительство женщинамъ; и этотъ идеалъ былъ руководителемъ многихъ князей. Составители же первоначальной лѣтописи, принявъ идеальнаго Владиміра за историческаго, ему одному приписали то, что́, въ дохристіанскій періодъ, было общимъ обычаемъ русской жизни въ ея отношеньяхъ къ князю.

Итакъ, въ дохристіанскую эпоху Руси, у нашихъ князей были *водимыя* и *наложницы*. Изъ первоначальной лѣтописи нашей видно, что сыновья водимыхъ получали отъ отца удѣлы; а о дѣтяхъ наложницъ не сообщается никакихъ свѣ-

---

[1]) Сказ. Рус. нар., ч. II, стр. 248.

дѣній. Вѣроятно, сыновья послѣднихъ зачислялись въ дружину. Отсюда можно заключить, что видимыя были *законными женами*, дѣти которыхъ имѣли права на отцовское наслѣдіе; дѣтей же отъ наложницъ можно, въ нѣкоторомъ отношеніи, приравнять къ дѣтямъ нынѣшняго морганическаго брака, которымъ не принадлежали права первыхъ. Но во всей древней исторической письменности нѣтъ объясняненія, какимъ именно актомъ запечатлѣвалась у насъ законность брака въ дохристіанское время Руси. Что такой актъ существовалъ, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, судя по обширности правъ, присвоенныхъ сыновьямъ водимыхъ. За неимѣніемъ никакихъ свѣдѣній, намъ приходится составить себѣ понятіе о немъ по значенью слова, и отыскивать въ санскритской литературѣ типъ того брачнаго религіознаго акта, съ котораго нашъ языческій былъ бы хотя блѣдною копіей.

Прежде всего замѣтимъ, что различіе водимой и наложницы отмѣчено въ санскритѣ особыми словами: первая — *барійа*, а послѣднія *упастрі*. Корни:

а) *Бръ*, *барâмі* (467; 612) — избирать; покрывать. Отсюда:

Бара [461, 565]—избранный, избранная; женихъ, мужъ, зять; покрытіе фатою;

Бартръ (473)—мужъ, и по корню *Бръ* (479) — кормилецъ;

Барійа (474)—избранная супруга.

А положилъ-то онъ письмо да на дубовъ столъ:
„Ай прочитай-ко ты, Владимiръ князь“!
А онъ смотритъ, въ письмѣ да есть написано,

А просить-то у князя да Калинъ царь
Ай славнаго города да Кіева,
Да *абручныя* княгини да Апраксіи [1]).

Абручі, [39], *абручь* — свѣтъ, сіяніе; *Абручь*-ная княгиня значитъ здѣсь „свѣтлая княгиня“.

б] *Упа* (105)—подъ,

Стрî (785)—жена:

Упа-стрî—подъ-жена, приспѣшница ʿбарійи, наложница.

Санскритское выраженье: *Удвагâмі ʿбарійамъ* [103], совершенно соотвѣтствуетъ нашему: „водить жену“ и латинскому ducere uxorem. Глаголъ *удвагâмі* и нашъ *водитъ* происходятъ отъ одного и того же корня *Вагъ, Воʒумъ* (572): жениться и, въ значеньи религіознаго акта, какъ увидимъ ниже, *приводить* къ жертвеннику (вееді) и *водитъ* кругомъ него. Санскритское, отъ того же корня: а) *Вівôдаръ* (603) — женихъ, т. е. выводчикъ, уводчикъ изъ дома; б) *ŷльга, Вôльга* (118, 572)—„жена по законному обряду“; это — имя супруги князя Игоря. — Брачущая становилась, послѣ сказаннаго акта, *ваду* [562], синонимъ *ʿбарійа*, т. е. законною супругою, женою. Въ русь-славянскомъ языкѣ къ этому слову было прибавлено, конечно въ древнѣйшую эпоху, опредѣлит. мѣстоимѣніе *йіамъ* (45)—эта самая, и такимъ образомъ произошло слово: *Ваду-йіамъ*, обратившееся въ *вадіма, вадимая*: законная жена, та самая, съ которою былъ совершенъ торжественный религіозный актъ. Донынѣ сохранился въ народныхъ свадьбахъ обычай, по которому молодые дѣлаютъ, послѣ вѣнчанья до перваго воскресенья, только обрядныя посѣщенія; а въ этотъ день они входятъ въ церковь,

---

[1]) Онежск. былины № 57, стр. 305.

что называется *выводомъ*, котое означаетъ также и „выдачу въ замужество". Слово это произошло отъ формы

Вівідê, корня *Відъ* (589), который есть синонимъ *Вагъ*, и означаетъ „брачиться, взять кого въ мужья или жены". Этому древнему *русскому* слову придано впослѣдствіи *славянское* значенье „вывода" или отдачи дѣвушки за-мужъ *въ другое селенье*, по слову: *Вівода* (602), *выводъ* — путь, дорога. При этомъ, по гомониму *Вівадê*: отъ *Вівадâмі* корня *Вадъ* (602), дѣвушку *оспаривали*, *отбивали* у увозившаго жениха, за что онъ сопротивлявшимся, чтобъ устранить ихъ, долженъ былъ заплатить *выводныя* деньги или угощенія, — обрядъ, который у насъ мѣстами и теперь еще соблюдается, когда жениху, по выходѣ изъ церкви послѣ вѣнчанья, нарочно дѣлаютъ на пути всякія перегради и препятствія.

Обрядъ бракосочетанья, происходившій въ священной оградѣ, назывался по-санскритски *Вäду-кійа* (572), отъ *ваду* (562) — женщина и *кійâ* [206] именитая, извѣстная. Отсюда видно, что бракъ въ такой формѣ совершался только въ высшемъ классѣ народа, когда брачущіеся были ровны по происхожденію; а когда невѣта была нисшаго происхожденія, то обрядъ назывался *Веедана* [617], и состоялъ въ томъ, что при совершеніи его, невѣста держалась за край женихова плаща. Общій для народа брачный обрядъ носилъ названіе *Віді* (591); вѣроятно онъ совершался и внѣ священной ограды. Словомъ этимъ назывался и жрецъ, спеціально наблюблюдавшій за строгимъ исполненьемъ обряда. Только такою первоначачальпою строгостію въ наблюденіи за обрядностію можно объяснить себѣ то явленіе, что цѣлыя тысячелѣтія почти не измѣнили у насъ тѣхъ общихъ свадебныхъ обрядовъ, которые донынѣ исполняются. Въ нашихъ былинахъ и

пѣсняхъ мы встрѣчаемся съ выраженьемъ: „вѣнчаться *кругъ ракитова куста.*" Первоначальное значеніе его утратилось въ народномъ сознаніи, между тѣмъ какъ древніе корни этихъ словъ указываютъ на обрядъ, который назывался на санскритскомъ языкѣ: *Парінаййа* (394), отъ глаг. *Парінаййамі* — водить кругомъ священнаго агня. Какъ извѣстно, роль агня въ нашихъ народныхъ свадьбахъ до сихъ поръ удержалась. Въ нѣкоторыхъ селахъ встрѣчаютъ молодыхъ, по выходѣ ихъ изъ церкви, разложивши огонь у воротъ: это дѣлается для очищенія или предохраненія ихъ отъ порчи или сглазу [1]).

Идея агня присуща выраженію „ракитовъ кустъ", и талько въ позднѣйшую эпоху, съ исчезновеньемъ явнаго отправленья языческихъ обрядовъ, замѣнена въ народномъ сознаньи, по аналогіи, ракитникомъ, кустовымъ деревомъ изъ породы ивъ, на томъ основаніи, что дерево почиталось таинственнымъ хранилищемъ агня, вызываемаго наружу посредствомъ тренія. Божество Агні, въ своемъ видимомъ образѣ агня, называется *внукомъ водъ*; потому что дождевая вода —отецъ дерева, а въ деревѣ „агонь заключенъ, какъ развивающійся въ беременной женщинѣ зародышъ [2]]. По этому обведеніе кругомъ ракитова куста стало символомъ обведенія вокругъ жертвеннаго агня. Для извлеченія агня треніемъ, Арійцы употребляли въ своей прародинѣ Premna spinosa, принадлежащую къ породѣ кустовыхъ деревъ; подходящимъ къ ней признанъ у насъ ракитовъ кустъ. Но разумѣлось ли въ стародавніе годы подъ этимъ названіемъ то самое расте-

[1]) Даль, Пословицы рус. нар. стр. 849,

[2]) Pauthier et Brunet, Les livres sacrés, ed. Migne, t. II, Rig-Veda, p. 136, suk. III, 1; Sama-Vêda p. 151, das. III, 7. —

ніе что теперь? Оно было, по видимому, горнымъ кустомъ, какъ можно думать объ этомъ по словамъ пѣсни:

Ужъ вы горы, горы крутыя,
Ничево въ горахъ не породило,
Только породило кустъ ракитовый [1])

Вотъ корни выраженья, о которыхъ ведется рѣчь:

а] *Ра* [530]—агонь,

Кеета (184)—жилище, домъ—слово, сохранившееся въ нашихъ областныхъ сибирск. и курск. нарѣчіямъ: *кута* — изба, хата, горенка съ печью; клѣть.

б) *Каўшта, каўста* [188], *кустъ* — овинъ, гдѣ складывается хлѣбъ для сушки посредствомъ разводимаго агня:

Ра-китавъ кустъ — домашній овинный агонь; вокругъ домашняго овиннаго агня. Въ Словѣ нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ, произведеніи XII в., есть свидѣтельствѣ о современныхъ ему ложныхъ христіанахъ „иже молятся *подъ овиномъ огневи*". Еще и теперь, въ Васильевъ вечеръ, деревенскія дѣвки гадаютъ: кладутъ почью руку въ *овинное* окно, и если никто не тронетъ, въ дѣвкахъ сидѣть; голой рукой погладитъ, за бѣднымъ быть; мохнатою — за богатымъ.

Итакъ обведеньемъ кругомъ агня—было первоначальнымъ брачнымъ обрядомъ, а обведеніе кругомъ древеснаго куста—его позднѣйшимъ символомъ:

---

[1]) Якушкинъ, Нар. рус. пѣсни, стр. 126.

„Ай пойдемъ-ко мы, Маринка, въ чисто поле,
Вокругъ кустышка ракитова съ тобою *повѣнчаемся*,
Да тогда ты будешь вѣдь моя жена....
То какъ взялъ-то ю за ручушки за бѣлыи,
Да обвелъ-ли тутъ младый Добрынюшка Никитиничъ,
Около кустышки ракитова три разу...“ [1])

Участіе ракиты въ свадебныхъ обрядахъ видно также изъ малорусскихъ пѣсней:

Та коли-бъ я знала, коли-б вiдала,
Що засватана буду,
То мыла-б я стiни, що-б були бiли,
Билою *рокитою*... [2])

Въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ, общее имя жениха — *Юрко*;

Шлюбъ брала, шлюбъ шлюбовала,
Передъ попомъ й передъ дякомъ
З *Юркомъ* козакомъ [3]).

Этимологическое значеніе этого имени есть слѣдующее:
Йу (526)—соединять, сопрягать,
Ра (530)—огонь,
Ка (132]—князь:
Іу-ра-ка, *ю-ръ-ко*—соединяющійся огнемъ князь, т. е. женихъ.

Шлюбъ, бракъ, есть *съ-любъ*, т. е. предлогъ *са*, *съ* обращенъ въ *ш*; *любъ* есть санскритское *лаубa*, *любъ* [557] отъ корня *Лубъ* [555], означающее вожделѣніе, страсть. По этому:

[1]) Онежск. был. № 78, 122, стр. 469, 661.
[2]) Метлинскій Нар. южно-рус. пѣсни, стр. 126.
[3]) Метлинскій, Народн. южно-рус. пѣсни, стр. 172.

Са-лаубa, *съ-любъ*, *ш-любъ*—взаимное вожделѣніе, взаимная страсть брачущихся:

Чи я-ж тобі, Марусенко, вельми *любъ*
Що зо мною *брала шлюбъ*,
Під царским вінцом стояла,
За білую рученку держала,²)

Другое имя, излюбленное въ малорусскихъ свадебныхъ пѣсняхъ и употребляемое въ видѣ нарицательнаго, есть *Гордій*:

Ой Гордій, Гордій, Гордію!
Не дзвони рано въ неділю... ¹)

Это: *Гръ-дійа* (756), *гордій* — сердечный, милый, дорогой.

Изъ собственныхъ именъ, употребляемыхъ въ видѣ нарицательныхъ, въ великорус. свадебн. пѣсняхъ можно указать между прочими на *Гура* и *Хавронью*:

Думать думу съ Гурымъ князсмъ,
Съ *Гуромъ княземъ* Сергѣевичемъ:
Та мнѣ дума и вѣрна и крѣпка,
Тѣ словеса мнѣ поправилися...

Въ полѣ лебедушка кликала,
Въ теремѣ *Хавроньюшка* плакала:
Богъ суди родимаго батюшку,
Молоду въ чужи люди отдаетъ. ²)

а) Отъ крн. *Гръ* (756)—уводить: князь *Гуръ*—женихъ уводчикъ;

б) *Кавара* (150) волоса, заплетенныя въ косу,

Найа (354)—суженая:

---

¹) Ibid, стр. 168—128.
²) Сахаровъ, Сказ. Р. н. III, с. 23, 12.

Кавара́-наййа, хавъро́-нъя — косы заплетенныя, суженая.

Выводъ нашъ о первоначальномъ совершеньи брачнаго обряда предъ жертвеннымъ огнемъ подтверждается также древнѣйшимъ этимологическимъ значеньемъ глагола *вѣнчать*, который образовался изъ

Вані (568)—агонь,

Чаййа (240) — ограда; жертвенникъ въ видѣ землянаго холма:

Вані-чаййа, вѣнь-ча—агонь ограды, жертвенника; *вѣньча-ть* — совершать обрядъ у жертвеннаго агня. Слово *вѣнокъ* имѣетъ совсѣмъ другой составъ; это:

Вѐні (617)—плетеніе,

Акха (6)—кругъ:

Вѐні-акха, вѣнь-окъ, вѣнокъ — плетенный кругъ. Отождествленіе идей вѣнчанія и возложенья на голову вѣнка было уже дѣломъ времени и новыхъ воззрѣній.

Слово *вадху* вошло также въ сложное *свадьба*, значеніе котораго объясняется его составными:

Са (631)—хорошее предзнаменованье,

Вадху (562) — супруга,

ʿБа (469)—созвѣздіе:

Са-вадху-ʿба, съ-вадь-ба—счастливое созвѣздіе для супружества. Въ Рамайанѣ читаемъ: „Нынѣ луна проходитъ созвѣздіе Махга́съ; но, въ слѣдующій за симъ день, небо выведетъ Фальгунисовъ: воспользуемся этимъ благодѣтельнымъ

созвѣздіемъ для совершенія свадьбы“ [1]). Такое же глубокое вѣрованье во вліянье звѣздъ на судьбу человѣка было вкоренено и въ русь-славянскомъ народѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только существованье въ древней русской литературѣ звѣздочетныхъ книгъ, но и народныя пѣсни, напримѣръ:

Ты скажи, скажи моя матушка родная:
Подъ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила? [2]).

По вѣдійскому обряду, однимъ изъ именъ сына было имя того созвѣздія, подъ которымъ онъ родился [3]). Самое слово „звѣзда“ сложилось изъ:

Цвасъ, Звасъ (664)—благое предзнаменованіе,

Да (308)—податель: *Звасъ-да, звѣзъ-да* (литовск. żwaizde) — податель благаго предзнаменованія. Такой взглядъ на ночныя небесныя свѣтила могъ образоваться конечно въ болѣе поздній періодъ жизни русь-славянскаго народа; первоначальное-жъ ихъ названіе должно принадлежать, по всей вѣроятности, малорусскому слову, означающему звѣзду:

Зоря, отъ корня *Суръ* (721)—сіять, сверкать, мерцать, которому соотвѣтствуетъ и санскритское *Сура*—Солнце. Въ великорусскомъ языкѣ реченіе это сохранилось для означенія свѣта, предшествующаго восходу и сопровождающаго заходъ солнца, и произошло отъ современнаго этому свѣту появле-

---

[1]) Le Romayana, tr. p. Fauche, I, p. 78.—Луна, въ созвѣздіи Фальгуднисовъ, соотвѣтствуетъ въ лунномъ году нашему Февралю-Марту; въ полнолуніе этого мѣсяца былъ великій весенній праздникъ.

[2]) Сахаровъ, Сказанія рус. нар. II, стр. 226.

[3]) Sama-Veda, прим. 187. Les Livres sacrés, ed. Migne, p. 175.

нія *зôри*, или такъ называемой утренней и вечерней *звѣзды*, планеты Венеры. Первоначальное тождество „зори“ съ словомъ „звѣзда“ удержалось также въ великорусскомъ названіи созвѣздія Большой Медведицы „Сто-*жары*“, въ которомъ *ж* замѣнило родственное *з*; а *Сто* есть префиксъ

С̒тâ (736)—постоянно пребывать, не уходить, не скрываться: *С̒та-зары*, *Сто-жары* — постоянно пребывающія, не уходящія, не скрывающіяся звѣзды.

Отъ корня *Варъ* (612) — выбирать мужа, происходитъ глаголъ

Варîйамî (565) — выходить за-мужъ; также существительныя: *Вара*, *Варайîтаръ*—женихъ, мужъ. [Въ этомъ значеніи, корень и слово *Вара* вошли въ составъ нашего глагола „с-*вар*-ить“, означающаго: „свести и обвѣнчать кого съ кѣмъ“, „сладить свадьбу“.

По нашей лѣтописи, у нѣкоторыхъ изъ русь-славянскихъ племенъ мужчины имѣли по двѣ, по три жены. Въ тѣ древнія времена каждое племя изъ всѣхъ силъ хлопотало о размноженіи своихъ членовъ, о многолюдствѣ: въ этомъ была его охрана и сила. Многоженство вытекало изъ желанья многочадія, размноженія рода, а вовсе не признакъ растлѣнія нравовъ и беззаконья, какъ угодно было представлять это, съ исключительной точки зрѣнія, составителямъ нашей первоначальной лѣтописи. Древнѣйшею арійскою молитвою, входящею въ составъ большей части вѣдійскихъ гимновъ, была слѣдующая: „о Агні! да будутъ у насъ сыновья и внуки, да будемъ мы отцами многолюднаго поколѣнія.....“ [1])

---

[1]) Pauthier et Brunet, Les livres sacrés, ed. Migne, t. II Sama-Vêda, p. 15. das. VIII, 4,

По Рамайанѣ, у царя Дацарата, кромѣ четырехъ водимыхъ, изъ которыхъ одна, Кавцалія, считалась старшею и почти равною мужу, и каждая имѣла свой дворецъ или теремъ,—было еще 350 наложницъ. Это—типъ Владиміра. По той же поэмѣ, у одного царя было сто дочерей ровесницъ, въ которыхъ влюбился богъ Вѣтеръ, и сталъ склонять ихъ выйти за него за-мужъ. Отвѣтъ дѣвицъ выражаетъ вѣдійское нравственное начало невѣстъ: „Да не настанетъ никогда то время, чтобъ мы, добровольно невѣрныя заповѣди нашего добраго отца, сами собою рѣшили выборъ себѣ супруга. Отецъ нашъ—законъ нашъ; отецъ нашъ — наше высшее божество. Мужчина, за котораго отецъ нашъ захочетъ насъ отдать, есть единственный, который нѣкогда станетъ нашимъ супругомъ“. Вѣтеръ однако-жъ настаивалъ на своемъ, убѣждая ихъ не испрашивать согласія у отца [1]), и такимъ образомъ со стороны божества происходило первое побужденье къ нарушенью древняго нравственнаго начала. Не удивительно поэтому, что наша Рогнѣда совсѣмъ не думала сообразоваться съ нимъ; за то Рогволодъ представляется идеаломъ отца, который ни сколько не считалъ за собою права давить свободный выборъ сердца своей дочери, прелпочитавшей Ярополка Владиміру. Месть послѣдняго, разразившіяся надъ ея отцомъ, показываетъ, что онъ считалъ за нимъ право принужденія непокорной дочери къ выходу за него за-мужъ. — Отецъ тѣхъ дѣвицъ, о которыхъ мы выше сказали, предложилъ ихъ въ жены славному царю Брагмадаттѣ. „Онъ принялъ предложеніе, „и бралъ руку у всѣхъ, одна за другою, по брачному уставу“ [2]).

---

[1]) Le Romayana, I, p. 18.

[2]) Ibid. p.21.

Уставъ этотъ представляется намъ нагляднѣе въ слѣдующемъ описаніи: Въ день, благопріятный свадьбамъ, царь Дацаратъ, окруженный своими четырьмя сыновьями, уже получившими молитвенныя благословенія, освящающія свадебный день, вступилъ во дворецъ царя Джанака, и сказалъ ему: „освяти супружескія узы сообразно чину твоего дома". Джанакъ отвѣчалъ: „Переступи черезъ порогъ моего дома: онъ твой.... Дочери мои, блистающія пламениками агня, уже освящены молитвами, знаменующими свадебный день". И вошолъ Дацаратъ съ брагмами. Джанакъ говоритъ жениху Рамѣ: „Подойди къ жертвеннику; да будетъ дочь моя Сіта твоею супругою! Вложи ея руку въ твою руку". И къ прочимъ тремъ женихамъ онъ обращался съ такою же рѣчью, и всѣ четыре брата женились на четырехъ однокровныхъ сестрахъ. Затѣмъ началось жрецомъ благословеніе брака по чину: четыре четы исполнили вокругъ агни прадікшану, то есть водили кругомъ жертвенника, на которомъ пылалъ агонь, своихъ невѣстъ, начиная прадикшану съ правой стороны жертвенника или съ южной, такъ какъ они стояли передъ жертвенникомъ лицомъ къ востоку; они водили своихъ невѣстъ *пó-солонь*. Въ это время ихъ осыпали цвѣтами и зернами. Обычай осыпать молодыхъ хлѣбными зернами и хмѣлемъ донынѣ сохранился въ нашихъ народныхъ свадьбахъ.

Но отъ царской свадьбы мы обратимся къ общему вѣдійскому свадебному чину, изложенному въ одномъ изъ гимновъ Вѣды, котораго нѣкоторые подробности донынѣ сохранились въ русь-славянскихъ свадьбахъ. — Ворота священной ограды отворены; все приготовлено для жертвоприношенья

Агні, на жертвенникѣ котораго уже пылаетъ агонь. Невѣста вступаетъ въ священную ограду, сопровождаемая молодыми дружками, и проситъ соединить ее съ женихомъ; за нею входятъ родичи жениха и невѣсты съ поѣзжанами. Старшій жрецъ представляетъ предстоящій религіозный актъ въ образѣ таинственнаго брака Суріійи (Солнца) съ Сомою (луною или небомъ), и читаетъ установленную для этого молитву, съ воззваніемъ и привѣтствіемъ къ предстоящимъ. По арійской миѳологіи, одна изъ супругъ Солнца называлась *Сваті* (746), *сватья*; у насъ такъ величаютса между собою матери жениха и невѣсты. Отецъ есть красное солнышко; невѣста, напримѣръ, обращается къ нему съ пѣснею:

Спасибо мое *красное солнце* угрѣвное!
На покруты, покрасы дѣвичія
Ужъ не жалѣлъ ты особой датной казны.... [1])

Отъ этого уже слова образовалося послѣ въ муж. родѣ *сватъ*, какъ величаются между собою отцы жениха и невѣсты. Еще позднѣе, оно получило самое широкое значеніе: всѣ жениховы и невѣстины родичи называются между собою сватами, сватьями, такъ что *сватовство* стало синонимомъ свойства. Но слова: *сваха*, *сватъ*, какъ посредники въ устроеніи свадьбы, происходятъ отъ другаго корня:

Сватъ, *сватайіамі* (744]—устроивать, улаживать дѣло.

Сваха (743) означаетъ еще „имѣющую умильныя, добрыя очи", неспособныя производить порчу или сглазъ.

Невѣста стоитъ рядомъ въ женихомъ; жрецъ произноситъ надъ нею слѣдующія слова: „*Я изъемлю ее изъ подъ отеческой власти и вручаю мужу въ зависимость*. Да бу-

[1]) Арханг. г., Максимовъ у Якушкина: Нар. рус. пѣсни, стр. 246.

детъ она, о благотворный Індра, счастливою и многочадною!“ —Женихъ беретъ невѣсту за руку, а жрецъ говоритъ: „Достойная домохозяйка: бодрствуй надъ домашнимъ агнемъ. Соедини свое тѣло съ тѣломъ этого супруга, и оба соотвѣтствуйте обѣтамъ нашей жертвы“. За тѣмъ жрецъ приглашаетъ присутствующихъ окружить невѣсту, которая разоблачается отъ своихъ дѣвическихъ нарядовъ и украшеній. Слѣдъ этого обряднаго акта донынѣ сохранился въ нашихъ народныхъ свадьбахъ: когда молодыхъ въ церкви обводятъ вокругъ налоя, сваха раздираетъ дѣвичью повязку. — Потомъ жрецъ возглашаетъ къ невѣстѣ: „Пожертвуй жрецамъ твои одежды, даруй имъ твои наряды и украшенія, и отъ тебя удалится Критійа, (возмутительница супружескаго согласія)“.—Женихъ снова беретъ ее за руку и говоритъ къ ней: „Я беру твою руку для нашего счастія; я хочу, чтобъ ты была моею женою и состарѣлась со мною. Боги дали тебя мнѣ, оторый есмь *Агонъ домашній*“.

Жрецъ къ супругамъ: „Проводите вмѣстѣ жизнь, блаженствуя въ своемъ домѣ и играя съ своими дѣтьми и внуками. — О Агні! да проживетъ мужъ этой супруги сто осеней“!

„О всемолостивѣйшій Індра! осчастливь ее. Да будетъ у нея прекрасная семья! да даруетъ она своему супругу десятырехъ дѣтей! да будетъ онъ самъ одинадцатымъ! — *Царствуй* съ твоимъ свекромъ; *царствуй* съ твоею свекровью; царствуй съ сестрами твоего мужа; царствуй съ его братьями“.

Супругъ: „Боги да будутъ намъ обоимъ опорою“! [1]).

Древнее привѣтствіе жреца: „царствуй“ до сихъ поръ

---

[1]) Em. Burnouf, Eshai sur le Vêda, p. 199.

сохраняется въ народномъ свадебномъ поздравленіи: „Зравствуй, *князь со княгинею*, бояре, сваты, дружки и всѣ честные поѣзжане",

Въ нынѣшнихъ русь-славянскихъ народныхъ свадьбахъ, даръ жрецамъ одежды и нарядовъ замѣняется подарками платковъ, лентъ и проч. На Украинѣ, послѣ вѣнчанья, невѣста еще дня три гуляетъ съ дѣвицами; а потомъ ея голову покрываютъ въ церкви по замужнему, и она, отрекаясь навсегда отъ дѣвической воли, изъ подъ отеческой власти поступаетъ въ зависимость мужа. Малорусское названіе свадьбы: *весілье* совмѣщаетъ въ себѣ именно эти древніе признаки, означаемые двумя созвучными словами:

а) *Васа* (570) отреченіе отъ воли; *ва̂са* жена;—дочь;

б) *Вѣса* (619) одежда; наряды, украшенія;

Ілъа (90)—святое приношеніе:

а) *Васа-ілъа, васі-ілье*—принесеніе въ жертву воли, по словамъ древняго жреца: „вручаю ее мужу въ зависимость". И дѣвица становилась *васа̂*—супругою, женою.

б) *Вѣса-ілъа, весі-ілье* — принесеніе въ жертву дѣвическихъ нарядовъ.

Съ другой стороны, бракъ въ санскритѣ называется еще

Нівѣса (372), означающее по своимъ корнямъ: *Ні* и *Вісъ* (360, 603)—отдѣленіе посредствомъ обряда; къ этому у насъ приставка

Та (281)—освобожденіе, увольненіе:

Нівѣсата, нівѣсъ-та — освобождаемая брачнымъ обрядомъ, согласно словамъ древняго жреца:

„Я изъемлю ее изъ подъ отеческой власти".

Нэвѣсіка (380)—свадебныя подарки какъ жрецамъ, такъ и прочимъ.

Замѣчательно, что у насъ слово *бракъ* не вошло въ оборотъ живой народной рѣчи; и у насъ, и у другихъ славянскихъ племенъ оно замѣняется словомъ свадьба; говорятъ: „свадебныя пѣсни", но никогда „брачныя". Это слово книжное: „Въ третій день бысть бракъ въ Канѣ Галиллейстѣй". Въ русскомъ переводѣ удержано слово бракъ; въ булгарскомъ же, сербскомъ, чешскомъ и литовско-жмудскомъ употреблено, вмѣсто него, свадьба; въ польскомъ—gody malżeńskie. Значеніе слова „бракъ" объясняется корнями:

Бръ, барамі (467)—избирать; покрывать.

Отсюда: *Бара* (461, 565) — избранный, избранная; женихъ; мужъ; зять. *Бркка* (466)—сердце,

а) *Акха* (6)—кругъ (хараводъ, танокъ);

б) *Ка* (132)—агонь; князь.

а) *Бръ-акха, бръ-акъ* — избирать въ кругу. Назначеніе хараводовъ, танковъ, было между прочимъ—служить выставкою невѣстъ для высматривающихъ и выбирающихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и наша первоначальная лѣтопись словами: „схожахуся на игрища", и народныя хараводныя пѣсни:

— Эти дѣвки хотятъ
По лугу гулять,
Круга заводить....

— Родимая матушка!
Не женатъ хожу,
Холостъ гуляю.

Поди, поди молодецъ,
Въ хараводъ къ дѣвкамъ.
Бери, бери молодецъ
Самъ себѣ лучшую.. ...

— Смотрѣлъ, глядѣлъ купчинушка
Невѣсту себѣ-ли:
Хорошая, пригожая
Поди за меня-ли...,

— Какъ молодчикъ надо мной,
Надъ дѣвицей насмѣхается:
Ты розуй, розуй меня милая
Розуй, радость дорогая!
И я рада бы розуть,
Да не знаю, какъ зовутъ.... [1])

Послѣдняя пѣсня напоминаетъ отвѣтъ Рогнѣды на сватовство Владиміра: „Не хочу розути робичича“.

б) *Бара-ка, бъракъ*:

аа) Избранный агонь, мужъ-агонь — самое древнѣйшее значенье, напоминающее слова жениха въ вѣдійскомъ свадебномъ обрядѣ „я есмь домашній Агонь“. Въ Одномъ изъ гимновъ Рігъ-Вѣды, Агні называется „любовникомъ дѣвъ и мужемъ женъ“ [2]).

бб) Избранный князь, женихъ-князь. Отсюда въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ величанье жениха княземъ, а невѣсты — княгинею, напоминающее слова вѣдійскаго жреца: „царствуй“.

Подтвержденіемъ того, что въ языческую эпоху Руси бракъ узаконялся, по крайней мѣрѣ въ высшемъ классѣ на-

[1]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, стр. 238, 220, 231, 244.
[2]) Les livres sacrés, ed. Migne, t. II R.-Vêda, p. 54.

рода, вѣдійскимъ обрядомъ, служитъ еще названіе брака *закономъ*: „И даетъ ему Владиміръ князь кіевскій позволеньице великое *вступить въ законъ*, въ жену понять молоду Настасью Микулишну. Скорымъ пиркомъ состряпалъ *свадебку*. Дружкою былъ Илья Муромецъ, тысяцкимъ — Владиміръ князь"....

Онъ бралъ тутъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
За бѣлы руки да за златы перстни,
Отвозилъ ю тутъ во Кіевъ градъ,
Принимали тутъ оны *законъ* да вѣдь супружеской [1]).

Закха (642)—Извѣстная часть Вѣды,

На (351)—связь, союзъ:

Закха-на, *закó-нъ*—связь, союзъ по вѣдійскому обряду.

По наступленіи христіанскаго періода, это выраженіе сохранилось на Руси для браковъ, совершаемыхъ по церковному благословенію и обряду, и оттуда пошло у насъ для такихъ браковъ наименованье *законныхъ*.

Что касается до значенья корня *Бръ* — покрывать, то покрыванье невѣсты фатою до сихъ поръ соблюдается въ нашихъ свадебныхъ обрядахъ. *Фата*, какъ извѣстно, большой платъ у женщинъ для покрытія головы и части стана; слово это—буквально санскритское *пата* (384), имѣющее то же самое значеніе, чтó и у насъ.

Составители нашей первоначальной лѣтописи истолковали древнее русь-славянское слово *бракъ*, въ его значеніи въ дохристіанскую эпоху на Руси, не въ смыслѣ указанныхъ нами корней, но по другому гомонимическому корню:

---

[1]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. II, стр. XVII. — Онеж. был., № 39 стр. 181.

Бркъ (612), *бракъ* — умыкать, похищать. Но такое истолкованіе ихъ, согласованное съ ихъ церьковною точкою зрѣнія, есть насильственное, исключительное, которое опровергается какъ тѣмъ, что слово это избрано для евангельскаго перевода греческаго *гáмос*, такъ и самою лѣтописью: „*Браци* не бываху у нихъ, по схожахуся на игрища, и ту *умыкаху* жены себѣ, *съ него же кто съвѣщашеся*". „Умыкаху" отмѣняется послѣднею фразою: предварительное совѣщаніе, соглашеніе, участіе сердца, *бракка*, т. е. малорусское шлюбъ, отклоняетъ прямое значеніе насильственнаго дѣйствія, *увода*, *умычки*.

Слова эти, такъ какъ *бракъ* есть гомонимъ, и теперь употребляются въ свадебныхъ пѣсняхъ, но въ метафорическомъ смыслѣ жениха уводчика, разлучника съ отцомъ-матерью, съ родомъ-племенемъ.

Выше было высказано предположеніе, что сыновья княжихъ наложницъ, по достиженіи возраста, поступали въ дружину; вѣроятно, имъ по преимуществу принадлежало званіе *мужей*. Подъ этимъ словомъ разумѣлся высшій классъ русь-славянскаго народа, какъ видно изъ словъ лѣтописи: „Посла *мужи* Олегъ построити мира и положити рядъ межи Русью и Греки".

Такое значенье слова, исключительно принадлежащаго древнему русскому языку, объясняется его этимологическимъ составомъ:

Мáна, отъ *манъ* (502, 490) — почетъ, знатность, знаменитость,

Жа (256)—рожденный, происшедшій отъ....

Маана-жа, мунъ-жъ, му-жъ — произшедшій отъ знатнаго рода.

Съ другой стороны, въ Саввиной книгѣ, рукописи XI в., читаемъ: „Уподобися *мужеви* бую, иже створи свою храмину на песцѣ.“ (Матѳ. 7: 26).

Очевидно, что слово это принимается здѣсь въ общемъ значеньи человѣка, и въ такомъ смыслѣ оно принадлежитъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ:

Манъ, Ману (490)—отецъ рода человѣческаго;

Жа:

Ма́нъ-жа, мун-жъ, мон-жъ, му-жъ — происшедшій отъ Ману, человѣкъ; санскр. *мануджа*.

„Аще достоитъ *мужу жену* пустити“ (Мар. 10: 2). Въ значеніи супруга, слово „мужъ“ также принадлежитъ почти всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ оно происходитъ отъ

Мушъ (511), *мужъ* — разлучникъ, уводчикъ, увозчикъ, умычникъ, губитель, представляя синонимъ санскритскаго

Вівôдаръ (603)—мужъ, женихъ, уводчикъ. Это послѣднее составлено изъ

Ві (581)—вы, у, и кор.

Ваґъ (572)—вести: вівôдаръ—уводчикъ. Такой именно смыслъ придаютъ жениху наши свадебныя пѣсни, донынѣ сохранившія отпечатокъ глубокой древности, какъ уже замѣчено.

Вотъ идетъ *погубитель* мой,
Вотъ идетъ *разоритель* мой,
Вотъ идетъ *расплети-косу*,
Вотъ идетъ *потеряй-красу*....

Мои недруги-разлучники собираются,
Разлучають меня съ отцомъ, съ матерью,
Съ моимъ родомъ-племенемъ....

Къ тебѣ они пріѣхали,
Увезти тебя съ собой хотятъ
Къ твоему-ли то суженому....

Ужъ берутъ-ли ее за бѣлы руки,
Ужъ *уводятъ*-ли отъ дѣвушекъ....
Послѣ *увезли* домой къ себѣ,
Къ свекору, чужему батюшкѣ.... [1])

Жâні (266), *жана*, *жена*—супруга;

Жанакâ (259), *жбнъка*, *жинъка*—мать;

Жаніі (259), *жена* — въ противуположность дѣвушкѣ, женщина.

Жанака (259), *жанихъ*, *женихъ*—способный производить, рождать; отецъ.

Отъ гомонимическаго значенья этого слова:

Жана (258)—самоличный,

Ка (132)—князь.

Жана-ка, *жени-хъ* — самъ князь, произошло величанье его въ пѣсняхъ *князем*ъ.

Къ словамъ *мужъ* и *жена* у насъ есть приставка *щина*: это санскритское *щінна* отъ *щідъ* (255) — разверзшій (ложесна):

Жаніі-щінна, *жень-щіна* — находящаяся въ возрастѣ разверзающей (ложесна).

Въ нашихъ былинахъ мужъ и жена называются *семьею*; слово это—общаго рода. Такъ, въ былинѣ о Михайлѣ Потыкѣ поется:

---

[1]) Якушкинъ, Рус. нар. пѣсни, стр. 239.—Сахаровъ, Сказ. Рус. нар., III, II, стр. 172, 116, 77

Приходитъ онъ въ свою палату бѣлокаменну,
Срѣтаетъ его своя да любима *семья,*
И спроговоритъ Марья ему да таково слово:
„Ай же ты моя да любима *семья!*
Я теби скажу да таково слово“.... [1])

Реченіе это происходитъ отъ санскр. глагола:

Самйŏмі (699)—сопрягать, и буквально означаетъ супруга и супругу.

Въ народномъ сознаніи слóва *дѣва* произошло смѣшеніе нѣсколькихъ созвучныхъ сзовъ:

а) *Діва* (320) свѣтлое небо; отсюда *дівiштво* (321); *дівiства*, *дѣвъство*—небесное состояніе, такъ какъ у вѣдійскихъ анахоретовъ и у нашихъ, безбрачіе, *цѣломудріе*, считается, небеснымъ, ангелоподобнымъ состояньемъ. Самое слово *цѣломудріе* составлено изъ древнихъ русскихъ словъ, теперь утраченныхъ народнымъ сознаньемъ; это:

Цала (640) — Брагмâ, Богъ [по вѣдійскимъ миѳамъ, десятки тысячъ лѣтъ проведшій въ цѣломудренномъ созерцаніи]; отблескъ токого значенія отразился въ словѣ *цѣлъ*: да будете неповинни и цѣли; будите цѣли яко голубіе [Фил. 2: 15, Матѳ. 10: 16]. Этимъ реченіемъ переведены греческія отрицательныя *ǎмемптос* и *акéраiос* — безукеризненный и совершенный, чистый, цѣльный т. е. неимѣющій никакого порока, посторонней примѣси.

Мудрâ [510]—печать, отпечатокъ:

Цала-мудрâ, *цѣло-мудріе*—божественная, совершенная печать, дѣвство.

---

[1]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. II, отр. 31.; Онежск. былины № 49, стр. 181.

Пе удивительно поэтому, что цѣломудренная дѣвушка называется у насъ

Дiва, дiвбкасъ [320], *дiва, дiвойка*—небесная;

Дiвiйа [321] — небесный; прекрасный, милый: дѣвья *краса, красна* дѣвица.

б] *Дѣва* [329]—свѣтлая; божественная;

Дэва [332] — одна изъ вѣдiйскихъ формъ брака; вступившая въ бракъ цѣломудренною называлась *Дѣвi* [329] — та мать семейства, которая приносила жертвы домашнему священному агню. Наконецъ

Дѣва [329] значитъ княгиня. Въ день свадьбы, дружки будятъ невѣсту пѣснею:

Господи Iисусе Христе!
Княгиня первобрачна!
Стань, убудись,
Отъ крѣпкаго сна прохватись... [1]).

Дэвiйа [332]—судьбою опредѣленная, суженая, по пословицѣ: Всякая невѣста для своего жениха родится [2]).

Супруга и *супругъ*—сложныя слова, имѣющiя въ основанiи созвучныя, но различныя реченiя. Въ первоначальное конкретное понятiе перваго слова входили слѣдующiя реченiя:

Субру [720]—женщина,

Га [747]—половое соединенiе:

Субру-га, супру-га — женщина, состоящая въ половой связи.

---

[1]) Онежск. уѣзда. Максимовъ у Якушкинъ: Рус. нар. пѣсни, стр. 251.
[2]) Даль, Пословицы рус. нар., стр. 841.

Слово же *супругъ* образовалось изъ слѣдующихъ частей:

а) *Су* (716)—господствовать, владычествовать;

б) *Пра* (425)—впереди; быть, шествовать впереди, верховодить (пра-дѣдъ, пра-отецъ);

в) *Йŭга* (528)—соединеніе, сочетаніе, союзъ и особая для того религіозная формула. Такимъ образомъ

Су-пра-йŭга, су-пръ-угъ значитъ: „господинъ верховный союза, верховно господствующій надъ союзомъ“.

Итакъ, *супругъ*—мужъ, глава союза; *сусбруга, супруга* — жена, женщина, состоящая съ нимъ въ половой связи. Изъ этого слѣдуетъ, что, по древнерусскому воззрѣнію, супругою могла быть и водимая и упастри, т. е. и законная жена и наложница.

Въ самомъ санскритѣ есть сложное слово:

Супрайога (719), означающее „соединеніе, сочетаніе, союзъ“. Изъ него, позднѣе, могли образоваться болѣе нравственныя, съ одной стороны, уравнивающія въ союзѣ оба пола, т. е. слова *супругъ, супруга* съ нынѣшними идеями; а съ другой—слово *супруже-ство*, самому союзу придающее значеніе равенства соединяющихся.

Отъ присоединенія къ вышеобъясненному корню *Су*, глагола

Пратібгāмі (433), имѣющаго активный и пассивный смыслъ: выступать, выдвигаться; поддаваться; предлагаться, покаряться, — образовались наши древнія слова: *супративникъ, супративная*:

Молода Настасья дочь Микулична,
А поѣхала въ чисто поле поляковать,
А искать-же я себѣ-ка *супративника*....
„Возьмешь-ли Добрыня въ замужество, —
Я спущу тебя, Добрынюшка, во живности“.

— Ахъ ты молода Настасья Микулична!
Сдѣлаю я заповѣдь великую,
Я приму съ тобой Настасья по злату вѣнцу....
— Ты родитель моя да нуньчу матушка!
Я привезъ себѣ-ка *супративную*
Молоду Настасью дочь Микуличну,... [1])

Су-пративникъ—господинъ выставляющійся, передовой, т. е. мужъ;

Су-пративная—господству, власти поддающаяся, т. е. жена.

Въ продолженіи настоящаго труда, въ своемъ мѣстѣ, мы укажемъ въ русь-славянскомъ языкѣ памятники, подтверждающія гомерическія преданія объ амазонкахъ.

Слова: водимая, невѣста, свадьба, бракъ, веселье, служатъ лучшимъ опроверженьемъ составителей нашей первоначальной лѣтописи, которые, держась предвзятой точки зрѣнія и слѣпаго омерзѣнія ко всему до-христіанскому періоду Руси, утверждали, что у русь-славянскаго народа „браци не бываху“..... Нельзя не отдать справедливости отсутствію фанатической нетерпимости въ вѣдійскай религіи, бывшей на Руси въ до-христіанскій періодъ. Уже при Игорѣ христіане свободно исповѣдывали свою вѣру, и объ исполненьи договора съ Греками клялись по христіанскому уставу; Ольга безпрепятственно здѣлалась христіанкою; о Святославѣ лѣтопись замѣчаетъ: „аще кто хотяше креститися, не браняху“. Съ принятіемъ Владиміромъ христіанской вѣры, болѣе просвященные вѣдійскіе руководители народа, нéстеры,—многіе,

---

[1]) Онежск. был., стр. 38—39.

быть можетъ, по разсчету,—также крестились и, по всей вѣроятности, какъ граматные, скоро подѣлались христіанскими священниками; бывшіе же ихъ нисшіе приспѣшники остались среди народа съ своимъ именемъ волхвовъ, кудесниковъ, кобниковъ, чернокнижниковъ. Калики перехожія языческой эпохи, принявши христіанство, продолжали свой прежній образъ жизни уже въ формѣ христіанскихъ странниковъ по святымъ мѣстамъ. Пѣвцы начали мало по малу передѣлывать языческія пѣсни въ духовныя стихиры, черезъ которыя слишкомъ замѣтно проглядывала прежняя религіозная подкладка. Корни и отличительная оригинальность русскихъ церковныхъ расколовъ скрываются въ эпохѣ и способѣ оффиціальнаго введенія христіанства въ Россіи, и послѣ того, подъ его внѣшними формами, въ народѣ долго таились языческія воззрѣнія. Уже нѣкій древній христолюбецъ XII-го в., изобличая современныхъ ему христіанъ въ разныхъ языческихъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, говорилъ: „Не токмо же то творятъ невѣжи, но и вѣжи: *попове и книжници*". То, что цѣлые вѣка оставалось подъ спудомъ, выявилось соборами: Стоглавымъ 1551 и Большимъ Московскимъ 1667 г. Почти всѣ раскольники называютъ себя однимъ общимъ именемъ: „старообрядцами" и при всемъ ихъ разнообразіи, общее между ними всѣми—духовная несостоятельность, прикрытая обрядовыми внѣшностями, въ которыхъ для нихъ вся суть религіи. Такъ одинъ рѣшительный шагъ, крутой поворотъ въ исторіи, сдѣланный безъ мудрой осторожности и предусмотрительности, фаталистически отражается вѣковыми послѣдствіями на грядущихъ поколѣніяхъ.

Высказанное мнѣніе о томъ, что на Руси странничество христіанское было только измѣненною формою древняго русскаго калічества, мы основываемъ, кромѣ другихъ доводовъ, еще на слѣдующихъ данныхъ и соображеніяхъ:

а) Въ уставѣ Владиміра о церковныхъ судахъ, въ числѣ церковныхъ людей упоминается *паломникъ*. Начало этому слову (да притомъ *въ княженіе Владиміра*!) полагаютъ въ томъ обстоятельствѣ, что русскіе богомольцы, посѣтившіе Іерусалимъ, возвращались въ отечество съ *пальмовою* вѣтвію, что и послужило поводомъ къ названію ихъ *паломниками*. Но въ другихъ спискахъ этого-же устава, вмѣсто: „паломникъ", написано: „каліка", изъ чего слѣдуетъ, что слово признано соотвѣтствующимъ первому; „каліки" же — обломки искаженныхъ уставовъ вѣдійской религіи — были странниками въ до-христіанскую эпоху Руси [1]].

б] Въ рукописяхъ дошло до насъ хожденіе, въ началѣ XII вѣка, игумена Данила въ Палестину, названное въ нѣкоторыхъ спискахъ „Паломникъ *Данила мниха*", а въ другихъ: „Странникъ Данила мниха". Если бы *паломникъ* означало богомольца и было опредѣленіемъ къ собственному имени, то мы имѣли бы: паломникъ Данило мнихъ; но какъ въ названіи хожденія собств. имя поставлено въ родит. падежѣ, то мы должны принять его въ силѣ опредѣлительнаго слова къ реченію паломникъ, которое, какъ можно догадываться, должно было-бы означать „странствіе". Слѣдовательно, „Паломникъ Дани*ла* мни*ха*" представляетъ смыслъ: „странствіе Данила мниха". Варіантъ этого слова по нѣкоторымъ спискамъ: „странникъ", вмѣсто странствія или чего-либо другаго, составленъ, очевидно, по формѣ „паломникъ".

---

[1]) Зарницы Руси, стр.

в] Если, съ словомъ „паломникъ", народъ слилъ идею *пальмы*, и въ такомъ смыслѣ оно, какъ спеціальное вошло въ круговоротъ живой рѣчи уже со временъ Владиміра; то едва-ли можно допустить, чтобы писцы позволили себѣ замѣнять его словами: каліка, странникъ. Но писцы, вѣроятно, не считали этого слова понятнымъ для большинства, почему, особенно въ позднѣйшее время, стали замѣнять его не вполнѣ соотвѣтствующимъ словомъ „странникъ". Понятія, выражаемыя словами: „каліка" и „паломникъ", представляютъ слѣдующія черты сходства въ дѣйствительномъ быту: каліки языческой эпохи странствовали по русь-славянской землѣ дружинами, ватагами, съ отоманьемъ во главѣ:

Ай какъ встрѣтили какъ въ чистомъ полѣ
Ай какъ солнышка князя Владиміра....
Ай какъ тутъ говорилъ солнышко Владиміръ князь стольне-кіевской:
Ай же вы сорокъ калікъ да соединеныимъ!
Ай ступайтеть-ко во городъ во Кіево-тъ,
Ай какъ къ моей княгинѣ Опраксѣ,
А она накормитъ, напоитъ-то васъ... [1])

Точно такъ и „Поломникъ Данила мниха" показываетъ его во главѣ страннической дружины: „Мнѣ же худому, говоритъ онъ, Богъ послухъ есть и вься *дружина моя* Русьтіи сынове"... „И въ самый праздникъ воды крещенія былъ на Іерданѣ со вьсею *дружиною моею*"....

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, мы думаемъ, что слово *паломникъ*, принадлежащее къ числу „старыхъ словесъ", о которыхъ упоминаетъ, чуть не современникъ Данила мниха, авторъ Слова о полку Игоревѣ, самъ внесшій многія изъ нихъ въ свое произведеніе,—думаемъ, что слово

[1]) Онежск. былины, № 72, стр. 411.

„паломникъ“ должно окончательно разстаться съ идеей о *пальмовой* вѣткѣ, такъ какъ его настоящій этимологическій смыслъ есть слѣдующій:

Паль, паля̂мі (402)—ходить, странствовать,

Нікâйа (360)—дружина, ватага:

Паля̂мі-нікайа, паломъ-нікъ—перехожая, странническая дружина. Единицею этой дружины есть *каліка перехожая*; потому то нѣкоторые писцы, вѣроятно понимая несоотвѣтствіе смыслу слова названіе отдѣльнаго человѣка, принадлежащаго къ этой дружинѣ, *поломникомъ*, замѣнили его словомъ „каліка“. Итакъ: „Паломникъ Данила мниха“ дословно значитъ: „странническая или перехожая дружина Данила мниха“. Это этимологическое объясненіе подтверждается еще слѣдующимъ мѣстомъ лѣтописи по Лаврентьевскому списку (подъ 1283 г.), не представляющемъ ни малѣйшей связи съ съ пальмовою вѣткою: „Егда же изби бояръ, и повелѣ поломници тѣ пустити, а порты избитыхъ бояръ повелѣ даяти паломникомъ, река имъ: „вы есте гости, а *паломници ходите по землямъ,* тако молвите: хто иметь держати споръ с своимъ баскакомъ, тако ему будетъ“. Что здѣсь сказано о паломникахъ, то самое въ былинахъ говорится и о каликахъ:

Да й ходили-то калики перехожія....
Да й ходили молодци *съ земли въ землю,*
Загуляли молодци да къ королю въ Литву,
Заходили къ королю да на широкій дворъ,
Попросили-то у короля милостинки....

Самое названье одежды каликъ есть санскритское: *Гôньй, Гу̂ньй* (223)—рубище, отрепье:

Идетъ съ да́леча дале́ча со чиста поля,
Три калики перехожіихъ,
И ужъ какъ *гунья*-то на нихъ да сарочинскіи... [1])

„На нашу *яму* не напасешься *хламу*"; варіантъ: „на нашу *яму хлѣба* не напасешься". Подъ „ямою" въ этой поговоркѣ разумѣется семья, хотя въ такомъ значеньи слово это исчезло изъ народнаго сознанія, подобно многимъ другимъ. Въ Рігъ-Вѣдѣ оно встрѣчается въ значеньи „сочетанія, соединенія"; въ одномъ изъ ея гимновъ, обращенныхъ къ Індрѣ и Агні, читаемъ: „Вы, семейно (*самано́*) по отцу — братья; вы, здѣсь и тамъ—сочетанные (*ямâ*) по матера" [2]),

Очень вѣроятно, что въ древнѣйшую эпоху, *семья* и *яма* были у Русь-Славянъ синонимами, съ тѣмъ различіемъ, о которомъ можно догадываться по приведеннему стиху гимна: при нѣсколькихъ водимыхъ или законныхъ женахъ, дѣти отъ разныхъ матерей связывались въ *семьею* по происхожденю отъ одного и того-же отца; дѣти одной матери и одного, конечно, отца были подраздѣленьемъ семьи, составляя *яму*. Наслѣдственное право на приданое матери вѣроятно принадлежало ямѣ, а не семьѣ. По этому воззрѣнію, если у мущины была только одна водимая; то, вмѣстѣ съ дѣтьми, это представляло одновременно и яму и семью. Санскритское *Прададâмі* (439) значитъ „выдавать за-мужъ дочь"; отсюда *Прадâна*, или наше *приданое* — даръ по случаю свадьбы.

---

[1]) Онежск. был. № 86, 43, стр. 533, 212.

[2]) Aufrecht, Die Hymnen des Rv., Mand. VI, № 59, ст. 2.

Но какая-же связь, въ приведенной поговоркѣ, „хлама“ съ его варіантомъ „хдѣбъ“? Ясно, что тутъ хламъ нельзя понимать въ его нынѣшнемъ значеньи; нѣкогда слово это имѣло совсѣмъ иной смыслъ, утраченный народнымъ сознаньемъ. Это — санскритское *кхалама* (148), *хъламъ*—яровой рисъ; поговорка становится понятною: „на нашу *семью* не напасешься *рису*“. Вотъ еще одна изъ четій о той прародинѣ, гдѣ нѣкогда жилъ русь-славянскій народъ; гдѣ онъ ѣлъ рисъ, что долженъ былъ по климатическимъ условіямъ новаго отечества замѣнить хлѣбомъ. Разъясненіе наше по поводу слова „слонъ“ находитъ тутъ свое подтвержденіе. Кромѣ того наша поговорка можетъ наводить еще и на ту мысль, что съ экономическими затрудненьями въ прокормленьи семьи предки наши познакомились уже въ азіятской прародинѣ, и что это обстоятельство могло служить уздою для бѣднаго человѣка въ поползновеньяхъ къ многоженству.

Къ числу сохранившагося, до позднѣйшаго времени, множества древнѣйшихъ словъ, на сѣверѣ Россіи, принадлежатъ также *обжа* и *оброкъ*, въ значеньи дохода, дани, которые земледѣлецъ или пользующійся какимъ либо угодьемъ долженъ былъ давать стоявшей надъ ними власти. Смыслъ „обжи“ новгородцы объяснили Ивану III такъ: „обжа — одинъ человѣкъ на *одной лошади* оретъ; а кто на *трехъ лошадяхъ* оретъ, ино то *соха*“ [1]). Изъ этого опредѣленія видать, что налогъ на обжу, какъ податную единицу, падалъ собственно не на личность пахаря, а на орудіе, на средство

---

[1]) Соколовскій, Оч. ист. сельск. общины на с. Россіи, 18.

оранья—лошадь; обжа составляла 3-ю часть сохи, въ которой было 3 лошади, въ обоихъ случаяхъ при одномъ человѣкѣ. Слово *соха*—древнее русское, и на сѣверъ зашло съ юга, гдѣ оно было тожественно санскритскому *сагка* (635) —тяглый быкъ. Такъ какъ на сѣверѣ, по физическимъ условіямъ страны, орать быкомъ не приходилось: то три лошади въ паханьи, уравненные по силѣ одному тяглому быку, названы *сохою*. Это уравненіе рабочей силы трехъ лошадей съ силою одного быка имѣло въ своемъ основаніи уравненіе налога, падавшаго въ равной мѣрѣ на ту и другую силу. Настоящее разъясненіе надобно помнить, такъ какъ впослѣдствіи мы укажемъ на другое, не понятое нашими лѣтописцами, слово, выражающее древнѣйшій финансовый уставъ южной Руси, котораго соха была только подраздѣленьемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно представляетъ намъ новый фактъ, подтверждающій исконную связь сѣвера и юга Руси.

Но слова *обжа* и *оброкъ* первоначально вовсе не имѣли того значенья, до котораго они дожили въ историческій періодъ Руси; въ миѳическую эпоху они означали ступени внѣшняго разростанья и размноженья рода.

Домовладыка, родоначальникъ, *старъ* (слово это объяснимъ въ теченьи настоящаго труда) имѣлъ: а) *водимыхъ* или законныхъ женъ; рожденный или мужескій полъ назывался „сыновьями", которымъ принадлежали наслѣдственныя права по смерти домовладыки, и которые составляли его прямое законное потомство; б) *подъ-женъ* или наложницъ, *упастрі*, отъ которыхъ рожденные носили названіе *обжей*, по смыслу составныхъ частей:

Упа (105), предлогъ, означающій зависимость: подъ,

Апа (30), предлогъ отдѣлительный, обособляющій: отъ, внѣ, изъ; особо,

Жа [256]—рожденный, произшедшій:

Упа, Апа-жа, впъ-жа, объ-жа—подражденный, особо рожденный. Обращеніе *п* въ *б* передъ *ж*, *ч* и проч. встрѣчается и въ санскритѣ, напримѣръ: *Абжа* (35)—луна, отъ *Апъ*—вода и *Жанъ*—раждать.

Обжи, по самому значенью слова, должны были находиться, какъ и матери ихъ, въ подчиненномъ отношеніи не только къ домовладыкѣ, по и къ его сыновьямъ, изъ которыхъ каждый взрослый, въ свою очередь, также имѣлъ сыновей и обжей. Слово это представляетъ намъ аналогію съ названіемъ дополнительнаго мѣсяца, уравнивавшаго лунный годъ съ солнечнымъ (стр. 29), который также названъ „подражденнымъ" (въ текстѣ гимна: *упа-джа*), т. е. входящимъ въ число 12 законныхъ мѣсяцевъ. Въ исторіи развитія человѣчества, соединеніе нѣсколькихъ семействъ, признававшихъ, хотя бы даже и не совершеннымъ образомъ, власть одного лица, должно считать важнымъ результатомъ, выработавшимся, въ теченье многихъ вѣковъ, изъ нисшихъ ступеней развитія: союзъ этотъ заключалъ въ себѣ самое рѣшительное преимущество надъ тѣми семьями, которыя, тамъ и сямъ блуждая по свѣту, не признавали власти никакого начальника, и сражались, гдѣ случилось. Въ права умершаго домовладыки вступалъ его старшій сынъ, который, по отношенью къ младшимъ братьямъ, племянникамъ и обжамъ, становился „во отца мѣсто". Конечно и обжи, по образцу кореннаго рода, также размножались поколѣніями, связанными родовыми отношеніями. Изъ нихъ, въ теченье вѣковъ, образовался демократическій элементъ русь-славянскаго народа.

Рано или поздно, и по какимъ-бы то ни было причинамъ, внукъ или правнукъ первоначальнаго домовладыки выходилъ изъ кореннаго рода со всѣми своими сыновьями и обжами, и садился въ сосѣдствѣ съ нимъ: русь-славянское названіе этой колоніи *опчина*. Въ нашихъ древнихъ юридическихъ актахъ мы встрѣчаемся съ выраженьемъ, каково, напримѣръ, слѣдующее: „лѣсъ у села и деревни *вопче*": тутъ съ основнымъ реченьемъ, очевидно слито губное придыханье: *в'опче*, какъ и въ другихъ областныхъ реченьяхъ: *в'улица*, *в'усы*, *в'острый*, *в'агонь*. Кромѣ того, вмѣсто нынѣшняго *б*, тутъ стоитъ *п*, слѣдовательно основное реченье есть *опчина*, а не *община*, какъ должно бы быть *опжа*, а не *обжа*. Интересующее насъ слово состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

Апа, предлогъ, объясненный выше,

Чі (244)—собираться, соединяться, скопляться,

На (351)—нераздѣльный, недробимый, цѣльный:

а́па-чі-на, *о́пъ-чі-на* — особое, изъ другаго исшедшее собраніе людей нераздѣльное, цѣльное.

Къ родовымъ опчинамъ присаживались, по разнымъ обстоятельствамъ, чужеродцы, не входившіе въ составъ опчины и ея опчиннаго имущества. Они назывались *Аброками*, по значенью составныхъ частей слова:

Апа—предлогъ, уже объясненный,

Ра́кха (532), *ро́къ*—покровительство, охрана:

Апа-ра́кха, *апъ-ро́къ*, *аброкъ*—особо, отдѣльно покровительствуемый, охраняемый.

Такъ какъ аброки, отдѣльно отъ опчины, пользовались имущественнымъ участкомъ или угодьемъ; то, за покровительство и защиту, они вѣроятно платили владыкѣ опчины дань, первоначально въ неопредѣленномъ видѣ имущественныхъ да-

ровъ и приношеній, чтó называлось *врокомъ*, а по другому начертанію, *урокомъ*; по взаимной замѣнимости звуковъ *у* и *в*, это не производило никакого различія въ значеньи, и оба варіанта отождествились наконецъ съ словомъ *оброкъ*:

Вара (56)—приношеніе, даръ; требованье,

Ка (132)—вообще движимое имущество:

Варá-ка, *врó-къ*—имущественный даръ, въ послѣдствіи —имущественное требованье.

Въ санскритѣ есть слово *Варагка* (578) — птица вообще; въ русь-славянскій языкъ слово это должно было перейти въ формѣ: *вєрокъ*, которое такимъ образомъ становилось гомонимомъ вышеизъясненнаго речепья въ значеньи дара, дани. Намъ кажется, что на игрѣ этими гомонимами нѣкогда была измышлена легенда о требованіи уплаты *вєрока* въ видѣ птицъ, съ которымъ, по словамъ нашей лѣтописи, Ольга обратилась къ Древлянамъ: „Дадите ми отъ двора по три голуби да по три воробьи".

Коренной *родъ*, съ теченьемъ времени, послѣдовательно окружался родовыми опчинами, розростаясь въ *племя*, собраніе родовъ, и эти два слова выражаютъ понятія, столь необходимо предполагающія одно другое, что въ народномъ творчествѣ, особенно въ свадебныхъ пѣсняхъ, они отдѣльно другъ отъ друга не употребляются:

Не гости къ намъ идутъ и не пріятели,
Идутъ къ намъ злодѣи и разлучники,
Разлучаютъ меня съ отцомъ съ матерью,
Съ отцомъ съ матерью, съ *родомъ-племенемъ*,
И увозятъ меня невѣдомо куда [1].

---

[1]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, свадеб. стр. 545.

Домовладыки родовыхъ опчинъ, подчинявшіеся домовладыкѣ коренпаго рода-племени, назывались *подколѣнными* князьями—слово, о которомъ мы узнаѐмъ не изъ „писанной повѣсти временныхъ лѣтъ“, а изъ живой народной исторіи, изъ былинъ. Оставляя до поры, до времени разъясненіе слова „князь“, мы теперь покажемъ значеніе составныхъ частей реченія „подколѣнный“:

Па'а (387)—лучь свѣта,

Кала (147) дѣтородное сѣмя,

Анасъ (20)—жизнь, пораждепіе:

Пада-каланасъ, падъ-калѣно—лучъ свѣта отъ жизни сѣмени, т. е. первоначальнаго домовладыки.

Демократическій элементъ русь-славянскаго народа, „опжи“ также разселялись родами, по образцу кореннаго рода, и не рѣдко садились на особыхъ отдаленныхъ земляхъ опчинами, помимо вѣдома подколѣнныхъ князей, разростаясь въ племена. Наша первоначальная лѣтопись не безъ намѣренья напираетъ па то обстоятельство, что родъ-племя Кіевлянъ происходитъ не отъ опжей, а отъ родовой опчины князя Кія. Къ числу демократическихъ родовыхъ опчинъ можно причислять колонію, основавшую Новгородъ и обходившуюся безъ падкалѣнныхъ князей. Торговая по своей спеціальности, занимавшаяся плаваньемъ по „Варяжскому“ пути, она рѣдко приглашала князей съ ихъ дружинами въ свой городъ, но не болѣе, какъ въ видѣ постоянной охраны, гарнизона. Изгнаніе *варяговъ* передъ призваніемъ Рюрика, было только изгнаніемъ падкалѣннаго князя съ его дружиною — фактъ, быть можетъ многократно до того времени повторявшійся. Родъ-племя *Кривичей*, союзниковъ Новгородцевъ при призваніяхъ князей, розрося также, по всей вѣроятности,

изъ демократической родовой опчины, какъ показываетъ самое ихъ имя, означающее происхожденіе отъ „ткачей“ и ихъ преобладающую спеціальность:

Кріві (182)—ткацкое ремесло,

Джа, жа (256)—рожденный, произшедшій:

Кріві-джа, Криві-чъ—отъ ткачей рожденный.

Племя это жило у главныхъ истоковъ „варяжскаго“ пути, въ верховьяхъ Волги, Днѣпра и Двины, гдѣ искони укоренилось льняное производство и ткачество, и древность этой промышленности на Руси высказывается въ самомъ названіи излюбленной ткани *кумачъ*, означающемъ, по составнымъ частямъ:

Кхума (198)—ленъ,

Чіна (248)—волокно и полотнище:

Кхума-чіна, кума-чіна, кума-чъ — ткань изъ льнянаго волокна;

Шічъ, Січъ (666, 712), *шьчъ*—одежда:

Кхума-шьчъ, кума-чъ—льняная одежда:

Изъ нашей лѣтописи мы узнаемъ и о такихъ родовыхъ опчинахъ, которыя выводились на новыя сельбища падкалѣнными князьями: племена Радимичей и Вятичей такъ назвались по именамъ своихъ первыхъ вождей Радима и Вятка. Радовой бытъ вообще до такой степени отождествлялся съ организмомъ русь-славянскаго народа, что даже, въ историческую эпоху, опчины, въ которыхъ уже нельзя было прослѣдить и дознать единство кровнаго происхожденія, подражали, въ устройствѣ своихъ внутреннихъ распорядковъ, родовому образцу, и тянули къ одной главной опчинѣ, которая связывала ихъ въ óдну *волость*: *Валла* (570)—огражденіе, охраненіе, защищеніе, *Ста* (736)—твердыня, опора: *Вáлла-ста*,

*Вóла-ст*ъ, *вѣла-стъ*—охранная твердыня, опора защиты. Синонимомъ *Валла* у балканскихъ Славянъ были *Валаййа*, *Валайіта* (569)—округъ; ограда; изъ него кочевники завоеватели образовали свои слова *Вилайетъ* и *Вали*, которые принимаются многими за слова „турецкія".

Въ дѣйствительно родовыхъ опчинахъ принудительная власть была создана самою природою: въ кровномъ старшинствѣ, которое поддерживалось и первоначальною религіей въ эпоху ея силы; но quasi родовыя опчины, въ концѣ концовъ доходившія до равенства между всѣми своими членами, страдали отъ отсутствія въ своей средѣ именно принудительнаго элемента, для искуственной выработки котораго потребовались цѣлые вѣка. Чѣмъ менѣе народъ выказывалъ склонности къ воспріятію искуственнаго установленія въ замѣнъ ослабѣвшей и затемнившейся власти кровнаго старшинства; тѣмъ позднѣе выступалъ онъ на поприще исторіи, приводящей народы во взаимныя столкновенія между собою.

Сiла:

а) Кор. *Сiлъ* (601)—дѣлать; отсюда *сiла* (ib.) — естественное сремленье, природное расположенье дѣлать. Въ этомъ значеньи и у насъ говорится: агонь *силу* взялъ. Выраженья: сила природы, сила ума, сила воли, сила молитвы, означаютъ то, чтó вытекаетъ изъ самаго свойства предмета, составляетъ его естественное расположенье дѣлать, производить извѣстныя явленія, результаты.

Синонимъ этого слова въ санскритѣ *ôжасъ* (129) — сила, энергія.

Конкретное значеніе *силъ*—дѣлать, приписано всей при-

родѣ: народъ видѣлъ явленія, произведенія, результаты, но виновника ихъ не видалъ. Онъ назвалъ его *сила;* а распорядителемъ силъ сдѣлалъ невидимыхъ боговъ, которыхъ потомъ обратилъ въ конкреты посредствомъ видимыхъ образовъ, выражающихъ управляемыя ими силы.

Способность, мощь тѣла дѣлать, преодолѣвая препятствіе, есть *сила* тѣлесная. Когда она беретъ верхъ надъ всѣми другими природными расположеньями организма; тогда такая *сила уму магила* и для себя, и для другихъ. „И сила есть, да воли нѣтъ", т. е. расправился бы по свойски, да сдерживаюсь или властью надъ самимъ собою, или властью другихъ.

б) *Сíла*—способность дѣлать, производить, смѣшалось въ народномъ сознаніи съ *сíла* (648) — колосья зерноваго хлѣба. Несчетное множество колосьевъ стало отвлеченнымъ понятіемъ „множества" вообще; оттого и говорится: „тамъ *сила* народу". А съ *силою,* въ значеньи энергіи, народъ смѣшалъ и синонимъ *ужасъ,* тоже въ смыслѣ несчетнаго множества: „тамъ *ужасъ* что народу."

в] *Сí*—земля,

Ла (548)—Идра:

Сí-лá, се-лó—земля Индры.

Такъ русь-славянскій *народъ,* въ миѳическую эпоху, называлъ свою древнюю прародину:

Да на наше на *село* на прекрасное,
На столней—отъ городъ на Кіевъ-градъ
Наѣзжай молодой младой Соловниковъ,
А зъ-за того за славна за Синя моря... [1])

---

[1]) Онежск. был. № 46.

Лахійа (548)—именитый, знаменитый:

Сі-лахійа, сі-лахъ—именитая земля.

Извѣстно выраженье позднѣйшаго пѣвца Игорева похода, взятое изъ пѣсней древнихъ баяновъ:

„Встала обида въ *силахъ* Дажьбожа внука“, т. е. встала обида въ именитой, славной землѣ Дажьбожа внука.

Издревле на Руси деревенскаго жителя понимали, какъ грубаго, неотесаннаго человѣка:

А и бросится змѣища Горынчища,
Чуть его Добрыню агнемъ не спалилъ....
А и самъ тутъ змѣй бранитъ его:
Не хочу я звати Добрынею,
Не хочу величати Никитичемъ,
Называю тѣ *дитиной деревенщиной*... [1]).

Дара (312)—пещера, погребъ, нора;

'Дара (344) тынъ, чистоколъ, засѣка, окопъ, валъ; сборище; передовой отрядъ войска;

Ванї (563)—лѣсъ; вода; жилище;

Дара́-ванї, дере́-вьня — а) пещера, погребъ-жилище у воды или въ лѣсу; б) огороженное въ лѣсу, при водѣ, жилище; засѣка-жилище; пограничная засѣка-жилище.

Русь-славяне, владыки водяныхъ путей восточной Европы, заселяли огромное пространство дремучей лѣсной глуши посредствомъ просѣкъ, всегда начиная ихъ отъ береговъ сплавныхъ рѣкъ. На это указываетъ этимологическое значенье самаго слова *Лѣсъ*. Первоначальное названіе лѣснаго пространства Руси образовалось отъ корней:

---

[1]) Древнія рус. стихотв. 1804 г., стр. 52.

Паласа (402, 409)—зелень; зеленыя листья,

Паласінъ (402)—вообще растущее дерево:

Паласінъ, палѣсье—лѣсная страна.

Древнѣйшій эпитетъ къ этому слову былъ *урманъ*, отъ

Уру (115)—широкій, пространный, раздольный

Манда (491)—заснувшій, дремучій:

Уру-манда, уръ-манъ-палѣсье — пространная дремучая лѣсная страна.

Отсюда, въ областн. сибирск. нарѣчіи, эпитетъ *урманъ* удержался лишь въ смыслѣ широкаго, на огромномъ пространствѣ раскинутаго, необитаемаго лѣса. Первоначально онъ не могъ быть приложимъ къ лѣсу, недопускающему его по своему этимологич. значенью. Слово лѣсъ—составное изъ корней, общихъ санскритскому и славянскому языкамъ. Первый не имѣетъ его въ цѣльной формѣ: оно сложенъ изъ

Ла (548)—прорубка, просѣка,

Са (667)—проѣздимый путь:

Ла-са, лѣ-съ — просѣка проѣздныхъ дорогъ. Только по утратѣ сознанья этого значенья, слово лѣсъ стало употребляться въ смыслѣ палѣсья, и тогда могъ уже примѣниться къ нему древній русскій эпитетъ *урманъ*, переданный по-славянски: *широкій дремучій* лѣсъ.

Употребленное для просѣкъ оружіе, по главному своему назначенію, названо *тапаромъ*, отъ

Та (281)—праходъ,

Пааръ (423)—пролагать:

Та́-паръ, тапо́ръ—пролагающій праходъ. Въ санскритѣ это самое оружіе называется *парасу* (389), по корнямъ ознающее *Пара* (388)—впередъ, *Сук, су* (651, 716)—идущій: впередъ идущій. Въ этомъ смыслѣ весьма замѣчательна

стереотипная метафора нашихъ древнихъ юридическихъ актовъ: жеребій или участокъ, напримѣръ, отдавался кому либо въ пользованіе „со всѣми путики и съ ловищи, *куды ходилъ тапоръ*" [1]).

Одинъ изъ современныхъ изслѣдователей заселенія древней сѣверной Руси говоритъ о ея поселкахъ, въ XV, XVI вв., слѣдующее: „Единственными путями сообщеній въ непроходимыхъ лѣсахъ сѣверной Россіи служатъ рѣки; *по нимъ то преимущественно и построены русскія селенія*, равно какъ вокругъ озеръ, по приморью, *вдоль большихъ дорогъ*.—Выбравши мѣсто, поселенцы распредѣляли между собою участки и затѣмъ каждый вырубалъ себѣ, при помощи товарищей, курную избу съ клѣтью и огораживалъ дворъ, устраивалъ внутри его хлѣвъ съ сѣнникомъ, баню, овинъ, амбаръ, мшанникъ, послѣ чего *поселокъ* былъ готовъ.—Такой способъ поселенія деревнями, при возможныхъ условіяхъ — непремѣнно въ нѣсколько дворовъ, указываетъ на развитую склонность русскихъ поселенцевъ къ общинной жизни, которой совсѣмъ не обнаруживалъ финнъ, селившійся тутъ же въ одиночку и по возможности въ глухихъ мѣстахъ. Селясь вмѣстѣ, русскіе поселенцы должны были рѣшить сообща много вопросовъ, необходимо возникавшихъ при устройствѣ общаго поселка" [2]).

Такъ испоконъ вѣку творилось на Руси, не только на сѣверѣ, но и на всемъ ея пространствѣ, которое, въ древнѣйшую эпоху, было покрыто непроходимыми сплошными лѣсами, начиная съ украинъ, граничившихъ со степями.

---

[1]) Акты Юр., изд. Ар. Ком. № 175.

[1]) Соколовскій, Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи стр. 59 и сл.

Путь колонизаціоннаго движенія направлялся по рѣкамъ, на берегахъ которыхъ основывались села или митрополіи, а отъ нихъ уже поселки или деревни просѣкались вглубь дремучихъ палѣсьевъ.

Жáлiкъ (265)—*жулiкъ*: въ санскритѣ и русскомъ языкѣ имѣетъ одно и тоже значенье, — плутъ, мошенникъ, карманникъ.

Въ санскритѣ *кулака* (178), *кулакъ*, значитъ обманщикъ; у насъ же слово это обратилось въ названье перекупщика, сводчика покупателя съ продавцомъ.

Сiромяга, малорус., безпечный, лѣнивый, неряха—отвлеченное понятiе отъ

Сiрамêгiнъ (247)—оселъ.

„Всякаго *дурна* пасись". Въ этомъ значеньи „дурно" есть существительное, означающее все недоброе: худо, зло.

Дуръ (324) имѣетъ то же значенье, что наше *дурно*; но только употребляется какъ передняя приставка или префиксъ.

Дурiща (324) есть превосх. степень *дуръ*, и означаетъ, въ примѣненьи къ человѣку, то же, что наше *дурища* — очень негоднаго человѣка; а отвлеченно — превосх. степень нашего *дурно*, т. е. все въ высшей степени худое.

Дурака (324), *дуракъ* — злой человѣкъ; у насъ же имѣетъ смыслъ глупаго, безразсуднаго; но, конечно, по тону самому, невольно злаго, вреднаго: „Не дай Богъ съ дуракомъ ни найти, ни потерять".

Худой — истощенный тѣломъ, сухощавый, блѣдный, преимущественно вслѣдствіе голода, отъ

Худъ (198)—голодъ:

„Пока жирный *исхудаетъ*, изъ *худаго* духъ вонъ".

„Отъ худой (голодной) *птицы* худыя *вѣсти*".

Пословицу эту, въ нынѣшнемъ ея смыслѣ, можно понимать такъ: по голодной птицѣ [знать о неурожаѣ, голодная птица возвѣщаетъ голодъ; по голодной птицѣ узнаешь, что сами хозяева голодаютъ, или что они дурные хозяева. Но основательнѣе полагать, что эта пословица есть извращенная изъ созвучій древняя вѣдійская четійа:

а) *Пáтака* (404) — есть гуру, религіозный, вѣдійскій наставникъ; это слово обратилось у Русь Славянъ въ *батька*, которымъ называли странствующихъ жрецовъ: кудесниковъ, волхвовъ. Въ началѣ христіанскаго періода на Руси, слово *батька* примѣнилось къ попамъ, какъ видно изъ пословицы: „потѣшь *батьку* (попа), помри". Между тѣмъ, въ приведенной пословицѣ, слово *патака* обращено въ *пътаху*—птицу.

б) *Васу* (571)—вѣдійскія божества,

Та (287)—идолъ:

Васу-та, *вѣсь-ть*, *ті*—боги-идолы; но утраченное сознаніе этого первоначальнаго значенія придало слову *вѣсь-ть* смыслъ извѣстія. Изъ этого разъясненія вытекаетъ, что четія выражала слѣдующую мысль:

Отъ голодныхъ батекъ (худой птицы) голодны и боги (худыя вѣсти).

Сахаръ-Медовичъ. Такъ народъ называетъ у насъ, пройдоху, мота, негоднаго человѣка. Судя по словамъ *сахаръ* и

медъ, надо-бы скорѣе ожидать, что такъ слѣдовало бы называть человѣка, который пріятенъ, какъ эти сладости. Откуда же такое противорѣчіе нынѣшнему значенью сказанныхъ словъ? Объясненье содержится въ гомонимахъ:

а) *Су* (716)—извлекать,

Хâра (196)—сиропъ, сахарный растворъ:

Су-хâра, са-харъ—извлеченный сахарный растворъ;

б) *Су̂* (725)—рожденный; сынъ,

Хара (196)—потерянный:

Су̂-хара, са-харъ—потерянный сынъ;

в) *Су̂кара* (725), *сахаръ*—свинья.

аа) *Ма̔ду* (488), *медъ* — въ значеньи нашего слова и вмѣстѣ съ тѣмъ синонимъ сахара;

бб) *Мада* (487), *медъ*, какъ пьяный напитокъ; пьянство.

Такимъ образомъ сахаръ и медъ, какъ синонимы, соединены отчествомъ: *Сахаръ-Медовичъ*; но въ тоже время, по своимъ гомонимамъ *сухара*, *Сукâра* и *мада*, они означаютъ: потерянный сынъ пьянства, свинья пьянства. „Передъ хмѣлемъ падко, *во хмѣлю сладко*, по хмѣлю гадко.“ Это гадкое въ санскритѣ называется *сакартъ* (631), *сахаръ*—блевотина. Теперь, кажется, понятно, какъ приведенное выраженье получило у насъ смыслъ негоднаго человѣка.

„Было бы кому *вратъ*, а слушать станутъ. Не все то правда, что бабы *врутъ*.“

Вратта (613), вратъ — заученное; стихи; начитанное. Съ приставкою *анта*: *враттанта* — разсказъ, молва, диковинки, небылицы, что̀ отвѣчаетъ нашему слову *вранье*, *враки* —пустословье, ложные слухи, молва.

Различныя значенія нашего слова *тонкій* образовались отъ двухъ гомонимическихъ корней:

а) *Танъ, танôмі* (283 — натягивать, растягивать; распростирать, раскладывать; удлиннять; умножать, размелчать. Отсюда:

Тâну — исхудалый; легкій, тонкій, проскалзывающій;

Тâна (289)—натяжка, растяжка; звукъ, *тóнъ*.

б) *Танъ, танâмі* (283)—звучать.

Приставка въ нашемъ словѣ: *кай* есть сокращеніе

Кâйіа (156)—естественный составъ, плотность всякаго предмета; тѣло.

Отсюда происходятъ значенія словъ:

а) *Тâнъ-кайіа, тóн-кай*: удлиненное, вытянутое вещество: *тонкая* бичева, *тонкай* станъ, *тонкая* бумага;

Тâн-кайіа—размножать, размельчать вещество: *тонкая* крупа, мука, т. е. мелкая;

Тану-кайіа—проскалзывающее, легкое, тонкое вещество: *тон-кое* пиво, т. е. водянистое;

аб) *Танъ-кайіа*—натянутое, растянутое звучащее тѣло, наприм.: струна; отсюда: *тонкай* голосъ, т. е. высокій, какъ отъ натянутой струны.

'Бару (472)—кормилецъ,

Іна (88)—владыка, господинъ:

Бару-іна, Баръ-інъ—кормилецъ-владыка.

Пâ (403)—хранить, покровительствовать,

Анна (29)—хлѣбная пища:

Пâ-анна, па-нъ—хранитель хлѣбной пищи.

Замѣчательно, что идея, лежащая въ основѣ нашихъ

словъ *баринъ* и *панъ*, присуща также англосаксонскому hlaf-ord, произведшему нынѣшнее lord: hlaf—хлѣбъ и ord—причина, причинитель; hlaf-ord—причинитель, раздаватель хлѣба, короче—кормилецъ [1]). Готское hlaif очевидно занято у Русь-славянскаго народа: это *хлѣбъ*, объ этимологическомъ значеніи котораго мы подробно скажемъ послѣ.

Изъ всѣхъ славянскихъ языковъ, въ одномъ только русскомъ, въ его трехъ подраздѣленіяхъ: великорусскомъ, малорусск. и бѣлорусск., существуетъ слово *Хазяинъ*: оно, по первоначальному значенью, было однимъ изъ почетныхъ названій домовладыки, главы рода: „всякъ хазяинъ въ своемъ дому большой"; „нѣтъ большака супротивъ хазяина"; „хазяинъ въ дому, какъ Авраамъ въ раю". Теперь такъ называется и старшій въ семьѣ, и владѣлецъ, и распорядитель по имущественному благоустройству. Какъ гомонимъ, слово это, по своимъ составнымъ частямъ, означало, въ миѳическую эпоху Русь-славянскаго народа, высокое достоинство главы рода и кормильца всѣхъ домочадцевъ:

а) *Kaçiйê*, *kaçъ* (161)—свѣтить, сіять,
Іна (88), *інъ*—владыка, господинъ:
Kaçiйe-інъ, *хазя-інъ*—свѣтъ-владыка.

Свѣтелъ мѣсяцъ—*хазяинъ* нашъ,
Красное солнце—жена его,
Часты звѣзды—ихъ дѣтушки:
Ой Овсень, ой Овсень! [2]).

б) *Хазі* (232)—пища, яства,
Iйа (520)—ячмень,
Іна, *інъ*—владыка:

---

[1]) Максъ Мюллеръ, Лекціи по нк. о языкѣ, стр. 156.
[2]) Сахаровъ, Сказ. Рус. нар. II, с. 261.

Хаві-йіа-іна, хазъ-я-інъ—владыка ячменной пищи.

в) *Хаза* (232)—лугъ,

Іна, інъ—владыка: *Хаза-інъ* — владыка луга: „Крестьянинъ скатинкой живъ". По терминологіи Константина Багрянороднаго, слово „хазяинъ" мы можемъ назвать древнимъ, русскимъ; а „господь, господарь, господинъ"— славянскимъ, значеніе котораго и отношеніе къ первому мы разъяснимъ на своемъ мѣстѣ.

Мы далѣе покажемъ, что у Русь-славянскаго народа, въ его древнѣйшую эпоху, домовладыка, хазяинъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ домашняго Агні, и только съ этой точки зрѣнія можетъ быть разъяснена древняя четія, имѣющая теперь форму пословицы, настоящій смыслъ которой утраченъ народнымъ сознаніе: „Всякій домъ *бальшакомъ простъ*, а *гаршокъ* бальшухой". По объяснніи Даля, *простъ* означаетъ тутъ сердечную простоту: толкованіе не безъ видимой натяжки. Слово *бальшакъ* составилось изъ слѣдующихъ корней:

а) *Баль* (472)—давать,

Шакъ (665)—предлагать богамъ приношенія:

Баль-шакъ — даятель жертвенныхъ приношеній, на что̀ средства могъ имѣть только хозяинъ.

б) *Прас̂та* (447), *про́стъ* значитъ: предержащій, предстоятель, предводитель, отъ корня *С̂та̂* (736) — держать крѣпко, стоять твердо, и предлога *Пра* (325)—передъ, впереди. Слѣдовательно: „Всякій домъ большакомъ простъ" значитъ: Всякій домъ даятелемъ жертвенныхъ приношеній предводится, предстоится. — Изъ первоначальнаго спеціальнаго смысла старшины, вождя рода, дома, слово *бальшакъ*, съ теченьемъ вѣковъ, перешло въ расширенное значеніе старшины въ общинѣ, артели, ватагѣ.

Гаршокъ составлено изъ частей:

Гара (749), *гаръ* — Агні, божество въ образѣ домашняго агня,

Шакгъ—предлагать богамъ приношенія:

Гара-шáкгъ, *гаръ-шóкъ*— Агні жертвоприноситель. Такъ онъ называется въ вѣдійскихъ гимнахъ: черезъ него возносятся жертвы всѣмъ прочимъ богамъ [1]). Слѣдовательно вторая часть четіи: „а гаршокъ бальшухой", значитъ: а Агні жертвоприноситель — женою даятеля жертвенныхъ приношеній". Припомнимъ слова, съ которыми жрецъ обращался къ невѣстѣ при совершеніи вѣдійскаго брачнаго обряда: „Достойноя домохозяйка! бодрствуй надъ домашнимъ агнемъ".

Итакъ весь смыслъ четіи, нынѣшней пословицы, таковъ: „Всякій домъ даятелемъ жетвенныхъ приношеній предводится, а Агні жертвоприноситель — женою даятеля жертвенныхъ приношеній".

Нищій — побирающійся по міру, живущій подаяніемъ, отъ

Нiщiва (376)—ничего у себя неимѣющій.

а) *Тара* (286)—дорога

б) *Бá* (463) — приставочная частица, указывающая на пригодность вещи, означаемой словъ:

Тара-ба, *тóръ-ба* — пригодная въ дорогѣ вещь, дорожная сума.

Канава—долгая и узкая раскопка земли, отъ

'Канъ (202)—копать; приставка:

[1]) Grassmann, Rigv. I, стр. 4—5.

Ава — въ сторону, вдоль и внизъ:

Канъ-ава, *кан-ава*—копанье внизъ и вдоль.

Канака—*канавщикъ*, копатель канавъ.

Варата—широкія створы, которыми запирается проѣздъ или проходъ сквозь отверстіе. Мы пишемъ, по окающему говору, *ворота*, что́ совершенно неправильно; а произносимъ это слово, по акающему, правильно и согласно его этимологическому произхожденію:

Ва́ра (577)—большая дверь,

Та [281]—дерево:

Вара-та, *вѣра-та*—большая дверь деревянная.

Слово это получило у насъ форму множ. числа; но первоначально, она конечно была двойственнаго числа, такъ какъ варата состояли изъ двухъ большихъ дверей или створовъ. Вторая часть его: *та*, дерево, утратила свое значенье въ народномъ сознаньи, и слившись съ первою, образовала цѣльное понятіе, обратившее сложное слово въ простое; вслѣдствіе этого и оказались возмо́жными при немъ эпитеты; „золотыя, мѣдныя, желѣзныя“ варата. Въ лѣтописи, подъ 1037 г.: „У негоже града суть *златая* вѣрата“.

Въ словѣ „варата“, вслѣдствіе отсутствія преобладающаго ударенія, ни въ одномъ изъ его слоговъ, по акающ. говору, *а* не переходитъ въ *о*. Такой же точно примѣръ представляетъ намъ слово *Раса*—капли воды, въ извѣстную пору выпадающія на землю, на растенія и другіе предметы: оно буквально соотвѣтствуетъ санскритскому

Раса (535)—вода: „раса *мочитъ* по зарямъ, а дождь—по порамъ". Только во множ. числѣ *а* переходитъ въ *о*: *ро́сы*, да въ косв. под. *расо́ю*.

Ма (483), гомонимъ, означающій между прочимъ: „смерть; скрѣпа, сковка. Отсюда:

Ма-ра́са, *ма-ро́зъ* и *мъ-разъ*—смерть, или скрѣпа, сковка воды.

Авось. Небось.

Въ приводимыхъ здѣсь пословицахъ, *авось* имѣетъ значенье существит. имени:

„Авось и рыбака толкаетъ подъ бока", то есть рыбака подстрекаетъ вѣроятность удачи, *независящей впрочемъ отъ нашей воли*. Отсюда *авосьный случай* — какое нибудь приключенье, происшедшее помимо нашей воли.

„Авось не унываетъ" — потерпѣвшій неудачу „не по своей воли" не унываетъ.

„На авось мужикъ и хлѣбъ сѣетъ", т. е. сѣетъ, надѣясь на нѣчто, „не зависящее отъ его воли":

„Авось не богъ, а полбога есть", т. е. „независящее отъ нашей воли" конечно не есть всемогуще, при человѣческой предусмотрительности; но все-таки на половину всемогуще. Полагаться на него вполнѣ опасно, потому что

„Авось—дуракъ, съ головою выдастъ", т. е. отреченье отъ своей воли и предусмотрительности неминуемо повергнетъ въ бѣду.

Всѣ значенья Авося, въ приведенныхъ пословицахъ, объясняется санскритскимъ

Ава́са (55)—*аво́сь*—неимѣющій своей воли, свободнаго

произвола; наперекоръ самому себѣ; помимо нашей воли и всякаго сопротивленья. Слово сложено изъ

А [5]—не

Вась [570]—хотѣть, желать; чаять; благопріятствовать.

„Авось съ *небосемъ* водились, да оба въ яму ввалились“.

Небось—ободрительное междометье для отогнанья страха. Оно образовалось изъ повелит. наклоненья, имѣя въ пословицѣ значенье существительнаго. Однако-жъ форма *бось* указываетъ на древній глаголъ.

Бась [473] — устрашать, пугать, грозиться. Съ отрицаньемъ *не* и обращеньемъ *а* въ *о* чрезъ ударенье, вышло *небо́сь*.

Авось и небось, любимыя чада Руси, товарищи сколько отваги, столько же и бѣды, обнаруживаютъ въ ней присутствіе арійскаго характера самой древней эпохи. Разсчетомъ на авосьный случай, на благопріятство судьбы, управлялась вся игра *въ кости*, одна изъ самыхъ древнихъ игръ первобытнаго арійскаго общества, до того увлекавшая народъ, въ особенности хатріевъ, что въ послѣдствіи производила въ Индіи настоящіе дворцовые перевороты. Она была одною изъ причинъ, наиболѣе благопріятствовавшихъ неравному распредѣленію богатствъ и ихъ перемѣщеньямъ въ арійскомъ обществѣ; она породила тотъ низшій классъ людей, который уже съ незапамятной древности былъ извѣстенъ на Руси подъ названьемъ *голи кабацкой*. Подтвержденьемъ тому, что игра эта составляла выдающуюся черту нравовъ первобытной прародины арійскихъ народовъ служитъ то, что она процвѣтала сколько у Русь-Славянъ, столько же, если еще не больше и у Германцевъ, о которыхъ Тацитъ свидѣтельствуетъ: „Они,

натощакъ, между важными дѣлами, занимаются игрою въ кости и, чему вы удивитесь, съ такимъ бѣшенствомъ выиграть либо проиграть, что, когда уже ничего не осталось, вводятъ въ ставку свою свободу и свое тѣло. Побѣжданный идетъ въ рабство добровольно: моложе-ли онъ, сильнѣе-ли, все-таки позволяетъ связать себя и продать" [1]). Одинъ изъ древнѣйшихъ вѣдійскихъ поэтовъ посвятилъ этой авосьной игрѣ гимнъ, помѣщенный въ первой части священной книги, именно въ Рігъ-Вѣдѣ, изъ котораго приводимъ слѣдующія выдержки:

„У меня жена безъ норову противъ меня, не ворчалива. Добра она къ друзьямъ моимъ, какъ и ко мнѣ, своему мужу.

И вотъ покидаю я преданную жену, и иду попытать счастья (авося).

Родичи отшатнулись отъ меня. — Когда я прихожу въ себя, во мнѣ пропадаетъ охота быть несчастнымъ черезъ эти кости.

Но вотъ, мимоходомъ, друзья подталкиваютъ меня; слышится обаятельный звукъ падающихъ черныхъ костей. И влекусь я въ то мѣсто, какъ женщина, обезумѣвшая отъ любви.

Приходитъ игрокъ на сходку; тѣло у него горитъ, и онъ говоритъ самому себѣ: выиграю! Кости захватываютъ духъ у игрока, предающаго имъ все свое достояніе.

Горюетъ покинутая жена игрока; мать не знаетъ, что сталось съ ея сыномъ. Самъ онъ, преслѣдуемый кредиторомъ, трепещетъ: подползаетъ къ нему мысль о воровствѣ; онъ возвращается домой лишь ночью.

---

[1]) Germania, XXIV.

О игрокъ! не дотрогивайся до костей. Лучше обрабатывай землю, и пользуйся достояньемъ, которое да будетъ плодомъ не авося, а твоей разсудительности [1]).

Встарину игра въ кости называлась у насъ зернью: это *зі-раньа, зе-рънь*—слово, означающее по смыслу корней:

Зі (267)—играть, выигрывать,

Раньа (267,)—партія; сраженье.

Памятниками этой азартной игры остались также наши выраженія: „попасть въ *прасакъ*, сидѣть въ *прасакахъ*", которыя, въ отвлеченномъ смыслѣ, представляютъ теперь вообще затруднительное положеніе, бѣду, гдѣ не знаешь, какъ извороти́ться; а въ конкретномъ—означали въ древности положеніе игрока, который попался въ бѣду на костяхъ, отъ санскритскаго *прасака* (453), *прасакъ*—игральныя кости.

Изложенный гимнъ наводитъ насъ на ту мысль, что въ древнѣйшую эпоху, эпоху гимновъ Рігвѣды, Аріецъ еще многое приписывалъ своей разсудительности. Но позднѣе, съ окончательнымъ установленьемъ въ Индіи кастъ, въ событія человѣческой жизни начинаютъ допускать вмѣшательство всемогущей Судьбы, подавляющей всякое проявленье личной дѣятельности. Въ одномъ мѣстѣ Рамайаны читаемъ: „Человѣкъ на землѣ не свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ не владыка надъ самимъ собою: Судьба — вотъ кто, въ кругу жизни, толкаетъ его, по своему произволу, туда и сюда. — Одушевленныя существа не могутъ умирать прежде того часа, который назначенъ Судьбою" [2]),

При такомъ взглядѣ на жизнь, отвѣтственность человѣка за свои поступки немыслима, и, по видимому, идея судьбы

---

[1]) Em. Burnouf, Es. sur le Vêda, p. 242.

[2]) Le Romayana, tr. p. Fauche, I, p. 236, 153.

ещe не восторжествовала окончательно въ эпоху великой поэмы, потому что рядомъ съ выписанными стихами можно сопоставить изъ нея же слѣдующія мѣста: „Когда человѣкъ совершаетъ дѣяніе доброе или худое; то не можетъ уклониться отъ съяденья того плода, который приноситъ ему послѣдовательность времени.— Всякій, кто, начиная что-либо, не обсуживаетъ тяжести или легкости вещей, для избѣжанія зла и дѣланья добра, незывается у мудрецовъ ребенкомъ".[1])

Игра въ кости была у древнѣйшихъ Арійцевъ проводникомъ къ изобрѣтенію другой, даже и теперь еще прекраснѣйшей изъ всѣхъ игръ: это—шахматы [2]).

А царь ты Вахрамѣй Вахрамѣевичъ,
А я слыхалъ—скажутъ ты охвочъ играть,
Да въ доски-ты *шахматы*,
А въ дороги *тавлеи* золоченыя....

Первую тавлеюшку царь *ступилъ*;
Другую тавлеюшку Добрыня Никитичъ младъ....
Больше царю ступать некуда..... [3])

Думали объяснить слово *тавлея* латинскимъ tabula; но этому противорѣчитъ выраженіе: „Первую тавлеюшку царь ступилъ"; доскою, вѣдь не ступаютъ.

Какъ шахматы — древнее арійское изобрѣтенье; то и слово *тавлея* объясняется санскр. языкомъ:

Та (281)—дерево,

Вала (569) — воины, войско; *Валій* — валъ, ограда, городъ:

Та-вала, *та-вѣла*, *та-вѣлія*, *тавлея*—деревянные вои-

---

[1]) Ib, p. 174.

[2]) L. Carre, L'Ancien Orient, t. II, p. 88.

[3]) Онежск. был. № 52, стр. 265.—Пѣсни, собран. Кирѣевскимъ, вып. II, стр. 85.

ны, „Тавлеи косящеты, золочены“ значитъ: деревянные воины рѣзные, золоченые.

Шахматная игра была удѣломъ высшаго класса народа; въ упрощенной же формѣ, подъ названіемъ *шашекъ*, она до сихъ поръ составляетъ любимую игру русскаго простонародья:

Испроговоритъ царь Бухаръ заморскіи:
„Ты Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ!
Чѣмъ же нунь у васъ да на Россіи забавляются?“
— У насъ же на Россіи забавляются. —
Нынь играютъ да во *шашечки* дубовыи,
Что-ли ставятъ да дощечки да кленовыи [1]).

Для объясненья самаго слова *шахматы*, намъ представляется нѣсколько гомонимическихъ корней:

1 а) *Шагхъ* (665, 668)—поражать,

б) *Шагъ* (665, 667)—покрывать, заступать,

в) *Шагъ* (666, 702) — быть милостивымъ; снисходить, миловать.

2 а) *Матійа* [487]—все то, на чемъ сосредоточиваются вниманіе, соображеніе, мысли;

б) Матъ (486)—мѣстоимѣніе 1-го лица въ различныхъ отношеніяхъ къ предметамъ, употребляемымъ только въ сложеніи съ другими словами.

Шахъ-матійа, *шахъ-маты*—сосредоточенье вниманья и соображенья на пораженьи противника, на покрытіи и заступленіи пѣшекъ, на милости къ нимъ;

Шахъ-матъ—я побѣдитель, поразитель.

Древнѣйшее арійское названіе фигуръ въ тавлеяхъ есть

---

[1]) Онежск. был. № 6, стр. 53.

Ц̄ръ (664), *царъ*. Формы этого слова, соотвѣтствующія реченію *шахъ*, означаютъ:

Кор. *Ц̄ръ*, *царъ* (656, 654, 728) — разбивать, сокрушать; внимать; прославляться;

Цару (639)—оружіе вообще; стрѣла Индры;

Цара (638), *царъ*—ударъ, пораженіе;

Цараʿбу (638)—имя Картикея или Сканды, бога войны; отъ *цара*—разитель и *ʿбу* (477)—земля: разитель земли.

Ц̄арваʿбома (711)—царь всей земли (ʿбумі);

Ц̄ара (710), *царъ* — сильный, мужественный; благой; знаменитый; богатый;

Царʿта (711) — богатый, роскошный; рать, войско; караванъ;

Царана (638)—покровительство;

Царанійа—покровитель; тотъ, кто даетъ убѣжище.

Слова: *шахъ* и *царъ*, перешли въ шахматную игру изъ дѣйствительнаго древнѣйшаго строя арійскаго общества; а не на оборотъ—изъ игры въ дѣйствительную жизнь. — Первое есть титулъ персидскихъ самодержцевъ, а послѣднее — русь-славянскихъ. Всѣ приведенныя значенія слова *царъ* сводятся къ преобладающей идеѣ—воинскаго предводителя. *Бала* (461) значитъ рать, войско, армія: *бала-цара* — вождь рати; по утратѣ сознанія этимологическаго значенія, первое слово обратилось у насъ въ эпитетъ ко второму: *бѣлый*. Отсюда произошло у русскаго народа выраженіе: *бѣлый царъ*—самодержавный вождь народа, и по смѣшенію *бѣлый* съ синонимомъ *свѣтъ*—свѣтлый вождь народа. Но слово *царъ* получило воинское значеніе только въ силу созвучія вышеприве-

денныхъ санскр. словъ съ первоначальными, которыя въ Рігъ-Вѣдѣ имѣютъ другой смыслъ. Корень

Цpi (660), *Цръ* — чтить; обожать; покровительствовать, — въ Рігъ-Вѣдѣ означаетъ въ особенности „разливать, распространять свѣтъ на что-либо", а въ переносномъ смыслѣ —„благоволеніе на кого-либо" [1]). Отсюда:

а) *Цpi*, *Цръ* и *Царъ*—блескъ, сіяніе, свѣтъ, слава [2]); объ Индрѣ: „Пусть тутъ бушуютъ Рудры, за твоею славою, или за твоимъ свѣтомъ (*царійамъ*) слѣдующіе"; объ Агні: „Высоко возносишься ты надъ смертными, свѣтлостію (*царійа*) богамъ подобный" [3]).

Слово: *Царъдула* (644) употреблялось только въ сложеніи съ другими словами и означало „государя, царя": *нара-цардула* — царь наровъ, т. е. людей исключительно арійской расы; буквально: *нара-царъ-ду-ла* значитъ: „наровъ свѣтлый вождь Индра".

б] *Цpi* [661], *цръ царъ*, эпитетъ въ значеньи титула: божественный, свѣтлый, благоговѣйно чтимый; напримѣръ: *Црiганеса*, *царъ Ганеса*—божественный, свѣтлый Ганеса (это —божество мудрости и рока); *цріpамаййана*, царь Рамайяна —божественная, свѣтлая, славная Рамайяна [поэма].

Этотъ эпитетъ или титулъ прилагался, съ древнѣйшей эпохи, и къ царствующимъ государямъ, по крайней мѣрѣ у русь-славянскаго народа. Въ подтвержденіе приводимъ здѣсь примѣръ, оставляя другіе до особаго отдѣла настоящаго труда о собственныхъ именахъ. Въ VI в. императоръ Юстиніанъ,

---

1) Grassmann, Wörterb. z. Rv., s. 1425.

2) Ib. s. 1425, 1382.

3) Aufrecht, Rv., Mand. VIII, № 13, st. 28; Mand. IV № 48, st. 19. — Ludwig, № 591, 28; № 383, 19.

по происхожденію славянинъ, вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ государемъ Алланъ, котораго тогдашній современный историкъ Менандръ называетъ *Саросіемъ* [1], а по настоящему, за отсутствіемъ въ греческ. языкѣ звука *ц*, *Царосіемъ*. Это — титулъ царствовавшаго государя, который, подъ перомъ греческаго писателя и по греческому окающему говору, получилъ значенье собств. имени:

Цръ, царъ—свѣтъ; свѣтлый, божественный;

Ра̂за (577), *Ра̂зъ* [отъ котораго латинск. *rex* и нынѣшнее индійское *раджа*]—государь, державецъ; *Ра̂зі* [538]—родословіе, родъ, поколѣніе;

Ра̂зійа—родословное царственное достоинство, царская власть:

Царъ-разійа, обращенное грекомъ въ *Сарбсій*, значитъ: „свѣтъ царскаго достоинства“:

Царъ-разъ, *Сарросъ*—свѣтъ-государь. Изъ всего царскаго рода, народъ иначе и не могъ называть, какъ только одного царствовавшаго государя „свѣтомъ царскаго достоинства или рода, свѣтомъ-государемъ“. Оттого оно и легко было принято иностранцемъ грекомъ за собственное имя. Миѳическое наименованіе царскаго рода, открытое Поповымъ въ древнѣйшей редакціи хронографа [2], есть *Ду-ла*, составная часть вышеприведеннаго нами слова *Ца̂рьдула*. Оно означаетъ, какъ мы видѣли, „вождь Индра“, и доказываетъ, что государи русь славянскаго народа вели свое происхожденіе отъ миѳической индійской, такъ называемой, солнечной династіи.

Итакъ слово *цар* есть исконная, вѣковѣчная собственность языка русь-славянскихъ наровъ, получившее воинствен-

---

1) Забѣлинъ, Исторія рус. жизни, 385.

2) Обзоръ Хроногр. Вып. I, стр. 25

ное значеніе отъ созвучныхъ словъ уже въ послѣдующее время; производство его отъ *цесарь* есть домыслъ и мудрованіе позднѣйшихъ византійско-булгарскихъ книжниковъ, которые, утративъ сознаніе его смысла, порѣшили, что оно есть сокращеніе слова „цесарь". Въ слѣдствіе этого, подъ видомъ возстановленія правильнаго чтенія, въ глаголическомъ сборникѣ, принадлежащемъ къ древнѣйшимъ памятникамъ славянской письменности, въ Словѣ Іоанна Златоуста постоянно употребляется реченіе „цесарь": „Ируд же цѣсарь сьій не людемь, нь похотемь"[1]); въ греческомъ же текстѣ евангелія Иродъ титулуется *василевс*, потому что „цесарь", въ I вѣкѣ христіанской эры было титуломъ исключительно римскаго императора.—Въ древнемъ глаголическомъ спискѣ католическаго миссала также видимъ постоянное употребленіе словъ: цѣсарь, цѣсарство, цѣсарить[2]].

Непониманіе византійско-булгарскими книжниками слова „царь" доказывается признанною съ ихъ стороны необходимостію его истолкованія. Такъ, пресвитеръ Грагорій, бывшій, по словамъ Калайдовича, современникомъ булгарскаго царя Симеона, употребляетъ, въ своемъ переводѣ о Троянской войнѣ, слѣдующія рѣчи: „Пріимъ царь написавъ книгы къ всѣмъ царемъ, *рекше мѣстодръжителемъ* Еуропскыя страны"; „Пріиде же въ Аспардъ, градъ Еладескъ царствуемъ, *сирѣчь мѣстовладычествуемъ* Менелаемъ"[3]). Если балканскіе Славяне сознавали тожество *царя* и *кесаря* или *цесаря*; то спрашивается, для чего книжникамъ понадобилось толковать

---

[1]) Срезневскій, Зап. Акад. Н., т. 28, кн. I, ГХХ.
[2]) Ibid. LXXVI. —
[3]) Іоаннъ экз. булг., стр. 178, прил. X.

это слово? Не ясно-ли, что оно занесено на Балканы, откуда-то со стороны? Между тѣмъ у русскаго народа никогда не угасало сознаніе его значенія, какъ княжаго рода правителя земли и предводителя войска. Напримѣръ, перепищикъ Мстиславова евангелія, 1132 г., называетъ, въ припискѣ, новгородскаго князя Мстислава *царемъ*, а его княженіе—*царствіемъ*. Лаврентьевскій списокъ нашей первоначальной лѣтописи говоритъ о немъ, что онъ послалъ въ Муромскую землю (1096 г.) къ Олегу сказать: „Аще и брата моего убилъ еси, то есть не дивно; *въ ратехъ бо и цари* и мужи погыбають". Но тотъ же самый писецъ, величающій Мстислава царемъ, въ текстѣ евангелія, въ окончаніи молитвы Господней, подражая балканскимъ Славянамъ, пишетъ: „Яко твое есть *цесартвіе*...." Изъ сличенія Калайдовичемъ молитвы Господней по 16-ти древнимъ спискамъ евангелія, начиная съ 1057 г., во всѣхъ, не исключая и упомянутаго Мстиславова, читается: „да пріидетъ *царствіе* или *царство* твое". Что державцамъ русской земли приписывался титулъ *царей* въ такомъ вѣкѣ, когда никто изъ нихъ торжественно не величалъ себя этимъ словомъ, — видно изъ сербскаго пролога XIII в., въ которомъ св. мученики, князья Борисъ и Глѣбъ называются *русскими царями;* Ольга, мать Святослава — *русскою царицею*[1])". Въ виду этихъ историческихъ документовъ, представляется очень вѣроятнымъ, что Владиміра народъ также титуловалъ царемъ, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ нашихъ былинъ [2]]. Но первоначальная лѣтопись наша постоянно именуетъ его, какъ до крещенья, такъ и послѣ крещенья княземъ. Этому впрочемъ нечего удивляться: кіевскій

---

[1]) Калайдовичъ, Іоаннъ экз. булг., стр. 90, прим. 10.

[2]) Онежск. былины, стр. 118, 148, 165.

митрополитъ изъ Грековъ понималъ слово царь въ смыслѣ кесаря, василевса, императора; а по тогдашнимъ греческимъ воззрѣніямъ, въ христіанскомъ мірѣ могъ быть только одинъ *царь*, и таковымъ единственнымъ признавался лишь византійскій императоръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по тѣмъ же воззрѣніямъ, не могло быть христіанскаго *царства* безъ патріаршества[1]. Противъ подобныхъ произвольныхъ доктринъ, пролагавшихъ путь къ политическому порабощенію тѣхъ странъ, которыя принимали христіанство изъ Византіи, тщетно боролся каганъ Богорисъ, крестившій Булгарію. Его пріемникъ Симеонъ поступилъ рѣшительнѣе: онъ превозгласилъ своего архіепископа патріархомъ, а себя—*царемъ*, въ смыслѣ василевса[2]. Быть можетъ, сказанныя греческія воззрѣнія были одною изъ причинъ, по которымъ и у насъ пріемникъ Владиміра, Ярославъ, поставилъ митрополитомъ Иларіона, русскаго человѣка, и воевалъ съ Византіей. Пріемники Ярослава, больше всего занятые своими междоусобіями, не умѣли возвыситься до его идей, и послѣ Иларіона у насъ опять, почти на два столѣтія, потянулся рядъ греческихъ митрополитовъ, присылавшихся изъ Византіи.

У насъ, на Руси, кромѣ титула „князь", установилось, по преданію, различіе въ титулахъ: государь и царь. Первымъ словомъ означался державецъ особой земли, а послѣднимъ — владыка надъ государями и князьями. Таковъ былъ ханъ Золотой орды, который потому и назывался царемъ. Такъ, въ договорной грамотѣ тверскихъ князей, 1437 г., читаемъ: „А будетъ вамъ, брате, взять любовь съ Жигимонтомъ, или съ Литвою, или кто иной *осподарь сядетъ на*

1) Голубинскій, Очеркъ исторіи прав. цер. Болг., Серб... стр. 273, 27.

2) Ibid., стр. 57.

литовской земли, и вамъ, брате, безъ менія любви не взять... А въ Ордѣ ти, брате, путь чистъ къ *царю* [1]." Значитъ, московскіе Великіе Князья, подчинивши себѣ другихъ удѣльныхъ и великихъ князей, и свергнувши монгольское владычество, приняли тотъ самый титулъ, которымъ прежде величали хановъ Золотой орды.

Мудрованіе надъ этимъ словомъ древнихъ византійско-булгарскихъ книжниковъ до того сбило съ толку послѣдующихъ перепищиковъ, что они безразлично писали: цр҃ь, царь, цр҃ь, цѣсарь. Болѣе смышленные изъ нихъ держались по-видимому нѣкотораго правила; такъ, напримѣръ, писецъ извѣстнаго паннонскаго житія Меѳодія, при именахъ Саула и Давида пишетъ цр҃ь а при имени византійскаго императора Михаила III—цр҃ь, т. т. цѣсарь. Мы входимъ во всѣ эти подробности по той причинѣ, что домыслъ византійско-булгарскихъ книжниковъ о происхожденіи слова *царъ* отъ *цесаръ* усвоенъ даже нѣкоторыми извѣстными филологами нашего времени. Но такой взглядъ могутъ раздѣлять лишь тѣ, которые воображаютъ, что русь-славянскій народъ какимъ-то чудомъ упалъ съ неба въ Европу не раньше V или VI вѣка нашей эры, и что онъ не вправѣ считаться древностію своего происхожденія съ Греками и Римлянами, у которыхъ будто-бы долженъ былъ учиться всему, даже названію державца земли и вождя народа, *нарацардула*.

Мы употребляемъ теперь слово *государъ* и въ частныхъ сношеніяхъ между собою, и какъ титулъ верховнаго правителя государства. Такъ точно употреблялось и слово *царъ* въ древюю русь-славянскую эпоху. Въ евангеліи отъ Матѳея

---

[1]) Акты ист., изд. Арх. эксп., т. I, № 33.

есть двѣ сходныя по началу притчи [18: 24 и 25: 14]. Первая, какъ и по греческому тексту, начинается словами: уподобися царствіе небесное *человѣку царю...*; а вторая — словами: человѣкъ *нѣкій*. Въ туровскихъ же евангельскихъ листахъ XI в. и вторая причта начинается тѣми же словами, чтó и первая [2]). Въ обѣихъ притчахъ рѣчь ведется о человѣкѣ богатомъ и сильномъ; человѣку царю соотвѣтствуетъ греческое *ἀνθρώπῳ βασιλεῖ*. Это—человѣкъ, подобно царю сильный своими сокровищами, множествомъ слугъ, должниковъ и проч. *Василевс*, кромѣ государя, иногда означаетъ еще человѣка, могучаго своимъ богатствомъ или чѣмъ-либо другимъ; въ соотвѣтствіе ему, въ русь-славянскомъ переводѣ употреблено слово *царъ* въ одномъ изъ объясненныхъ нами значеній его: „человѣку царю" значитъ сильному, богатому человѣку. Тутъ уже нельзя видѣть цесаря. Этимологическое происхожденіе *василевс* объясняется санскритскимъ

Васу [571]—богатство; золото; солнце; особый классъ вѣдійскихъ божествъ—*васы*. Гомеровы цари, какъ извѣстно, ведутъ свой родъ отъ боговъ [*васі-лаос*—боги народа], отъ чего имъ и придается эпитетъ: *божественный*, наримѣръ, Ахиллесъ. Это же санскр. слово вошло въ наименованіе Индры, владыки солнечной области: *Васава* [388], которое есть не болѣе, какъ синонимъ вышеприведеннаго *Дула* или *Царъдула*.

Въ дѣяніяхъ апостола Павла и велико-муч. Ѳеклы, легендѣ, дошедшей до насъ въ отрывкѣ XI в., писанной кириллицей, и въ глаголической рукописи XIV в., между прочимъ читаемъ: „И се етера жена, именемъ Торпена, *богата зѣло*,

---

[2]) Срезневскій, Свѣдѣнія о малоизв. и назв. памятн., стр. 126

поѣть ю [Теклу] на сьхраненіе.... И егда звѣрь введоша на ню... и *цр҃ица* [въ глаг. цс҃арица] Торпена гредѣше вслѣдь ею". Очевидно, что тутъ эпитетъ *царица* есть эпитетъ *нѣкоторой* женщины Торпены, равносильный эпитету: *богата зѣло*. Слѣдовательно, тутъ слово „царь, царица" употреблено вовсе не въ значеніи титула и „цесарь", вопреки глаголитскому книжнику, написавшему „цесарица" вмѣсто „царица".

Самодержцы Римской имперіи включали въ свой титулъ слово „цесарь" въ память Юлія Цесаря. Въ это время императоры у Грековъ, какъ и всѣ государи, назывались *василевсами*, а опредѣлительнымъ эпитетомъ было слово *кесарь*, для означенія именно римскаго государя. Въ греческомъ текстѣ евангелія онъ постоянно называется кесаремъ; такъ, у Луки 2: 1, также въ извѣстномъ изреченіи Спасителя: воздадите кесарево кесареви; потому что на показанной Ему монетѣ было изображеніе римскаго императора. Слово евангелія: *Οὐκ ἔχομεν βασιλέα εἰ μὴ καίσαρα* [Іоан. 19: 15], переведены въ Саввиной книгѣ, рукописи XI в., такъ: „не имамъ цр҃а точію кесара". Здѣсь словомъ *царь* переведено *василевс*; означай оно *кесаря* или *цесаря,* преподавателямъ реторики представился бы образцовый примѣръ тавтологіи. Но съ половины Ш вѣка, при императорѣ Діоклитіанѣ, титулъ цесаря былъ переданъ предполагаемымъ наслѣдникамъ, пріемникамъ престола, а такое установленіе перешло также въ Византійскую имперію. Императоръ Михаилъ Ш, въ IX вѣкѣ, назначилъ цесаремъ Василія Македонина. Къ его эпохѣ относятъ переводъ евангелія и вообще священнаго Писанія на славянскій языкъ. Какимъ же образомъ переводчики могли выкроить

русь-славянское *царь* изъ цесаря или кесаря, когда прошло уже нѣсколько вѣковъ съ того времени, какъ слово это перестало означать верховнаго, самодержавнаго правителя государства? Ясно, что въ переводъ вошло слово, которое имѣло самостоятельное, независимое отъ *цесарь* значеніе; вся путаница въ письменномъ употребленіи его произошла, отъ мудрованія византійско-булгарскихъ книжниковъ.

Въ нашихъ драгоцѣнныхъ, захолустныхъ былинахъ, въ этой сокровищницѣ многихъ древнихъ русскихъ словъ миѳической эпохи, слово *царь* выставляется синонимомъ *короля*. Въ былинѣ, записанной въ шенкурскомъ уѣздѣ архангельской губ., поется:

Я возму-ли себѣ, возму сужену,
Что во томъ-ли въ городѣ Черниговскомъ,
У того-ли у *короля* Чернигова...
На это ласковъ князь Владиміръ рѣчь говорилъ.
„Ужъ ты гой еси Иванушко Годиновичъ!
Не бери ты во городѣ во Черниговѣ,
У того у *царя* у Чернигова..... [1]).

И дѣйствительно, корни слова *кароль* представляютъ синонимическое отношеніе къ словамъ *шахъ* и *царь*, и также указываютъ на первоначальное происхожденіе этого титула отъ знатнаго родословія и предводительства войскомъ:

Каръ, *Kâръ* (180, 184, 179) — разбивать, поражать; управлять;

Каранла (187)—мечъ;

Kâра (186)—война, битва; владыка, господинъ;

âлі (80)—рядъ предковъ, родословіе:

---

[1]) Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, вып. III, сту. 11.

Кāра-āлі, *каръ-óль*, *кърa-аль*, *кър-ӯль* — родословный владыка, вождь войны.

Голъ какъ соколъ.

Поговорка эта, въ буквальномъ значеньи, лишена смысла; потому что соколъ одѣтъ перьями, какъ и прочія птицы. Очевидно, что сознанье этимологическаго значенья слова тутъ утрачено, и имъ навязанъ другой смыслъ. Поговорка должна была значить: *вымытъ, чистъ какъ рыба*, отъ словъ:

Кгáлъ (196) — вымывать, чтó обратилось у насъ въ *гóлъ*;

Сакалинъ (631)—рыба, перешло у насъ въ *сакóлъ* или *сóкалъ*, вслѣдствіе смѣшенья съ созвучнымъ *сакуна* [631], дѣйствительно означающимъ нашего сокала-птицу.

На отношенье понятій рыбы и птицы сокала, выражаемыхъ этими словами, указываютъ также слѣдующіе стихи малорусской колядки:

Сівъ *сокілъ*, сидить, въ море ся дивить,
Рыбоньку ловить господареві на вечероньку [1]).

Яснъ, ясный сокалъ. „Ясный"—свѣтлый, сіяющій, отъ крн. *Ійасъ* (325)—блескъ, сіяніе: *Ясное* солнце. Этотъ эпитетъ не иное чтó, какъ синонимъ другаго санскритскаго слова *сійēна* (659)— бѣлый, свѣтлый, которое вмѣстѣ съ тѣмъ означаетъ и „сокола". Такимъ образомъ русскій языкъ, изъ двухъ санскр. синонимовъ: *сійēна* и *сакуна*, въ значеньяхъ сокола, избралъ послѣдній, обративъ первый въ эпитетъ, замѣнивъ его синонимическимъ *ясный*.

---

[1]) Головацкій, Нар. пѣсни Гал. и Уг. Русп. Чт. въ О. и. к др. 1863, кн. 3. № 23.

Отъ корня *Чулъ*, *чолайами* (240) — подниматься въ верхъ, въ высь, быть на высотѣ, происходитъ санскриское *Чу̂ла̂* (250), *чоло́*, *чело́*, которое означаетъ:

а) вершину вообще, какъ и у насъ „*чело* горъ“;

б) выдающуюся часть головы; наше *чело* — лобъ, какъ вершина человѣческаго тѣла: „бить челомъ“ — оказывать почтеніе приниженіемъ до земли того, что́ держится на высотѣ человѣческаго тѣла;

в) чубъ на лбу, на головѣ; наше *чолъ-ка* („ка“ голова) —лошадиный чубъ, спадающій съ головы на лобъ;

г) все, украшающее верхъ: хвосты, перья на шлемѣ и проч.; у насъ встарь *чолъ-ка* означало знамя — поднятый вверхъ на шестѣ знакъ: конскій хвостъ, полотнище и проч.

Наше *чоло*, *чело* — наружное отверстіе русской печи, соотвѣтствуетъ санскритскому *чуллі* (249), имѣющему то-же самое значеніе.

„По небу облака, по *челу думы*“. — Глагольная форма *ʿДійамі*, отъ корня *ʿДійае* (349), есть наше, по звукамъ и значеніи, *Ду-мать*, размышлять, (долгое *а*: діаамі, въ силу ударенія, перешло у насъ въ *у*); отсюда санскритское *дійâна*, а наше *дума* — мысли. Но въ этой формѣ наше слово сходилось съ санскритскимъ:

ʿДума (347)—дымъ, отъ корня *ʿДу*—колебать, волновать, а потому оно должно было подвергнуться у насъ, для отличія значеній, легкому измѣненію: *дымъ*, *дымъ*.

Первоначальное сравненіе двухъ естественныхъ явленій: „по небу облака, по челу думы“, то есть: „а по вершинамъ, по горамъ дымъ или паръ“, предвѣстникъ дождя, — получило у насъ метафорическій смыслъ: какъ по небу ходятъ, волнуются облака, такъ по *челу* (лбу) смѣняются черныя *думы*:

оттого-то и говорится: „долгая *дума*—лишняя *скорбь*“, потому что первоначально слово *дума* — мысли, сливалось съ значеніемъ санскритскаго *д$\hat{у}$ма*, дымъ, и сближеніе этихъ идей разрѣшилось въ идеѣ тягостнаго чувства, которое называется скорбію.

Голъ, голый, тѣло безъ всякой одежды, есть собственно *нагъ, нагой*. Такое же самое значенье имѣетъ и санскритское слово

Нагна (352)—не покрытый одеждою, обнаженный. Но оно происходитъ отъ корня

Нагъ, [352] — стыдить, стыдиться. Отсюда нашъ глаголъ *наготить*, санскритскій смыслъ котораго, въ соединеньи съ идеей *нагна*, голый, разъясняется пословицей:

„Себя наготить, *свой позоръ казать*.“

Корню *нагъ* соотвѣтствуетъ синонимическій кор.

Лагъ (549) краснѣть, приходить въ стыдъ. Отъ соединенья его съ *нагна*, обнаженный, образовались наши: нарѣчіе *наго-ло́*, обнаженно до стыда: его раздѣли наголо; и прилагательное *наг-лый*, неимѣющій одежды и потому самому стыда, безстыдный. Отъ конкретнаго понятія *наглый*, въ послѣдствіи произошло отвлеченное: не соблюдающій должнаго приличія, скромности.

Въ соотвѣтствіе корнямъ *нагъ* и *лагъ* слово *голъ* значитъ: пренебрегающій стыдомъ, отвергающій стыдъ, будучи обнаженнымъ, отъ

Га [747]—пренебрегающій, отвергающій;

Лагъ [549]—стыдиться, краснѣть:

Га́-лагъ—го́-лъ.

Говоря объ этомъ словѣ, пользуемся случаемъ объяснить нѣкоторыя частности.

а) *Пб-галу, гблодно* истолковано Далемъ въ томъ смыслѣ, что послѣ безснѣжной зимы бываетъ недородъ хлѣба. Но первоначальный смыслъ поговорки не тотъ; она просто выражала гигіеническую примѣту, основанную на игрѣ словъ:

Гáла (262, 258)—хóладъ и

Галь (214)—*гъло-тать*, ѣсть; *гала́—гълб-тка*, то есть, на холодѣ съ жадностью ѣстся, глотается. *Зима* (*гала*) *галóдна*—пожираетъ, поглощаетъ плоды лѣтнихъ трудовъ.

б) *Голая земля.* Здѣсь эпитетъ образоваася отъ другаго корня —

Кгала (203) — убитая, утолченная, уравненная земля, какъ толока, токъ, гумно. Слѣдовательно эпитетъ этотъ означаетъ гладкую, твердую землю, неимѣющую травы, обнаженную, и въ этомъ смыслѣ дѣйствительно голую.

в] Въ санскритѣ есть два синонима:

Гольла [743]—кость,

Астьи [64], *бсть*, а съ гортаннымъ придыханьемъ — *к'ость.* Существованье у насъ, какъ и въ санскритѣ, гортанныхъ и губныхъ придыханій не подлежитъ сомнѣнью; напримѣръ, малорусскія слова: *г'острый*, *г'оріхъ*, *в'улиця* и проч.

Съ утратою сознанья, первый синонимъ обратился у насъ въ эпитететъ втораго, и отсюда произошло выраженье: *гола-кость.*

г) И тутъ-то Илья да роззодорился,
А тутъ-то Илья да разретивился....
Да самъ онъ закричалъ тутъ во всю голову.

Да ай же вы бытн *голи* мои,
А *голи* мои вы *кабацкіи*,
А доброхоты-то вы еще царскія!
А собирайтесь-ко вы да сюда-то вси..... [1])

Подумаешь, что *голь* происходитъ отъ *голъ*, *голый*; а между тѣмъ слово это имѣетъ совсѣмъ другую основу:

Гáлі [748]—ножная колодка; *гáліка* — работникъ для послѣдняго дѣла, какъ то для подметанья, очистки грязи и проч.

Гáлі гáліка—гóль, гóлікъ: тѣ, которые до того сидѣли въ ножной колодкѣ, а потомъ занимались самыми низкими работами.

Кандалы. У насъ слово это означаетъ оковы, путы, состоящіе изъ желѣзныхъ колецъ. Фестъ, латинскій писатель III вѣка, встрѣтилъ его въ языкѣ Этрусковъ и объясняетъ, въ своемъ сочиненіи De Verborum significatione, словами: annuli genus. Наши русь-славянскіе предки заняли его конечно не у Этрусковъ, а вынесли изъ своей азіятской прародины, на языкѣ которой слово это составилось изъ слѣдующихъ частей:

Канта (154)—желѣзо,
Лíі [554]—быть закрѣпленнымъ во что,
Лí (553]—запястное кальцо:
Канта-лíі, канда-лы—желѣзная кольцевая закрѣпа.

„Рабу Господню не подобаетъ *сварится*“:

Сваръ, *сварайáмі* [744] браниться, ругаться—*сваритъся;*

---

[1]) Олонецк. былины, стр. 234.

отсюда и всѣ наши производныя: свара, сварьба, сварникъ, сваруша.

Изъ разбора словъ *нагъ* и *голъ* видно, что они выражаютъ идею стыда, который долженъ возбуждаться въ томъ, кто является голымъ, выставляетъ на видъ свое обнаженное тѣло. Такой *наглый* возбуждаетъ презрѣніе и преслѣдованье въ арійскомъ обществѣ. У русь-славянской отрасли Арійцевъ, уже въ самую первоначальную эпоху, жило сознанье, что „себя наготить, свой позоръ казать". Поэтому первымъ признакомъ разумности у нихъ было выставлено: прикрытіе человѣческой наготы какою либо одеждою. Но кромѣ того, чтобъ быть *наромъ*, принадлежать къ *народу*, требовалось еще обладанье словомъ, рѣчью нара. Эти два существенныхъ признака очеввидны изъ словъ:

Чѐла (251)—одежда вообще,

Ваакъ, *ваачь* (574)—слово, языкъ, рѣчь; *вакйа* (573) пословица, изрѣченье; *вакгу* (560) — говорящій: *вакнулъ* ты словцо кстати, т. е. молвилъ, сказалъ.

Соединеньемъ этихъ двухъ словъ образовалось русь-славянское:

Чела-ваа́къ, *чела-вѣкъ*, *чьло́-вѣкъ*,

Человѣче! т. е. одѣтый-говорящій. Тотъ только удостоивался быть *наромъ*, принадлежать къ *народу*, кто былъ *челавѣкъ*. Грубый, невѣжественный, непонятно говорящій, не причислялся къ народу: онъ былъ *варвара*, *барбара* (568, 461) — *варваръ*. Теперь у насъ слово это — бранное, обращаемое порой возницами къ лошади: ну, варваръ, трогай!

Разобранное нами слово „человѣкъ“ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что такъ называемый доисторическій человѣкъ какой бы дикости въ немъ ни воображали, былъ уже одаренъ нѣкоторымъ несовершеннымъ нравственнымъ смысломъ, который побуждалъ его видѣть нѣчто дурное, возмутительное въ появленіи нагова, голаго человѣка передъ глазами другихъ людей. Конечно, въ первобытныхъ группахъ людей смыслъ этотъ стоялъ на различныхъ ступеняхъ чуткости; но въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда и теперь члены любого изъ европейскихъ обществъ, находясь на различныхъ степеняхъ соціальнаго положенья, не рѣдко высказываютъ рѣзкія противоположности въ своихъ нравственныхъ оцѣнкахъ всего, что совершается передъ ихъ глазами.

Когда вы слышите слова: эй, *человѣкъ!* подай шубу, — то такая идея подчиненнаго, служащаго, образовалась отъ гомонима

Чēла (251) — незнатный, простой, низкій: *чēла-вēкъ*, *чела-вѣкъ*.

Наши слова: малый, маладой, маладецъ, маладая, малодка имѣютъ различныя значенья, какъ образовавшіяся изъ древнихъ русскихъ словъ, смыслъ которыхъ утраченъ народнымъ сознаньемъ, но можетъ быть объясненъ санскритскими созвучными реченьями:

а) Когда вы слышите зовъ: эй, *малый*, подай чаю! — то эта рѣчь тожественна словамъ: эй, человѣкъ, подай чаю; потому что *Мāла* (504), отъ котораго произошло наше *малъ-ій*, значитъ „человѣкъ“.

б) „Онъ служитъ въ *маладцахъ*“: *Мâла* — человѣкъ; *Дêца* (331), *децъ*—наставленіе, учба, отъ корня: *Діцъ*:

Мâла-деца, мала-децъ — человѣкъ въ учбѣ, въ наукѣ, наученъ.

Совсѣмъ другое значенье имѣетъ рѣчь: это лихой, удалой, славный *малый*. Здѣсь это слово произошло отъ

в) *Малла* (495), гомонима, означающаго:

аа) женщина;

бб) силачъ, боецъ, борецъ;

вв) бравый, красивый, превосходный какимъ либо качествомъ; удалой, славный. Слѣдовательно, это только обращенные въ эпитеты, синонимы къ слову *Малла, малъ-ій*, означающему человѣка съ какимъ нибудь выдающимся качествомъ либо силы, либо ловкости, проворства, смѣлости, смышленности. Отъ приставки къ нему словъ:

а) *Даййа* (312) — нѣжный, ласковый, любезный, образуются:

Малла-даййа, мала-дый — красавецъ, или удалецъ, или боецъ—ласковый, нѣжный, любезный;

Малла-даййа, мала-дая — женщина ласковая, нѣжная, любезная:

Еще *малада* Настасьюшка Микулична
Сама-то говоритъ таково слово:
Ай ты мой вѣдь есть *законный* маладой,
Еще маладой Добрынюшка е Микитинецъ [1]).

Настасья была женою Добрыни, котораго она называетъ „законнымъ“, т. е. мужемъ по установленному вѣдійскому обряду. Кстати здѣсь объяснить упущенное нами изъ виду,

[1]) Онеж. был., стр. 161.

при разборѣ словъ по брачнору обряду, реченіе *парень*. Нынѣ оно означаетъ у насъ маладаго человѣка, преимущественно халастого; но первоначально имѣло значенье жениха. И теперь еще отецъ дѣвицы говоритъ: „Нѣтъ паренька, не отдашь за пенька". Оно также подтверждаетъ существованье у насъ въ языческую эпоху законнаго вѣдійскаго брачнаго обряда по слову *Парінайами* (393) — водить по обряду кругомъ священнаго агня, и также: жениться; отсюда: *Парінайа* (393)—свадебный или брачный обрядъ, и *Парінь*—женихъ; также достигшій зрѣлости для женитьбы:

За ней *парень* маладой
Кричитъ дѣвнцѣ: пастой...

б) *Діцъ* (321)—выставлять, выдаваться на показъ; *деца* (331), *децъ*: *Малла-децъ* — удалецъ, боецъ, красавецъ, или вообще выдающійся какимъ-либо превосходнымъ качествомъ *на показъ, казистый.*

Обязанностію маладой жены, въ миѳическую эпоху, было, какъ мы знаемъ, поддержаніе въ домѣ непрерывнаго горѣнія священнаго агня; отсюда ея названіе *малодка.* „Съ вечера дѣвка, съ полуночи малодка, а по зарѣ хазяюшка." Значенье этого слова объясняется санскритскими:

Малаті (504) — маладая женщина, *Ка* (132) — агонь: *Малаті-ка малоть-ка*—маладая-женщина-агонь.

Бавіньи (475), наше *бабён-ка,* означаетъ вертлявую женщину.

Древнія арійскія жены, вдовы и безмужнія, носили длинные волоса, заплетенныя въ одну косу, которая, безъ всякаго украшенья, свободно опускались по спинѣ. Дѣвушки

носили такую же самую косу, но съ украшеньями. Коса эта называлась

Вѣнї (617), отъ крн. *Вѣ* (616)—заплетать.

По свадебнымъ обрядамъ Новгородской губ., послѣ смотринъ и назначенья дня свадьбы, на канунѣ этого дня бываютъ „вечерины". Въ этотъ день, передъ отходомъ въ баню, невѣстѣ расплетаютъ косу, и она остается съ распущенными волосами, пока не обвѣнчается. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Тульской губ., волоса заплетаются невѣстѣ въ двѣ косы:

Расплетите мою русу косу,
Что русу косу, красу дѣвичью...
Я изъ парной только баенки,
Пообмывши волю вольную
Порастерявши красу дѣвичью....

Вечеръ эту косу дѣвушки плели;
Пріѣхала сваха немилостивая,
Начали эту косу рвать и метать,
И рвать и метать, *на двѣ заплетать* [1]).

Въ день свадьбы пріѣзжаетъ за невѣстою женихъ, величаемый „княземъ", съ дружками. Дѣвушки, „служки княгини", не отдаютъ невѣсты, пока имъ не заплатятъ за *вѣно*, (вѣнїи), т. е. за дѣвичью косу. Послѣ того пріѣхавшіе впускаются; женихъ садится за столъ съ невѣстою; она подъ *покрываломъ*. Послѣ закуски, ѣдутъ въ церковь къ вѣнчанью, а отсюда въ домъ жениха. Невѣста не скидаетъ покрывала до отхода въ спальню. — Въ описаньи свадьбы князя Ивана Дм. Бѣльскаго, 1555 г., сказано: „А князя Иванова *княгиню* (то есть уже обвѣнчанную невѣсту) *вскрывалъ* бояринъ Иванъ Михайл. Воронцовъ [2]).

[1]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни.
[2]) Сахаровъ, Сказанія рус. народа, ч. 3, кн. 2.

Такимъ образомъ *вѣно*, по своему первоначальному значенью, есть плата отъ жениха роднымъ невѣсты за расплетенную или вдвое заплетенную косу. Въ нашей первоначальной лѣтописи сказано о Владимірѣ: ,,Вдасть же *за вѣно* Грекамъ Корсунь *опять* царицы дѣля". Такъ въ лаврентьевскомъ спискѣ; а радзивиловскій и другіе пропустили „опять". Ясно, что переписчики не могли понять значенья древняго русскаго слова *опять*, а потому нѣкоторые изъ нихъ и рѣшились выкинуть его. Между тѣмъ оно есть санскритское

Апаті (31), *áпать, óпать*—покрывало. Поэтому слова: ,,опять царицы дѣля" значитъ ,,ради покрывала царицы, или за покрывало царицы".

Самое слово *каса* происходитъ отъ смѣшенья созвучныхъ словъ:

Кееса (185)—волоса,

Кэсійа (186)—уборка волосъ,

Касâ (151)—кнутъ, на который, своею формою, походила русская дѣвья каса.

„Пала Добрыни во *рѣзвы ноги*" [1]).

Это—постоянный эпитетъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ богатырей, соотвѣтствующій гомеровскому:

Τὸν δ' ἀπαμειβόμενος προζέφη ,,*πόδας ὠκὺς*" *Ἀχιλλεύς* (Iλ. I, 84). —

Отвѣчая же, молвилъ ему ,,рѣзвы ноги" Ахиллесъ.

Ра (580)—быстрота,

йизъ (91)—итти,

---

[1]) Онеж. был., стр. 46.

Ва (559)—вѣтеръ:

Ра-йзъ-ва, ръ-йезъ-въ, рѣзвъ — быстро идущій вѣтромъ, какъ вѣтеръ: „рѣзвы ноги" — быстрымъ вѣтромъ идущія ноги·

Ласкательныя имена родителей въ русь-славянскомъ языкѣ, отца: *тятя*, *тятенка*, *тата*, *тату*, *татуля*, и матери: *неня*, *ненька* — малорус., *нена* — сербск., мы встрѣчаемъ съ такимъ же характеромъ въ самой Рігъ-Вѣдѣ, напримѣръ:

Ка̄руръ агам, *тато* бгішакъ, упалапракшінī *нана* [1]).

Пѣвецъ я, *тятя*—знахарь (вјештак, вјештац), вертельщицей-мелничнаго-камня—*неня*.

Въ санскритѣ *Еказа* (124) значило: единородное, единственное чадо, которое, по этой самой причинѣ, пользовалось всякой поблажкой родителей, и рѣзвилось до упаду. Уже отъ этого коккретнаго значенія произошло наше слово *егоза* съ отвлеченнымъ смысломъ непосѣды, рѣзвушки вообще.

Нашъ глаголъ *мереть*, малорус. *мерти*, церковно-слав. *мрети* значитъ — лишиться жизни, перестать жить: Мерли дѣды, мремъ и мы. Онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ санскритскому

Мръ (513), отъ котораго произошло слово *Мрта* (514), *мертъ*, означающее то же, что наше *смерть*. Но откуда же взялся у насъ префиксъ *Съ*? Дѣло въ томъ, что слово наше произведено отъ другаго корня, именно:

---

[1]) Aufrecht, Die Hymmen des Rv., Mand. IX, № 112: 3.

Смръ (741)—воспоминать, оплакивать; *смрта*, *смертъ* —память, воспоминанье, оплакиванье; *смертный* — воспоминаемый, оплакиваемый.

Такимъ образомъ слово „смерть" первоначально означало не самый фактъ лишенья жизни, но выражало религіозную идею о необходимости поминовенья умершаго (девятины, навій день): безъ этой идеи для человѣка какъ бы не существовало самой утраты жизни; безъ напутствія вѣдійскимъ обрядомъ, безжизненное тѣло являлось скотскимъ трупомъ, добычею хищныхъ птицъ и звѣрей. Эти обряды суть:

а) *Трі-Савана* (302, 701, 305), три-звонъ — три ежедневныхъ установленныхъ молитвословія: утромъ, въ полдень и вечеромъ съ жертвоприношеньемъ сомы; каждое изъ нихъ называлось *Часа* (645), *часъ*, что значитъ: моленіе, прошеніе, гимнъ. Ихъ непремѣнно должно было совершить въ честь умершаго въ день его смерти, и этотъ вѣдійскій обрядъ такъ вошолъ въ нравы Руси, что въ христіанскій періодъ нужно было замѣнить его колокольнымъ тризвономъ.

б) Предъ каждымъ изъ установленныхъ часовъ родные умершаго совершали, по вѣдійскому обряду, омовенье своего тѣла: *Сънâ* (738) — омываться: *трі-сънâ* (302, 738), *тризъна* троекратное омовенье. Послѣ тризвона и тризны происходило пиршество. Слово „тризна" донынѣ сохранило у насъ

Онъ набожныхъ былъ правилъ
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ.

Тризна, какъ омовенье, замѣнена въ народѣ омовеньемъ тѣла покойника; а вмѣсто *савана*, жертвы, надѣваютъ на него *саванъ*—бѣлую долгую льняную рубаху. Всякое поминовенье усопшихъ доселѣ сопровождается выставкою пироговъ и дру-

гихъ мучныхъ печеній, разварнаго зерна съ медомъ или колива, меда и проч.

Коливо—заупокойная яства, каша изъ разварнаго пшеничнаго зерна, или, кто по состоятельнѣе, риса, съ подсласткою. Корни этого слова:

а] *Калйа* (150)—канунъ или вечеръ, утренняя заря и день; также хмѣльной напитокъ,

б] *Ва* (559) — гимнъ въ честь Варуны, который, хотя богъ моря, но, по нѣкоторымъ миѳамъ, погружаетъ грѣшныя души въ преисподнюю океана на мученье;

Вї (610)—ѣсть;

Послѣднія двѣ темы слились въ общую *во*:

Ка́лйа-во, *ко́лі-во* означаетъ заупокойную службу и вмѣстѣ съ тѣмъ яства въ память покойника, съ хмѣльными питьями. Послѣ совершенья Ольгою заупокойнаго обряда, Древляне сѣли пить, а ея отроки прислуживали имъ. Глубокая древность обряда подтверждается гимнами Сама-Вѣды:

„Отецъ, по смерти, принимаетъ приношенія отъ своего сына".

„Индра, владыка пищи, приносимой душамъ".

„Возлюбленныя души нашихъ усопшихъ предковъ, которыя до этого дрожали отъ голода, теперь насытились и довольны. Онѣ—предметъ нашихъ похвалъ, сіяютъ не заимствованнымъ свѣтомъ; у нихъ — великая мудрость; онѣ прославляются всѣми, способными восхвалять ихъ дѣянія"[1]).

Несомнѣнно, что въ языческую эпоху Руси, передъ каждымъ изъ трехъ установленныхъ денныхъ часовъ молитвословья, ударяли въ колоколъ, отъ чего слова трісавана и

[1]) Les Livres sacrés, ed. Migne, II, Sama-Veda, p. 196, 163, 166.

и тризвонъ отождествлялись. Считаемъ себя въ правѣ такъ думать по тому, что Масуди, писавшій до 950 г. христ. эры, слѣдовательно прежде введенія на Руси христіанской вѣры Владиміромъ, говоритъ о Русь-Славянахъ: „Большая часть ихъ племенъ суть *язычники*, которые сожигаютъ своихъ мертвецовъ и *поклоняются имъ*." Слова Массуди о поклоненіи умершимъ, кромѣ выписанныхъ выше мѣстъ изъ Вѣды, подтверждаются еще слѣдующимъ: „Приблизься къ намъ, Индра, принося свою помощь, *проистекающую изъ жертвоприношеній духамъ усопшихъ*. Гряди, о великій Отецъ, съ духами нашихъ отцовъ"[1]). У насъ, на сѣверѣ, умершіе родители называются „праведниками". Далѣе, тотъ-же мусульманскій писатель: „Они имѣютъ многіе города, также *церкви*, гдѣ навѣшиваютъ *колокола*, въ которые ударяютъ молоткомъ, подобно тому, какъ у насъ *христіане* ударяютъ деревянной колотушкой по доскѣ" [2]). Здѣсь Масуди ясно различаетъ язычниковъ, имѣвшихъ колокола, отъ христіанъ. Самое слово ко́лакалъ происходитъ отъ корня

Каллъ (150)—званить, откуда

Кала (147)—звонъ;

Калійа (150) — вечеръ, канунъ; утренняя заря; наступившій день.

Ка́ла-калійа, *ко́ла-калъ*—звонъ въ урочныя часы. Санскритское *кала-кіила* (159) — глухой, густой звонъ; также: *Ко́лагала* (187).

Въ началѣ русскаго христіанскаго періода, вмѣсто слова *звонить*, у насъ было въ ходу *клепать*, т. е. стучать, чѣмъ

1) Ibid. p. 159.

2) Гаркови, Сказанія мусульм. писателей, стр. 125.

подтверждается свидѣтельство Масуди, которое поддерживается значеньемъ слова:

Клапъ (193), *клеп-ать*—стучать, гремѣть.

Въ нашей первоначальной лѣтописи замѣчено о нѣкоторыхъ русь-славянскихъ племенахъ: „Аще кто умряше, творяху *тризну* надъ нимъ, и *по семь* творяхуть кладу велику и возложахуть и на кладу, мертвеца сожьжаху.“ Тутъ очевидно, что тризна предшествовала сожженью.

Итакъ, совершенье въ память умершаго установленныхъ тризвона и тризны—вотъ что́ въ сущности составляло идею *смерти* или поминовенья. Когда вы читаете въ мѣсяцесловѣ, подъ которымъ-нибудь числомъ: память такого-то святого; то это не болѣе, какъ передача новымъ словомъ древняго значенья слова „смерть“, то есть: *поминовенье* святого по случаю его кончины, послѣдовавшей этого числа. Таковъ былъ вѣдійскій уставъ, и такъ исполнялся онъ въ глубокой древности, какъ видно изъ разныхъ мѣстъ Рамайаны:

„Душа его безъ сомнѣнья принята на небѣ, потому что Рогуевичъ позаботился *совертить въ честь его погребальный обрядъ.* —

„Возложивши холодное тѣло царя на костеръ, *заклавши чистую жертву*, освященную святыми обрядами и гимнами, открыли кругомъ него великій пиръ изъ различныхъ яствъ.— Послѣ этого зажженъ былъ кастеръ.—

„По сожженіи тѣла, они омылись въ струяхъ, чтобъ немедленно приступить къ совершенью обряда возліянья похоронной воды.—Увѣряютъ, что вода, возліянная милою рукою, пребываетъ неизсякаемою въ мірахъ, гдѣ обитаютъ души.—

„Рагуевичъ, обратившись лицемъ къ странѣ, подвластной

Ямѣ (къ Югу), и возливая воду въ честь покойника, произнесъ въ слезахъ эти стова: „Эта прозрачная и святая вода, о царь, подносимая мною тебѣ, да утоляетъ на вѣки твою жажду въ царствѣ усопшихъ. — Затѣмъ, разложивши растительные плоды на землѣ, устланной травою куца, онъ произнесъ: „великій царь! вкушай съ удовольствіемъ эти снѣди, которые мы сами ѣдимъ; ибо, безъ сомнѣнья, человѣческая снѣдь есть также пища усопшихъ и боговъ“ [1]. — „Жизнь мертваго тѣла становится безсмертною, поддерживаемая похоронными приношеньями“ [2]. Вообще, по вѣдійскому вѣрованью, предки, не получающіе слѣдуемыхъ имъ съѣстныхъ приношеній, ниспадаютъ изъ ихъ божественнаго пребыванья, а ихъ родъ, въ своихъ владыкахъ и потомствѣ, разрушается [3].

Въ Рамайанѣ мы видимъ уже сожженіе тѣла; но въ гимнахъ Рігъ-Вѣды намъ представляется другая форма обхожденія съ нимъ. Одинъ изъ поэтовъ обращается къ умершему съ рѣчью: „Сойдися съ землею, широко-раздольною и доброю матерью. Да будетъ она, всегда юная, мягкимъ ковромъ для того, кто чтилъ боговъ своими приношеньями..... Кругомъ тебя *насыпаю я землю*; возвежу эту *магилу* (холмъ), чтобъ тѣло твое не уязвлялось. Да хранятъ Предки этотъ гробъ. Да *выстроитъ здѣсь Яма жилище твое* [4].

Вѣрованье, что гробъ или магила — жилище покойника, сохранилось на Руси до нашаго времени, какъ это видно

---

[1]) Le Romayana p. Fauche, I, p. 198, 335, 231, 233.

[2]) Pauthier et Brunet. Rig-Veda p. 104, sucta VII, 30, dans l'ed. Migne, Les livres sacrés des ioutes relig., t. II.

[3]) E. Burnouf, Es. sur le Veda, p. 188.

[4]) E. Bournouf, Le Veda, p. 93.

изъ надгробныхъ голошеній или причитаній на кладбищахъ. Вдова, напримѣръ, съ такимъ плачемъ, во Псковской губ., припадаетъ къ земляному бугорку, покрывающему прахъ ея мужа:

Встань ты на свои скоры ноженьки,
Размахни ты свои бѣлыя ручушки,
Распечатай ты свои уста сахарны,
Споглянп ты своимъ очамъ яснымъ,
И пройди ты по своему широкому двору....

Не забывай меня, сиротинушку, съ своими бѣлыми лебедушками,
Что летай-ко ты къ намъ яснымъ соколомъ,
А я буду узнавать тебя, сиротинушка,
Что не мой ли это милый батюшка [1]).

Пришедши въ Древлянскую землю, на то мѣсто, гдѣ былъ погребенъ Игорь, Ольга „повелѣ людемъ своимъ съсути могилу велику, и яко соспоша и, повелѣ трызну творити. По семъ [послѣ тризны] сѣдоша Древляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними". Объ Олегѣ читаемъ: „И несоша и *погребоша* его на горѣ, еже глаголется Щековица; есть же могила его и до сего дне, словетъ *могыла* Ольга." Въ одномъ изъ хронографовъ XVI в., записано о *волхвѣ*: „И со многимъ плачемъ ту отъ невѣгласовъ *погребенъ* бысть окаянный великою *тризною* и *магилу сыпаше* надъ нимъ вельми высоку, якоже *обычай есть поганымъ*" [2]).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ вытекаетъ заключеніе, что вѣдійскій обрядъ допускалъ двоякую форму похоронъ: сожженіе тѣла и погребеніе или закрытіе его въ землю; что

---

[1]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, стр. 568, 567.
[2]) Костомаровъ, Совр. рус. народоправства I, 6.

на Руси, въ миѳическую эпоху, существовали обѣ формы эти, и что погребеніе и магила — взаимно опредѣляющіяся идеи.

Словомъ *гробъ* у насъ переведены греческія слова *Τάφος* (Матѳ. 28: 1) и *Μνήμη* (Мар. 16: 2). Первое происходитъ отъ *Θαπτω* — зарывать въ землю, погребать; а второе значитъ: а) память, воспоминанье, совпадая съ первоначальнымъ значеньемъ нашего слова *смерть*; б) *магила*, какъ видимый памятникъ зарытаго въ землю тѣла.

А. Въ значеньи *Τάφος* и устрояемаго Ямою жилища, отъ корня

Грабъ или грагъ (221, 222, 228) происходитъ:

а) *Гра́ва* или грага (222), *гро́бъ*—жилище; у насъ — земляное жилище, (по гтск. переводу Улфилы hlaiv); *погребать* значитъ устроить такое жилище;

а) б) *Га́рва* (213), *гръбъ* — углубленная внутренняя комната, спальня; у малоруссовъ *го̂рбъ*—магила, холмъ надъ погребеннымъ.

Наше слово *бугоръ*—возвышенье, земляной холмъ, происходитъ отъ *бугола* (478)—земляной шаръ, земляное шаровидное возвышенье.

Б. У насъ *магилою*, въ общемъ значеньи, называется теперь яма и мѣсто, гдѣ зарытъ умершій, съ маленькою насыпью или бугоркомъ. Въ Малой Руси, большая коническая насыпь земли въ полѣ называется *курганомъ*, а малая — *могилою*. Слова: магила, курганъ, холмъ суть сложныя, составныя части которыхъ представляются гомонимами, сообщающими имъ болѣе или менѣе различныя идеи или оттѣнки одной главной изъ нихъ. Разборъ ихъ, также и другихъ под-

ходящихъ словъ, удостовѣряютъ, что на Руси въ миѳическую эпоху, дѣйствительно были въ ходу обѣ формы уничтоженія мертвыхъ человѣческихъ тѣлъ, т. е. погребеніе и сожженіе.

а) *Магила*:

аа) *Магі* (449)—земля,

Лайа (551)—жилище:

Магі-лайа, *маги-ла*—земляное жилище.

бб) *Ма* (483)—смерть,

Гірі или *Гілі* (216, *гіра̄мі* или *гіла̄мі* 217)—гора:

Ма-гілі, *ма-гіла*—гора смерти.

вв) *Ма*—смерть,

Кгі (197)—жилище,

Ла̄ (548)—даръ:

Ма-кгі-ла—смертному жилищу даръ.

гг) *Ма̄* (550)—сооружать,

Каала (159)—Яма, богъ смерти:

Ма-къила—сооруженіе Ямы.

дд) *Ма̄*—сооружать

Кгалъ, *Кулъ* (136, 173) насыпать; *кула*—жилище знатнаго рода:

Ма-кгъила—насыпное сооруженіе; сооруженное насыпное жилище знатнаго рода. По извѣстію о Русь-славянахъ Ибнъ-Даста, относящемуся къ началу X в.: „Когда умираетъ у нихъ кто-либо изъ знатныхъ, то выкапываютъ ему могилу въ видѣ большаго дома, кладутъ его туда, и вмѣстѣ съ нимъ кладутъ туда же

его одежду, золотые браслеты, которые онъ носилъ, съѣстные припасы, сосуды съ напитками, монету“ [1]).

б) Какъ посмертныя насыпи, магилы называются также *курганами*, по значенью составныхъ частей слова:

Кулъ (175), съ обращеньемъ *л* въ *р*, *куръ*—насыпать, нагромождать,

Ганъ (748)—убивать; *Гану*—смерть; оружіе:

Куръ-ганъ — насыпь надъ убитымъ съ оружіемъ, надъ воиномъ.

Нехай мене поховають вкраїнськи козаки:
Сипте, братя, сипте братя, *высоку могилу* [2]).

Въ отличіе отъ низкой, „высокая могила“ именно и называется на Украинѣ „курганомъ“. Самое большое число могилъ и кургановъ прилегаетъ къ Днѣпровскимъ парогамъ, гдѣ они разсѣяны на пространствѣ, около 300 верстъ въ квадратѣ, и гдѣ, слѣдовательно, было въ древнѣйшее время очень густое населеніе, чѣмъ и подтверждается наше замѣчаніе, что св. апостолъ Андрей поплылъ Днѣпромъ по странѣ, далеко не безлюдной. Раскопки этихъ и придонскихъ магилъ показали, что подъ насыпью почти всегда находится одна центральная яма, въ видѣ комнатки, и нѣсколько побочныхъ пещерокъ. Это именно указываетъ на значенье магилы, какъ жилища покойниковъ знатнаго рода. Съ ними опускалась въ гробницу пища, на что́ указываютъ найденныя тамъ бараньи, бычачьи и другихъ животныхъ кости, мѣдные котелки для варева, сосуды для напитковъ. Одна изъ громаднѣйшихъ мо-

---

[1]) Гаркави, Сказ. мус. пис., стр. 270.

[2]) Головецкій, Народн. пѣсни Гал. и У. Руси (въ Чт. М. общ. и. и др. 1863, кн. 2, № 3).

гилъ именуется *Чертомлыцкою*, находится въ Екатериносл. у., верстахъ въ 20 къ С. З. отъ мѣстечка Никополя. Самое имя ея свидѣтельствуетъ о глубокой миѳической древности четіи: оно, конечно, дошло по преданію, но разумѣется, съ утратою сознанія о его первоначальномъ этимологическомъ значеньи: Корень имени:

аа) *Чаръ* (240)—жить, отъ коего съ присоединеньемъ

бб) *Тôка* (300), *тогъ* — родъ, потомство, произошло русь-славянское: *Чаръ-тока*, *Черъ-тогъ*—жилище родовое, потомственное, жилище знатнаго рода.

вв) *Мâлâ* (504)—линія, рядъ,

гг) *Іца* (92), *ицъ*—владыка, повелитель:

Чаръ-тока-мала-іца, *Чер-то-млъ-ицъ*—жилище родовой или потомственной линіи владыки, повелителя. Народъ обратилъ это нарицательное имя въ собственное, съ прилагательнымъ окончаніемъ при существительномъ *Магіла*, которое первоначально было синонимомъ перваго.

Слово *Магіла*, по своимъ составнымъ гомонимамъ, естественно приводило, въ миѳическую эпоху, къ сооруженію вѣдійскаго алтаря или жертвенника, который обыкновенно ставился на холмахъ, вслѣдствіе чего, уже въ болѣе позднее время, на могилахъ ставились каменные истуканы боговъ.

Мага (496)—жертвоприношеніе, религіозное пиршество

Іла (90)—земляной алтарь или жертвенникъ:

Магъ-іла: жертвенный земляной алтарь, жертвенное пиршество.

в) *Хôлмъ*, *Шоломъ*:

аа) *Кхâлъ* (196)—насыпать,

Ма (489)—смерть;

Кхâлъ-ма, *хôлъ-мъ*—насыпь посмертная;

Видѣли добра молодца сядучи,
А не видѣли тутъ удалаго поѣдучи;
Съ горы на гору да съ *холмы* на *холму*
Взялъ онъ рѣки ты озера перескакивать [1]).

бб) *Чулъ, чолайами* (249)—воздвигать, подымать вверхъ; отсюда *чула, чола* (250)—возвышеніе, вершина горы;

Ма (483)—смерть:

Чола-ма, шола́-мъ — посмертное возвышеніе, вершина горы посмертная:

Ѣхалъ онъ на гору на высокую,
А на тое-то *шоломце* искатнее:
Какъ смотритъ тутъ Добрынюшка Микитинецъ,
Какъ ино тутъ стоитъ шатеръ бѣлополотняной [2]).

О Русская земле! уже за *шоломянемъ* еси.

г) *Площаница огромная — гробъ глубокой:*

„Ахъ ты старой казакъ да Илья Муромецъ!
Ты повыздынь съ *площаницы* да *огромныи*".
Приставае тутъ козакъ да Иль. Муромецъ
Къ Святогору да богатырю, —
Да не могъ поднять онъ Святогора тутъ богатыря
А съ того *гроба глубокаго*..... [3])

аа) *Плоша* (456)—сожженіе,

Ніштā, ніцāнта (374, 373), *нісца, ніца* — жилище, пребываніе, мѣсто покоища:

Плоша-ніша, площа-ніца — сожженія или сожженнаго жилище, покоище.

бб) *Агāрійа* (65)—несрываемая гора,

---

[1]) Онежск. былины, стр. 79.
[2]) Ibid., стр. 243
[3]) Онежс. был., стр 8.

Мāна (502)—уваженіе, почесть, честь:

Агарійа-мана, агъро́-мънъ-ій — почестная несрываемая гора.

Слѣдовательно, „площаница агро́мная“—слова, утратившія теперь этимологическое значенье въ народномъ сознаньи, первоначально означали: „покоище сожженнаго съ почетною неприкосновенною горою или насыпью“. Нѣкоторые разрытые у насъ курганы или магилы дѣйствительно содержали останки сожженныхъ труповъ. Въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, составленной въ XIII в., читается: „мертвеци сожжаху, и посемъ собравше кости, *сыпаху въ курганы*“ [1]).

вв) Другую этимологію имѣетъ слово *плащаница*, которымъ у насъ въ евангеліи переведено греческое *σινδόνη, σινδών* [Л. 23: 53] — льняной или бумажный покровъ на умершаго:

Пращада [428], съ переходомъ *р* въ *л*, *плащада* — покрывало, одѣяло,

Ні (360)—внизу, въ землѣ,

Цайа [638]—лежащій, покоющійся:

Плащадъ-ні-ца, плащаница — покрывало, одѣяло въ землѣ лежащаго.

д) *Ховтуры*, малорус. и бѣлорус., Chalturej, литовск., — погребенье и похоронные поминки. Въ составѣ обоихъ словъ мы встрѣчаемъ звуки—въ одномъ *в*, въ другомъ *л*; они, ровно какъ и *р*, способны къ взаимной замѣнимости въ русскомъ языкѣ. Такъ малорусскія слова: вовкъ, товпа, стовпъ, мовъ, ходивъ, плакавъ, торкнути,—въ русскомъ: волкъ, толпа, столпъ, молъ, ходилъ, плакалъ, толкнуть. Корень разсматриваемаго слова

---

1) Лейбовичъ, Сводн. лѣтопись, стр. 11.

Кхалъ (196)—насыпать, награмождать; созвучный синонимъ *Кулъ, ко̄ла̄мі* (173)—нагромождать, скоплять;

Та [308, 278]—холмъ,

Ӯрдъа [119]—высокій; итакъ:

Кхалъ-та-урда, chal-t-urej, хавъ-тъ-уры имѣло первоначальное значеніе: насыпать холмъ высокій; высокій насыпной холмъ—вотъ въ чемъ древле состояли поминки, память по умершимъ или *смерть.*

е] Отъ того-же корня *Кхалъ*, насыпать, награмождать, происходитъ малорус. и бѣлорус. глаголъ *ховъ-ати, хавъ-аць* —насыпать землю, а по топерешнему значенью—погребать, зарывать въ землю. Но этотъ же глаголъ допускаетъ и другое этимологич. объясненье:

Кха [194]—уничтоженіе, разрушеніе,

Ва̄ці [580]—агонь:

Кха-ва̄ці— уничтоженье агнемъ, огненное разрушенье, бѣлорус. *ха-ваць*, малорус. *хо-вати.*

Съ корнемъ *Кхалъ* созвучно слово *Ка̄ла* [159] — смерть, также богъ смерти Яма, которое вмѣстѣ съ тѣмъ есть прилагат., означающее „черный цвѣтъ“: не здѣсь-ли кроется начало обычая соединять съ погребеньемъ, въ знакъ печали, черный цвѣтъ?

ж] *Харанить*—погребать, зарывать въ землю тѣло умершаго: таковъ нынѣшній смыслъ, а первоначальное значенье отъ

аа] *Ка̄рана̄* [157] — скорбь, сокрушеніе; низведенье, провожанье въ царство Ямы; отсюда *харань-ить*—значитъ: низводить, провожать въ царство Ямы, зарывать въ землю.

Глаголъ нашъ однакожъ, по своимъ основнымъ частямъ, допускаетъ и другія объясненья:

бб] *Ха* [194] разрушенье,

Ра [530]—сожженье,

Нітта, прич. прош. стр. [377] — зарытый въ землю, погребенный:

Ха-ра-нітъ — разрушеннаго сожженіемъ зарывать въ землю. Глаголъ такимъ образомъ совпадаетъ, по значенью, съ нашимъ предъидущимъ объясненьемъ *площаницы огромной* и *хава-цъ*.

вв) *Ка̄ра* [157]—темница,

Нiта (377)—проводникъ:

Ка̂ра-ніта — темничный проводникъ, а по нашей глагольной формѣ: *хара-нитъ*—предавать темничному проводнику. Тутъ мы переходимъ къ корню

гг) *Кръ*, *Каръ*, который въ Рігъ-Вѣдѣ между прочимъ значитъ: „*пролагать* дорогу" (Grassmann, Wörterb.),

Айана (45)—дарога; отъ

Каръ-айана — пролагающій дорогу, происходитъ послѣгомерическое греческое миѳологическое имя *Хар-онъ*—пролагающій дорогу душамъ черезъ адскую рѣку.

з) *Усопшій*, по нынѣшнему пониманью—умершій; первоначально же:

Ушапа, уссапа (117)—агонь,

Ша (66)—сонъ, пакой:

Уссапа-ша, *усо̂пъ-шъ*, усопшій — агнемъ упокоенный, усыпленный.

и] *Покойникъ*—теперь значитъ умершій, а первоначально;

Пакха [382]—пепелъ съ жертвенника, очага, кастра,

Йа [52]—Яма, богъ смерти,

Ні-ка [360, 100]—опусканіе въ яму, погребъ, нару; отсюда санскр. глаголъ: *нікана̄мі* [361]—зарывать въ землю, погребать:

Пакха-йа-ніка, поко́-й-никъ — пепелъ съ жертвенника или кастра Ямы зарытый: это подтверждаетъ значенье *харанить* (бб). По имени бога Ямы, у насъ сохранилось названіе *ямы* —углубленія, вырытаго въ землѣ для умершаго: „пора намъ въ яму", т. е. помирать.

И живъ, не любила,
И вмеръ, не тужила,
Тогді трошки потужила,
Якъ на лавці положила,
А якъ въ *яму* опустила,
И журьба тогді простила [1]).

і] *Упакой, упакойникъ*, по первоначальному значенью:

аа) *Апайа* (32)—смерть,

Ка̄йа (156)—жилище:

Апайа-кайа, упа-кой — смертное жилище; *упа-кой-ить* —водворить въ смертномъ жилищѣ.

бб) *Апайа*—смерть,

Ка̄йа (156)—тѣло,

Ніка—выше объяснено:

Апайа-кайа-ніка, упа-кой-никъ—мертвое тѣло опускаемое въ яму.

Я. Гриммъ, въ своемъ изслѣдованьи о различныхъ похаранахъ, выводитъ общею характеристическою чертою кочев-

[1]) Закревскій, Бандуріста, стр. 76.

никовъ—сожженье ими своихъ мертвецовъ. Но это слишкомъ обобщенный выводъ; подъ него не подходятъ многіе факты. Въ Рамайянѣ, умершій царь Дацаратъ, владыка благоустроеннаго государства, со многими цвѣтущими городами, фабричною, торговою и земледѣльческою промышленностію, сожигается на кострѣ. Наша первоначальная лѣтопись съ особенною наглядностію выставляетъ, что сожиганье мертвецовъ было въ преимущественномъ употребленіи у русь-славянскихъ племенъ, занимавшихъ лѣсную страну, гдѣ сама природа не благопріятствовала кочевому быту, нуждающемуся въ привольномъ пастбищѣ и непрестанномъ передвиженьи: „Радимичи, Вятичи, и Северъ.... живяху *въ лѣсѣхъ*.... аще кто умряше, мертвеца сожьжаху". По мнѣнью Пиктета, уже у древнѣйшихъ Арійцевъ обращаніе человѣческаго трупа въ пепелъ, всегда требовавшее извѣстнаго приготовленья, снаряда, употреблялось только для начальниковъ и знатныхъ людей; а погребенье, зарыванье въ землю мертваго тѣла безъ сожженія, оставалось удѣломъ простонародья [1]). Быть можетъ это и такъ, но не подлежитъ сомнѣнью, что останки сожженнаго трупа всегда зарывались въ землю, во образъ низведенія умершаго въ царство Ямы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ видно изъ Рамайаны, сперва вырывалась яма, гдѣ устраивалось ложе, на которомъ полагалось тѣло умершаго; надъ нимъ воздвигался кастеръ, по сгорѣніи котораго яма, конечно, засыпалась, съ возведеніемъ надъ нею холма [2]), какъ мы видѣли изъ приведеннаго выше гимна Рігъ-Вѣды. Это подтверждается также санскр. названіемъ холма или кургана *Нічайа* (461, сложившимся изъ

[1]) Les Origines indoeurop., t. II, p. 529.
[2]) Fauche, Le Romayana, t. I, p. 341

Ні (360)—опускать внизъ, въ яму, подъ землю, и

Чайа, отъ корня *Чі* (244)—насыпать вверхъ, нагромождать. Слѣдовательно, смыслъ слова: „надъ опущеннымъ въ яму сыпать, возводить холмъ".

Составители нашей первоначальной лѣтописи, въ повѣствованьи о миѳической эпохѣ Руси, несомнѣнно имѣли у себя какой то, неизвѣстный намъ памятникъ, изложенный на древнемъ русскомъ языкѣ, словъ котораго они не поняли, такъ точно, какъ пѣвцы нашихъ былинъ не иначе могли бы объяснить теперь древнія реченія „плащаница агромная", какъ только въ смыслѣ „гробъ глубокой": эти слова очевидно приставлены къ первымъ въ видѣ глоссы. И потому сказанные составители лѣтописи поняли, въ смыслѣ *судины малой*, древніе русскія слова: а] *судаманъ* (718)—гора, холмъ, и *маллі* [495] — сосудъ въ родѣ чаши; б] *стамба* [734[дѣйствительно означаетъ сходное по звукамъ *стовпъ*, *столпъ*, но какъ гомонимъ, оно значитъ также курганъ или холмъ; в] *паута*, *пота* [424] имѣетъ объясненное нами значеніе упакоя, особаго помѣщенія, а у нашихъ составителей вышло на *путехъ*. Такъ образовалась лѣтописная редакія: „собравше кости, вложаху въ *судину малу* и ставляху на *столпѣ* на *путехъ*", вмѣсто „вложаху въ *курганъ въ сосудахъ* и ставляху въ *холмѣ въ упокоѣ*, или ямѣ, погребѣ." Наше объясненіе подтверждается какъ нельзя больше вышеприведенною глоссою нашего лѣтописца Переяславля Суздальскаго: „и посемъ собравше кости, *ссыпаху въ курганы*"; также свидѣтельствомъ арабскаго писателя начала X вѣка, Ибнъ Даста о Славянахъ: „По сожженіи покойника, собираютъ пепелъ и кладутъ его

въ *сосудъ,* который закладываютъ затѣмъ *въ* холмъ" [1]. Ибнъ-Фадланъ просто говоритъ, что послѣ сожженія умершаго, Руссы на томъ мѣстѣ „построили что-то подобное круглому холму" [1]).

A) На то обстоятельство, что въ магилахъ, курганахъ, халмахъ устраивались помѣщенія, комнатки, упакои для сожженнаго или несожженнаго мертваго, тѣла, разумѣется, знатныхъ и богатыхъ людей, — указываютъ слѣдующіе стихи былины:

Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ
Приказалъ же онъ тутъ дѣлать *домовищечко*
Чтобы мошно мнѣ-ка стоя стоять,
Стоя стоятъ да сидя сидѣтъ.
При времечки да что бы лёжа лечь....
Прожилъ въ матушкѣ сырой земле первы сутки,
Приплыватъ къ ему змѣище да проклятое,
О двѣнадцати была змѣя о хоботахъ,
Пролизала ему гробъ было *желѣзныи*[3]).

Здѣсь, какъ видимъ, домовище и гробъ (объясненное выше гарба, гърбъ) представляются синонимами, и у насъ донынѣ гробъ, хотя не точно, называется *домовиною, домовищемъ* въ Бѣлоруссіи, на Украинѣ, въ пск., новг., влгд., костр., и другихъ губ. Въ послѣднихъ, это преимущественно однодеревый долбленный гробъ, особенно любимый крестьянами. Но само слово показываетъ, что оно первоначально не

---

[1]) Мы такимъ образомъ передали слова, которыя Хвольсонъ перевелъ такъ: „собираютъ пепелъ и кладутъ его въ *урну*, которую *ставятъ на* холмъ" Извѣстія Ибнъ Даста, пер. Хвольсонъ, Спб. 1869, стр. 29.

[2]) Гаркави, Сказанія мусулм. писат., стр. 101.

[3]) Онеж. был. стр. 57.

имѣло значенія нынѣшняго долбленнаго или сколоченнаго ящика для тѣла, а означалало именно такое жилище, какое устроилъ себѣ Михайло Потыкъ, гдѣ можно было стоять, сидѣть и лежать:

'Да́ма (344), *до́мъ*—жилище,

Ві (581), приставочная частица, означающая отдаленіе или печальное положеніе,

Найй (354)—отходить, или

Щійу (254)—отходить:

'Дама-ві-найй, и *'дама-ві-щійу*, *дома-ві-на* и *дома-ві-що* значитъ: жилище вдаль или въ печальное положеніе отошедшаго.

Въ былинѣ, эпитетъ къ гробу—„желѣзный", не должно понимать въ его нынѣшнемъ значеньи, какъ металическій, изъ желѣза: это — древнее русское слово, первоначальный смыслъ котораго уже не живетъ въ народномъ сознаньи, именно: *жалага* (263) — прохладное жилье, изъ котораго образовалось прилагательное *жалѣзный*: гробъ жалѣзный — земляное прохладное жилье.

Б) Въ Бѣлой и Малой Руси гробъ называется *Труна*. Слово это образовалось изъ частей.

Дру (335)—дерево,

На (350)—цѣльный:

Дру-на—цѣльное дерево, слѣдовательно означаетъ одно-деревый долбленый гробъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ слово это указываетъ, что оно составилось въ такую отдаленную древность, когда сознаніе его частей было еще присуще народному сознанію. Если погребеніе и предшествовало сожженію; то, позднѣе оно съ нимъ соединилось. Ибнъ Фадланъ,

жившій въ началѣ X вѣка, говоритъ объ умершихъ у русь-славянскаго народа: „бѣдному человѣку дѣлаютъ у нихъ *небольшое судно*, кладутъ его туда и сжигаютъ“. Далѣе, онъ продолжаетъ о сожженіи богатаго умершаго, чему самъ былъ очевидцемъ: вытащили на берегъ судно, приподняли его на деревянныя подпорки, положили туда умершаго и сожгли [1]. Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что здѣсь, въ обоихъ случаяхъ, Ибнъ Фадланъ разумѣетъ подъ судномъ или лодкою *друну*—цѣльное выдолбленное въ видѣ лодки дерево; оно, въ такой обдѣлкѣ, разной величины, и донынѣ употребляется у насъ на рѣкахъ подъ названіемъ лодокъ долбушекъ. По формѣ и употребленію, Фадланъ называетъ ихъ большими и малыми суднами, лодками, хотя, при случаѣ, они могли служить какъ нынѣшніе гробы.

B. Русь-славянскій народъ вынесъ изъ своей азіятской прародины слова, которыя служили для него четіями. Сжато содержавшіяся въ нихъ идеи были для него какъ бы писанымъ уставомъ, закономъ. Когда народъ разселился племенами по широкому пространству восточной Европы, слова-читіи, вслѣдствіе гомонимическаго значенья ихъ составныхъ частей, подверглись различнымъ толкованіямъ, которыя, въ свою очередь, въ разныхъ концахъ Русской земли, повели къ нѣкорому разнообразію и въ самомъ выполненіи однихъ и тѣхъ же религіозныхъ и другихъ обрядностей. Примѣромъ для насъ можетъ послужить слово: *калода*, *клада*, которое и теперь, какъ гомонимъ, имѣетъ у насъ много значеній.

Мы видѣли, что Михайло Потыкъ заказалъ устроить себѣ въ землѣ домовище или гробъ жалѣзный. Въ другомъ

[1]) Гаркави, Сказ. мус. п., стр. 96 и сл.

варіантѣ былины, гдѣ разсказывается, что этотъ багатырь долженъ былъ опуститься въ землю съ мертвымъ тѣломъ своей жены, читаемъ:

„Крестовыи вы братцы названыи!
Стройте вы *калоду бѣлодубову*
Итти мнѣ во матушку во сыру землю,
А со тымъ со тѣломъ со мертвымъ“....

А братья что крестовыи названыи,
Копали *погребъ* тутъ оны глубокіи,
Опустили ихъ во матушку во сыру землю. ... [1])

а) Какъ тутъ понять, совмѣстно съ копаньемъ погреба, *колоду бѣлодубову*? Слова эти не поддаются толкованію по ихъ нынѣшнему значенью. Они дожны имѣть синонимическое отношеніе къ домовищу или гробу желѣзному, должны означать жилище Ямы или умершаго:

аа) *Ка̑ла* (159)—Яма; смерть;

Да (308)—холмъ, гора:

Ка̑ла́-да, кало́-да—гора Ямы, смерти, синонимъ халма̀ въ первоначальномъ смыслѣ.

бб) *Бала* (461)—силачъ, багатырь; ратникъ, воинъ;

Тубъ (295)—сразить, убить: *бала-тубъ*, въ позднѣйшее время безсознательно было обращено народомъ въ *бѣлодубовъ*. Слѣдовательно, по первоначальной идеѣ, слова: *ка̑ла́-да ба̑ла-тубъ, кало́-да бѣло-дубова* значили: „посмертная гора багатыря или воина убитаго“. Болѣе, чѣмъ эти слова, синтетическая четія есть *курганъ*, какъ она выше разъяснена.

Такимъ образомъ Михайло Потыпъ заказалъ себѣ *строить* погребъ, упакой, комнатку подъ насыпью, или курганъ, магилу, какъ это строилось для сраженныхъ въ битвѣ вождей.

---

[1]) Онеж. был., стр. 268.

Здѣсь кстати замѣтимъ о реченіи *трупъ*, какъ теперь называется у насъ вообще мертвое тѣло; въ старину же глубокую оно означало исключительно „тѣло убитаго“, и въ этомъ смыслѣ употреблено въ Словѣ о плк. Игоревѣ о павшихъ воинахъ: „Часто врани граяхуть, *трупіе* себѣ дѣлячи“. Оно имѣетъ такой смыслъ, какъ происшедшее отъ корня

Трупъ (305)—сражать, убивать.

б) Мы уже замѣтили, что, по извѣстію Ибнъ Фадлана, сожженіе дѣвушки, *съ ея впрочемъ согласія*, вмѣстѣ съ умершимъ господиномъ ея, могло быть частнымъ, исключительнымъ обрядомъ тѣхъ изъ Руссовъ, которые бывали въ Индіи по торговымъ дѣламъ. Тѣмъ не менѣе этотъ варварскій обычай могъ возникнуть путемъ толкованія четіи „калода бѣлодубова“; какъ позднѣе, уже въ христіанскій періодъ, явившіеся на Волгѣ волхвы съумѣли убѣдить народъ, что багатыя женщины въ своемъ тѣлѣ запрятали хлѣбъ, рыбу и проч. и побуждали къ убіенію ихъ, присвоивая себѣ ихъ достояніе. Гомонимическія части словъ, о которыхъ бесѣдуемъ, значили:

аа) *Кâла* (148)—судно, лодка,

Да (308)—женщина,

бб) *Бâла* (464) — дѣвушка; *бала* (461) — силачъ, ба гатырь;

Тубъ (296) — убивать. И всѣ идеи, выражаемыя этими словами, съ поразительною точностію выявились въ живой, дѣйствительной картинѣ, начертанной рукою араба очевидца: *Калâ*—лодка, вытащенная изъ рѣки на берегъ, для сожженія умершаго; *Да* — старая женщина, которая, по Фадлану, называлась „ангеломъ смерти“; *Бâла* — дѣвушка, та, которая на вопросъ: кто умретъ съ господиномъ, отвѣчала *я*; по

значенію гомонима, личность богатырей представляли поставленныя кругомъ лодки „деревянныя изображенія, подобныя великанамъ“; *Тубъ* — убивать: убитую старухою дѣвушку положили подлѣ господина и сожгли вмѣстѣ [1]).

в) Вообще древнее, русское значенье слова *калода*, *клада* приводило въ затрудненіе даже составителей такъ называемой несторовой лѣтописи, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, или по крайней мѣрѣ ея переписщиковъ, и заставляло ихъ подвергать его комментаріямъ, глоссамъ и неумѣстной постановкѣ въ ряду прочихъ словъ. Въ повѣствованьи о сожженіи мертвецовъ у Кривичей и другихъ, по лаврентьевскому списку, читаемъ: „и по семъ *творяху кладу велику*“, по радзивил. — *краду*, по лѣтописцу Переяславлс Суздальскаго: *грамаду дровъ*. О поминкахъ, справленныхъ Ольгою по Игорѣ въ землѣ Древлянской, сказано: „Приде ко гробу его, *плакася по мужи своемъ*, и повелѣ людемъ съсути могилу велику“. Замѣчателенъ варіантъ повѣствованія И. Фадлана о упомянутыхъ выше похоронахъ Русса: „они положили его въ могилу и *накрыли его крышкою*“; вмѣсто послѣднихъ словъ, по изданію Вюст: „*и оплакивали его* [2]). Мы должны поэтому понять совсѣмъ въ другомъ смыслѣ приведенныя выше слова лѣтописи:

Крадъ и *кладъ* [190, 193]—слова тожественныя, представляющія взаимную замѣну буквъ *р* и *л*, и значатъ: плакать, рыдать, стенать, испускать плачевныя вопли. Слѣдовательно: „Творяху кладу или краду велику“ значатъ: „творили плачъ великій“. Такимъ бразомъ плачевныя причитанья

---

1) Гаркави, Сказанія мусульм. писателей, стр. 96 и сл.

2) Ibid., 56.

надъ магилами покойнниковъ, которыя донынѣ сохраняются въ русскомъ простонародьѣ, и образчикъ которыхъ мы уже приводили, имѣютъ свою историческую основу въ миѳической эпохѣ русь-славянскаго народа.

г) Что касается нынѣшняго главнаго значенья слова *калода* —срубленнаго дерева или толстаго древеснаго отрубка, — то его основныя части суть:

'Калъ и *Кръ* или *Клъ* (201, 180) — отрубливать, срубливать;

'Кала, *кала̂* и *'канла* [201, 148, 201] — срубъ или отрубокъ, кусокъ, часть,

Та [281]—дерево: *кала́-та*, *къла-да*, *кало́-да* — срубъ, отрубокъ, кусокъ дерева.

В. *Мары* и *бабы*.

а] Въ юговосточной части Россіи, магилы, халмы, курганы называются *марами*. О томъ, что съ этимъ словомъ была соединена въ древности идея смерти, свидѣтельствуетъ его нынѣшнее значенье въ Бѣлой и Малой Руси: тамъ *марами* называются носилки для умершихъ. Значеніе посмертной насыпи, магилы слово это получило у Русь-славянъ въ миѳическую эпоху, отъ двухъ гомонимовъ:

Ма̂ра [503]—потеря жизни, смерть,

Мару [493]—холмъ, гора.

б] Но у насъ, въ юговосточныхъ губ., *марами* называются также каменные истуканы, болваны, изображающіе женщинъ: ихъ обыкновенно ставили на марахъ или халмахъ. Въ южной Россіи они называются *бабами*. На Чертомлыцкой магилѣ, о которой мы выше упомянули, стоитъ каменная баба, которая, по преданію, теряющемуся во мракѣ ми-

нувшихъ вѣковъ, до сихъ поръ пользуется суевѣрнымъ уваженіемъ тамошнихъ крестьянъ, преимущественно женщинъ: онѣ приносятъ ей жертвы деньгами, хлѣбомъ, платками, въ чаяньи исцѣленья отъ разныхъ болѣзней [1]). Какое же имѣли первоначальное значеніе и соотвѣтствіе между собою названія мары и бабы?

Дѣти зовутъ мать своихъ родителей *бабою*; по ея положенію въ древнемъ родѣ-племени, названіе это, какъ эпитетъ, соотвѣтствовало *дѣду*, о чемъ мы поговоримъ въ концѣ этой книги. У насъ оно принадлежитъ также и женщинѣ, занимающейся подаяніемъ помощи родильницамъ при разрѣшеніи отъ бремени. Послѣ этого короткаго предваренія, наше далнѣйшее объясненіе—слѣдующее: въ вѣдійскомъ пантеонѣ есть богиня, которая очень усердно чествуется у индійскихъ Арійцевъ многочисленными празднествами: ея имя *ʿБаванî* или *ʿБабанî*, она же и Парвати. Это, прежде всего, богиня *горъ и халмовъ* [2]). Какъ супруга Сівы, въ образѣ разрушительнаго божества, она, подъ именемъ *Марîı* (503), также Дурги, страшна подобно ему, — богиня всякаго уничтоженія и смерти. Въ благотворномъ образѣ Сівы, какъ возстановляющаго и возрождаюдающаго все разрушаемое, супруга его признается богинею, способствующею дѣторожденію и облегчающею его. Въ этомъ послѣднемъ значеніи, какъ покровительницы дѣтства, поклоненіе ей, подъ именеиъ *Бабîı*, распространилось въ Сиріи, особенно въ Дамаскѣ.

Наши каменныя истуканы-женщины представляютъ именно эту *богиню халмовъ*, на которыхъ они ставились и по ея

---

[1]) Забѣлинъ, Исторія рус. жизни, стр. 626.

[2]) Jacobi et Bernard, Dict., Mythol, Parvati.

имени назывались *Марі-і, Марь-і, Мары*: въ такомъ образѣ она является богинею смерти и разрушенія. Другое названіе истукановъ—*бабы* есть или сокращеніе имени Бабані, Бабіи; или первоначальный эпитетъ, прозвище, которыхъ у каждаго изъ вѣдійскихъ боговъ было много; этотъ эпитетъ есть увеличительная форма *Ба̂вайе, баба* (464) отъ корня *Ба̂* (473(— свѣтить, сіять, и поэтому значитъ „свѣтлая". Всѣ женщины, помогающія при родахъ, слѣдовательно занимающіяся дѣломъ этой богини, въ древнѣйшую эпоху назывались и донынѣ называются *бабами, бабъками*. Но кромѣ того, ей приличесгвовало имя *бабы*, какъ матери боговъ, которые, въ свою очередь, родители Ману или рода человѣческаго. По индійскому миѳу, въ началѣ *Баба* или *Бабані сложила руки*, и изъ нихъ вышелъ пузырь, изъ котораго произошли боги, родители Ману, человѣческаго рода [1]). Вотъ почему каменные истуканы на нашихъ халмахъ, бабы, изображаютъ женщинъ со сложенными руками, въ которыхъ помѣщенъ, вмѣсто пузыря, какой-то сосудецъ: высѣкальщики или уже утратили сознаніе древняго значенія миѳа, или этимъ сосудцемъ они въ самомъ дѣлѣ изображали пузырь. Предпочтительное обожаніе Бабы было древнѣйшимъ культомъ русь-славянскаго народа по переселеніи его въ Европу; истуканы ставились на халмахъ, потому что халмы были первоначальнымъ вѣдійскимъ алтаремъ и священною оградою, куда народъ собирался для жертвоприношеній богамъ черезъ посредство Агні, въ его образѣ земнаго агня. Это подтверждается народною присказкою, донынѣ у насъ безсознательно повторяемою, въ которой Бабѣ придается эпитетъ *Яга*, и она представляется ѣдущею въ *ступѣ*:

---

1) Vollmer's, Wörterb. d. Mythol., 3-te Aufl., B'awani.

Яга (524, 520) значитъ „чествуемая жертвоприношеніемъ"; а слово *ступа* есть исчезнувшее изъ народнаго сознанія древнее русское слово *Ступа* (735)—холмъ, слившееся съ *Стуба* (734) — казелъ, который обыкновенно и приносился въ жертву, о чемъ имѣемъ свидѣтельство въ одной обрядовой пѣснѣ-колядкѣ, которую приведемъ послѣ. Мы поэтому очень сомнѣваемся въ исторической дѣйствительности легенды, которую разсказываетъ наша лѣтопись, о мнимомъ рѣшеніи Владиміра, по совѣту старцевъ, принесть въ жертву богамъ *юношу* или *дѣвицу*. Легенда была сочинена уже послѣ введенія у насъ христіанства, и нашла себѣ тему или въ созвучности словъ: *кумиръ*, идолъ (имѣющее особое словопроизводство), съ древнимъ русскимъ *кумâра* (171), кумъіръ —юноша около 15 лѣтъ и *кумâрі*, кумъірь—дѣвушка около 12 лѣтъ; или въ желаніи внушить наибольшее омерзѣніе къ къ древней языческой вѣрѣ народа, и показать въ жизни самаго Владиміра рѣзкую перемѣну воззрѣній до и послѣ крещенія.

в) Марами называются у насъ не только каменныя бабы, но и другія четіи, какъ то: сложенная куча камней на халмѣ, столбъ, пограничный курганъ. Подобные искуственные или естественные знаки дѣйствительно находились на общихъ и частныхъ границахъ древней Русской земли, и назывались *марами* отъ смѣшенія со словомъ *Марійâ* (494), что значитъ „граница, предѣлъ". Русская земля на своихъ украинахъ была огорожена противъ степныхъ кочевниковъ страхомъ смерти: пограничные курганы и другіе подобныя земляныя насыпи состояли подъ покровительствомъ самаго бога смерти — Ямы, который, въ этомъ качествѣ, назывался на

священномъ или древнемъ русскомъ языкѣ *Сімарьгла*, а по Никоновской лѣтописи *Сіманрьгла*. Вотъ почему на магилахъ и курганахъ находились каменные истуканы, изображавшіе не однихъ женщинъ, но и мужчинъ, вооруженныхъ мечемъ, принадлежностію Ямы. Имя его, какъ стража русской границы, значило:

Сімâ или *Сіманъ* (715)—граница;

Ракха (531)—стражъ, покровитель;

Кâла (159)—Яма, богъ смерти:

Сіма-ракха-кала, *Сіма-ръг-къла* — пограничный стражъ Яма.

По линіи кургановъ была расположена пограничная, украинская стража, *поляне* (выѣзжавшіе для удали, въ „поле“ или степь „полевать“), которые съ ихъ вершинъ высматривали, что̀ творилось въ степи. Зажженіемъ агней на холмахъ, всѣ Поляне извѣщались объ опасности и призывались къ оружію:

А выѣзжали-то на гору на высокую,
А и поглядѣли тутъ на силу на поганую;

А стоитъ-то сила тая *во чистомъ поли*,
Аки Синее море колебается....
А садился-то Илья да на добра коня,
А спучается со горы со высокія [1]).

Наша, такъ называемая первоначальная или Несторова лѣтопись, ни словомъ не намекаетъ о самомъ древнѣмъ и существенномъ фактѣ въ вѣдійскомъ язычествѣ русь-славянскаго народа, именно о поклоненіи Агні въ образѣ земнаго

---

[1]) Онеж. был., стр. 307.

агня, если только не считать намекомъ на это сожженія мертвецовъ. Ея составители слышали преданія о нравахъ и обычаяхъ племенъ русь-славянскаго народа, относившихся къ самой древней эпохѣ, и цѣликомъ пріурочили ихъ къ времени, ближайшему къ „начепшу Михаилу царствовати“. И странно, что между этими нравами и обычаями имъ не кинулось въ глаза поклоненіе Агні, проникавшее весь народный бытъ, когда объ этомъ культѣ свидѣтельствовали пословицы и обряды, даже до нашихъ дней сохранившіеся, и съ особенною наглядностію выдающіеся въ нѣкоторыхъ народныхъ праздникахъ и пиршествахъ, особенно же въ извѣстный день Ивана Купала. Самый *пиръ*, въ нѣкоторыхъ былинахъ *перъ*,—торжество „на весь міръ“, сопровождавшее совершеніе вѣдійскихъ обрядовъ, есть санскритское *Пееру* [423], *пиръ* — агонь, которое лежитъ также въ основѣ имени „*Перу-нъ*“ [1]). Мы только отрывочно, помимо нашей лѣтописи, узнаемъ объ обожаніи Агні изъ нѣкоторыхъ письменныхъ документовъ христіанскаго періода; такъ, напримѣръ, въ сборникѣ XVI вѣка, извѣстнаго подъ названіемъ Паисіева, помѣщено, относимое къ XII в., слово нѣкоего христолюбца ревнителя, свидѣтельствующаго, что еще въ его время существовало моленіе Агні, котораго звали Сварожицемъ; ему, вѣроятно изъ опасенія, втайнѣ поклонялись въ образѣ агня подъ овиномъ [2]). Въ Новгородѣ, еще во времена Ярослава, существовалъ, какъ видно изъ Русской Правды, классъ зажиточныхъ гражданъ, называвшійся *огнищанами*: это — домовладѣльцы, содержавшіе въ своихъ жилищахъ, по вѣдійскому уставу, неугасаемый священный агонь:

---

[1]) Сталъ тутъ Добрынюшка поигрывать,
Весь *пиръ* тотъ привелъ да на весельице.... (Онеж. был. стр. 179).

[2]) Буслаевъ, Истор. Христом., 1861, стр. 519.

Агні (8)—божество и его водимый образъ—агонь,

Щандъ (254)—благопріятствовать, быть приверженнымъ, преданнымъ,

Іна (88), *інъ*—владыка, господинъ:

Агні-щанъ-інъ—Агню приверженный, преданный господинъ или домохозяинъ. Въ исторіи Татищева, подъ 6514 (1006) г., помѣщено извѣстіе о притѣснительныхъ мѣрахъ Владиміра, направленныхъ противъ поклонниковъ агня. Разрѣшая Волжскимъ Болгарамъ продавать по городамъ товары русскимъ купцамъ и у нихъ покупать, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказываетъ и *огневитинѣ* не продавать *и отъ нихъ не покупать* [1]):

Агні.

Вітъ, *Вѣ'тѣ* (589)—молиться,

Іна, *інъ* (88)—домохозяинъ:

Агні-вітъ-інъ—агню молящійся домохозяинъ. Наконецъ, для окончательнаго утвержденія высказаннаго, намъ остается только сослаться на мусульманскаго писателя, жившаго еще до Владиміра, въ началѣ X вѣка, Ибнъ-Даста, который положительно говоритъ „Всѣ Славяне—огнепоклонники“ [2]).

Введенное изъ Византіи въ Русь христіанство допускало возженіе агня при богослуженіи. Этою своею стороною Восточная Церковь могла какъ нельзя болше нравиться русьславянскому язычнику, и народъ, крестившійся въ Днѣпрѣ цѣлыми тысячами, въ угоду князю, послѣ того перенесъ и въ новую вѣру, хотя въ измѣненной формѣ, свое прежнее усердіе къ возженію агня при всякомъ общественномъ и домашнемъ богопочтеніи.

---

[1]) Сводн. Лѣтоп., Лейбовича, стр. 104, прим.

[2]) Хвольсонъ, Извѣстія Ибнъ-Даста, 1869, стр. 30.

Намъ кажется, что, говоря о нашей, такъ называемой первоначальной или Несторовой, лѣтописи, нѣтъ никакого повода, по примѣру нѣкоторыхъ писателей, предаваться лиричическому изліянію чувствъ. По нашему мнѣнію, и думаемъ, что и читатель, который съ терпѣніемъ прочтетъ нашъ трудъ до конца, вѣроятно придетъ къ тому же заключенію, что существовали русь-славянскіе письменные памятники языческой эпохи, изъ которыхъ монахи-лѣтописцы извлекли, что, по ихъ взгляду, считалось полезнымъ и назидательнымъ, между прочимъ, къ счастію, и нѣкоторые немногіе договоры нашихъ князей съ Византійскою имперіей, великая тактика которой, по преданію, унаслѣдованному отъ Рима, всегда состояла въ томъ, „чтобъ погребать въ забвеніи дѣянія и имена своихъ противниковъ“ [1]). Составленная въ монастырьскомъ духѣ лѣтопись наша казалась достаточною для замѣны поганыхъ письменныхъ документовъ, которые поэтому, какъ опасные благочестію памятники владычества духа тьмы, подверглись вѣроятно, запрещенію и уничтоженію.

Выше замѣтили мы, что мары и халмы, на которыхъ ставились каменные истуканы, представляли первоначальный вѣдійскій алтарь или жертвенникъ, съ священною оградою, гдѣ совершалось, черезъ посредство Агні, жертвоприношенье богамъ. Въ древнѣйшую арійскую эпоху, этотъ алтарь не допускалъ никакихъ истукановъ или идоловъ. Жрецомъ боговъ и посредникомъ между ними и людьми былъ Агні, въ образѣ видимаго, добытаго треніемъ дерева, священнаго агня. Оттого-то въ древнѣйшей Вѣдѣ, Рігъ, наибольшее число гим-

[1]) Diction. de Lingvistique, publ. p. Migne, p. 555.

новъ посвящено Агні и Индрѣ, который также является порой представителемъ всѣхъ боговъ Такому вѣдійскому жертвеннику было у русь-славянскаго народа древнѣйшимъ названіемъ *кумаръ*, которое сложилося изъ словъ:

Ку (166)—земля,

Мару (493)—холмъ, гора:

Ку-маръ — земляной холмъ, жертвенникъ. Но въ отдаленную, неизвѣстную эпоху, въ первоначальное вѣдійское благопочитаніе стало проникать идолопоклонство, изображеніе боговъ посредствомъ обдѣланнаго дерева, камня. Нововведеніе это было встрѣчено со стороны древней религіи сопротивленіемъ, и одна изъ нашихъ былинъ аллегорически изображаетъ возникшую борьбу, въ которой побѣда осталась за идолопоклонствомъ. Послѣ этого уже никакой холмъ, посвященный богамъ, не оставался безъ идола, который былъ видимымъ знакомъ его священнаго назначенья. И потому названіе такого холма *кумаръ* должно было уступить свое мѣсто другому созвучному

Ку (166)—прославлять, воспѣвать,

Мееру (517), *міръ* — въ общемъ значеніи жилище боговъ. И словомъ *ку-міръ* означались поэтому не только „прославляемое жилище бога", но и самый истуканъ, украшавшій холмъ. Въ нашей лѣтописи, подъ 980 г., значится: „И пришедъ Добрыня Ноугороду, постави *Перуна кумаръ* надъ рѣкою Волхвомъ", т. е. воздвигнулъ холмъ съ истуканомъ Перуномъ; подъ 945 г.: „Заутра призва Игорь слы, и приде *на холмъ*, где стояше Перунъ",

Общее названіе пѣсней народа, собиравшагося на холмъ,

въ священную ограду, для жертвопрриношенья и пира, по главному прославляемому божеству Индрѣ, нашему Перуну [1]), было *колядьі*:

Ку (166) воспѣвать,

Ла (548)—Индра,

Йа (520)—слава, свѣтъ, блескъ,

Да (308) холмъ:

Ку-ль-я-да, коляда — пѣсня славнаго Индры на холмѣ, холмная пѣсня славному Индрѣ.

Христіанская вѣра, быть можетъ еще со временъ апостола Андрея, стремившаяся водвориться среди русь-славянскаго народа, встрѣтила самое упорное сопротивленіе именно въ лицѣ богини халмовъ и горъ, *Марѣ*, впослѣдттвіи безсознательно обращенной народными цѣвцами въ христіанское имя „Марьи *лебеди бѣлой*“, въ былинѣ про Михайлу Потыка [2]). Эта былина есть аллегорія, изображающая дѣйствительный, хотя хронологически неопредѣленный, фактъ двукратнаго водворенія христіанства среди русь-славянскаго народа. По всей вѣроятности, нѣкогда она была изложена какимъ нибудь крестившимся знаменитымъ баяномъ или поэтомъ-пѣвцомъ, на священномъ или древнемъ русскомъ языкѣ, а потомъ сдѣлалась достояніемъ странствующихъ народныхъ пѣвцовъ, которые хотя и удержали донынѣ нѣкоторыя изъ древнихъ реченій, какъ-то: „калода бѣлодубова, гробъ жалѣзный, плащаница агромная“ и проч.; но въ теченіе вѣковъ все-таки измѣнили и исказили ее, особенно обративши древнія собственныя имена, исполненныя значенія и соотвѣт-

[1] Въ своемъ мѣстѣ будетъ объяснено значеніе имени *Перунъ* и его соотвѣтствіе Индрѣ по санскр. источникамъ.

[2]) Онеж. был., № 6, стр. 47,

ствія обстоятельствамъ, въ созвучныя христіанскія. Если эта былина-аллегорія еще и теперь, въ устахъ простонародья, сохранила нѣкоторыя слабые слѣды своего древняго эпическаго величія и достоинства; то какова же она была, когда впервые излетѣла изъ устъ баяна! Представителемъ язычества является въ ней „Марья лебедь бѣлая"; христіанство (искаженный образъ Христа) изображается въ лицѣ „Михайлы Потыка" и содѣйствовавшей ему „Настасьи королевишны" (вѣроятно, искаженный образъ Богоматери). Суть аллегорически воспоминаемаго факта состоитъ въ слѣдующемъ: нѣкогда, при какомъ-то русь-славянскомъ царѣ, багатырь Михайло Потыкъ [христіанство] привелъ „въ вѣрушку крещеную" Марью лебедь бѣлую (язычниковъ) и „принялъ съ нею по злату вѣнцу". Недолго пожили они вмѣстѣ; умираетъ Марья и прячется въ землю: это—обратившіеся въ христіанство язычники возвращаются къ вѣрѣ отцовъ и скрываются въ тайныхъ убѣжищахъ. Опущается въ землю вслѣдъ за Марьею и Потыкъ. Тамъ, при помощи „живой воды", онъ воскрешаетъ Марью, и съ нею „выходитъ изъ сырой земли на бѣлой свѣтъ *черезъ трои сутки*". Опять не долго пожили они въ согласіи: Марья убѣжала въ землю *Политовскую*, (подъ этимъ именемъ не должно понимать исторически извѣстную намъ Литву: собств. имена въ былинахъ, какъ личныя, такъ и географическія, по своимъ составнымъ частямъ изъ нарицательныхъ словъ, имѣли совсѣмъ другой смыслъ). Погнался за нею Потыкъ. Въ землѣ Политовской онъ претерпѣлъ отъ Марьи гоненія и страданія, даже былъ *распятъ ею*. Но его спасла Настасья королевична (русь-славянскіе христіане въ землѣ Политовской). Не смотря на защиту короля политовскаго, Потыкъ истребилъ Марью, и возвра-

тился въ Кіевъ съ Настасьей Королевичной (крещеные Русь-славяне изъ земли Политовской), гдѣ и принялъ съ нею по злату вѣнцу послѣ чего:

Сталъ же съ нею да вѣкъ коротать,
Сталъ же строить онъ двѣ церкви, двѣ соборныхъ...

О томъ, что имя Марьи въ былинѣ, кажущееся съ перваго взгляда христіанскимъ, было сначала именемъ богини халмовъ *Маръи*, свидѣтельствуетъ эпитетъ „лебедь бѣлая", который имѣлъ на древнемъ языкѣ слѣдующій смыслъ:

а] *Лêпê* [556]—чествовать, поклоняться,

Да [308)—гора, холмъ:

Лепе-да безсознательно обращенное въ *лебедь*, значило: „чествуемый, достопоклоняемый холмъ";

б] *Балі* [462], обращенное въ *бѣлая*, означало: „священное приношенье, жертвоприношенье". Итакъ

Марья лебедь бѣлая значило: „Маръі досточтимый холмъ жертвоприношенья".

Точно также имя личности, въ которой воплотился образъ христіанства — Михайла Потыкъ, съ перваго взгляда кажется христіанскимъ; однакожъ его составныя части, значеніе которыхъ умерло въ народномъ сознаніи, только своимъ внѣшнимъ сходствомъ звуковъ способствовало ему въ позднѣйшее время сдѣлаться христіанскимъ: Въ началѣ же, при сложеніи былины, имя это было измышлено съ явнымъ намѣреньемъ приспособить его значенье къ ея содержанію:

а] *Мі* [507]—ниспровергать, разрушать, истреблять;

Кхайа [196]—жилище, домъ; дворецъ боговъ;

Ла [548]—Индра:

Мі-хай-ла — разрушитель дома, жилища Индры. Въ до-

христіанскій періодъ, *сі-ломъ*, землею Индры, называлась, какъ мы объяснили, Русская земля; особенно же этотъ эпитетъ, по нѣкоторымъ былинамъ, прилагался къ Кіеву:

Да на наше на *сіло* на прекрасное,
Да на стольчей-отъ *городъ* какъ на Кіевъ *градъ*,
А наѣзжаетъ въ-за славна Синя моря
Молодой младой сюды Соловниковъ ... [1])

б] *Паті* [386]—владыка,

і [91]—поклоняться, чествовать,

Ка (132, 200)—солнце; небо;

Паті-і-ка, *Пать-і-къ*, *Потыкъ* — поклоняемый владыка-солнце. Въ церковной пѣсни на праздникахъ Рождества, Спаситель называется „Солнцемъ правды". Итакъ, имя: *Михайла Потыкъ*, означало: „Разрушитель жилища Индры, поклоняемый владыко-солнце".

Имя дочери короля политовскаго, помогавшей Потыку, значило:

Насъ, *Наса* [356, 359]—истреблять, губить;

'Та [308, 278] -холмъ, гора; идолъ;

Сайа [710, отъ *Санъ*]—поклоняемая, обожаемая:

Насъ-та-сайя, *Насъ-та-съя*—„истребительница холмовъ, идоловъ обожаемая".

Настоящимъ нашимъ разъясненіемъ, что въ языческихъ холмахъ и священныхъ оградахъ христіанство встрѣтило самаго упорнаго противника, вполнѣ подтверждается мысль достоуважаемаго Доленги Ходаковскаго о томъ, что цѣлыя тысячи изслѣдованныхъ имъ такъ называемыхъ *городковъ* при

---

[1]) Онеж. был., стр. 229.

урочищахъ, своими именами напоминающихъ языческія божества, представляются дохристіанскими священными оградами, требищами, мольбищами. По его словамъ, они повсюду разсѣяны не только по Русской землѣ, но и у западныхъ и южныхъ Славянъ, на разстояніяхъ одинъ отъ другаго около шести старыхъ верстъ; расположены на прелестныхъ мѣстахъ, и состоятъ изъ небольшой площади, обведенной землянымъ валомъ, иногда тыномъ, большей частію округлой формы, и занимающимъ пространство около $^1/_5$ десятины. Это уже неоспоримое фактическое доказательство существованія у Русь-славянскаго народа первоначальной вѣдійской религіи, вынесенной имъ изъ азіятской прародины. Построеніе такихъ городковъ, пріурочивая народъ къ опредѣленной мѣстности, обусловливало вмѣстѣ съ тѣмъ съ самаго начала и его осѣдлый бытъ.

Команъ, конь, лошадь.

Слова: *команъ* и *конь* издревле и до нынѣ употребляются одно вмѣсто другаго, такъ что вторую форму нельзя считать сокращеньемъ первой: Каждое изъ этихъ словъ, по входящимъ въ него частямъ, имѣетъ свой оттѣнокъ различія.

Въ Сборникѣ XII в. читается: „кони сего бѣли быша“[1]). Также въ нашей первоначальной лѣтописи почти постоянно употребляется эта форма, тогда какъ въ Словѣ о полку Игоревѣ исключительно господствуетъ другая:

---

[1]) Срезневскій, Свѣдѣнія о малоизв. и неизв. памятникахъ. Слово о богачѣ. (Зап. Ак. н. 1876, т. 28).

Комони ржють за Сулою,
Звенить слава въ Кіевѣ,
Трубы трубять въ Новѣградѣ.....

Въ свадебныхъ пѣсняхъ Псковской губ.:

Да чьи жъ это *комони*
Рано въ путь попущены,
Тремъ шелкамъ попутаны,
Серебромъ запузданы....

И въ тѣхъ же пѣсняхъ:

По той но дороженькѣ сивогривый *конь* бѣжить,
В'уздушку срываючи, сѣдѣльце сбиваючи. [1]).

Ахъ конь-ли, мой конь, *лошадь добрая*!
Ты не ходи, мой конь, на дунай рѣку....

Брала Чурилы *добра* коня.....
Отошла отъ коня, поклониласи:
„Ѣшь-ко *конь лошадь добрая* [2]).

Въ санскритѣ есть много синонимовъ, означающихъ лошадь. Такъ, напримѣръ, она называется:

а) *Ацва* (60); слово это буквально сохранилось въ литовскомъ языкѣ.

б) Арванъ; *Аруша* (49, 47). Отъ послѣдняго *аръша-къ* произошло въ Бѣлоруссіи *аръча-къ*—пристяжная лошадь; тамъ же и у донскихъ казаковъ такъ называется сѣдельная лука, деревянный остовъ сѣдла; въ арханг. губ: *аръча* — плата за *ѣзду* на оленяхъ.

---

[1]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни. стр. 553. 551.

[2]) Сахаровъ, Сказанія рус. народа, ч. II, стр. 222. — Онежск. былины стр. 76.

в) *Кеéцара* (185), *кучаръ*—лошадь; слѣдъ слова сохранился у насъ въ названіи возницы — *кучеръ*; въ сербск. *кошара*—заговъ для лощадей.

г) *Вôллага* (623), *вóлькъ* — лошадь съ короткимъ хвостомъ и гривою. Слѣдъ сохранился въ малорус. выраженьи: „нестись *волькою*"—во весь опоръ.

д) *Кулâга* (174)—желтоватая лошадь съ черными колѣнями. Слово это находится въ сербск. нарѣчіи *кулаш*—конь пепельнаго цвѣта, *кулашаст* — эпитетъ такого коня, *кулашица*—кобылица, Слѣдъ его сохранился и у насъ: въ малорус. — *кульячить*, бѣлорус. — *кульбачиць* сѣдлать коня. У Гомера, *κέλης* — скакунъ, скаковая лошадь, *κελητίζω* — ѣду верхомъ. Лавровскій, въ своемъ сербск. словарѣ, отмѣчаетъ это слово занятымъ у турокъ!

е) *Сапті* (679)—лошадь, отъ крн. *Сапъ* (678) — обожать, благоговѣть, указываетъ на первоначальное миѳическое воззрѣніе на лошадь, какъ существо божественное. Оно не осталось у насъ безслѣднымъ: въ областномъ новгор. нар. *сапать*—схватывать, добывать лошадь; а въ тверск. *сапать*—путать лошадь, *сапъ*—конскія путы.

ж) Къ названью, выражающему миѳическое воззрѣніе на коня, слѣдуттъ причислять *Латьва* или скорѣе *лава* (155): потому что *ть* составляетъ здѣсь исключительный санскритскій звукъ, почти не слышимый въ произношеньи и отсутствуюшій въ другихъ арійскихъ языкахъ. Особенность построенія *коннаго* строя у казаковъ называется *лава*. Собственно *латьва* или *лава* означаетъ чупрыну, чубъ, падающій на лобъ. Маруты, дружина Индры, *арійскаго бога войны*,

отличались чубами, оселедцами[1]); по такому же выдающемуся признаку, по чубу, падающему у лошадв на лобъ, ее и назвали *латьва*. Но типъ арійскаго коня — лошадь Индры, представляющая почти его самого, и служащая въ то же время символомъ Солнца. Она называется

Дадікрасъ (320): это — священный образъ боеваго коня[2]). Въ гимнѣ Рігъ-Веды, поэтъ ведійскій говоритъ о немъ:

„Это — герой солнцеобразный, живой, бодрый, неукротимый.

„Рвется онъ, какъ потокъ съ горной вершины.

„Герой, столь же легкій, какъ облако; столь же быстрый, какъ вѣтеръ, — онъ, кажись, *пожираетъ своими ногами пространство*.

„Завидѣвъ его, враги испускаютъ крикъ, какъ бы при видѣ грабящаго разбойника, или голоднаго коршуна, напускающагося на трупъ, либо на стадо“....

Нѣкоторыя черты изъ этого изображенья принадлежатъ и богатырскимъ конямъ нашихъ былинъ:

Какъ приправилъ коня добраго
Отъ Царя-града на Кіевъ-градъ,
Не дорожкамы поѣхавъ не верстамы,
Рѣки-ты озера перескакивалъ,
Широки озера промежъ ногъ пущалъ,
А ко Кіеву Добрынюшки прискакивалъ,
Черсзъ ту стѣну поѣхалъ городовую,
Черсзъ тую башню наугольную...

Конь первоначально не былъ участникомъ въ трудовой жизни человѣка; не помогалъ ему дѣлать землю. Онъ былъ

1) E. Burnouf, Le Veda, p. 188. p. 184, 84, 235.
2) Ib. p. 134.

красою войны, бурный и неукротимый какъ самъ богъ ея. Потому и самыя названія его образованы у Русь-славянъ изъ корней, составляющихъ эпитеты Дадікраса; тутъ фантазія, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ зачаткахъ человѣческаго языка, играла важнѣйшую роль:

а) *Кха́маньи* (202), *ко́мань*—Солнце;

б) *Кха* (200)—Солнце,
На (351)—война, битва:
Кха́-на, ко́-нь—Солнце битвы;

в) *Ла* (549)—Индра,
Шадъ (666)—сѣдалище:
Ла́-шадъ, ло́-шадь—сѣдилище Индры.

Лошадь *добрая*: зтѣсь эпитетъ должно разумѣть въ первоначальномъ конкретномъ значеньи его корней, которые мы уже объяснили: лошадь—даръ свѣта и теплоты, т. е. боговъ; потому что въ Рігъ-Вѣдѣ ей придается эпитетъ: ,,рожденная отъ боговъ" [1]). — Поэтому пѣсенныя и былинныя выраженія: ,,конь-лошадь-добрая" — значитъ: ,,Солнце битвы-сѣдалище Индры-свѣтлый даръ".

,,О лошадь! твое рожденье велико и достойно нашихъ похвалъ".

,,Яма передалъ ее Тріте, а Тріта далъ ей колесницу. Первымъ возсѣлъ на эту колесницу Индра".... ,,О боги! вы создали лошадь, взявши вещество ея въ солнцѣ" [1]).

Доказано, что миѳологія представляется неизбѣжнымъ физисомъ въ развитіи языка, въ его истинномъ смыслѣ, не только какъ внѣшній символъ мысли, но и какъ единственно

[1]) Em. Bournouf, Le Veda, p. 316.

возможное средство воплотить ее. И между тѣмъ какъ языкъ проходитъ черезъ этотъ частный фазисъ, все прочее можетъ стать мифологіей: явленья природы, сердечныя увлеченья и разочарованья, подвиги и смерть любимаго вождя, завоеванье новыхъ земель, прирученье животныхъ и истребленье хищныхъ звѣрей—все это можетъ быть пересказано и передано потомству въ явно миѳологической формѣ. Это какъ бы одна изъ тѣхъ дѣтскихъ болѣзней, черезъ которую, раньше или позднѣе, должны пройти самыя крѣпкія сложенія. Начало миѳологической фразеологіи, какую бы внѣшнюю форма она не приняла, всегда одно и тоже. Но въ данную эпоху начинается утрата сознанья этимологическаго значенья словъ въ языкѣ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, если вспомнить, какимъ множествомъ именъ для одного и того же предмета обладали древніе языки, а тѣмъ болѣе санскритъ, и какъ часто одно и то же слово прилагалось къ предметамъ совершенно различнымъ. Наступаетъ однакожъ время, когда изъ многихъ названій, служащихъ для означенья одного и того же предмета, беретъ верхъ какое нибудь одно слово, много два. Такъ изъ множества именъ лошади у насъ удержалось теперь только два. Всѣ прочія имена, какъ мы видѣли, утратили свое самостоятельное значенье, образовавъ слова для выраженья обстоятельствъ, болѣе или менѣе относящихся къ къ предмету, который они первоначально означали. Помимо этого, въ нашемъ народномъ творчествѣ сохранились еще эпитеты коня, также выражающіе миѳологическое воззрѣніе на это благородное животное. Почти всѣ они имѣютъ въ корняхъ значенье: блистать и говорить, подтверждая вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальное значенье словъ: конь и лошадь, и указывая на то, какъ древняя, арійская русь-славянская ми-

ѳологія любила солнечныя имена. Изъ двухъ названныхъ словъ, лошадь—исключительно русское и древнѣйшее, такъ какъ оно прямо относится къ Даͨдикрасу, сѣдалищу Индры, между тѣмъ какъ комань, конь—общеславянское и обратилось въ существительныя изъ эпитетовъ Даͨдикраса.

„Вонми, сіяющій Агні, моей молитвѣ, и колесница твоя да повлечется двумя *сивыми* (сійâвâ) конями, или двумя *рыжими* (роогітâ), или двумя *красными* (арушâ)"[1])

а) *Сійâва* (659), *сівъ*, *сівый*—темный съ сѣдиною,

Га (747)—лошадь:

Сівъ-га, *сівъ-ка*—сивый конь.

б) *Роогітъ* (547) — красный, солнечный, огненный; съ перемѣною у насъ *г* въ родственное *ж* (другъ — дружина), образовалось изъ *роогітъ—рыжій*.

в) *Аруньа* (47) — темнокрасный; утренняя заря; вслѣдствіе перехода *р* въ *л*, произошло наше *алъ*, *алый*—темнокрасный:

Аруша (47) — темнокрасный и вмѣстѣ съ тѣмъ *лошадь* темнокрасная.

Сивко, бурко, вѣщій кавурко!

Онъ взялъ седелышко черкаское,
Уздалъ сѣдлалъ *бурушка-кавурушка*.

Провѣщится ему *добрый* конь *бурочко*,
Косматочко, троелѣточко,
Человѣческимъ языкомъ *рускіемъ*:
Гой еси *хазяинъ* мой ласковый!
Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся;

---

[1]) Max Müller, Essais sur la mythologie, p. 171.

Сива жеребца не боюся,
Кологрива жеребца не блюдуся,
Въ задоръ войду у *Воронка* уйду.... [1]).

а) *Ваачъ* (574) слово, рѣчь; пословица, поговорка; гимнъ;

Ваачйа (574), *вѣщій,* высказывающій что слѣдуетъ:

б) *Каві* (150)—поэтъ, поющій, прославляющій стихами; эпитетъ Солнца;

Урага (115) — лошадь свѣтловатой масти съ черными ногами:

Каві-урага, кавь-уръка—поэтъ-конь, солнце-конь.

Вѣщая кавурка — говорящій стихи конь, говорящій конь солнце.

в) *Кавъ* (150)—разноцвѣтить:

Кавъ-урага, кавь-уръка — разношерстной, разноцвѣтной масти конь.

г) *Баргъ* (461)—блистать; говорить,

Га (747)—конь:

Бáргъ-га, бур-ка—блистающій, говорящій конь.

д) *Кгулъ* [218]—кругомъ укрывать, защищать,

Кгула, кгôла [218, 225]—кругъ,

Гріва [229]—шея:

Кгôла-гріва, кола-гривый — кругомъ укрытая шея, у насъ — конь съ богатою, развалистою на обѣ стороны гривою. Миѳологическое воззрѣнье могло сравнять такую гриву, шею, съ *ʿкала* [203] — солнце, уподобляя его лучамъ раски-

---

[2]) Олонецк. былины, стр. 34, 38, 42, 67, 191, 308. — Древнія рус. Стихотв. 1804, стр. 134.

дистые волоса коня, такъ что *кала-гріва* будетъ означать: солнечношейный. Въ одномъ изъ гимновъ Рігъ-Вѣды читаемъ: „О ты божественный Сурійа (Солнце), обладающій *лучистыми волосами* и разливающій свѣтъ! твои семь борзыхъ бѣгуновъ мчатъ тебя на твоей колесницѣ"..... „Волоса твоей гривы, о конь, раскидываются во всѣ стороны и *сіяютъ* блескомъ въ лѣсахъ" [1].

Бага-тыръ — слово сложное. Типическія черты нашего багатырскаго миѳа развились изъ второй части слова, тогда какъ первая оставалась неизмѣнною темою, которая есть

Бâга или *Бâгу* (465)—рука.

Въ индійской отрасли Арійцевъ кхатріи назывались *бâгужа* (465), т. е. рожденные отъ руки Брамы: *багу*—рука и *жа* — рожденный. Отсюда происходитъ русь-славянское имя *Багушъ* или, по окающему говору, *Богушъ*.

Вторая часть нашего слова есть:

а) *Тîрта* (294); оно обратилось у насъ, по закону экономизаціи звуковъ, въ *тыръ*—божественное сошествіе:

Бâга-тыръ — сошедшая божественная рука. На божественное происхожденье багатырей указываетъ имя ихъ прототипа *Иліи*, которое мы разберемъ въ своемъ мѣстѣ.

б) *Тръ*, *тыръ* (299)—побѣждать, одолѣвать:

Бага-тыръ—побѣждающій рукою:

Стало ему быть пятнадцать лѣтъ,
Сталъ онъ на улици похаживать,
Со робятмы шутки пошучивать:

---

[1]) Rig-Veda, ed. Migne, t. II, p. 46, sukta VII, 8; p. 103, suk. VII, II.

Кого за ногу—нога та прочь,
Кого за руку—рука та прочь...

в) *Тару* (286) — дерево, откуда *тарїї* — палица, дубинка. Наше слово *палица* отъ *палâцінъ* (402)—дерево:

Это тутъ вѣдь старенкой распахнется,
Это началъ своей *палицей* помахивать;
Куда махнетъ —туда улица,
Взадъ отмахнетъ—переулками.... [1])

Бага-тарїї, *бага-тырь*—рука-палица.

Къ слову *тарїї* впослѣдствіи былъ прибавленъ эпитетъ *Та* (281) — дерево: *татарїї* — деревянная палица; по позднѣйшіе пѣвцы, утративъ сознанье значенья этого сложнаго слова, обратили его въ *татарина*:

Михайло Потыкъ сынъ Ивановичъ
Приходитъ къ королю да къ Политовскому;
Онъ ухватилъ долгаго *татарана*,
Началъ онъ помахивать:
Куда махнетъ—туда улица,
Отмахнетъ—переулкамы.... [2]),

Въ слѣдующихъ малорусскихъ стихахъ:

А наш пан славный *богатир*,
Славный богатир, *дорого платив*... [3])

слово багатырь имѣетъ другое значенье, а потому и другое словопроизводство.

Начало древнѣйшихъ юридическихъ опредѣленій у Русьславянскаго народа скрывается въ той первоначальной идеѣ,

[1]) Онеж. был., стр. 153, 311.
[2]) Онеж. был. стр. 197.
[3]) Антоновичъ и Драш., Истор. пѣсни малорус. народа. I; 1, е.

которую содержало въ себѣ слово „правда", вошедшее въ названіе нашего перваго законодательнаго устава: *Русская Правда.* Слово это есть

Правада (445), *правъда* — изреченіе, пословица, отъ *Вадъ* (562) — изрекать; повелѣвать, приказывать. Древніе домовладыки, старцы, вожди племени облекали и, такъ сказать, отчеканивали свои приговоры, поученія, наставленія въ такую опредѣленную, законченную словесную форму, что они становились четіями и навсегда залегали въ памяти народа, по пословицамъ котораго: „правда — свѣтъ разума; она не мимо молвится; безъ нея не житье, а вытье, на нее нѣтъ суда", потому что, на оборотъ, судъ съ нею долженъ сообразжаться. Первая статья Русской Правды, съ точностію опредѣляющая тотъ кругъ лицъ, которымъ предоставлялось право мстить за убійство родственника, была лишь ограниченьемъ древнѣйшей русской правды, которая, по всей вѣроятности, была выражена словами: „за масту мстить". т. е. за голову требовать головы. Мы уже объяснили эти слова. *Маста* означало въ прямомъ смыслѣ человѣческую голову, а въ переносномъ: умъ, смышленность, изобрѣтательность. Въ послѣднемъ значеньи, оно донынѣ удержалось въ нашемъ языкѣ, въ соединеньи съ словомъ *ка* (132), *къ* — человѣкъ: *Маста-къ* — съ головою человѣкъ, т. е. дока, умный смышленный, изобрѣтательный.

Въ древнѣйшую эпоху, когда родъ представлялъ цѣльную единицу, въ которой человѣческая личность совершенно исчезала, такая широкая правда, какъ „за голову требовать головы", непремѣнно приводила въ столкновеніе родъ съ родомъ. Если былъ убитъ сынъ или племянникъ домовладыки, и убійцею былъ чужеродецъ; то не доискивались настоящаго

убійцы, а требовалась голова сына или же племянника того домовладыки, къ роду котораго принадлежалъ убійца. Если требованье не уважалось, то каждый членъ обиженнаго рода обязанъ былъ выискивать случай убить сына же или племянника того домовладыки, въ родѣ котораго скрывался убійца. Въ исполненіи такой правды и состоялъ первоначальный *судъ*, значеніе котораго опредѣляется корнемъ

Су̀дъ (726)—казнить, убивать. Такой смыслъ слово это удерживаетъ и въ выраженіи: „повиненъ есть вѣчному суду"; т. е. вѣчной казни, карѣ. Въ позднѣйшую эпоху, когда цѣльность рода уже нѣсколько поразшаталась, древняя правда неизбѣжно становилась источникомъ той безурядицы, о которой лѣтопись выражается: и возсташа родъ на родъ и *не бѣ въ нихъ правды*, т. е. изреченіе не уважалось, обиженные не получали удовлетворенія, вслѣдствіе чего возникали безпрерывныя кровавыя столкновенія между цѣлыми родами. Вотъ эту-то широкую правду первые русскіе князья поспѣшили ограничить, точнѣе опредѣлить, и въ такой измѣненной формѣ Ярославъ поставилъ ее во главѣ своей письменной правды, или сборника изреченій.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на ту тонкую характеристику, которою отмѣчено въ русь-славянскомъ языкѣ названіе дѣянія, противнаго божественному закону. Слово *грѣхъ* сложилось изъ реченій:

Гри̂ [759]—стыдъ, срамъ,

Ка (132)—душа; человѣкъ:

Гри̂-ка, *гри̂-хъ*, малорус., *грѣ-хъ*, русское, и значитъ: „стыдъ, срамъ души или человѣка". Противъ такого рода дѣяній также былъ, въ глубокой древности, *судъ*; но это гомонимъ, происшедшій отъ корня

Суд̔ [652]—очищать и очищаться, въ прямомъ смыслѣ, напримѣръ, водою, и въ переносномъ, напр., добрымъ дѣломъ, какъ видно изъ вѣдійской рѣчи:

Па̄па м̣ вêда̄ ̥бі̄йа̄ сêна *су̔дійті*,

Грѣхъ Вѣды-чтеніемъ *судится*, т. е. очищается, сглаживается.

Недавно прочитали мы, что одинъ изъ корреспондентовъ „Голоса“, бесѣдуя съ пашею Османомъ, сказалъ между прочимъ, что газета эта вообще избѣгаетъ *кваснаго патріотизма*, присущаго инымъ русскимъ газетамъ. „Не изъ этого ли патріотизма, какъ вы называете *кваснаго*,—сказалъ мушіръ,—одна изъ газетъ пустила слухъ, будто въ Плевнѣ мною заживо погребены 150 русскихъ плѣнныхъ“?

Русское родное слово „квасный“ неумѣстно приклеено тутъ къ чужеземному „патріотизмъ“, которому приличнѣйшій эпитетъ—*паркетный*. Этотъ патріотизмъ, обольщаясь своимъ умственнымъ превосходствомъ надъ презрѣнною толпою и мнимымъ безпристрастіемъ, нерѣдко выставляетъ кажущіеся недостатки своего отечества даже передъ врагами, забывая настоящую квасную пословицу: себя наготить — свой позоръ казать. Между тѣмъ какъ мушіръ, сглаживая, извиняя турецкія звѣрства, разглагольствовалъ о мнимыхъ жестокостяхъ нашихъ казаковъ, корреспондентъ, съ своей стороны, нашолъ умѣстнымъ потолковать о хвастливомъ паркетномъ патріотизмѣ, иронически называя его квраснымъ, — именемъ того хлѣбнаго, здороваго, искони народнаго напитка, который древле красовался на княжескихъ и боярскихъ столахъ, въ серебряныхъ кружкахъ. Тотъ *народъ*, который скромно и

благополучно провелъ до настоящихъ дней, черезъ тысячелѣтнія бури, святорусскій корабль, низпалъ въ странѣ, вновь занятой, на низшую ступень противъ культурныхъ задатковъ, имъ вынесенныхъ изъ азіятской прародины, и низпалъ не потому, что изнемогъ въ борьбѣ съ враждебными физическими условіями суровой природы, а отъ безпрерывной многовѣковой безурядицы своихъ древнихъ правителей. Ничто не могло такъ ожесточить и огрубить народъ, какъ удѣльныя княжескія усобицы, когда изъ за мелкихъ честолюбій и корыстолюбій, рѣками лилась русь-славянская братская кровь даже въ христіанскую эпоху. И съ какою глубокою скорбію отзывался на это бѣдствіе святорусской земли поэтъ, творецъ Слова о полку Игоревѣ! Еще не такъ давно, въ историческое время, въ началѣ XVII столѣтія, этотъ народъ, оставшись безъ правительства, съумѣлъ доказать міру свою наклонность къ государственному порядку, и тѣмъ изорвалъ въ клочки хитро замышленныя и подъ ногами его раскинутыя іезуитскія сѣти. Вотъ этотъ-то квасный народъ никогда не былъ хвастливымъ, хотя всегда, на все до послѣдняго, бывалъ готовъ, когда наступала тяжелая пора. Слышалось-ли когда либо, въ средѣ его, то, что́, нерѣдко приходится намъ слышать, напримѣръ, изъ устъ Нѣмцевъ, вотъ хоть-бы Гризебаха, ректора одного изъ университетовъ, который недавно трубилъ: „Владычество принадлежитъ Нѣмцамъ, потому что они народъ избранный, благородная раса, и имъ, слѣдовательно, приличествуетъ налегать на своихъ сосѣдей, какъ надлежитъ, по праву и обязанности, и всякому человѣку, одаренному бо́льшимъ умомъ и бо́льшею силою, налегать на окружающихъ его лицъ, далеко менѣе его одаренныхъ или болѣе слабыхъ“. И этому голосу вторитъ Густ. Фрейтагъ: „Велика радость быть Нѣм-

цемъ, и не далеко то время, когда чужеземные народы будутъ считать это за великую честь"[1]). И не смотря на то, что Нѣмцы истребляютъ пива едва-ли не больше, чѣмъ на Руси выпивается квасу, никто изъ нихъ однако-жъ не называетъ патріотизма, проповѣдуемаго Гризебахами и Фрейтагами, *пивнымъ* или какъ нибудь иначе. Словомъ *квасъ* у насъ переведено въ евангеліи греческое *ζύμη*, означающее вещество, способное производить въ тѣстѣ броженіе и сообщать хлѣбу кислый вкусъ. Первоначальный смыслъ его объясняется составными частями:

Ка (132)—вода,

Васу (571) — качество всего сладковатаго, отдающаго сладкимъ:

Ка-васу, *къ-васъ* — сладковатая вода, такъ какъ настоящій квасъ приготовляется на сладковатомъ веществѣ, производящемъ броженіе: на суслѣ, на хлѣбѣ, печеномъ съ солодомъ. Шипучіе квасы съ хмѣлемъ не только утоляли въ знойную пору багатырскую жажду нашихъ предковъ, но еще веселили и сердце, не кружа головы: таковы были древніе княжескіе и боярскіе квасы, теперь изгнанные изъ высокихъ и богатыхъ харомовъ, но все еще, хотя уже и не роскошные, зравствующіе среди народа и здравіе ему подающіе.

Гомонимъ:

Вӑса, Васі (580, 571), *васъ*, значитъ домъ; отсюда, на игрѣ синомимами и гомонимами:

Ка—вода,

Къ-*васъ*—квасъ,

Васъ — домъ, образовалась, въ древнѣйшую эпоху пасло-

---

[1]) J. Zeller, Origiaes de l'Allemgne, 2-me ed., 1876, p. XXXI.

вица: „*Квасъ* принялъ *воду* въ *домъ*, а вода квасъ и выжила вонъ“, т. е. въ томъ *домѣ*, гдѣ стали пить *воду*, выжитъ хорошій, настоящій *квасъ*, а вмѣстѣ съ нимъ выжитъ, и истый русскій человѣкъ: ибо, по дрогой пословицѣ, „и худой квасъ лучше хорошей воды“. Послѣднее изреченіе сохранилось, какъ памятникъ давняго пребыванья народа въ такой странѣ, гдѣ употребленіе сырой воды для питья дѣйствительно оказывало вредное вліяніе на здоровье.

Приводили Василья ко царю на лицо:
„Опохмѣль меня, Влядимiръ, чарой хмѣльной“.
Наливае онъ чару зелена вина,
Другу наливае *пива пьянаго*,
А и третью рюму да сладкаго меду [1]).

Мы здѣсь отмѣтили курсивымъ слова: „пиво пьяно“. Народъ невольно раззнакомился съ этимъ напиткомъ не очень давно, хотя пиво въ самомъ своемъ названіи носитъ завѣтъ предковъ:

Пі (410)—утучнять, дѣлать жирнымъ,
Ва (550)—вода:
Пі-ва, *Пи-ва*—утучняющая вода.

У Нѣмцевъ, вмѣсто *Ва*, употребленъ синонимъ:
Ӏра (90), *ір*—вода:
Пі-ра, 𝔅i-ir—утучняющая вода.

Постояннымъ эпитетомъ пива было у насъ *пьяно*, первоначальное значенье котораго опредѣляется его составными частями:

---

[1]) Онежск. былины, стр. 118.

Пiï (413)—*пи-ть*;

Анна (29)—хлѣбъ:

Пiï-анна, *пь-йанъ* — напитокъ хлѣбный. Итакъ „пиво пьяно“ значило: „утучняющая вода-напитокъ хлѣбный.“.

Изъ этого видно, что съ самаго начала квасъ и пиво одинаково были хлѣбными напитками, съ видовымъ различiемъ, зависѣвшимъ отъ способовъ приготовленья. Древнѣйшимъ усовершенствованьемъ въ приготовленьи была примѣсь хмеля, отъ чего оно сдѣлалось *хмельнымъ*, т. е. прiобрѣло качество, безъ котораго впослѣдстiи *пьянъ*—напитокъ хлѣбный считался только къвасомъ, и отъ того эпитеты *хмельный* и *пьяный* отождествились. Изъ нашихъ былинъ мы узнаемъ, что ни одинъ пиръ на весь мiръ не обходился безъ пива пьянаго, и святорусскiе багатыри выпивали его ведрами. Его производство и потребленiе, не только въ миѳическую, но и въ историческую эпоху было на Руси общенароднымъ. Оно было убито такъ называемыми въ нашихъ былинахъ „царевыми кабаками“, и потомъ откупною системою. Теперь производство пива, этого здороваго и искони русскаго народнаго напитка, у насъ возстановляется, какъ новинка, подъ этикетами: вѣнскаго, баварскаго и проч.

Такъ называемыя „вставочныя въ рѣчь“ [экклитическiя и проклитическiя) и другiя частицы, которыми изобилуютъ наши былины, такъ же какъ и Гомеровы поэмы, встрѣчаются большею частiю и въ санскритѣ:

а) *Нунъ*—частица эта, часто встрѣчающаяся въ нашихъ былинахъ, равносильна гомеровской *νῦ*, *νῦν*:

Отправляется Добрыня сынъ Никитиничъ,
Онъ ходилъ гулять по городу по Кіеву,
Да по тымъ же *нунь* по частымъ по уличкамъ....

Не могу летать я *нунечку* соколомъ....

Нунь, *νῦν*, nunc, происходятъ отъ санскр. *Ну* (378)— время; реченіе же *нынѣ* есть сложное изъ *Наййа* (354) — назначенный для.... и *Ну*—время.—Въ *наі*, *а* усѣчено еромъ, вслѣдствіе чего образовалось *Нні*; а въ *Ну* — *у* обратилось въ долгое *ійе* или *ѣ*. Итакъ *нынѣ* значитъ: „назначенное время", „это самое время".

б) Говорилъ Илья *да* таковы слова
Да ай ты удалый добрый молодецъ!
Садись-*ко* ты *да* на добра коня....[1])

Ай, въ санскритѣ *Аій* (45) — призывное и пригласительное воззваніе: идемъ! слушай! ну!

Да есть санскр. *Та* (281), частица, служащая для указанья;

Ну (378), пригласительная и вопросительная частица: ну, идемъ; ну?

Ко произошло отъ корня *Кеетъ* (184), означающаго тоже, что́ *ну*: садись-*ко* ты, все равно, что́: ну, садись.

в) *Ага* (65), то же, что наше *ага!*

г) „*Этто* я встрѣтилъ Ивана", санскр. нарѣчіе *ѐтатъ* (126) значитъ: теперь, намедни.

д) *Ва́та* (562) — *во́тъ*: „вотъ и не ждалъ я васъ", Другое значенье, такъ сказать, предлагательное: „вотъ ваши деньги", происходитъ отъ другой вѣдійской формы: *Ва́тъ*

---

[1]) Онежск. был. стр. 1027.

(575, 571), *вот̀ъ*! восклицаніе, произносимое въ минуту возношенья приношеній.

е) *ѐва* [127], *эва*, какъ напримѣръ, въ рѣчи; „эва, куда взлѣзъ.

ж) *У* (93), междометіе, какъ и наше *у*.

Витъ, *Вѣдъ*. Первая форма отъ санскр. причастной: *Вітта* (588), *витъ*—вѣдомо, знаемо; а вторая — отъ корня этой формы: *Відъ* (589)—вѣдать, знать, думать, гадать; *Вѐда* (617), *вѐдъ* — было вѣдомо. „Вить, или вѣдь, ты зналъ объ этомъ" значитъ: „вѣдомо, думалось, ты зналъ объ этомъ".

и) *Въ-та-поры* ласковый князь веселъ сталъ,
А княгиня наипаче того....

Парі́йа́-айа (401) — часть круговаго пути, вращенье времени отъ точки до точки, отъ *парі* (391)—кругомъ. Отсюда наше слово *пары* или, по принятому писанью, *пора*: настала жаркая пара; приходи вечерной парой.

Та (291) — указательная тема: Въ *та-пары* — въ эту самую пору, *та-перъ* или нынѣ, теперь

і) Наше областное *про́ти* — на встрѣчу, движенье къ предмету или противъ него, есть тожезначущее санскритское *Пра́ті* [431]. Но наше *прати-въ* есть сложное изъ *Праті* и *Ва* [559], *въ* — движеніе, ходъ: *пра́ті-ва*, *про́ті-въ* —. встрѣчно двигаться къ или про́ти. *Ва* значитъ также вѣтеръ; отсюда у насъ поговорка: „проти-*въ вѣтру* не надуешься"

к). *Санъ* [672]. Нераздѣльный въ нѣкоторыхъ словахъ префиксъ, соотвѣтствующій нашему *со*, *су*; это есть *са* [*съ*], съ носовымъ небнымъ звукомъ: α] *Санзма* [672], наше *со-зна-нье*—внутренній духовный актъ; β] *Са́нжіва́мі* (672) —

соживатъ, жить вмѣстѣ, что теперь у насъ ,,сожительствовать“; γ] *Санзвара* [672], *сусваръ, сосваръ*, обратившееся у насъ въ *сваръ*—колильный жаръ, калка для соединенья частей желѣза.

Итакъ протекшіе вѣка и тысячелѣтія не стерли въ языкѣ Русь-славянскаго народа тѣхъ существенныхъ словъ, которыя ясно свидѣтельствуютъ о его прямомъ происхожденіи отъ *наръ*, именуемыхъ въ священной Вѣдѣ, о его вѣрованьяхъ, нравахъ и обычаяхъ, присущихъ земледѣльческому и промышленному *народу*, который переселился въ Европу съ этими задатками осѣдлаго общежитія. Его слова и рѣчи подобны холмамъ, которые воздвигъ онъ въ занятой имъ странѣ, и ждутъ еще раскопокъ для обнаруженья пройденныхъ имъ ступеней бытоваго и духовнаго развитія.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

1. Къ стр. этой книги: 136, „обжа“ и 151 „баринъ, панъ, хазяинъ“.

Челядь, челядинъ, челядъникъ, чадь.

А. *Чѣла* (251)—принадлежащій къ дому или роду для разныхъ службъ и работъ—служитель, работникъ;

а) *'Дійе,* страд. зал. отъ *'да* (343)—быть кормимымъ, питаемымъ, содержимымъ.

Чѣла-'дійе, челя-дь—служащій, рабочій людъ питаемый, кормимый, содержимый;

б) *Дійе,* стр. зал. отъ *да* (315) — быть въ зависимости, въ порабощеніи:

Чѣла-дійе, челя-дь—рабочій людъ зависимый, порабощенный; въ лѣтописи подъ 945 г.: „Игорь-же отпусти слы, одаривъ скорою и *челядью....*“

в) *Діна* (320), *дьнь—день,*

Дініка (320)—поденное содержаніе, поденная плата:

Чела-діна, челя-динъ—рабочій поденный,

Чела-дініка, челя-дьнікъ—работникъ за поденное прокормленіе, за поденную плату. Въ договорѣ Олега съ Греками: „на *днь (день) челядинная цѣна*“.

г) *Дііна* (322)—по бѣдности: *Чела-дііна, челя-динъ*—рабочій по бѣдности.

Б. Въ санскр. словѣ *Чѣла,* начертаніе буквы *л* имѣетъ двоякій выговоръ: въ однихъ словахъ она произносится какъ *л,* а въ другихъ какъ *д.* Отсюда то-же самое начертаніе способно къ произношенію

Чѣда, чеедака (251): это наши *чада* и *чадъка* или *чадъца,* а по окающему говору: *чадо, чадъцо*: принадлежащій къ дому или роду служитель:

'Дама-чеедака, дома-чадъца — въ домѣ, въ родѣ служитель. Также отъ

Чеeда наше *чадь*, въ древнемъ у насъ значеніи: дружина, войско изъ служилаго люда домовладыки или главы рода. Въ лѣтописи подъ 988 г.: „нача поимати у *нарочитые чади* дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же *чадь* сихъ плакахуся по нихъ, *еще не бяху ся утвердили вѣрою*[1]). Слово это — синонимъ *абжи*, т. е. ражденныхъ отъ наложницъ; ражденные-же отъ водимыхъ носили названіе *сыновъ*, отъ

Сŷ (725)—раждать,

Іна (88)—владыка, господинъ; Солнце: *Су-іна*, *съ-інъ*— ражденный домовладыки-солнца; санскритское *сŷну* (726) — сынъ, *сунâ*—дочь.

2. На стр. 178, о значеніи *человѣка*, какъ служителя, ошибочно показанъ не тотъ смыслъ гомонима, который слѣдовало:

Чĕла (251)—служитель,

Ваака, *вѣкъ*—слово, рѣчь нара: *чела-вѣкъ* — служитель изъ языка или рѣчи нара, изъ своего народа.

3. Къ стр. 194, о холмахъ и шоломахъ. Въ Индіи, по Пенджабу или Пятирѣчью, странѣ, сопредѣльной Инду съ его притоками, разсѣяно множество куполообразныхъ возвышеній, разрушающихся подъ вліяніемъ времени: это—магилы и курганы, называемые тамъ *ступами*[2]); санскритское *стŷпа* (735) значитъ „насыпной холмъ".

4. Къ стр. 24. Не только слово *калода*, въ первоначальномъ значеніи холма, посмертной насыпи, образовалось у насъ изъ *кала-да*; но и *кѣла-дъ* — зарытыя въ землѣ драгоцѣнности, сокровища. Это показываетъ, что высокія земляныя насыпи всегда сооружались надъ знатными и богатыми покойниками, съ которыми полагались въ землю и разныя драгоцѣнности, въ чемъ удостовѣрили въ наше время раскопки многихъ магилъ. Значитъ, въ словѣ *кѣла-дъ* народное сознанье, съ древнѣйшихъ временъ, слило двѣ идеи: идею халма или насыпи надъ покойникомъ и идею со-

[1]) Слово: *нарочитый* объяснено въ „Зарницахъ Руси".

[2]) Кавказъ, 1853 г., № 61, Путеш. Муркрофа.

крытыхъ съ нимъ въ землѣ драгоцѣнностей. Оттого дерзкіе поиски *кладовъ* съ самаго начала были направлены на магилы и курганы, нынѣшними раскопками которыхъ обнаружены очень древніе слѣды расхищенія изъ нихъ сокровищъ. О томъ, что, въ миѳическую эпоху, эти насыпи служили вмѣстѣ съ тѣмъ вѣдійскими жертвенниками, свидѣтельствуетъ сохранившееся донынѣ въ народѣ названіе *кладомъ* того агня, который будто бы появляется вообще надъ зарытыми въ землѣ драгоцѣнностями. Народная поговорка; „кладъ просушивается" значитъ, что зарытыя драгоцѣнности обнаруживаются агнемъ. Такимъ образомъ, къ двумъ объясненнымъ идеямъ, совмѣщавшимся въ словѣ *кладъ*, присоединилась третья—идея агня; изъ нихъ первая и древнѣйшая о кладѣ, какъ холмѣ или насыпи, въ послѣдующее время исчезла изъ народнаго сознанія.

5. Къ стр. 208. Народное сознанье съ именемъ *бабы* соединяетъ нѣчто злое: это конечно богиня *Бабани*, она же *Дурга*, въ ея злотворномъ образѣ дѣйствія, идея о которомъ проистекла изъ гомонима, по значенію противоположнаго *бабѣ* въ смыслѣ „свѣтлой". Вѣдійское слово *Папа* (Grassmann, Wörterb. z. Rv., S. 807), по сродству звуковъ, перешло въ русскій языкъ въ формѣ *баба*, и означаетъ „злая, лихая". Въ народѣ „каменными бабами" называются истуканы не только женщинъ, но и мущинъ; первыхъ найдено на курганахъ больше, чѣмъ послѣднихъ. Безразличіе въ наименованьи тѣхъ и другихъ „бабами" произошло, въ глубокой древности, отъ сліянія въ этомъ словѣ двухъ именъ: а) *'Бава, Баба* (472)—богъ Сіва и б) *'Бавійа, Бабія* (473), обратившееся въ *Баба*, она же Ума и Парваті. У каждаго изъ вѣдійскихъ божествъ было много прозвищъ.

6) Къ стр. 312. О культѣ Агні донынѣ свидѣтельствуютъ обращающіяся въ народѣ поговорки и воззрѣнія на агонь; такъ, у Галичанъ: „Кому богъ годить, тому и огонь горить", „Огонь святії мститься, як го не шануешь". У Сербовъ клятва: „Тако ме жива огань не изгоріо". По представленью русскаго народа, агонь—царь; онъ сошолъ съ небеси, живетъ въ деревѣ, и потому, добытый изъ него треніемъ, называется *живымъ*.

III.

Для истиннаго уразумѣнія первоначальной исторіи человѣчества и для сравнительнаго изученія восточныхъ религій, познаніе Вѣды необходимо.

Евг. Бюрнуфъ.

„Вѣдійскій языкъ должно признавать центральною точкою, куда сводятся всѣ частныя филологіи арійскихъ языковъ".

Ем. Бюрнуфъ.

„Если историкъ и философъ разслѣдуютъ, терпѣливо и тщательно, отдаленныя эпохи исторіи языка,—они, безъ сомнѣнія, будутъ обрадованы драгоцѣнными находками."

Максъ Мюллеръ.

Языкъ Русь-славянскаго народа — великій историческій памятникъ его минувшаго бытія, донынѣ не разгаданный, не прочитанный нашими филологами и историками. Откуда та главная, существенная, характеристическая черта, которая раздѣляетъ этотъ языкъ и народъ на два огромныхъ отдѣла: языкъ и народъ *акающаго* говора, языкъ и народъ *окающаго* говора, съ пребываніемъ перваго исключительно въ предѣлахъ Русскаго государства?

Языкъ этотъ, какъ историческій памятникъ, представляется намъ въ двухъ главныхъ видахъ, различія которыхъ въ грамматическомъ и лексическомъ отношеньяхъ были однако-жъ на столько замѣтны, что въ нашей первоначальной лѣтописи оказались нужнымъ сдѣлать оговорку: ,,А словенскій языкъ и русскій одно есть". Очеводно, что составителямъ лѣтописи вспадало на умъ, какъ бы кто, въ виду нѣкоторыхъ несходствъ, не вздумалъ считать языковъ русскаго и славянскаго совершенно различными языками, какъ то и пытались доказывать норманисты, считая древнѣйшія имена Днѣпровскихъ пароговъ, названныя у Константина Багрянороднаго *русскими*, чуждыми русь-славянскому языку; а между тѣмъ они не болѣе, какъ слова древняго оффиціальнаго или священнаго языка, которыя, вслѣдствіе утраты сознанія о ихъ значеніи, были замѣнены позднѣйшими синонимическими словами, названными у того же писателя *славянскими*, какъ мы это подтвердили и еще подтвердимъ на нѣкотырыхъ другихъ словахъ.

Характеристическою чертою различія обоихъ отдѣловъ русь-славянскаго языка служитъ собственно говоръ или особенное произношенье однихъ и тѣхъ же словъ, какъ отдѣльно, такъ и въ сочетаньяхъ, образующихъ рѣчь. Когда въ одномъ говорѣ вы слышите, напримѣръ, слова: катóрый, карóва, агóнь; харашо, пади паскарѣе—пазави атца; то въ другомъ — они произносятся и пишутся: который, корова, огнь или огонь, хорошо, пойди поскорѣе — позови отца. Это—*акающій* и *окающій* говоры. Оба они существуютъ на Руси одинъ подлѣ другаго, и къ послѣднему изъ нихъ, помимо частныхъ разновидностей, относятся русскія нарѣчія: украинское и сѣверовосточное, въ основѣ котораго лежитъ

древній новгородскій или словенскій языкъ, согласно тому преданію о св. апостолѣ Андреѣ, которое приводитъ наша лѣтопось: „И приде въ *Словѣни, идеже нынѣ Новгородъ*"; это, по словаммъ апостола „земля Словенска". За тѣмъ, къ этому же отдѣлу принадлежатъ: книжный церковно-славянскій языкъ и всѣ прочія славянскія нарѣчія. Что касается русскаго акающаго говора; то онъ, какъ мы уже замѣтили, состоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ санскритомъ, древнѣйшимъ памятникомъ первоначальнаго арійскаго языка. Онъ отличается отъ санскрита тою особенностію, что обращаетъ его *а*, когда подаетъ на него ударенье, въ другія гласныя буквы, но преимущественно въ *о*. Эта характеристическая черта акаюшаго говора сохраняется и въ немъ самомъ, такъ что, въ различныхъ формахъ одного и того же слова, *а* попеременно бываетъ то *а*, то *о*: агóнь—óгненный, прасить—прóситъ, галасить—гóласъ и проч. Нарѣчія же окающаго говора представляютъ значительныя уклоненія отъ санскрита, не рѣдко даже искаженія его, какъ, напримѣръ, булгарская буква *юсъ*, т. е. носовое произношенье звука *у*. Акающій говоръ въ русскомъ народѣ называется рѣчью *свысока, высокою рѣчью*. Такое названіе, судя по первоначальному значенью слова *высокъ* (стр. 91), безсознательно сохранилось за нимъ въ народной памяти по той, вѣроятно, причинѣ, что нѣкогда онъ былъ офиціальною и богослужебною рѣчью русь-славянскаго народа, рѣчью правительственнаго класса и господствующаго племени. Такъ, напримѣръ, на древнемъ русскомъ или священномъ языкѣ было имя *Стрiбогъ*, которое, по своимъ составнымъ частямъ, значитъ:

Сiтi (713)—бѣлый,
Рi (540)—свѣтъ,

῾Бага—богъ:

Сіті-рі-῾бага, *Сътъ-рі-бо́гъ*—бѣлъ-свѣтелъ-богъ. Имя это позднѣе было замѣнено *славянскимъ* тожезначущимъ *Бѣлъбогъ* (стр. 101). Въ словѣ о плк. Игоревѣ: „Се вѣтри, Стрибожи внуци....“ Стрибогъ, Дажьбогъ, Бѣлъбогъ—все это прозвища олицетворенныхъ проявленій единой силы добра. *Внукъ* значитъ: присоединенный черезъ сына къ одному нераздѣльному дому, семьѣ-роду, основѣ его послѣдующаго разростанья въ племя; или: присоединенный къ единому домашнему священному агню, какъ символу одного кореннаго нераздѣльнаго рода. Припомнимъ, что по вѣдійскому брачному обряду, основатель семьи, женихъ, называется „домашнимъ агнемъ“. Этимологическое значенье:

Вана (563, 575)—домъ, жилище; священный агонь;

Ійукъ (527)—присоединенный:

Вана-ійукъ, *вънъ-укъ*—присоединенный къ дому, къ домашнему агню.

Вѣтры поэтому принадлежали къ семьѣ-роду Стрибога или Бѣлъбога.

Точно также мы можемъ полагать, что разобранное нами имя божества (стр. 211) *Сімарьгла* есть древнее русское; а *Макошь* его тожезначущее славянское:

Ма (483), гомонимъ, означающій Яму, Сіву и другихъ боговъ,

Каш῾та (162)—граница, порубежье:

Ма-ка́шта, *Ма-ко́шть*, *Ма-ко́шъ*—пограничный, порубежный Яма, или Сіва, или другой богъ.

Истинная азбучная система должна начинаться съ *а*, какъ она произносится у насъ по акающему говору, напри-

мѣръ, оъ словахъ: *раса*, *таваръ*. Это—основный звукъ человѣческаго голоса, самое чистое произведенье легкихъ и горла. Если мы откроемъ, сколько возможно больше, ротъ и гортань, удаляя съ прохода воздуха все, что могло бы видоизмѣнить его теченье, — намъ послышится именно звукъ *а*. Онъ болѣе или менѣе видоизмѣняется при большемъ или меньшемъ съуживаньи устной полости. Наименѣе чувствительное видоизмѣненье,—именно то, которое, искажая качество тона, сохраняетъ однакожъ его преобладающій элементъ,—производитъ звуки, называемые гласными [1]). Къ такимъ именно видоизмѣненьямъ и склонны наичаще и большая часть языковъ, слова которыхъ какъ бы избѣгаютъ употребленья основнаго *а*. Всѣми признается, что санскритъ есть старшая отрасль арійскихъ языковъ; что изъ нихъ всѣхъ, онъ ближе стоитъ къ первоначальному арійскому языку, и что, слѣдовательно, о качествахъ и свойствахъ послѣдняго можно гадать только по санскриту. Мы уже сказали, что этотъ языкъ есть по преимуществу акающаго говора, т. е., что въ его слогахъ слышится едва-ли не исключительно преобладающій основный звукъ *а*. Легкость, краткость, простота въ произношеніи намъ представляются качествами, непремѣнно присущими первоначальному языку, еще чуждому разныхъ вліяній, ведущихъ къ измѣненію *а* въ *о* и другія гласныя. Въ языкѣ одного изъ древнѣйшихъ народовъ Италіи, Этрусковъ, совсѣмъ не было словъ съ гласною *о* [2]). Отсюда мы вправѣ заключить, что тотъ изъ арійскихъ языковъ, въ слогахъ котораго сохраняется преобладающій звукъ *а*, долженъ,

---

[1]) Whitney, La vie du langage, p. 48.

[2]) Diction. de Lingvistique, publ. p. Migne, p, 585.

подобно санскриту, стоять ближе къ первоначальному арійскому языку, чѣмъ прочія отрасли послѣдняго, отдающія предпочтеніе *о* и прочимъ гласнымъ предъ основнымъ и наиболѣе естественнымъ *а*. Въ этомъ отношеніи едва-ли какой изъ современныхъ европейскихъ арійскихъ языковъ въ состояніи оспорить пальму первенства у русскаго языка акающаго говора: роднясь этою выдающеюся стараною съ санскритомъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ближе прочихъ подходитъ къ первоначальному арійскому языку. Сравнимъ, напримѣръ, молитву Господню на разныхъ европейскихъ арійскихъ языкахъ, по числу входящихъ въ нее словъ и гласныхъ *а*, *о* и прочихъ, называя словомъ всякое, которое, по нынѣшней орѳографіи, принято писать въ строкѣ отдѣльно. Въ 1-мъ столбцѣ таблицы поставлено число словъ; во 2-мъ—количество *а*; въ 3-мъ — *о*; въ 4-мъ — прочія гласныя съ дифтонгами, утрачивающими въ произношеньи чистые *а* или *о*; наконецъ въ 5-томъ—общій итогъ гласныхъ.

	Слова	*а*	*о*	*пр. гл.*	*ит. гл.*
Русскій ак. гов.[1] . .	64	51	4	55	110.
Церк.-славянск. . . .	63	38	18	59	115.
Нын. Булгарскій. . .	76	38	26	60	124.
Малорусскій.	63	35	22	54	111.
Сербскій	65	37	22	53	112.
Польскій	60	26	22	60	108.
Чешскій.	60	22	17	57	96.

[1]) По московск. ак. говору мы произносимъ: Атецъ нашъ, каторый на небесахъ и т. д.; *я* считаемъ за *йа*, слѣд. *а*.

Литовскій	60	27	11	75	113.
Греческій	73	27	31	82	140.
Латинскій	60	21	21	83	125.
Готскій (Ульфилы) . .	64	42	1	72	115.
Нѣмецкій (по Лютеру)	62	15	4	91	110.

Обращая приведенныя цифры въ процентную форму отношенія *а* къ *о*, всѣмъ гласнымъ и словамъ, мы получимъ слѣд. таблицу:

Приходится *а*	На 100	*о*	*всѣхъ гл.*	*словъ:*
Русскій ак. говоръ . . .	—	1275.	46. 36.	79. 53.
Церковно-славянскій. . .	—	211.	33.	60. 31.
Нын. булгарскій	—	146. 15.	30. 64.	38. 50.
Малорусскій	—	159. 09.	31. 51.	55. 05.
Сербскій	—	168. 18.	33. 03.	57.
Польскій	—	118. 18.	24. 07.	43. 33.
Чешскій.	—	129. 41.	22. 91.	36. 66.
Литовскій	—	245. 45.	23. 89.	45.
Греческій	—	87. 09.	19. 29.	37.
Латинскій	—	100.	16. 8.	35.
Готскій (Ulf. v. Heyne)	—	420.	36. 52.	65. 62.
Нѣмецкій	—	375.	13. 63.	24. 19.

По провѣркѣ другимъ текстомъ (Матѳ. 6: 1—4), процентное отношеніе *а* ко всѣмъ гласнымъ оказалось слѣдующее:

	a	На 100 гласн.
Русскій ак. гов. . . .	—	40. 93.
Церк. славянскій . .	—	21. 55.
Греческій	—	11. 05.
Латинскій	—	21. 46.
Готскій	—	33. 33.
Нѣмецкій	—	20. 95.

Само собою разумѣется, что предложеннымъ таблицамъ мы ни въ какомъ случаѣ не придаемъ законченной математической формулы, такъ какъ показанныя въ нихъ отношенія могутъ колебаться при сравненіи другихъ текстовъ. Но онѣ рѣшительно приводятъ къ тому общему, положительному убѣжденію, 1) что изъ всѣхъ сравненныхъ языковъ, русскому акающаго говора принадлежитъ первенство по количественному процентному отношенью *а* къ гласнымъ вообще и къ *о* въ особенности, и потому ближайшее сродство этого языка съ санскритомъ, а черезъ него, думаемъ мы, и съ первоначальнымъ арійскимъ языкомъ; 2) что въ числѣ поименованныхъ языковъ, греческій, по преимуществу, есть языкъ окающаго говора.

Очень неумѣстнымъ представляется притязаніе нѣмецкихъ ученыхъ, которые, вѣроятно подъ вліяніемъ теоріи Гризебаховъ и Фрейтаговъ, вносятъ въ науку названіе арійскихъ языковъ „индо-*германскими*", противъ чего основательное замѣчаніе сдѣлалъ Говелакъ [1]). Но этого мало: профессоръ Базельскаго университета Гейне, въ своей книгѣ Ulfilas [6-te Aufl., 1874], называетъ „первоначальнымъ индо-

---

[1]) La Linguistique, P. 1876.

германскимъ“ даже тотъ арійскій языкъ, отъ котораго, по его же словамъ, произошли: санскритскій, зендскій, персидскій, армянскій, греческій, латинскій и проч. Мы думаемъ, что языкъ того народа, который далъ рѣкамъ имена: Лаба, Висла, Одра, искаженныя въ нѣмецкомъ произношеніи, въ Эльбу, Вейхсель, Одеръ, вправѣ считаться если не большею противъ германскаго, то равною съ нимъ близостію къ тому Uursprache, который у Гейне величается indo-*germanische*. Значеніе именъ, данныхъ этимъ рѣкамъ Русь-славянскимъ народомъ, доказывается словами языка, который обладаетъ литературными памятниками, восходящими за тысячелѣтія до нашей эры; а приписывающіе первоначальному арійскому языку титулъ „германскаго“, чѣмъ могутъ доказать, что по этому языку должно было сказать: Эльба, Вейхсель, а не Лаба, Висла и проч.?

а) *Лаба*:

Лâ (522, 548)—даръ,

Ба (459)—Варуна, богъ водъ: *Лаба* —даръ Варуны.

б) *Висла*:

Вiсса (606)—вода,

Ра, *Ара*, (120, 70), а при взаимной замѣнимости *р* и *л*, *Ла* — двигаться: итти, плыть, направляться: *Вiссâ-ла*, *Вiссъ-ла* водяной путь.

в) *Одра*:

Уда, *Вôда* (99, 623)—*вода*,

Ра (120, 78)—итти, плыть: *Уда-ра*, *Одъ-ра*, *В'одъ-ра*—водяной путь.

Очертить въ русскомъ государствѣ точныя географическія границы акающаго говора довольно трудно; потому что

въ сопредѣльностяхъ онъ смѣшивается съ окающимъ и становится говоромъ съ нѣкоторыми особенностями, которыми отличается, такъ сказать отъ главной боевой жилы аканья. Такъ, во воронежской губер., по сосѣдству съ Украиной, говорятъ:

„Гуси мои—лебедята!
Возм*итъ меня* на крылята,
Понес*итъ* меня *до батиньки, до матиньки*....

Пущай тебя середніе *вóзмутъ*, говорятъ птицы"....

А въ черниговской губ., древнемъ русскомъ княжествѣ, по сопредѣльности съ Бѣлоруссіей, тѣ же слова произносятся такъ:

„Гуси, гуси, лебедята!
Вазмѣтъ мене на крылята,
Панесѣтъ мене къ атцу къ маткѣ...

Вó, тыя гуси, и *гаворютъ: нехай тябе* другіи *вóзмутъ*..."[1]).

Но устраняя эти разновидности, какъ случайности, мы можемъ очертить широкую полосу акающаго говора слѣдующими географическими данными: Начиная отъ терскихъ казаковъ, сохраняющихъ преданье о посѣщеньи ихъ царемъ И. В. Грознымъ, аканье живетъ въ рыбачьемъ населеньи по берегу Каспія до устьевъ Волги и Урала, и отсюда вверхъ по этимъ рѣкамъ, а по Волгѣ—до угла, образуемаго ея поворотомъ съ запада на югъ, и по верхнему теченью ея притока Оки; потомъ, отъ устья Дона вверхъ до середины, съ примѣсью украинскаго, а отъ середины до верховьевъ господствуетъ аканье, которое живетъ и по Днѣпру, отъ Припети

[1]) Аѳанасьевъ, Нар. рус. сказки, в. I, стр. 23, 19.

до его верховьевъ. Этими данными обнимаются губерніи и области: астраханская, терское, уральское и донское казачье войско, саратовская, самарская, пензенская, южныя части симбирской, нижегородской и владимірской, московская, рязанская, тамбовская, воронежская, орловская, сѣверная часть курской, тульская, калужская, смоленская, наконецъ Бѣлоруссія до предѣловъ литовскаго языка. Центръ образцоваго акающаго говора—Москва, отъ которой къ югу, черезъ рязанскую разновидность, онъ достигаетъ своей вершины на западъ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, которое, подобно санскриту, совершенно не терпитъ чистаго звука *о*, замѣняя его звукомъ *аў*, въ случаѣ паденья ударенья на *а* стаўлъ—столъ, ваўлкъ—волкъ. Кромѣ того бѣлорусское нарѣчіе отличается еще обращеньемъ буквъ *д* и *т* въ *дз* и *тс*, и эту особенность называютъ *дзеканьемъ*: ха́дзиць—ходить. По Волгѣ называютъ *егунами*, *ягунами* бѣлоруссовъ и другихъ акальщиковъ за то, что они окончаніе *аго*, *его* произносятъ, какъ оно пишется, а не какъ принято: *аво*, *ево*. Замѣтнымъ отличіемъ отъ другихъ славянскихъ нарѣчій представляется въ русскомъ языкѣ еще окончаніе *унъ* во многихъ существительныхъ, происходящихъ отъ глаголовъ; это—санскритское

Унна (104), *унъ* — склонный, охотливый, угодливый: *гавар-унъ*—охотливый гаварить; *балт-унъ*—склонный балтать; *крик-унъ* — склонный кричать; *шал-унъ* — охотливый шалить и проч.

Окающій говоръ почти постоянно употребляетъ *о* вмѣсто *а*, не обращая никакого вниманія на ударенія: молодый, молоде́нькій произносится такъ, какъ написано; по акающему же говору: маладо́й, мало́денькій; здоро́въ вм. здаро́въ; повор-

куемъ вм. паваркуемъ. Въ обоихъ говорахъ, по влiянiю закона экономизацiи звуковъ, слова эти могутъ обращаться въ младый, здравый, и этимъ отчасти улаживается различiе между аканьемъ и оканьемъ. Другою особенностiю русскаго окающаго говора есть употребленiе звука *і* тамъ, гдѣ въ акающемъ слышится *ѣ* или *я*: бiлый вм. бѣлый или бялый. Кромѣ указанной выше полосы акающаго говора, всѣ прочiя славянскiя нарѣчiя принадлежатъ, съ болѣе или менѣе рѣзкими разновидностями, къ окающему говору. Въ русскомъ государствѣ къ нему причисляется населенье по теченью Днѣстра, Буга, Днѣпра отъ Припети къ югу, по побережью Чернаго моря между этими рѣками и частiю Крыма, по сѣверному азовскому побережью, по теченью Кубани, т. е. населенiе украинское или малорусское; потомъ, на сѣверъ и востокъ отъ Москвы, населенiе земель, находившихся въ большей или меньшей зависимости отъ древняго великаго Новгорода. Но послѣднiй говоръ, вслѣдствiе влiянiя акающаго, имѣетъ свои грамматическiя и присодическiя особенности, отличающiя его отъ украинскаго нарѣчiя; такъ, наприм., глагольное окончанiе въ 3-мъ лицѣ *тъ*, въ иномъ мѣстѣ *тъ*, иногда опускается, а порой нѣтъ: сѣдлае коня; *доброго* — въ иныхъ мѣстахъ произносятъ, какъ написано, а въ иныхъ—*доброва*; звуки *ч* и *ц*—взаимно замѣняемы: *овча*, *цаска*, и проч.

И ужъ какъ видли Добрыню нонь сяду*ци*
Ужъ не видли Добрыню поѣду*ци*.

Сѣверный окающiй говоръ распространенъ по губернiямъ: новгородской, тверской, псковской, олонецкой, архангельской, вологодской, костромской, Вятской, Пермской,

Владимірской, ярославской, нижегородской, казанской, симбирской и наконецъ по Сибири. Въ нѣкоторыхъ изъ мѣстностей этого пространства донынѣ сохранилось много древнихъ словъ, какъ, наприм., въ Устюгѣ, Судогдѣ. Своей высшей точки оканье достигаетъ во Владимірѣ и Суздалѣ, гдѣ *о* почти никогда не обращается въ *а*.

Русскій языкъ, въ предѣлахъ русскаго государства, обыкновенно раздѣляется на три нарѣчія: великорусское, малорусское и бѣлорусское; изъ нихъ первое подраздѣляется на два извѣстныхъ говора: *акающее*, которымъ оно, въ концѣ концовъ, сближается съ бѣлорусскимъ, и *окающее*, болѣе или менѣе подходящее къ малорусскому и другимъ славянскимъ нарѣчіямъ. Если мы теперь спросимъ, какой въ Россіи языкъ должно назвать національнымъ и чистымъ русскимъ языкомъ; то мы поставимъ такой же точно вопросъ, который задали себѣ славянскіе филологи, отыскивающіе *древній чистый славянскій языкъ*. Разница лишь въ томъ, что у насъ оригиналы и образцы передъ глазами; а у славянскихъ филологовъ ихъ совершенно нѣтъ. Вопросъ нашъ, полагаемъ, разрѣшается соображеньемъ, что національнымъ характеромъ народа должно признать тотъ, первоначально мѣстный, племенный характеръ, который добился преобладанья надъ другими частными, племенными характерами того же народа. Также точно національный языкъ былъ сперва частнымъ, мѣстнымъ діалектомъ какой-либо области, но, вмѣстѣ съ энергическимъ характеромъ ея населенья, возвысившійся надъ другими мѣстными нарѣчіями, и сдѣлавшійся языкомъ господствующей власти и приближеннаго къ ней класса людей, языкомъ книжныхъ и вообще образованныхъ людей. Ядромъ русскаго государства сдѣлалось населеніе великаго княжества

Московскаго, а потому и его акающее нарѣчіе стало основою современнаго русскаго національнаго языка, т. е. оно возвысилось на степень офиціальнаго, ученаго, литературнаго и разговорнаго въ образованномъ обществѣ языка. Въ этомъ возвышеніи своемъ, оно, черезъ церковь, должно было войти въ соглашеніе съ усвоеннымъ книжнымъ окающимъ нарѣчіемъ, которое надѣлило его грамматическимъ письменнымъ начертаніемъ, большею частію расходящимся съ живою устною рѣчью настоящаго русскаго языка: для изображенья словъ употребляется сочетанье знаковъ, выражающее со всѣмъ не тѣ звуки, какіе нужны для произношенья. Если-бъ кто вздумалъ буквально читать, напримѣръ, слова: онъ похвально поступаетъ и постоянно хорошо говоритъ, словно по книгѣ; то объ немъ сказали-бъ, что онъ не знаетъ *чистаго русскаго языка*. Въ границахъ каждаго нарѣчія, народный русскій языкъ самъ по себѣ чистъ: онъ чистъ въ пѣсняхъ, былинахъ, сказкахъ великорусса, такъ же какъ въ басняхъ Крылова, въ сказкахъ Пушкина, въ пѣсни Лермонтова про грознаго Царя; онъ чистъ въ пѣсняхъ и думахъ малорусса, такъ же какъ и въ твореньяхъ Т. Шевченка; онъ чистъ въ народномъ творчествѣ Бѣлоруссіи. Но когда мы говоримъ о всемъ русскомъ народѣ въ его государственной совокупности; то чистымъ русскимъ языкомъ можемъ назвать лишь языкъ государства офиціальный, ученый, литературный,—языкъ, искуственно выработанный въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго періода, и представляющій намъ образцы въ офиціальныхъ актахъ, въ произведеніяхъ ученыхъ и литераторовъ и въ бесѣдѣ образованнаго въ народѣ класса. Всѣ нарѣчія стремятся у насъ приблизиться къ этому языку, въ теченіе вѣковъ мало-по-малу утрачивая свои особенности, а

замѣчательныя изъ нихъ внося въ сокровищницу общаго національнаго языка.

Изучая чистый русскій языкъ въ объясненномъ значеньи, какъ историческій памятникъ минувшаго народнаго бытія, мы, конечно, тотчасъ различимъ въ его образцахъ два главныхъ элемента: русскій акающій говоръ и церковнославянскій языкъ, какъ представитель окающаго. И передъ нами опять возстаетъ воочію двуобразный историческій памятникъ, котораго славянская филологія донынѣ не разгадала, потому что ничего не сказала ни о происхожденіи, ни объ относительной древности этихъ говоровъ. И нельзя даже ожидать, чтобы она что-нибудь путное высказала по этому вопросу, потому что выступила на дорогу, совершено отводяшую отъ цѣли, къ которой должна стремиться разумная филологія. Въ принятомъ ею направленіи она безплодна для этнографіи, для исторіи быта и языка, для исторической географіи, для мифологіи русь-славянскаго народа. Ни къ чему не могутъ привести наблюденія въ родѣ того, напримѣръ, что, въ одной и той же рукописи, какое нибудь слово написано съ юсомъ, а на другомъ листѣ оно уже безъ юса; въ одной рукописи —срьдце, а въ другихъ—сръдце, сьрдце, сърдце, и проч. и проч. Подобными замѣтками наполняются даже авторитетныя грамматики, и несчастныя дѣти должны долбить на память игривый произволъ древнихъ писцевъ, которые, переписывая рукописи, не придерживались никакихъ грамматическихъ правилъ.

Задачею славянскаго языкоизслѣдованія Шафарикъ, а за нимъ и Бодянскій считаютъ: „возстановленіе церковно-славянскаго языка въ его настоящей чистотѣ: это, де, крае-

угольный камень славянской критической лингвистики и философіи“ [1]). Но гдѣ же, и кто же видѣлъ и читалъ образецъ языка *въ его настоящей чистотѣ?* И такія эластическія опредѣленія, какъ „въ настоящей чистотѣ“, имѣютъ-ли какое либо научное значеніе? То, что̀ казалось бы Шафарику языкомъ въ его настоящей чистотѣ, показалось-ли бы такимъ Бодянскому? Не смотря на всю эту неопредѣленность, „настоящая чистота языка“ сдѣлалась идеаломъ славянскихъ филологовъ. Академикъ И. И. Срезневскій, въ изданныхъ имъ древнихъ славянскихъ памятникахъ, также выражается неопредѣленно, указывая на какой-то *чистый славянскій языкъ*, скрывающійся въ нѣкоемъ мистическомъ туманѣ. Такъ, въ галицкомъ спискѣ XIII в., содержащемъ евангельскія чтенія, очевидны явные слѣды древней русской редакціи евангелія, а Срезневскій называетъ это отступленіемъ *отъ чистаго древне-славянскаго церковнаго языка* [2]). Въ другомъ мѣстѣ: „Особенности языка и письма въ разсмотрѣнныхъ памятникахъ юсоваго письма (съ XI в.) указываютъ на нѣсколько различныхъ славянскихъ нарѣчій... Ихъ письмо и языкъ отличаются отъ того древняго славянскаго языка, который *считается чистымъ*“ [3]). Этотъ идеальный языкъ онъ называетъ также *чистымъ древне-славянскимъ нарѣчіемъ*. Такъ, по его словамъ, Остромирово евангеліе представляетъ во многихъ мѣстахъ тотъ же *чистый языкъ*, что̀ и чудовская псалтырь, *очень немного испорченный русскимъ писцомъ*. Мы позволимъ себѣ спросить, въ чемъ видятъ образецъ *чистаго языка*,

---

[1]) Бадянскій, О времени происхожд. слав. письменъ, стр. 380.
[2]) Зап. Ак. Н. 1876, т. 28, к. I. LXIX.
[3]) Сборн. статей отд. Рус. яз. Ак. н. 1868, т. Ш.

противъ котораго погрѣшилъ русскій писецъ? Возмемъ примѣръ, выше нами приведенный; пусть кто-нибудь написалъ бы: онъ пахвально пàступаетъ и проч. — можно-ли назвать это порчею чистаго русскаго языка? не есть-ли это, напротивъ того, чистый русскій языкъ, въ правописаніи отступившій только отъ условнаго буквеннаго начертанія, навязаннаго ему, наперекоръ его природному свойству? А чтобъ упрекать русскаго писца въ порчѣ древняго славянскаго языка, надобно сперва доказать, что этотъ идеальный древній языкъ въ произношеньи былъ совершенно тожественъ буквенному начертанью его словъ и рѣчей; что, напримѣръ, слѣдующія слова изъ рукописи XI в., и въ живой рѣчи такъ произносились, какъ написаны: Господи, *а-съ-что*-есть? Аще хощу, *да-тъ*-пребываетъ. Въ чудовской псалтыри, рукописи XI в., псалм. 43, рядомъ стоитъ двоякое начертаніе одного и того же слова, въ равной степени правильное: „въ *дьни* ихъ, въ *д'ни* пьр'вѣя". Во второмъ начертаніи — *д'ні*, кавыка замѣняетъ *ь* перваго; и слово это есть русское воспроизведеніе санскритскаго

Діна (320), *дьнь*—день.

Спрашивается, какъ произнесть начертаніе *дьнь*? Очевидно, что оно въ древности произносилось, какъ и теперь—*день*, и что уже тогда буквенное начертаніе расходилось съ живою устною рѣчью. Поэтому, еслибъ какой нибудь писецъ написалъ *день* вмѣсто *дьнь*, то нисколько не погрѣшилъ бы противъ чистоты языка. Писецъ Остромірова евангелія даже и не могъ ошибаться противъ правописанья, такъ какъ по этой части не существовало никакихъ правилъ. Но именно погрѣшности противъ идельныхъ воображаемыхъ правилъ

ороографіи славянскіе-то филологи и называютъ порчею языка. Слѣдующіе примѣры убѣдятъ въ томъ каждаго.

Говорятъ: въ Остромірововъ евангеліи буквы ѣ и ъ иногда стоятъ не на своихъ мѣстахъ. Спрашивается, можно-ли назвать это порчею чистаго языка? Не погрѣшность ли это противъ тѣхъ ороографическихъ правилъ, которыя желали бы навязать писцу? Далѣе: буквы *а*, *оу*, *юсъ* написаны въ слогахъ. которые *должны были быть* мягкими; но во всякомъ случаѣ несоблюденье въ правописаньи того, что, по мнѣнью филолога, *должно бы быть*,* составляетъ ли отступленіе отъ чистаго славянскаго языка? Въ чудовской псалтыри написано: *сър'дца*, а по правиламъ знатоковъ невѣдомаго чистаго славянскаго языка надо бы написать *сръдца;* писецъ написалъ: *вскую*, съ однимъ юсомъ на концѣ, а знатоки утверждаютъ, что въ этомъ словѣ окончаніе *ую* должно быть изображено двумя юсами, и проч. Мы видѣли, какъ разнообразно писали въ древности слово сердце; но разберемъ его на основаніи положительныхъ, а не воображаемыхъ данныхъ, чтобъ узнать его настоящее начертаніе, а не мнимое, предполагаемое филологами. Заданное слово есть сложное:

Сіра (647),—кровеносные сосуды,

Даца, *даціі* (318)—слуга, органъ:

Сіра-даціі, *сѣръ-дъце*— слуга, органъ кровеносныхъ сосудовъ. Такимъ образомъ, переводя санскритское полногласное слово въ русь-славянскую форму, посредствомъ строгаго примѣненья усѣкательныхъ знаковъ, мы получимъ настоящее начертаніе: *сърьдъце*; но при сокращеніи, начертаніе *сърдце* будетъ столько же правильно, какъ и *сърьдъце*, и въ чудов-

ской псалтыри основательно поставлена кавычка надъ буквою *р* взамѣнъ пропущеннаго знака *ъ*.

Но слово „сердце" имѣетъ еще метафорическій смыслъ, какъ органъ нравственной силы. Тутъ уже первая часть слова произошла отъ другаго созвучнаго корня, именно:

Срі (66) — нравственная сила: вѣра, любовь, мужество:

Срі-даці, *сръ-дъце*—слуга, органъ нравственной силы.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ, въ стихѣ: Игорь „иже истягну умъ крѣпостію своею и поостри сердьца *своего* мужествомъ", встрѣчается описка; въ соотвѣтствіе словамъ: „крѣпостію своею", слѣдуетъ: поостри сердьца *своимъ* мужествомъ. Этотъ стихъ вырванъ творцомъ Слова изъ пѣсней древнихъ русскихъ баяновъ, гдѣ въ немъ была воплощена неподражаемая игра словъ, все равно, какъ бы сказать: *посердчалъ сердца* своимъ мужествомъ; реченіе „посердчалъ" передано истолковательно словомъ „поостри":

Сръдъ (656), стремиться выспрь, рваться въ высь (ищучи себѣ чьти, а князю—славы),

Цо (657)—поострить, изощрять:

Сръдъ-цо, *сръдъ-чать*—поощрять къ ревнію, къ стремленію въ высь: поощрилъ къ ревнію въ высь сердца своимъ мужествомъ.

Въ древнѣйшихъ рукописяхъ: Богословіе Дамаскіана и Шестодневъ, вы встрѣчаетесь съ начертаньями трава, трѣва: къде, кьде, где; грътани, гъртани; пръвааго, пьрвааго, сльньце, сълньце. Въ рукописи XI вѣка, названной у Срезневскаго „Саввиной книгой", титла замѣняются горизонтальными

черточками; вмѣсто греческой *ѳ* буква *т*; въ друихъ рукописяхъ того же вѣка *о* изображается четыреугольникомъ; *шт* и *щ* считаются равноправными. Въ Погодинской псалтыри XII вѣка, *зѣло* пишется двояко: п : это, какъ увидимъ впослѣдствіи, важный фактъ въ разрѣшеньи вопроса о славянскихъ письменахъ.

Вообще, въ древнихъ рукописяхъ, каждый писалъ, какъ зналъ; писали: *іесть* и *есть*, *яко* и *іако*; *іединъ*, *единъ*, *одинъ*; *другоую*, *другую*; *снъ*, *сынъ*. Если и предположить, что первоначальный оригиналъ соблюдалъ въ орѳографіи какія нибудь правила; то, скоро послѣ офиціальнаго введенія христіанской вѣры у Славянъ, правописанье оригинала въ различныхъ славянскихъ странахъ, одна отъ другой независимыхъ, особенно же въ Болгаріи, подвергшись вліянію племенныхъ нарѣчій, много измѣнилось подъ перомъ перепищиковъ. По свидѣтельству Калайдовича, ни въ одной древней рукописи не встрѣчалъ онъ такого множества кавыкъ, какъ въ Изборникѣ Святослава и въ Шестодневѣ Іоанна экзарха. Конечно, въ первоначальномъ употребленіи кавыки не могли составлять забавы, а имѣли значеніе; но въ послѣдствіи они обратились, подъ перомъ перепищиковъ, въ одни рутинные пріемы характеристики почерковъ. Кавыка—это надстрочный крючковатый знакъ въ древнихъ русь-славянскихъ рукописяхъ, по старой памяти безсознательно употреблявшійся нашими перепищиками; а между тѣмъ имя это было исполнено глубокаго смысла въ первоначальныхъ русь-славянскихъ рукописяхъ, по которымъ происходило пѣніе и пѣвучее чтеніе. Оно значить:

Каві (150)—поющій стихи,

Ваака (573)—гимнъ,

Ваачака (574)—слово:

а) *Каві-ваака*, *Кавъ-вѣіка*—пѣвческій гимнъ, знакъ поемой священ. пѣсни;

б) *Каві-ваачака*, *Кавъ-вѣічъка* — знакъ „пѣвческаго слова".

Кавыки были первоначальнымъ источникомъ, откуда впослѣдствіи произошли на Руси, въ христіанскій періодъ, такъ называемые *крюки*, церковные ноты, пѣвческіе знаки, основа оригинальнаго русскаго церковнаго напѣва, далеко отличнаго отъ греческаго.

Итакъ мы теперь знаемъ, что *подъ возстановленіемъ чистаго славянскаго языка* филологи разумѣютъ собственно ту первоначальную орѳографію, которой, по ихъ мнѣнію долженъ былъ слѣдовать первый переводчикъ священнаго писанія на славянскій языкъ. По искаженнымъ формамъ начертанія словъ въ различныхъ древнихъ рукописяхъ они думаютъ угадать оригинальную форму первой редакціи славянскаго текста. Но есть-ли у нихъ какой нибудь фундаментъ, на которомъ они возводятъ свои догадки? Основанія у нихъ нѣтъ; они возводятъ свой домъ на пескѣ. Удивительно ли, что подобный домъ разрушается, когда пойдетъ дождь, и разольются рѣки, и подуютъ вѣтры, и устремятся на него. Мы, напримѣръ, знаемъ, что наше слово *скотъ* образовалось изъ первоначальнаго *саката*, и что для исторіи русь-славянскаго языка весьма важна форма его начертанія *съкотъ*, какъ уясняющаго законъ словопроизводства. Но если рядомъ съ нею будетъ стоять другая форма; *скотъ*; то въ этомъ можно видѣть только сбереженіе времени въ писаніи, но вовсе не порчу языка. Такимъ образомъ пока славянская филологія

будетъ ограничиваться въ своихъ изслѣдованьяхъ однимъ сравненіемъ славянскихъ нарѣчій на воображаемомъ основаніи чистаго славянскаго языка, до тѣхъ поръ она будетъ поражена такимъ же безплодіемъ, какимъ страдала вся филологія арійскихъ языковъ Европы до открытія санскрита и его тысячелѣтнихъ литературныхъ памятниковъ. Вѣда—это такой арійскій памятникъ, который стоитъ впереди всего, что западные арійскіе языки оставили намъ отъ своихъ древнихъ временъ. При знаніи вѣдійскаго языка, мало найдется во всѣхъ арійскихъ языкахъ такихъ словъ, до первоначальнаго смысла которыхъ нельзя было бы добраться, — мало такихъ формъ, объясненья которыхъ нельзя было бы отыскать. Поэтому вѣдійскій языкъ должно признать центральною точкою, къ которой должны сводиться всѣ филологическія изслѣдованья русь-славянскихъ нарѣчій—древняго и новыхъ. Словомъ, сравнительная филологія славянскихъ нарѣчій между собою и съ другими арійскими языками, также и объясненіе древней слввянской письменности, найдетъ свою опорную и вмѣстѣ съ тѣмъ высшую точку въ Вѣдѣ. До сихъ поръ у славянскихъ филологовъ названіе русь-славянскаго народа и языка арійскими было только ходячею фразою; на дѣлѣ же это не оправдывалось. Славянская филологія не отстояла почти ни одного изъ тѣхъ словъ, которыя у насъ различные изслѣдователи въ области русской исторіи называютъ то финскими, то татарскими, то греческими, а болѣе всего нѣмецкими.

Въ булгарской рукописи 1348 г. находится „Написаніе о правѣй вѣрѣ“, изложенное Константиномъ философомъ: „....вѣрую и въ единого Господа Іисуса Христа.... прежде всѣхъ вѣкъ отъ Отча существа *въспавша*“ [1]). Какъ объяс-

[1]) Калайдовичъ, Іоаннъ, экз. Болг., стр. 89, пр. 9.

нитъ послѣднее слово славянская философія? Она, конечно, отзовется, что въ словѣ *вснавша* не видитъ порчи чистаго славянскаго языка; а что касается до значенья этого слова, то оно утрачено, и о немъ можно догадываться лишь по смыслу догмата, о которомъ идетъ рѣчь. Въ томъ направленіи, которому она слѣдуетъ, другаго отвѣта и дать не можно. Между тѣмъ, не считай пустой фразой слова, что русь-славянскій языкъ есть арійскій, она бы нашла въ санскритѣ полное разъясненье вопроса:

Васа (370)—рожденіе,

прист. *На* (351)—неотдѣлимый, нераздѣлимый:

Васа-на, по указанному нами правилу усѣченья, есть русь-славянское *въсъ-на*—нераздѣлимое ражденіе; отсюда глаголъ *въсна-ти*—нераздѣлимо раждаться: „отъ Отча существа нераздѣлимо рождьшагося." Таковъ смыслъ русь-славянскаго вѣдійскаго слова. Съ подобными примѣрами мы не разъ будемъ сводить читателя, и онъ конечно убѣдиться, что славянская филологія безъ санскрита все равно, чтó телега безъ колесъ. Въ рукописи написано не *въсънати*, какъ слєдовало бы по правилу перехода санскритскихъ словъ въ русь-славянскія, а *въснати*; но этого никто конечно не сочтетъ порчею чистаго славянскаго языка.

Выше замѣчено о различномъ начертаніи въ древнихъ рукописяхъ слова *грътань*, *гъртань*. Это начертаніе даетъ намъ доказательство, что славянская филологія не въ состояніи опредѣлить, безъ помощи санскрита, самихъ основъ древняго славянскаго правописанья. Мы утверждаемъ, что и то и другое начертаніе сказаннаго слова правильно, такъ какъ оно зависитъ отъ того или другаго произношенья корня. Корень этотъ

Гр̄ъ (222) или *гаръ*; онъ значитъ: глотать; поглощать, втягивать вглубь. Отъ него происходитъ:

Гарта (213)—дира, полость, пустота внутри. Средній слогъ *ра* въ санскритскомъ начертаніи усѣченъ и образуетъ нашъ звукъ *ръ*. За тѣмъ приставочное слово

(277) *нна* значитъ нечленораздѣльный звукъ, пѣніе. Такимъ образомъ

Гарта-нна, *гърта-нь*, или, по корню, *гръта-нь* — глоталище, дыра, полость нечленораздѣльнаго звука.

Мы не думаемъ умножать примѣровъ; читатели сами будутъ открывать ихъ въ различныхъ санскритскихъ словахъ, которыя мы приводимъ въ настоящемъ сочиненіи. Но и того, что мы выше изложили, достаточно для убѣжденія въ томъ, что въ разсужденіи объ орѳографіи древнихъ славянскихъ рукописей нельзя обойтись безъ изученія санскритскаго языка и его письменныхъ памятниковъ.

Неправильность грамматическихъ измѣненій глагола *быть*, который въ настоящемъ времени обращается въ *есмъ*, а въ прочихъ—*былъ*, *буду*, произошла отъ смѣшенія въ спряженіи двухъ синонимическихъ корней;

а) *'Бу*, *'бабâмі* (448)—быть, существовать; находиться, гдѣ либо пребывать: это наше *быть*, *бывать*; малорус. *бути*, *бувати*;

б) *Асъ*, *асâмі*, *асê* (61) — быть, существовать; находиться гдѣ-либо, пребывать.

Небеса, форма множественнаго числа слово *небо*, соотвѣтствуетъ двоякой формѣ санскритскаго; *На'ба*, *На'баса* (353), означающаго воздушное пространство надъ землею.

Неправильность въ спряженіи глагола *дать*; дастъ, дастся, малорус. *даси*, — происходитъ также отъ смѣшенія слѣдующихъ корней:

а) *Дâ*, *дадê* (315)— *дать*; во флексіи — *дада*, *дадійа*. Отъ этихъ формъ, въ областной рѣчи слышится *дадино* вмѣсто *дано*; хлѣбъ *даде* имъ ясти (Іоан. VI, 31).

б) *Дайê*, *дай* (312) — даяти, давать изъ любви, по милосердію,

Дâйа (317)—*даяніе*, милостыня;

в) *Дâсъ*, *дасê* (318)—давать, но въ религіозномъ смыслѣ, т. е. приносить дары на жертвенникъ Агні; поклоняться приношеніемъ, даромъ.

Формы: сказывать, укладывать, происходятъ отъ сказать, укладать—сказываю, укладываю; но форма *давать* не представляется видоизмѣненіемъ *дать*: это видно уже изъ того, что у нея нѣтъ настоящаго времени. Говорится: укладываемъ, укладываете, но нельзя сказать: даваемъ, даваете. Причина та, что форма *давать* первоначально имѣла значеніе санскр. глагола *дâсъ*—давать въ религіозномъ смыслѣ, и потому она образовалась изъ слова

Дава (313)—агонь: *давать*—приносить даянія, дары на жертвенникъ агня [1]).

Представленное нами разъясненье словъ *въснати*, *грътанъ* и всѣхъ прочихъ, съ которыми читатель встрѣчался въ настоящемъ сочиненьи, ясно показываетъ, что знаніе первоначальнаго и основнаго значенія словъ даетъ намъ средство лучше понимать смыслъ и древнихъ писаній, и древнихъ выраженій. Грамматика и лексиконы, наичаще появляясь лишь въ позднюю эпоху, особенно же у русь-славянскаго народа,

[1]) См. въ концѣ книги прибавленіе.

представляютъ состояніе языка, современное ихъ появленію, а не причина и, тѣмъ болѣе, не древнее и не первоначальное его состояніе. Русь-славянскій народъ—такіе же древніе Арійцы, какъ и Индусы, обладающіе въ своихъ священныхъ книгахъ сокровищницею древнѣйшаго арійскаго языка. Какъ же отыскать древній смыслъ русь-славянскихъ словъ, если не возводить ихъ къ тому языку, въ которомъ значеніе ихъ сохраняется во всей своей оригинальной полнотѣ? Вѣдійскій языкъ, въ арійской семьѣ, — самый богатый корнями; это — языкъ, формы котораго отличаются высокимъ совершенствомъ, и въ которомъ элементы словъ имѣютъ свое самое ясное и полное значенье. Поэтому изученье русь-славянскаго языка, центромъ котораго станетъ санскритъ, неминуемо поведетъ къ самымъ плодотворнымъ результатамъ, какъ то показываютъ уже произведенные опыты въ области другихъ арійскихъ языковъ. Извѣстно, что Авеста стала понятною книгою лишь съ того времени, когда зендскій языкъ былъ сближенъ съ санскритомъ, и только при помощи послѣдняго оказалось возможнымъ перевесть ее на другіе языки. Персепольскія надписи были разобраны только при содѣйствіи зенда и санскрита, и изъ нѣмыхъ памятниковъ они тотчасъ сдѣлались историческими высокой важности, подтвердивъ извѣстія Геродота и сообщивъ занимательныя свѣдѣнія о персидскомъ языкѣ эпохи царей Ахеменидовъ.

Въ простыхъ словахъ, въ нарицательныхъ именахъ русь-славянскаго языка уже открываются слѣды древней вѣдійской религіи; тѣмъ болѣе выиграетъ изученіе русь-славянской миѳологіи, если въ этомъ отношеніи Вѣда станетъ центральною точкою изслѣдованій. Это вытекаетъ уже изъ того, что

она представляетъ древнѣйшую, доступную намъ форму общаго арійскаго языка и единственную книгу, гдѣ миѳологическіе символы высказываются во всей своей ясности. Религія вѣдійскаго періода была символизмомъ. Символы той отдаленной эпохи рѣдко имѣли нравственное значенье; они представляли, въ идеальной человѣческой формѣ, тѣ силы, которыми порождаются естественныя явленія какъ неодушевленной природы — агонь, теплота, свѣтъ, движенье воздуха и свѣтилъ, такъ и явленія жизни въ растеніяхъ и животныхъ. Для полнаго ихъ истолкованья почти всегда бываетъ достаточно одного сближенія, сопоставленія нѣсколькихъ гимновъ между собою. Работа эта облегчается еще тѣмъ, что въ Вѣдѣ имена божествъ, въ сущности обыкновенныя слова языка, эпитеты, означающіе божество однимъ изъ выдающихся признаковъ его. Мы уже имѣли случай показать, какія религіозныя идеи нашихъ древнихъ предковъ скрывались подъ такими простыми словами, какъ тризна, гробъ, магила, калода, харанить и проч., и какое миѳическое воззрѣніе раскрывается въ именахъ лошадь, комонь, конь. Теперь мы представимъ еще примѣръ, подтверждающій, какую насущную для славянской филологіи потребность составляетъ изученіе санскрита; мы раскроемъ религіозное воззрѣніе и обрядъ нашихъ предковъ Русь-славянъ въ такихъ обыкновенныхъ словахъ, въ которыхъ до сихъ поръ никто ничего не подозрѣвалъ:

Въ санскритѣ числительныя количественныя 1, 2, 3: *ѐка* (123), *два* (336), *трі* (303). Въ русь-славянскомъ языкѣ: два и три сходны съ санскритскими; но такое различіе въ названіи начальнаго числа, какъ *ѐка*, съ одной стороны, и *одинъ, єдинъ, еданъ* — съ другой, очень важно, и на него должно обратить глубокое вниманіе:

Потомъ, въ санскритѣ числит. порядочныя происходятъ прямо отъ количественныхъ: 1-й—*êка,* 2-й—*двітійа*, 3-й—*трітаййа.* У насъ же, *первый, пръвый* не имѣетъ никакой этимологической связи съ одинъ, единъ. *Второй* также не происходитъ отъ два, и притомъ слово это принадлежитъ не всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, въ которыхъ, въ замѣнъ его, существуетъ *другъ, другій* — общее всѣмъ этимъ нарѣчіямъ; но оно также не связано съ названіемъ количественнаго числа.

Прежде чѣмъ объяснить значенье словъ единъ, другій по корнямъ, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о древнѣйшемъ богослужебномъ чинѣ арійской религіи.

По гимнамъ Рігъ-Вѣды, мѣсто арійскаго богослуженія представляется намъ съ слѣдующими особенностями: На открытомъ мѣстѣ, откуда можно удобно наблюдать движенія звѣздъ, солнца и луны, наичаще на холмахъ, избиралось мѣсто, которое обносилось оградою изъ столбовъ, тыномъ: это — священная ограда, куда входъ запирялся воротами, отворявшимися только въ часы жертвоприношенья. Въ праздничные дни столбы украшивались цвѣтами и вѣнками. Мѣсто это было священнымъ лишь по своему назначенью, и не было похоже ни на греческій храмъ, который былъ непремѣннымъ жилищемъ того бога, статуя котораго стояла въ немъ; ни на индійскую пагоду, относящуюся къ позднѣйшему періоду браманизма. Среди этой ограды сооружалась квадратная земляная глыба, въ родѣ стола: это алтарь или жертвенникъ, называвшійся престоломъ Агні или очагомъ Ільи. Четыре стороны жертвенника соотвѣтствовали четыремъ странамъ свѣта. Служащій жрецъ обращался лицомъ къ востоку, когда жертва приносилась въ утреннюю зарю; но въ полдень

и вечеромъ онъ обращался и въ другія стороны, такъ чтобъ лицомъ всегда быть къ Солнцу: *пóсолонь*. Справа главнаго жертвенника, т. е. къ югу, и слѣва, къ сѣверу, еще стояло по одному жертвеннику, и всѣ вмѣстѣ назывались *тріведи*—троежертвенникъ. Земля вокругъ жертвенниковъ устилалась травою *куса* (poa cynosuroides): это было ковромъ для сидѣнья невидимо присутствовавшихъ боговъ.

Съ разсвѣтомъ, прежде чѣмъ солнце выглядывало изъ-за горизонта, и когда исчезала извѣстная звѣзда, различная по днямъ года, жрецы, въ числѣ не менѣе седми, приходили въ священную ограду. Четверо изъ нихъ начинали пѣть гимнъ, призывающій боговъ. Прочіе приступали, съ правой стороны главнаго жертвенника, къ *араньи*: это — два сухихъ куска дерева, изъ которыхъ въ одномъ была дыра, а другой, обдѣланный по образцу шила (*apâ*), вдѣлывался въ нее; они назывались отцомъ и матерью Агні. Ременнымъ приводомъ вдѣтое полѣно быстро вращалось, и отъ тренья скоро появлялся агонь, который и переносился на кастеръ, сложенный на жертвенникѣ изъ чурбановъ и сухихъ травъ. Памятникомъ пѣнія и призыва, во время обряда *араньи*, остался у насъ глаголъ *арать* — пѣть: ребята пѣсни аруть; по чтó аралъ меня? то есть зачѣмъ звалъ. Присутствовавшій при обрядѣ народъ стучалъ, звучалъ, вообще производилъ шумъ, чтó, по санскритски, называется *âрава* (79)—слово, обратившееся у насъ въ названіе шумной народной толпы.

Послѣ этого описанія, надѣемся, что наше объясненіе словъ единъ, другый, будетъ имѣть достаточную опору, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ясность:

а) *ê$_{д}^{с}$а* (126) — дерево, способное загорѣться; отсюда *êд$_{а}^{с}$съ*—агонь,

Анъ (19)—быть живымъ; двигаться:

Еда-áнъ, едъ-инъ, единъ, въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ *еданъ, еденъ* — дерево жизни, движущееся дерево: въ араньи, это — трущее дерево, мужское начало, отецъ Агні.

б) Созвучныя слова:

Дару, дъру (317, 335)—дре́во, дерево,

Дарâ (317), *дъръ*—женщина,

Дара (312), *дъръ*—дира,

'Дара (341), *дъръ*—матка;

в) *Угійê* отъ *Вагъ* (572) — выдаваемая въ замужество, брачущаяся:

Дру-угійê, дръ-угый, другый—дерево брачущееся, вступающее въ бракъ;

Дара-угійê, дръ-угъ, другый— женщина, вступающая въ бракъ:

Другій, другъиня — дерево съ дырою, въ которую вдѣвался единъ; это—женское начало, мать Агні.

Единъ-другъ въ совокупности составляли *Араніі*—двойственное число въ санскритѣ, по нашему *дружка*, чета. Это — колыбель невидимаго Агні, въ которой онъ получаетъ тѣло, какъ выражено въ одномъ изъ гимновъ Рігъ-Вѣды: „безсмертный былъ въ смертной колыбели"[1]).

Итакъ *единъ, другъ* были первоначально конкретными, религіозными понятіями русь-славянскаго народа, ходячею четіей, символомъ. Только позднѣе, уже по отвлеченному представленію, они сдѣлались числительными. Слово же *Адинъ*

---

[1]) Em. Burnouf, Vêda, p. 419. 425.

имѣетъ совсѣмъ другое значенье, и происходитъ отъ другаго корня. Оно образовалось въ ту эпоху, когда въ вѣдійской религіи стало высвобождаться изъ миѳологическаго многообразія метафизическое единство, какъ это выражено въ одномъ изъ гимновъ Рігъ-Вѣды: „мудрецы даютъ Адиаму Существу нѣсколько именъ: Агні, Яма, Матарісванъ....“ [1]).

âдi (72)—начало; первобытный, первоначальный; верховный. *âдiйа* (73)—первый; первоначальное,

На (351)—недѣлимый:

âдi-на, адi-нъ—первобытное недѣлимое начало; недѣлимый начатокъ.

Въ русскомъ племени эта религіозная четія заступила мѣсто *единаго* прочихъ славянскихъ племенъ, и какъ символъ, который должно всегда носить въ памяти, слово *адинъ* положено *въ начало* счета, вмѣсто санскритскаго *êка*.

Въ числительномъ порядочномъ, у нѣкоторыхъ изъ русь-славянскихъ племенъ для числа, слѣдующаго послѣ начала, кромѣ названія *другой*, какъ у прочихъ, еще самое первоначальное слово *вторый*. Оно образовалось, подъ вліяніемъ закона экономизаціи звуковъ, изъ двухъ словъ:

Ва (559)—рука,

Тарiта (286)—указательный палецъ, который, какъ известно, непосредственно слѣдуетъ за большимъ:

Ва-тарiта, въ-торъ, въ-тарби — ручной указательный палецъ.

Отъ этого конкретнаго значенья развилось потомъ отвлеченное числительное, означающее всякій предметъ, слѣдующій по порядку за переднимъ. Оно указываетъ также

[1]) Ibid., p. 426.

на фактъ, что основаніемъ десятичной системы счета послужила человѣческая рука. Въ литовскомъ языкѣ второй называется antras, отъ санскритскаго *антарâ* (28) — промежуточный, т. е. стоящій между большимъ и середнимъ пальцами. У Матѳ. 22: 26 — „Такожде же и *вторый* и третій даже до седмаго". Слово это употреблено также въ переводахъ булгарскомъ и польскомъ, а въ чешскомъ и сербскомъ—*други*, въ литовскомъ—antras.

Вслѣдствіе утраты сознанія этимологическаго значенья слова *первый*, мы, понимая его какъ числительное имя, не въ состояніи объяснить многихъ, съ нимъ связанныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся какъ въ древнихъ рукописяхъ, такъ и въ народной рѣчи. Это отъ того, что оно совмѣстило, слило въ себѣ нѣсколько первоначальныхъ корней различнаго значенья.

Въ Чудовской псалтыри, пс. 43, читаемъ: „Дѣло еже съдѣла въ дьни ихъ, въ д'ни *пър'вѣя*"; въ нынѣшнемъ церковно-славянскомъ текстѣ: „Дѣло, еже сдѣлалъ еси во днехъ ихъ, во днехъ *древнихъ*".

„Въ дни первыя, во днехъ древнихъ" — представляютъ переводъ греческихъ словъ *ἐν ἡμέραις ἀρχαίαις*.

Итакъ *первый* и *древній* суть синонимы, соотвѣтствующіе греческому *архэос*. Это послѣднее происходитъ отъ *ἀρχή*—начало, откуда что́ пошло. Для объясненья соотвѣтствія этому слову нашего *первый*, мы должны начать съ арійской миѳической эпохи: жилъ-былъ царь 5-й лунной династіи, который именовался.

Йайати (523); былъ у него сынъ, по имени:

Пӯру (420), одинъ изъ предковъ Арійцевъ. Отъ этого имени произведено

Пэрава (425), *пьрвъ, пьрвый* — идущій отъ Пуру, то есть отъ стоящаго впереди всего порядка послѣдующихъ арійскихъ поколѣній, древнѣйшій, впереди всѣхъ стоящій по времени. Отъ Пуру же происходитъ и слово

Пӯрьва (421) — древній, прежде другихъ бывшій.

Для насъ это слово представляется фактомъ высокой важности: оно — такой же памятникъ, какъ и слова нашей первоначальной лѣтописи, что Славяне суть *Нарци*, т. е. *нары* священной Вѣды, люди исключительно арійскиго происхожденія.

Дѣян. 15: 7 — „Отъ дній *первыхъ* Богъ въ насъ избра“... Здѣсь словомъ *первый* опять переведено греческое *архэос*, и оно сохранено въ переводахъ булгарскомъ и сербскомъ; въ чешскомъ же ot davnich dnu, а въ польскомъ od dawnego czasu.

Такъ же переведено это греческое слово въ текстѣ 2 Пет. 2: 5 — „И *перваго* міра не пощадѣ“.... Слово *первый* сохранено въ переводахъ русскомъ, сербскомъ и чешскомъ; а въ булгарскомъ и польскомъ оно замѣнено словомъ *старый*.

1 Іоан. 2: 7 — „Не заповѣдь нову пишу вамъ, но заповѣдь ветху, юже имѣете *исперва*“.... *ἀπ᾽ ἀρχῆς.* Въ русской народной рѣчи *исперва* передается выраженьемъ *перво-наперво*: „такъ было перво-наперво, отъ начала міра“. Въ переводахъ: русскомъ, булгарскомъ, сербскомъ, чешскомъ и польскомъ, *исперва* передано словомъ *отъ начала.*

Отъ конкретнаго хронологическаго значенья, слово *первый*, по отвлеченію, получило общій смыслъ числительнаго порядочнаго; имъ означается передній, начальный, во главѣ

стоящій предметъ изъ всѣхъ прочихъ, одинъ за другимъ слѣдующихъ:

Матѳ. 22: 25 — „И *первый* (протос) оженься умре"....
Въ такомъ значеньи числительнаго оно употреблено въ переводахъ русскомъ, булгарскомъ, сербскомъ, чешскомъ, польскомъ; литовско-жмудское pirmas.

Но обращаясь къ тексту Чудовской псалтыри, намъ нужно еще разъяснить, какимъ образомъ *древній* стало синонимомъ слова *первый*. Мы уже сказали, что *архэос* происходитъ отъ *архи*—начало, источникъ. Слову этому соотвѣтствуетъ санскритское

Дравійа (334) — начальная сущность вещей, къ чему все должно течь, направляться,

На (251)—нераздѣльный:

Дра́війа-на, *дре́въ-нъій* — нераздѣльная сущность вещей, нераздѣльное начало; въ значеніи прилагательнаго, оно равносильно греческому архэос.

Но слово *древній* не въ значеньи происходящаго отъ первобытнаго начала, а въ смыслѣ стараго, старинпаго, слилось съ другими корнями:

Дрê (348)—старѣть, старѣться, дряхлѣть,

Вана, *ваніі* (563)—лѣсъ:

Дрê-ваніі, *дре-вънь*, *древный*—старый лѣсъ.

Это конкретное значенье слова древній перешло потомъ въ отвлеченное понятіе, означающее все старое, стародавнее, подобное лѣсу, о которомъ никто не знаетъ, когда онъ выросъ.

Съ словомъ *первый* у насъ смѣшались и всѣ тѣ значенія, которыя имѣетъ созвучное санскритское слово *Парва* (402), *първъ*. Оно значитъ:

а) благопріятная минута, случай. — Когда мы говоримъ: это — *первый* благопріятный случай, то двумя послѣдними словами раскрываетъ только смыслъ слова *парва*, *първъ*, первый.

б) опредѣленное мгновенье, эпоха. Въ этомъ смыслѣ говорится: *первые* пѣтухи, т. е. полночь. „*Первый* звонъ чертямъ разгонъ": эта пословица образовалась изъ языческаго вѣрованья, что опредѣленные часы, эпохи для *савáна*, *звбна* т. е. жертвоприношенья, возвѣщаемаго звономъ, разгоняютъ враговъ божества.

в) опредѣленныя эпохи въ году. Такой смыслъ имѣютъ слова: *первозимье* — опредѣленная эпоха наступленья зимы: по *первозимью* переѣдемъ въ городъ; *перволѣтье*. „По *первонасту* на лыжахъ въ лѣсъ пойдемъ":

Нáсатійа (360), *насътъ* — Асвины, два всадника, сыновья Солнца, соотвѣтствующіе Кастору и Полуксу въ созвѣздіи Овна, задіакальнаго знака марта. Слѣдовательно *первонастъ* — опредѣленная эпоха въ году, начало весны.

Первопашенка — опредѣленная эпоха послѣ зимы, для выѣзда въ поле съ сохою; *первая коса* — эпоха, когда травы въ цвѣту, ранніе сѣно; *первополье* — опредѣленная въ году эпоха для выѣзда охотниковъ въ поле: сентябрь; *первосенье* — опредѣленная эпоха начала осени.

г) праздникъ, святой день: *первый-спасъ* — 1-го августа; *первая-пречистая* — 15-го августа; *первый-святъ-вечеръ* — рождественскій сочельникъ.

д) Изъ сліянія двухъ послѣднихъ значеній *парва*, *първъ* образовались слова:

аа) *Перворетій* — названіе мѣсяца октября въ Коричей книгѣ. Послѣ окончанія полевыхъ работъ, это было опредѣ-

лешюю въ году порою празднованья супругѣ Камы, бога любви; порою увеселеній, любовныхъ сочетаній, свадебъ; порою жертвенныхъ даровъ, приношеній, по созвучнымъ корнямъ:

Ра́ті (534), *ре́ті*—радость; удовольствія любви; собств. имя супруги Камы; половые органы;

Ра́та (543), *ре́ть*—случка;

Ра́аті (539), *ре́ті*—даръ, приношенье.

бб) *Первостриги* въ русской древности — опредѣленная эпоха и праздникъ для совершенія въ княжеской дружинѣ постригъ мальчика, по достиженіи имъ опредѣленнаго возраста. Въ первоначальной лѣтописи, подъ 6698 (1192) годомъ, записано: „Быша постригы у вел. князя Всеволода сыну его Георгеви, въ градѣ Суждали; того же дни и на конь его всади, и *бысть радость велика* въ градѣ Суждали".

Чтобъ показать всю важность изученья вѣдійскаго языка для русь-славянской миѳологіи, можно бы привесть еще множество примѣровъ; но эта миѳологія будетъ у насъ предметомъ особой статьи. Замѣтимъ только здѣсь о первоначальномъ религіозномъ значеньи нашего слова *исба*, такъ какъ оно образовано изъ корней;

I (86, 91) — молиться, поклоняться, совершать религіозное служеніе,

Са́ба (679), *съба*—домъ, родъ; собраніе, сходбище:

І-саба, *і-съба* — молитвенный домъ; молитвенное, религіозрое собраніе.

Замѣчательна также одна изъ колядокъ Галицкой Руси, въ которой особыхъ словъ, выражающихъ христіанскія понятія, нельзя было бы объяснить безъ пособія санскрита:

...Ці не йшла тоди *дака білаглава*,
Ці не несла йона на рукахъ *сокала?*
Ишла йона, ишла, коли я ту йоравъ....
Ище Мати Божя гору не перейшла,
Стала йона, стала *хвільку* спочивати:
Хвільку спочивати, сына повивати:
Стало ій ся, стало *голузья* кланяти,
Бучья и корінья и всяке створінья....[1]).

Здѣсь главные термины, около которыхъ вращаются прочіе — *дака білаглава*, эпитетъ къ Матери Божіей, и *сокалъ*, носимый ею на рукахъ:

а) *Дáка* (316)—даятель,—ница,
Бáла (464), *біла* — дѣва,
Глêвъ (230)—обожать, чествовать, поклоняться:
Дака бáла-глêвъ, *дака біла-глава* — даятельница или благодатная дѣва покланяемая, обожаемая.

б) *Сáга* (702)—страждущій,
Ла (548)—Индра богъ:
Сáга-ла, *сóка-лъ* — съ утратою сознанія о значеніи, обратившееся въ *сóкалъ*—страждущій богъ.

в) *Хвêль*, *хвêлâмі* (200)—забать, колыхать; отсюда
Хвілька—зыбка, колыска.

Пачъ (382)—стлать, постилать; отсюда — *с-пачі-вати*:
Хвільку спачівати—колыску постилать.

Галузья, малорусское слово, значущее теперь вѣтви; но въ санскритской древности *Галаза* (262) — священный цвѣтокъ лотусъ, изображаемый на многихъ древнихъ индійскихъ памятникахъ;

---

[1]) Головацкій, Обряд. пѣсни Гал. и Уг. Руси, Чт. въ Общ. и. и древ. 1864, кн. I, № 13.

Бучья тоже, что *Будгна* (466)—часть дерева ниже сучьевъ, лѣсина, стволъ.

Итакъ пѣсня эта, и притомъ обрядовая, служитъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ, что употребленныя въ ней древнія, санскритскія слова въ русской формѣ были частями того священнаго языка, который нѣкогда служилъ органомъ религіи русь-славянскаго народа; они принадлежатъ къ одной категоріи съ объясненнымъ нами глаголомъ *въснати*.

Новѣйшею лингвистикою дознано, что филологія и этнографія должны итти рука объ руку; что однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ взойти къ началу народа и къ признанію его расы представляется глубокій анализъ его языка и пріобщеніе его къ естественной семьѣ его. Съ того времени, какъ были открыты зендъ и санскритъ, сравнительная филологія заняла важное мѣсто въ этнографіи. Филологическіе законы не менѣе примѣнимы къ собственнымъ именамъ, чѣмъ къ обыкновеннымъ словамъ языковъ; можно даже замѣтить, что собственныя имена сохраняются лучше, нежели нарицательныя, потому что первыя нельзя ни чѣмъ замѣнить, а у прочихъ могутъ быть тожезначущія слова или синонимы. „Названія земель, говоритъ Максъ Мюллеръ, народовъ, рѣкъ и горъ имѣютъ необыкновенную жизненную силу, и сохраняются даже тогда, когда исчезаютъ самые города, государства и націи“ [1]). Что у насъ означаютъ имена морей, озеръ, рѣкъ, горъ, городовъ, селъ и множества лицъ? Вѣдь невѣроятно же, чтобъ имя, данное человѣку или мѣсту, съ самаго

---

[1]) Лекціи по наукѣ и языкѣ, стр. 187.

начала было лишь сборищемъ буквъ, лишенныхъ всякаго значенья; а объяснить значенье этихъ именъ значитъ доказать или древнюю туземность народа, занимающаго страну, или чужеземное нашествіе, или продолжительное пребыванье въ странѣ какого нибудь древняго переселенья. Изъ всѣхъ арійскихъ языковъ, санскритскій есть именно тотъ, который наиболѣе представляетъ намъ пособія при этнографическихъ разысканіяхъ. Очевидно что въ тоже время раскрывается передъ нами древняя географія, соотвѣтствующая эпохѣ, задолго предшествовавшей исторіи и свидѣтельствующей о первоначальныхъ переселеньяхъ Арійцевъ: потому что если имена людей относятся въ особенности къ сравнительной исторіи человѣческихъ семействъ; то имена, связанныя съ мѣстами, служатъ непрерѣкаемыми свидѣтелями стоянокъ, которыя они прошли. Такъ, напримѣръ, среди многолюдства русь-славянскаго племени восточной Европы встрѣчается не-арійское, инородческое племя, до сихъ поръ окончательно не обрусѣвшее: оно принадлежитъ къ первоначальнымъ дикарямъ занятой Русь-славянами страны; оно не имѣло даже собственнаго имени для своего племени, а осталось при томъ имени, которое дали ему Нарцы. Мы говоримъ о Мардвѣ, объ имени, составленномъ изъ словъ:

Mârta (504), *мартъ*—человѣкъ,
Дава (313), *дъва*—лѣсъ:
Мартъ-два—лѣсной человѣкъ, лѣсные люди.

Въ исторіи мы находимъ не одинъ примѣръ такихъ именъ, чуждыхъ самому племени. Такъ, въ финскомъ языкѣ отсутствуетъ буква *F* [1]), а между тѣмъ племена этого языка

[1]) Pott, Etymolog. Forschungen, II, 62.

называются *Финнами*—имя, которое безъ сомнѣнія дано имъ сосѣднимъ арійскимъ народомъ. Санскритское *Бгінна* (476) иначе не могло перейти въ русь-славянскій языкъ, какъ въ формѣ *Финнъ*, что̀ значитъ, во 1-хъ, по своему корню *Бгідъ*[1]), презрѣнный, отверженный; а во 2-хъ — инородный, не принадлежащій къ парамъ, и отсюда *бгіннака* (476), *финнъкъ*—иновѣрецъ. Уже во времена Тацита, финскія племена были загнаны на далекій сѣверъ, и историкъ этотъ добылъ о нихъ слѣдующія свѣдѣнія: „изумительное варварство и отвратительная нищета — удѣлъ Финновъ; нѣтъ у нихъ оружія, ни коней, ни пенатовъ; ихъ пища — трава, одежда — шкуры, постель — земля; вся надежда ихъ — въ стрѣлахъ, заостренныхъ костями, по недостатку желѣза. И мужчины, и женщины одинаково прокармливаются охотою“ (Germ. XLVI).

И между тѣмъ, какъ не удивляются тому, что Мордва, слѣдъ первобытнаго не-арійскаго населенья, донынѣ не обрусѣла, — считаютъ нужнымъ удивляться, что Меря, Весь, Мурома быстро обрусѣли. Но это самое удивленіе изслѣдователей доказываетъ только ихъ ошибку въ причисленіи поименованныхъ племенъ къ Финнамъ; что такъ называемое быстрое обрусѣніе ихъ есть не иное что, какъ отсутствіе въ нихъ именно финскаго элемента; а, напротивъ того, выдающееся присутствіе родственнаго Русь-славянамъ характера и по языку и по нравамъ. Въ подтвержденіе финства Веси, Мери и Муромы приводили мѣстныя географическія имена; но дѣло въ томъ, что объясняли эти имена, вовсе не обращаясь къ санскриту. Наши изслѣдователи совсѣмъ позабыли о значеніи въ этомъ отношеніи вѣдійскаго языка,

---

[1]) Grassmann, Wörterb. z. Rv., S. 934,

хотя передъ ихъ глазами раскидывается громадное государство, основанное Нарцами; толкуемыя же имена въ этомъ-то государствѣ и находятся, а потому прежде всего и не слѣдовало забывать того языка, который служитъ основою русьславянскому.

Путемъ торговли, мореплаванья, долговременныхъ связей, заносятся порой въ языкъ чужія слова. Но такія слова, какъ бы случайно попавшіяся въ языкъ, остаются въ немъ одиночкою, не находя себѣ семейства; кромѣ того они тамъ всегда малочисленны, и эпоха ихъ появленія часто можетъ быть опредѣлена исторически. Переселенья народовъ узнаются по слѣдамъ ихъ прохода, оставленнымъ въ языкахъ другихъ народовъ и въ странахъ, по которымъ они прошли. Такъ, напримѣръ, Мавры совершенно исчезли изъ Испаніи; они однакожъ оставили очевидныя доказательства своего пребыванья въ этой странѣ, и доказательства эти доставляются испанскимъ языкомъ. Фактъ этотъ очень важенъ для аналогическаго вывода относительно Крыма, который, какъ извѣстно, былъ завоеванъ, въ 1239 г., татарскою ордою Батыя. Тѣ изъ этихъ кочевниковъ, которые остались въ степной части полуострова, повели такой же обычный образъ своей жизни, какой они вели и до вторженія въ Крымъ, кочуя по широкой степной полосѣ отъ Каспія до Днѣстра; но тѣ изъ нихъ, которые вторглись въ горы южнаго побережья полуострова, прежде всего конечно овладѣли достояніемъ бывшаго тамъ древняго населенья — его скотомъ, садами и виноградниками; большую часть мужчинъ поубивали, а часть обратили въ рабство; женъ и дѣтей ихъ присвоили. Отъ смѣшенья съ прежнимъ населеньемъ, горные Татары почти переродились; научились садоводству, и до такой сте-

пени измѣнили свой языкъ подъ вліяніемъ языка завоеваннаго населенья, что рѣчь ихъ почти непонятна степнымъ Татарамъ. Даже и въ горахъ, въ ихъ разныхъ концахъ, многія одинаковыя слова имѣютъ у Татаръ совсѣмъ другое значенье. Все это очень хорошо извѣстно современнымъ путешественникамъ по Крыму [1]). Въ виду этого факта, не слѣдуетъ проходить, зажмуривъ глаза, мимо такого филологическаго пріема, какой представилъ извѣстный современный профессоръ одного изъ нашихъ университетовъ; это — пріемъ, напоминающій ту былую филологическую эпоху, когда equus производили отъ еврейскаго alfan, а имя Платона отъ Скарамуша. Г. Хвольсонъ говоритъ: „На самыхъ древнихъ еврейскихъ надписяхъ въ Крыму находятся *татарскія* имена; такъ, напримѣръ, къ второй половинѣ втораго столѣтія относится очень древнее имя *Парлакъ.* Я распрашивалъ объ этомъ имени, и мнѣ сказали, что это — *древнее татарское слово,* которое теперь не употребляется, но въ древнія времена употреблялось; оно значитъ: *сіяющій.* Если мы встрѣчаемъ еврейскія надписи 2-го столѣтія съ татарскими именами; слѣдовательно *Евреи говорили по-татарски во 2-мъ столѣтіи!*“ [2]). Вотъ блестящій примѣръ софизма въ исторіи, съ покушеніемъ опровергнуть ея положительныя данныя посредствомъ одного словца, поверхностно изслѣдованнаго! — Не говоря уже о томъ, что подобное заявленіе Хвольсона совершенно расходится съ дознаннымъ, достовѣрнымъ историческимъ фактомъ о времени завоеванія Крыма Татарами, намъ кажется страннымъ, отъ чего бы профессору, вмѣстѣ

---

[1]) Сосногорова, Путеводитель по Крыму, изд. 2, стр. VI. 41.

[2]) Труды 1-го арх. съѣзда въ М., II, 477.

съ распросами о значеньи слова, привлекшаго его вниманiе, не узнать, на языкѣ какихъ именно Татаръ — степныхъ или горныхъ, слово парлакъ значитъ *сіяющій.* И помимо этого, должно было бы дознаться, есть-ли такое слово въ ногайскомъ нарѣчіи, въ сопредѣльностяхъ съ устьемъ Волги и Астрахани, такъ какъ языкъ крымскихъ степныхъ Татаръ есть собственно сказанное нарѣчіе, принадлежащее къ группѣ діалектовъ турецкаго языка. Между тѣмъ заданное слово вовсе не татарское, а принадлежало древнему арійскому населенію, завоеванному Татарами и жившему въ Крыму за много вѣковъ до ихъ нашествія. И вотъ доказательство изъ санскрита:

Пара (388)—чрезвычайно, въ высшей степени,
Лагкъ (549)—сіять, блистать:
Пара-лагкъ—самый сіяющій.

Таковы же филологическіе пріемы и профессора Бруна, который, по замѣчанію Ведрова, съумѣлъ сблизить Крымъ съ Китаемъ и Кіевъ съ Пекиномъ! [1]). По соображеньямъ профессора, наша Тмутаракань должна имѣть слѣдующую генеалогію: во французскомъ департементы Жиронды есть слово craec, означающее рыбу осетра, а оно подходитъ къ кельтскому названію той же рыбы corroco; изъ послѣдняго древніе Греки образовали свое *Корокондама* — названіе нынѣшняго Кубанскаго залива на полуостровѣ Тамани, а уже изъ Корокондама древняя Русь выкроила свою Тьмутаракань [2]). Ясно, что вращавшаяся въ словѣ craec идея осетрины совершенно отсутствуетъ въ послѣднемъ его потомкѣ,

[1]) Ibid., II, 404.
[2]) Зап. Одесск. Общ. ист. и др. т. VII, стр. 251, 252.

и соотношеніе между именами основано Бруномъ на мнимомъ сходствѣ звуковъ въ Корокондамѣ и Тьмутараканѣ; но сомнительно, чтобы кто-либо другой, кромѣ его, могъ чуять сходство и сродство между звуками *Коро* и *тьму*. — Большимъ также произволомъ въ толкованіи собственныхъ именъ отличается недавній трудъ Забѣлина: „Исторія русской жизни". Такъ, напримѣръ, одинъ изъ русь-славянскихъ князей названъ у Грековъ *Мусокій*[1]). По мнѣнію Забѣлина, въ этихъ звукахъ слышится славянское имя „Мужской, т. е. Мужественный", потому, вѣроятно, что славянскому князю должно приличествовать и славянское имя, искаженное тутъ Греками. Обстоятельства, при которыхъ выставилось это имя, были слѣдущщія: въ концѣ VI вѣка, на помощь воеводѣ Радагасту, разбитому Греками, спѣшилъ на помощь князь Мусокій. Грекамъ удалось измѣннически убить его въ то самое время, какъ онъ правилъ тризну по своемъ братѣ, то есть справлялъ жертвенное пиршество въ память покойнаго:

Маасіка (505), отъ *Мâсъ*, мѣсяцъ — отправленіе поминокъ по умершемъ, въ каждое *новомѣсячіе*, по вѣдійскому уставу,

âйусъ (78) — пожизненный: *Маасіка-âйусъ*, *Масікъ-ай* или *Мусікъ-ай*, обращенное Греками въ *Мусокій*, значило: „Молодикъ-поминщикъ пожизненный", или, по народному выраженью, „поминщикъ на покой души". Такимъ образомъ имя это имѣло смыслъ на священномъ или древнемъ русскомъ языкѣ, и князь носилъ его, по смерти брата, какъ четію, напоминавшую ему о лежавшей на немъ религіозной

---

[1]) Названное сочиненіе, стр. 391.

обязанности, которую онъ исполнилъ, въ установленый срокъ, даже въ виду врага.

Татарскому завоеванію горнаго побережья Крыма мы обязаны сохраненьемъ собственныхъ именъ, которыя носятъ тамъ донынѣ различныя древнія урочища и мѣста, и по которымъ современная филологія должна раскрыть, обнаружить тотъ арійскій народъ, языку котораго эти имена принадлежали. Но объ этомъ мы поговоримъ послѣ.

Въ Саввиной книгѣ, рукописи XI в., читаемъ: Азъ есмь *лоза* истиньная[1]). Такъ и въ нынѣшнемъ церковнославянскомъ текстѣ (Іоан. 15: 1). Нѣкоторые изъ современныхъ славянскихъ нарѣчій принимаютъ слово *лоза* въ смыслѣ прута, хворостины, ствола кустоваго деревянистаго растенья, и потому должны были отмѣтить его спеціальнымъ эпитетомъ. У насъ впрочемъ слово это употребляется спеціально въ рѣчи о виноградѣ; тѣмъ не менѣе въ русскомъ переводѣ читаемъ: „Я есмь истинная *виноградная* лоза"; въ чешскомъ—*vinny* kmen, польскомъ—*winna* macica, литовско-жмудскомъ—*wijno* medis. Безъ эпитета слово это удержано въ булгарскомъ переводѣ—*лоза*, въ сербскомъ же и кроатскомъ написано *чокотъ*. Но почему древнѣйшій славянскій текстъ употребилъ слово *лоза* безъ всякаго эпитета? потому, что тогда еще живо было сознаніе древняго значенья этого слова, которое есть санскритское *Раза* (535), а при взаимной замѣнимости звуковъ *р* и *л*, *Лаза*—виноградъ.

Отсюда ясно, что въ древнемъ русь-славянскомъ языкѣ не было надобности прибавлять къ слову лоза какой-нибудь эпитетъ. Но такъ какъ нѣкоторыя племена, впослѣдствіи по-

---

[1]) Срезневскій, Др. слав. памятники юс. письма.

селившіяся въ климатахъ, не допускающихъ произращенія винограда; то, утративъ сознаніе значенья древняго слова, они должны были или замѣнить его другими словами, или пояснить эпитетомъ. Что касается до сербскаго *чокотъ*, то это также санскритское *Ца̂кха* (642), *чо̂кхъ*—отрасль, вѣтвь.

Данное разъясненіе слову *лаза* или, по окающему говору, *лоза*, служа примѣромъ наведенія относительно исторической географіи, приводитъ насъ къ заключенію, что первый переводъ Священнаго Писанія на русь-славянскій языкъ былъ сдѣланъ въ странѣ, гдѣ произрасталъ виноградъ, извѣстный подъ его древнимъ санскритскимъ названьемъ. Воспоминанія объ этой странѣ донынѣ живутъ въ русь-славянскомъ народѣ. Извѣстно, что наши свадебные и другія обрядовыя пѣсни отзываются глубокою древностію, и въ нихъ-то народъ, живущій на сѣверѣ, поетъ о виноградѣ, который ему не приходится во всю жизнь не только вкушать, но даже видѣть:

Въ Галицкой и Угорской Руси:

Черезъ садъ, виноградъ, по воду ходила....

Въ южной Россіи:

Да ходила Марусенька по городу,
Да садила сад виноград из приполу....

Въ тульской губ.:

Я сбѣгаю въ огородъ
Не поспѣлъ-ли виноградъ,
Не пора-ли его брать...

Въ псковской губ.:

Яхонтикъ Василій князь! во твоемъ саду
Виноградъ щипала, въ твою шапочку клала.

Въ разныхъ мѣстахъ:

Виноградъ, виноградъ разцвѣтаетъ,
А ягоды, а ягоды поспѣваютъ;
Виноградъ — Иванъ сударь,
Виноградъ — Петровичъ...

Въ одной изъ колядокъ псковской губ., послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, повторяется припѣвъ, выражающій пожеланія колядовщиковъ хозяину:

Виноградье *красно!* *зеленье* мое![1])

Здѣсь, по утраченному сознанью значенья словъ, *красно* обращено въ эпитетъ *виноградье*; сначала же было на оборотъ: „виноградье" служило эпитетомъ слову „красно", потому что въ санскритѣ есть еще синонимъ лазы

Кръсна (182), *кресиъ*, *краснъ* — темный, черный виноградъ; отсюда произошло наше древнее книжное слово *грезнъ* — кисть плодовъ, преимущественно винограда. Синонимическимъ товарищемъ присоединяется еще сюда —

Гаріта (749), *гъръть*, *гратъ*—желтый виноградъ; значитъ, въ формѣ *градъ*, оно соединилось у насъ съ словомъ *вино* и означаетъ теперь плоды, доставляющіе веселящій сердце напитокъ. Прежде однакожъ *градъ* не былъ тожезначущимъ *гъратъ*. Реченіе „виноградъ" совмѣстило въ себѣ значенье двухъ санскритскихъ словъ:

a) *Віноградга* (593) — давленіе: „виноградье красно"! выражаетъ пожеланіе колядовщиковъ: давленье винограда! и этому соотвѣтствуетъ второе пожеланіе: „зеленье мое!"

[1]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, стр. 365, 441, 526. — Сахаровъ, Сказанія рус. нар. ч. III, стр. 24.—Метлинскій, Народн. южно-рус. пѣсни, стр. 140

За́ла́ (266) — великое изобиліе; отсюда наше слово *зѣло́*—очень, много, изобильно,

Анна (29)—зерновой хлѣбъ:

Зала-анна, *зѣлъ-аннъ*, *зѣль-енье* — великое изобиліе хлѣба.

А Васильевна матушка по городу идетъ,
Во правой рукѣ *зелена̀ вина̀* несетъ,
А во лѣвой *зелено̀ярово̀* [1]).

Зел-ено—много хлѣба, *ярово*—яроваго. На югѣ Руси, у простонародья, занимающагося виноградниками, точило, снарядъ для выжиманья сока изъ винограда, называется *праса*. Предками этому слову послужили санскритскія:

Прасава (447)—гнетеніе, давленіе,

Прасанна—винная жидкость.

б) Второе слово, вмѣстившееся въ смыслѣ нашего винограда, есть

Віно̂да (593), *вінодъ*—веселіе; впослѣдствіи приставка *да*, означающая: *дающій*, была откинута, и осталось *віно*,

Град$_д$а, прош. прич. отъ *Гръ$_д$ъ* (221)—желанный;

Гръдъ, *градъ* (756)—сердце. Такимъ образомъ:

аа) *вінодъ-град$_д$ъ*, *віноградъ*—желанное веселье,

бб) *вінодъ-градъ*, *віноградъ* — веселіе сердца: вино *веселитъ сердце*.

Въ вышеприведенной пѣснѣ:

Виноградъ — Иванъ сударь,
Виноградъ — Петровичъ ...

женихъ называется желаннымъ весельемъ или весельемъ сердца невѣсты.

---

[1]) Онежск. былины № 31, стр. 155.

Когда мусульманскіе миссіонеры возвѣстили великому князю Владиміру, что вѣра ихъ запрещаетъ пить *вино*; то, въ отвѣтѣ своемъ, онъ разъяснилъ древній смыслъ этого русскаго слова, говоря: „Руси есть *веселье* (вінодъ) пити“. Потому-то слово *вино* не имѣло у насъ исключительнаго значенья винограднаго сока, но означало также хмѣльной напитокъ, добываемый изъ хлѣба и доставляющій веселье: это—*зелено* вино, т. е. вино добытое изъ *зеленья* въ томъ смыслѣ, какъ выше объяснено это слово. Такимъ образомъ приведенные нами разборы словъ показываютъ, что множество вѣковъ, прожитыхъ русь-славянскимъ народомъ въ туманѣ миѳической и въ невѣжествѣ исторической эпохи, исхитили изъ его сознанія точное значеніе и силу многихъ первоначальныхъ и древнихъ реченій, которыя отъ того получали другой смыслъ, или безразлично смѣшивались съ созвучными словами.

Говоря о значеньи санскритскаго языка для исторической географіи, мы, кромѣ имени Нагарауда, великаго Наугорода, значеніе имени котораго объяснено въ „Зарницахъ Руси“, замѣтимъ еще, что самое названіе озера Ильменя указываетъ на древнѣйшее заселенье той страны русь-славянскими нарами; потому что оно составлено изъ миѳологическихъ именъ: *Іла* (90)—имя дочери Мацу, и *Менъ*, *Мену*, или правильнѣе Ману (490)—сынъ Брагмы и отецъ человѣчество: *Іла-Менъ*, *Иль-менъ*. Всѣми учеными изслѣдованьями признано, что рѣка Волга указана Геродотомъ подъ именемъ *Ὄαρος* (IV, cap. 223)· Это древнѣйшее наименованье значило:

а) *У* (93)—слыть, быть далеко извѣстнымъ, знаменитымъ; славиться;

а̂ра(78)—итти, ходить:

У-а̂ра, *О́-а̂ра* — славный, знаменитый путь; путь по превосходству, такъ что въ позднѣйшихъ историческихъ документахъ, онъ, какъ слишкомъ хорошо извѣстный ходившему по немъ народу, сокращенно обозначался именемъ *Ра* (120)—путь.

б) Но тутъ не видать, какой это былъ путь, т. е. недостаетъ того эпитета, который сохранился только у Русьславянскаго народа, и у него же потомъ обратился въ собственное имя рѣки. Этотъ эпитетъ *Балага* (462), или, по взаимной замѣнимости *б* и *в* (стр. 58), *Валага*, что значитъ „вода"; изъ него, по закону усѣченья и ударенья, образовались наши слова: *Вълага* — вода, мокрота, и *Во́лъга*. Такимъ образомъ *У-ара-бо́лъга* значило „славный путь водяной", или, наоборотъ: *Бо́лъга-у-ара*, *Болъгъ-а̂ръ* —„водяной славный путь" и просто „водяной путь".

Изъ того же нарицательнаго: *Балага*, *Валага* — вода, съ суфиксомъ *Ва̂* (559)—движеніе, шествіе, путь, образовалось: *Ва́лага-ва* *Во́лъха-въ* — водяной путь, собственное имя той рѣки, которая связуетъ озера Ладожское и Ильмень

Приведенные нами какъ въ „Зарницахъ Руси", такъ и въ настоящемъ трудѣ примѣры показываютъ, что въ восточной Европѣ арійскія нарицательныя имена, означающія вообще воду, водяное движеніе, пребываніе у воды, обратились впослѣдствіи въ собственныя имена разновидныхъ водныхъ вмѣстилищъ, такъ же точно, какъ напримѣръ, съ исчезновеніемъ, въ эпоху Римской имперіи, имени Истра и замѣны его именемъ Danubius, появились въ то же время и названія рѣкъ, впадающихъ въ Дунай, какъ-то: *Драва* (334), означающее текущій, откуда въ санскритѣ нарицательное имя *дравантi*—

рѣка; *Сава* (701), означающеее воду. Произшедшія такимъ образомъ собственныя географичаскія имена съ самаго начала принадлежали, мы полагаемъ, русь-славянскому народу, какъ по своему этимологическому образованію, согласно съ изложенными нами правилами о переходѣ санскр. словъ въ русьслав. языкъ, такъ и потому, что имена эти донынѣ неизмѣнно сохраняются въ устахъ создавшаго ихъ народа, не подвергшись искаженьямъ въ родѣ такихъ, какъ, наприм. Эльба, Вейхсель и проч. Умственно обозрѣвая историческую эпоху этого народа, мы съ первыхъ же страницъ бытописанія застаемъ его въ борьбѣ съ кочевниками: казарскими Турками, Печенѣгами, Половцами, наконецъ Татарами. Мы видимъ, что, подъ настойчивой энергіей наръ, постепенно падаютъ ханства: казанское, астраханское и наконецъ крымское; горстью русскихъ удальцевъ завоевывается громадное пространство Сибири. И вотъ южныя степи восточной Европы и заволожская луговая сторона, бывшія привольнымъ раздольемъ для кочевниковъ, достались въ удѣлъ мирному осѣдлому населенію, воздѣлывающему землю. Настоящее всегда бываетъ результатомъ прошедшаго, а отъ результата мы имѣемъ право восходить къ причинамъ. Съ тою же арійскою настойчивостію, при обладаніи водяными путями восточной Европы, осѣдлый русь-славянскій народъ велъ непрерывную борьбу съ кочевниками и въ миѳическую эпоху:

Молодой Добрыня сынъ Никитиничъ,
Ѣздилъ онъ на гору сорочинскую,
Топталъ онъ тутъ малыхъ змѣнышковъ,
Выручалъ онъ тутъ полону да руського...

А ѣдь-ко ты, Добрыня, за синé море,
Кори-тко ты языки тамъ не вѣрныи,
Прибавляй земельки святорускіи [1]).

Если мы знаемъ дѣйствующія на историческомъ поприщѣ силы русь-славянскаго народа и въ какомъ направленіи онѣ дѣйствуютъ; то не можемъ сомнѣваться въ томъ, что онѣ являются результатомъ того дѣйствія, которое, въ теченіе множества вѣковъ, совершалось въ одномъ и томъ же направленіи. Перенося эти силы въ миѳическую эпоху, мы имѣемъ право прибѣгать къ аналогическому выводу, и заключать отъ сходныхъ причинъ къ сходнымъ слѣдствіямъ, не вводя въ посредничество никакихъ новыхъ силъ. Русь-славянскій народъ занялъ свои поселенія въ восточной Европѣ съ задатками осѣдлой культуры, вынесенными имъ изъ своей азіятской прародины. Онъ поэтому и принималъ, въ разные періоды, такъ сказать временныя и преходящія прозванія, напримѣръ, *Ставане*, которымъ выражалась противоположность его быта и культуры лѣснымъ бродячимъ финскимъ племенемъ и степнымъ кочевникамъ. Подъ этимъ названіемъ географъ Птоломей указываетъ народъ, жившій въъ сопредѣльностяхъ съ Венедами до Алауновъ [2]):

а) *Стâ* (736)—пребывать постоянно на одномъ мѣстѣ; *Вана* (563) — жилище, домъ: *Стâ-вана*, *Ставанъ* — пребывающій на постоянномъ жилищѣ, живущій въ домѣ, осѣдлый.

б) *âлайа* (80)—мѣстопребыванье, страна, *Унна* (104)—орошенная водою, водная: *алай-унна*, *Алауна*—страна оро-

---

[1]) Онежск. былины, стр. 30, 259.

[2]) Забѣлинъ, Ист. русск. жизни, 275, 278.

шенная водою, многоводная. При сознаніи своего арійскаго превосходства, при той предпріимчивости, которая свойственна нарамъ, онъ тотчасъ сдѣлался властелиномъ водяныхъ путей и гонителемъ всѣхъ не-арійскихъ дикихъ племенъ. Какую тьму пестрыхъ именъ сохранили на своихъ страницахъ историческіе письменные документы, говорящіе о восточной Европѣ; но все это было названьями крохототныхъ коровокъ, букашекъ, таракашекъ. Среди этой мелюзи не былъ замѣченъ любопытными слонъ, такъ неожиданно явившійся въ началѣ X вѣка, подъ стѣнами столицы сильнѣйшей тогдашней имперіи, предписать ей условія мира и обезпечить отъ произвола византійцевъ торговлю Русь-славянамъ. На основаніи этихъ соображеній, мы считаемъ себя вправѣ думать, что всѣ географическія имена въ восточной Европѣ, которыя, по анализу, представляются санскритскими словами, принадлежатъ исключителвно русь-славянскому народу; ему-же, слѣдовательно, принадлежатъ имена: древнее *Уара*, Геродотово *Оарос*, и послѣдуюшія *Ра* или *Вòлъга*. И какъ всѣ славянскія племена восточной, западной и южной Европы говорятъ нарѣчіями, очень сходными между собою лексически и грамматически, и имѣютъ много общихъ преданій, повѣрій о обрядовъ; то несомнѣнно, что они имѣютъ одно и то же происхожденіе, что предки ихъ нѣкогда населяли одну и ту же землю, и что нѣкоторыя промежуточныя страны служили имъ стоянками, когда они шли отъ своей первобытной колыбели въ ихъ настоящую селидьбу.

О первобытномъ единствѣ русь-славянскаго народа, Масуди, мусульманскій писатель первой половины X вѣка, сообщаетъ намъ преданіе очень глубокой древности, вѣроятно почерпнутое имъ изъ бесѣды съ какимъ-нибудь русь-славян-

скимъ баяномъ или мудрецомъ. Преданіе это столь же драгоцѣнно, какъ и та короткая фраза, попавшаяся, къ счастію, въ нашу такъ называемую первоначальную лѣтопись: „Словѣне, еже суть *Нарци*". Масуди говоритъ: „Славяне составляютъ различныя племена, между коими бываютъ войны, и имѣютъ царей.... Изъ этихъ племенъ одно имѣло *прежде, въ древности*, власть надъ ними, его царя называли *Маджакъ*, а само племя называлось *Валинана*. — Оно было *одно изъ коренныхъ племенъ славянскихъ*, почиталось ими, и имѣло превосходство надъ ними. Этому племени *въ древности* подчинялись всѣ прочія славянскія племена, ибо *верховная власть была у него*, и прочіе цари ему повиновались. Впослѣдствіи же пошли раздоры между ихъ племенами, порядокъ ихъ былъ нарушенъ, они раздѣлились на отдѣльныя колѣна, и каждое племя избрало себѣ царя" [1]). Преданіе это, относящееся къ отдаленной миѳической эпохѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, во 1-хъ, что былъ нѣкогда *коренной* русь-славянскій родъ, разросшійся въ племя; во 2-хъ, что изъ кореннаго рода-племени выдѣлились, подъ властію своихъ домовладыкъ, особые роды, также разросшіеся въ племена, и въ 3-хъ, что отдѣлившіеся роды-племена сохраняли подчиненныя отношенія къ коренному роду-племени: это—первобытная волость со всѣми тянувшими къ ней вотчинами. Страна, которую обнимала эта волость, называлась на священномъ или древнемъ русскомъ языкѣ: *Валліананъ* — имя, означавшее по своимъ составнымъ частямъ:

Валлі (370)—земля; *Нану* [353]—слава, знаменитость: *Валлі-нанъ* — земля славы. Это древнее русское имя было

1) Гаркави, Сказ. мус. писат., 135, 137.

впослѣдствіи замѣнено славянскимъ, подобно именамъ Днѣпровскихъ пароговъ: „земля славянска“, вмѣсто котораго позднѣйшіе мудровавшіе граматѣи окающаго говора стали писать: „земля Словѣнска“.

Имя домовладыки кореннаго рода-племени, который у Масуди называется царемъ Маджакомъ, не было именемъ личнымъ, а титуломъ, преемственно переходившимъ къ послѣдующимъ главамъ кореннаго рода-племени. Оно значитъ: *Магаджа* (497)—высокій, великій родъ; *Ка* (132) — государь, князь, царь: *Магаджа-ка*, *Магаджа-къ*, а съ выпускомъ гортанной, *Маджакъ*—великаго рода государь, владыка.

Мы, кажется, сказали достаточно для того, чтобъ убѣдиться по крайней мѣрѣ въ необходимости и важности для славянской филологіи изученія вѣдійскаго языка, безъ котораго не можетъ обойтись ни миѳологія, ни этнографія, ни историческая географія русь-славянскаго народа. Въ то время, какъ патріархъ славянской науки Шафарикъ указывалъ славянскимъ филологамъ на призракъ чистаго славянскаго языка, и направлялъ ихъ силы въ погоню за этимъ призракомъ, вокругъ него кипѣла дѣятельная филологическая работа надъ классическимъ языкомъ брагмановъ, надъ санскритомъ. Результатомъ этой работы было научное раздѣленіе языковъ на столько же классовъ, на сколько того требовала природа, и болѣе глубокое, чѣмъ прежде, раздѣленіе трехъ большихъ семействъ древняго міра — монгольскаго, семитическаго и индо-европейскаго. Все это было чѣмъ-то постороннимъ для славянскихъ филологовъ, и самъ Шафарикъ въ своихъ филологическихъ пріемахъ мало расходился съ пріемами норманистовъ русской исторической школы. Въ Законникѣ сербскаго царя Душана, обнародованномъ въ половинѣ XIV вѣка,

изданномъ Шафарикомъ же въ памятникахъ письменности южныхъ Славянъ, въ ст. 53 читаемъ: „*Пронію* да нѣсть воленъ никто продати ни купити"…. „Для объясненія слова *пронія*, говоритъ Е. Голубинскій [1]), Шафарикъ считаетъ нужнымъ обратиться *къ древне-нѣмецкому и готскому языкамъ*, и вообще поднять на ноги чуть не всю филологію; а между тѣмъ слово это есть греческое *πρόνοια*, которое, въ средневѣковомъ греческомъ языкѣ, значило вещь, отданную въ чье-нибудь временное *промышленіе*." Выходитъ, что Голубинскій отождествляетъ *пронію* съ помѣстьемъ, и ни чѣмъ не доказываетъ того, что слово это дѣйствительно имѣло такое значенье въ Византійской имперіи, которой помѣстная система была вообще чуждою. Корень этого слова *νοῦς* — умъ; отъ него *νοέω* — вращать въ своемъ умѣ, обдумывать; отсюда *προνοέω* — провидѣть, предвидѣть,—имѣть о чемъ попеченіе, и отъ него уже *πρόνοια* — провидѣніе, промышленіе, какъ у Демосѳена *Ἀθηνᾶ πρόνοια* — Аѳина провидѣніе, промыслъ. Въ послѣднемъ значеніи слово это употреблено въ богословіи Дамаскина, и переведено у насъ, по древнѣйшему списку, относящемуся къ XII в., такъ: „Аще нѣсть въстанія, то ни Богъ есть, ни *промыслъ* (*πρόνοια*) [1]),

Очевидно, что слово *пронія* въ томъ значеніи, въ какомъ оно употреблено въ законѣ Душана, не было занято у Грековъ; къ его семьѣ принадлежатъ: сербское *прњавар*ъ — деревня вообще и, въ испорченной формѣ, наши областныя: архангелъ. губ. *проемъ*—довольствіе, достатокъ въ припасахъ, харчахъ; вологодской *пройма* — сѣно, солома. Послѣ

---

[1]) Очеркъ исторіи правосл. церквей у Славянъ, стр. 687.

[2]) Іоаннъ экз. Булг. стр. 28.

этого намъ приходится обратиться къ общему источнику индо-европейскихъ языковъ, и въ немъ мы дѣйствительно находимъ слово

Пранійа (429), а по окающему говору *пронія*, которое значитъ: пожалованье, знакъ благосклонности, поощренія. Законъ Душана установляетъ правило владѣнія пожалованнымъ имѣньемъ, предоставляя владѣльцу даже право продать его, но только тѣмъ лицамъ, которыя, кромѣ пожалованныхъ, имѣли собственныя вотчины. Какъ утратилось у насъ это слово—трудно сказать; но только помѣстная система отмѣчена на первыхъ страницахъ нашей лѣтописи: Рюрикъ раздавалъ мужамъ своимъ грады. Развитіе ея было, повидимому, слабо въ кіевскій періодъ русской исторіи, если не считать княжескіе удѣлы проніями, владѣльцы которыхъ, по первоначальной идеѣ, хотя вытекавшей изъ родовыхъ отношеній, обязаны были службою великому князю, подобно свѣтлымъ князьямъ, *бывшимъ подъ рукою Олега*; но въ московскій періодъ, помѣстная система достигла своей высшей точки, и въ этомъ отношеніи представляетъ поразительное сходство съ развитіемъ такой же системы въ Арменіи, гдѣ она началась пожалованьями съ древнѣйшей эпохи [1]). Какъ въ Московскомъ, такъ и въ Армянскомъ государствѣ она завершилась мѣстничествомъ: въ одномъ — бояръ, въ другомъ — нахараровъ.

Кстати замѣтить здѣсь еще о другомъ, открывающемся въ началѣ нашей исторіи, замѣчательномъ сходствѣ между Русью и Арменіей въ придворныхъ порядкахъ. У древнихъ

[1]) Исторія Арменіи Моисея Хор., пер. Эмина, к. II, гл. 7, 11 57, 58; кн. III, г. 43, 48, 55. Прим. 151, 152, 154, 160.

армянскихъ царей было въ обычаѣ возлагать на избранныхъ вельможъ воспитаніе и руководство своихъ сыновей, съ ихъ самаго нѣжнаго возраста. Вельможи эти назывались по армянски *даіак*, что значитъ кормилецъ [1]). Корень этого слова *Да́* (315) — давать, держать подъ рукою, откуда *да́йака* (317) — даятель, кормилецъ. У насъ отъ того-же корня, въ формѣ

Да́де̂ (315), съ приставкою *ка* (132) — разумный, искусный человѣкъ, образовалось древнее русское слово

Даде-ка, *дадь-ка*, *дядька*, которое, въ славянской передачѣ, значитъ кормилецъ, пѣстунъ. Въ лѣтописи подъ 6453 (945) г. читаемъ: „Вольга же бяше въ Киевѣ съ сыномъ своимъ дѣтьскомъ Святославомъ, и *кормилецъ* его *Асмудъ*". Здѣсь въ собственное имя обращено нарицательное, составляющее синонимъ дядьки и кормильца; потому что

а̂са (82)—пища,

Мутъ (509)—толочь, растирать:

Аса-мутъ, *Асъ-мутъ* — приготовитель пищи, кормилецъ.

Тотъ же самый Асмудъ, по достиженіи Святославомъ отроческаго возраста, именуется, въ лѣтописи, по Лаврентьевскому списку, *Асмолдъ*. Начало имени *Аса*, *асъ* — осталось безъ измѣненія, за тѣмъ:

Малла [495]—чаша,

Да [308]—подаватель:

Аса-малла-да, *асъ-моль-дъ* — подаватель пищи и чаши, чтó послѣ было придворнымъ чиномъ стольника и кравчаго. Но у 30-ти лѣтняго Ярослава былъ также кормилецъ: „и бѣ у Ярослава кормилецъ и воевода именемъ *Буды*", котораго

[1]) Ibid. прим. 240.

онъ удержалъ при себѣ, и возвысилъ вѣроятно въ достоинство совѣтника, потому что имя его

Буда [466] значитъ ученый, мудрый.

Славянская филологія оказалась безсильною объяснить еще и другое слово изъ того же Законника Душана; 98 статья его гласитъ: Который человѣкъ убѣжитъ изъ заключенья; то съ чѣмъ придетъ на дворъ царевъ, съ тѣмъ да будетъ свободенъ; а если убѣжитъ у „*тогаи* человѣка", то да будетъ возвращенъ тому, у котораго убѣжалъ. Законъ этотъ былъ составленъ въ виду покровительства ремесламъ; потому что *тагаи*, а по окающ. говору *тогаи*, происходитъ отъ корня *Тагхъ* [281] — мастерить, дѣлать что по искуству мастера, ремесленника; *тагка* — топоръ, ножницы и другія орудія мастерства. *Тагаи человѣкъ* — „мастеровой человѣкъ". Какъ долго жили древнія русскія слова даже по утратѣ сознанія ихъ значенья показываетъ слѣдующій примѣръ: въ рукописи XVII вѣка, о еретическихъ отреченныхъ книгахъ, упоминается между прочими „Звѣздочетецъ, 12 звѣздъ, ему же имя Шестодневецъ.... Тутъ люди ищутъ *вазней* въ службахъ и купляхъ". И только въ печатномъ изданіи XVII вѣка слово *вазня* истолковано счастіемъ [1]. Между тѣмъ настоящее значенье его скрывается въ санскритскомъ *Вазна* [572] — имущества, пріобрѣтенія, владѣнія; заработки, полученія.

Заключившись въ заколдованный кружокъ чистаго славянскаго языка, славянская филологія обнаружила свое безсиліе еще въ слѣдующемъ фактѣ: въ послѣсловіи одной синодальной рукописи 1348 г. написано: „Трудъ и болѣзнь

[1]) Іоаннъ экз. Булг., прилож. XV, стр. 208.

Лаврентія, многогрѣшнаго *таха,* священнинока"[1]. Калайдовичъ спрашивалъ въ 1824 г.: что такое *тахъ?* Отвѣчать вызвался въ 1855 г. Бодянскій, который, ссылаясь на Дюканжевъ Grassarium, говоритъ, что слово *тахъ* соотвѣтствуетъ русскому: недостойный, смиренный, многогрѣшный и т. п. [2]). Но вѣдь многогрѣшный есть эпитетъ къ таху; а если послѣднее слово значитъ тоже, что многогрѣшный или недостойный, то выходитъ нелѣпый плеоназмъ. Такимъ образомъ поставленный Калайдовичемъ вопросъ остался въ своей прежней силѣ; онъ расрѣшается единственнымъ обращеніемъ къ корню *Таккъ, таккâмі* (231), который значитъ слагать, выдумывать, сочинять. Отсюда слова: *таха, тахъ*—сочинитель, излагатель или, въ церковно-славянскомъ смыслѣ, списатель, и наше областное, съ перемѣною гортанной буквы въ *ч*, *тачить*—думать. Итакъ, Лаврентій многогрѣшный *тахъ* значитъ: многогрѣшный сочинитель или списатель.

Корень *таккъ*, какъ гомонимъ, значитъ еще: обдѣлывать, тесать, столярить; отсюда нашъ глаголъ *такарить.* Санскритскому *та́кханъ*—столяръ, плотникъ; мастеръ, искусникъ вообще, соотвѣтствуетъ наше слово *то́карь.* Здѣсь санскр. приставка *анъ* замѣнена у насъ приставкою *аръ*, отвѣчающею корню *Аргъ* (48) — дѣлать, исполнять. — Кстати вспомнить тутъ и о созвучномъ словѣ *Да́кха* (308), которое есть наше *до́ка*—способный, догадливый. находчивый во всемъ, короче—мастеръ въ своемъ дѣлѣ.

„Трудъ и болѣзнь"—послѣднее слово нельзя объяснить его нынѣшнимъ значеньемъ у насъ, здѣсь нѣтъ рѣчи ни о

---

[1]) Іоаннъ, экз. Булг., стр. 88.

[2]) О времени происхожд. слав. письменъ, прим. 55.

душевномъ, ни о тѣлесномъ страданьи. Разъясненье мы найдемъ въ санскритскихъ корняхъ, изъ которыхъ образовалось это слово:

Бâль, балê (472) — разсказывать, повѣствовать, описывать; отсюда наше областное *балянъ* (у Даля подъ словомъ баить)—разсказчикъ; знающій сказки, пѣсни; *Зна* (273), *знь* —вообще знаніе: *Балê-зна, балѣ-знь* — знаніе повѣствовать, умѣнье разсказывать, описывать.

Слово *трудъ* получило у насъ метафорическій смыслъ по отвлеченью отъ двухъ конкретныхъ корней: *Траа* (299)—переваливаться, переходить, переѣзжать; одолѣвать, *Да* (308) — гора: *Тр́аа-да, тру-дъ* — перевалъ черезъ гору; одолѣніе горы, т. е. необычайное напряженіе силъ, усиліе. — Такимъ образомъ вся вышеприведенная рѣчь Лаврентія значитъ: „Трудъ и описаніе Лаврентія, многогрѣшнаго сочинителя или списателя."

Многоуважаемый историкъ нашъ Соловьевъ, подъ вліяніемъ авторитета Шафарика, который, въ тѣхъ случаяхъ гдѣ его филологія оказывалась безсильною, прибѣгалъ къ вы, думкамъ [1]), написалъ въ новѣйшей статьѣ своей: „Начала Русской земли", напечатанной въ IV т. Сборника государствен. знаній: „Изъ XIV и XV в. мы имѣемъ свидѣтельства, что братья, владѣвшіе нераздѣльно собственностію, назывались братенниками или *сябрами*. Послѣднее слово любопытно: *въ немъ нельзя не узнать слова Сербы, которое Шафарикъ основательно видитъ въ греческомъ Споры*, какъ Прокопій называетъ Славянъ".

Вся филологическая игра основана здѣсь на созвучіи

[1]) Зарницы Руси, стр. 44.

буквъ: *с*, *р*, и *б* или *в*, встрѣчающихся въ трехъ словахъ: сябръ, Сербъ и Споръ, которыя хотятъ насильственно связать одною общею идеей, между тѣмъ какъ они, по значенью своему, выражаютъ различныя идеи. Если имя Споры было родовымъ, племеннымъ или народнымъ именемъ всѣхъ Славянъ; то отчего оно быстро исчезло и, кромѣ Прокопія, не встрѣчается, кажется, ни у какого другаго современника? Если братчина или *сябрство* было всеобщимъ славянскимъ обычаемъ; то почему имя, отъ него произведенное, усвоено только однимъ племенемъ, выкроившимъ изъ *сябра — Серба?*

Слово *сябръ* имѣетъ у насъ слѣдующія значенія:

1) Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: а] родственникъ; братъ; б] *сябрукъ*—сотоварищъ, соучастникъ въ дѣлѣ. Это же значенье принадлежитъ слову *сябръ* въ псковскомъ, рязанскомъ и другихъ областныхъ нарѣчіяхъ.

2) Въ областномъ курскомъ нарѣчіи: хазяинъ, тягольный, имѣющій голосъ на сходкѣ; *сябровщина* — община одного селенья, міръ. Такое значенье имѣло слово *сябръ* и въ нашемъ старинномъ дѣловомъ языкѣ, какъ видно изъ правой грамоты 1483 г.: „А Юрья сецкаго старосту Егорьевскаго, и Ортема да Илью и всѣхъ *сябровъ* повинихомъ“ [1]).

3) Въ областныхъ нарѣчіяхъ: псковск., рязанск. и другихъ—сосѣдъ

Всѣ эти значенья объясняются слѣдующими корнями:

1) *Саба* [679]—домъ; сходка, собраніе, міръ, громада; *Ра* [530] — агонь: *Саба-ра*, *сябъ-ръ* — семья, домъ, родъ,

---

[1]) Акты юридич., изд. Арх. эксп. № 2.

община, гдѣ члены связаны поклоненіемъ Агні въ образѣ единаго священнаго домашняго агня. Союзъ мужчины и женщины совершался съ воззваніемъ къ Агні, великому богу первобытныхъ Арійцевъ [1]). *Сабарійа* значитъ имѣющій при себѣ свою жену; *сабійа* — принадлежащій къ собранію, къ общинѣ, членъ ея. Мы уже объяснили, что наше слово *і-сѣба* образовалось изъ *і-саба*, и первоначально имѣла религіозное значенье. Жертвоприношенье агню есть культъ, общій всѣмъ арійскимъ народамъ Европы и Азіи, и отъ нихъ перешедшій къ племенамъ не-арійскимъ. Въ древнѣйшую эпоху, въ арійской прародинѣ, священнодѣйствовалъ глава семьи, дома, въ присутствіи жены и дѣтей, и богослуженіе имѣло такимъ образомъ самую простую и непышную форму. Принадлежать къ домашнему агню, къ *исьбѣ*, къ *сябрѣ*, значило быть членомъ дома, рода, словомъ, быть родственникомъ домовладыки. Такое значеніе слово сябръ донынѣ сохранило въ бѣлорусскомъ нарѣчіи.

2) По созвучію и аналогіи, слово *сябръ*, въ дальнѣйшемъ развитіи отношеній между людьми, получило болѣе широкое значенье члена общины, міра, схода, на основаніи, общаго равноправнаго владѣнія имуществомъ: а) *Са* (667) — съ, совокупно; *'Баръ* (479)—кормиться: *Са-баръ, ся-бъръ* — совокупное кормленіе; б) *Са* — съ; *Сі* (667) — земля; *'Баръ* (479) — владѣть: *С-са-баръ, сса-бъръ, ся-бръ* — совокупное владѣніе землею. Въ этомъ второмъ значеньи слово *сябръ* сходится съ первоначальнымъ значеньемъ *артели*, которое мы ниже разъяснимъ.

3) Въ смыслѣ сосѣда, по созвучію и по утратѣ созна-

---

[1]) Em. Burnouf, Vêda, p. 198, 177, 175, 190.

нія этимологическаго значенья, слово *сябръ* смѣшалось съ слѣдующими корнямя: *Са*—съ, *Пӑра* (407) — граница, предѣлъ: *Са-пара*, *ся-пъръ*, *сябръ* — смежникъ, сопредѣльпый, сосѣдъ; также: *Са-па́ра*, *съ-по́ръ*, *Споры*—граничары, пограничники, поляне, украинцы. Таково значенье имени, которое, по Прокопію, носило одно изъ славянскихъ племенъ, и подъ которымъ думали видѣть общее наименованье всѣхъ Славянъ. Понятно, что имя это не было у нихъ всеобщимъ, народнымъ; а случайнымъ, навязавшимся вслѣдствіе временной географической стоянки какого нибудь одного родственнаго имъ племени. Съ перемѣною этой стоянки, исчезло и самое имя Споровъ. Что же касается до имени Сербовъ, то мы въ другомъ мѣстѣ и въ другое время разъяснимъ его значеніе.

Въ Словѣ о полку Игоревѣ, напечатанномъ Ѳ. Буслаевымъ, въ стихѣ: „*пороси* поля прикрываютъ, стязи глаголютъ“... Слово *пороси* толкуется въ смыслѣ порохъ, прахъ, пыль [1]). И дѣйствительно, корень слова *Парӑга* (390), *пърахъ*, *по́рахъ* значитъ пыль. Но дѣло въ томъ, что если и можно грамматически допустить множеств. число въ словахъ прахъ, пыль, какъ въ словѣ песокъ: за то ни въ живой рѣчи, ни въ письменныхъ памятникахъ намъ не встрѣчались слова *прахъ*, *поро́хъ* во множеств. числѣ, и поэтому толковать ихъ здѣсь въ смыслѣ пыли не приходится. Намъ не должно упускать изъ виду, что пѣвецъ Игорева похода полагалъ начать свою пѣсню „старыми словесы“, т. е. пѣснями древнихъ баяновъ. Онъ дѣйствительно руководствовался ими, заимствуя изъ нихъ для своего предмета слова, миѳологическія и исто-

[1]) Рус. Христом. для ср. уч. зав. 1870 г., ст. 15.

рическія воспоминанія, картины природы. Въ значеньи древняго русска о слова, „пороси“ происходитъ отъ гомонима

Па́ра́га, (390), *по́рагъ*, во множ. *по́рази*, что́ значитъ: неудержимые, рьяные, храбрые по самой природѣ своей, всегда передовые: они-то поля прикрываютъ въ то время, какъ со всѣхъ сторонъ наступаютъ па станъ Игоревъ Половцы. Это видно изъ обращенія пѣвца къ Всеволоду: ярътуре Всеволоде! стоиши на *борони*, т. е. въ охранной передовой стражѣ, въ передовомъ отрядѣ. Въ другомъ мѣстѣ слово *по́рази* замѣнено метафорою: „Русичи великая поля *чърлеными щиты* прегородиша, ищючи себѣ чьти, а князю— славы“.

Въ другомъ мѣстѣ Слова: Кончакъ и Гзакъ „поскочиста по русской земли, *смагу* мычючи въ *пламянѣ розѣ*“. Объясняютъ эти слова такъ: Даль—жаръ, огонь мычучи изъ пламеннаго рога; а М. Максимовичъ: пожаръ въ огневім розі помчали. Но что это за пламенный или огненный рогъ, изъ котораго Половцы пускали по русской землѣ пожаръ? Вѣдь они вторгнулись сюда за добычею и, главное, за плѣнниками; а захвативши все, что́ можно унесть и увесть, поскорѣе уходили, опасаясь преслѣдованья. Оставаться для разведенія пожаровъ имъ не было досуга. Тутъ опять не понятны древнія русскія слова, которыя нужно объяснить:

Словомъ *смага*, во всѣхъ нарѣчіяхъ русскаго языка, означается сухость губъ или накипь на губахъ отъ жара, трудовъ или болѣзни: губы на вѣтру смагнутъ. Потомъ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, слово это значитъ: жажда; то же самое въ областномъ псковскомъ, калужскомъ, орловскомъ: смагу прогнать—утолить жажду; въ сербскомъ *смагнути* — изнывать отъ жажды, съ жадностію стремиться. Наконецъ

3-е значенье: въ бѣлорус. *смажицъ*, въ малорус. *смажити* — жарить въ маслѣ. Въ частности, *смага*, въ вологодск. нарѣчіи—копоть, закопченное мѣсто, а въ псковск. — сила, мочь. Въ общемъ смыслѣ, слово *смага* износитъ идею жара, огня, и въ этомъ значеньи соотвѣтствуетъ корнямъ: *Самітъга* (686), *съмітъга*, *съмага*—агонь; *самідгъ*, *съмідгъ*—дрова, все сгараемое; *саміддъга*, *съміддъга*, прич. прош. отъ *Саміндгѣ* (686)—зажженный, запаленный.

Въ этомъ значеньи слово *смага* затемнила въ народномъ сознаніи, вытѣснила изъ него гомонимы, имѣвшіе совсѣмъ другой смыслъ: а) *Самага* (680), *съмага* — стадо скота; *Самакка* (679), *съмага* — все попадающееся на глаза; б) *Палаѣмі* (402) — уходить, убѣгать, угонять, искаженное въ *пъламянѣ*; в) *Рâзі* (588), *розъ* — непрерывный рядъ, цѣпь гужемъ, гусемъ, вереницей.

Тогда приведенный стихъ Слова получаетъ слѣдующій смыслъ: „Стадà скота и людей (все попадающееся на глаза) угоняючи въ непрерывныхъ вереницахъ". Картина такихъ послѣдствій вторженія кочевниковъ въ русскія украины сохранена во всей свѣжести въ народныхъ пѣсняхъ южныхъ Руссовъ:

То татаре полонъ женуть:
Одинъ полонъ съ женочками'
Другый полонъ съ дівочками,
Третій полонъ съ діточками...
Пріїзджае до домоньку:
Выйди, выйди, татароньно!
Привівъ іе'мъ ті кухароньку,
Прививъ іе'мъ ті невільницю
Аж до смерти робітницю....

Турки село звойевали,
Громадами людей гнали.... [1])

Еще одинъ примѣръ, очевидно показывающій, что творецъ пѣсни объ Игорѣ заимствовалъ выраженія у древнихъ баяновъ: Святославъ, въ расказѣ о своемъ смутномъ снѣ, говоритъ: „Черпахуть ми синее вино *съ трудомъ* смѣшено“. Трудъ, по мнѣнію Буслаева, надобно понимать въ смыслѣ болѣзни, скорби; но рѣчь все-таки выходитъ темною: какъ видѣть вино, смѣшанное со скорбію? Здѣсь *съ трудомъ* принято за существительное съ предлогомъ, между тѣмъ какъ это творит. падежъ цѣльнаго древняго русскаго слова, *съдрудомъ* отъ *садру* (674), *съдру* — броженіе: черпали для меня вино, помѣшанное броженіемъ, *съдрудомъ*, отъ броженія мутное.

Приведенныя и объясненныя нами до сихъ поръ слова и другія данныя показываютъ, какую великую помощь можетъ подавать исторіи русь-славянскаго народа филологія, когда она утверждается на изученіи санскрита, истолкователя всѣхъ арійскихъ языковъ, къ группѣ которыхъ преимущественнѣе прочихъ европейскихъ принадлежитъ языкъ русь-славянскій. Мы также представили примѣры тому, въ какія заблужденія впадаетъ славянская филологія, когда она, пренебрегая изученіемъ санскрита, увлекается обманчивымъ призракомъ чистаго славянскаго языка, который безпрестанно ускользаетъ отъ ея преслѣдованій, подобно Скиѳамъ, за которыми тщетно гонялся персидскій царь Дарій. Мы не можемъ не настаивать на этомъ пунктѣ, считая его весьма

[1]) Головацкій, Нар. пѣсни Гал. и Угорск. Руси. Чт. въ Общ. и. и древ. 1863, к. III, отд. II, № 4, 5.

важнымъ для будущности русь-славянскаго народа и языка, и потому не должны ограничиваться небольшимъ числомъ примѣровъ; а, напротивъ того, полагаемъ, что необходимо приводить ихъ сколько возможно побольше, чтобъ своротить наконецъ нашу филологію съ той дороги, по которой она донынѣ бредетъ, сама не вѣдая куда. Словарь Даля—достойный величайшаго уваженья трудъ по своему матеріальному содержанію; но вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей этимологической группировкѣ словъ, онъ представляетъ очень много недостатговъ. Съ филологической стороны, онъ считаетъ тѣ русскія слова, которыя сходны съ нѣмецкими, заимствованными изъ нѣмецкаго: это — плодъ воспитанія подъ вліяніемъ того обширнаго отдѣла нѣмецкой литературы, которая проповѣдуетъ культурное превосходство нѣмцевъ едва ли не надъ всѣми народами въ мірѣ, а тѣмъ болѣе надъ Славянами, избравъ себѣ эпиграфомъ слова Менцеля: „германизація тожественна съ цивилизованьемъ и облагороживаньемъ"; которая взлелѣяла у насъ школу норманистовъ съ Шлецеромъ во главѣ, и которая повела Шафариковъ доискиваться объясненія русь-славянскихъ словъ въ разныхъ древнихъ и новыхъ германскихъ нарѣчіяхъ. Если вы пожелаете найти объясненіе въ упомянутомъ Словарѣ, напримѣръ, реченія *горище*—помѣщеніе подъ кровлею; то должны догадаться, что его надобно искать подъ словомъ *гора*, потому что Даль считаетъ его увеличительною формою послѣдняго. Между тѣмъ слово это есть чистое воспроизведеніе санскритскаго, только съ гортаннымъ придыханіемъ: *Арішта*, *аріща* (47), *г'аріща*—спальня въ домѣ, супружеская почивальня. Отсюда видно, что покой этотъ, въ глубокой древности, составлялъ въ домѣ помѣщеніе, находившееся подъ кровлею.

Или, пусть вспадетъ на мысль узнать значенье слова *мерлуха*; въ такомъ случаѣ сперва надо догадаться, что Даль производитъ его отъ глагола *мереть*, и вотъ на какомъ основаньи: всѣ овечьи шкуры, извѣстныя подъ этимъ названіемъ, будто бы сдираются съ палыхъ овецъ. Между тѣмъ слово это почти буквальное воспроизведеніе санскритскаго *Мерліка* (514) — антилопа, какъ извѣстно, жвачное, млекопитающее, занимающее середину между оленемъ и овцою. Съ переселеньемъ Славянъ въ восточную Европу, гдѣ этого животнаго не водится, названіе его удержалось для овечьихъ шкуръ.

Нѣкоторые изслѣдователи древняго быта русь-славянскаго народа хватаются, повидимому, съ какою-то особенною радостію за словечко, которое имъ кажется сходнымъ, не говорю съ нѣмецкимъ, но съ греческимъ, финскимъ, татарскимъ. Они тогда, подобно Хвольсону, на основаньи одного мнимотатарскаго слова, сдѣлавшему скороспѣлый выводъ и поспѣшившему заявить цѣлому собранію археологовъ о существованіи въ Крыму татарскаго языка уже со II вѣка христіанской эры, ликуютъ и говорятъ: вотъ-де словечко; оно ясно доказываетъ, что русь-славянскій народъ занялъ у другаго народа то, либо другое понятіе; что его, какъ незрѣлаго ребенка, всему учили съ сѣвера, юга, востока и запада. Такихъ словъ насчитываютъ много; ихъ отнимаютъ у русь-славянскаго народа; его обираютъ со всѣхъ сторонъ; его обращаютъ въ какой-то призракъ, безсодержательный конкретъ, у котораго почти нѣтъ ничего собственнаго. Чтобъ далеко не ходить, возмемъ такое простое слово, какъ *чирикать* или *чиликать*; Даль отмѣчаетъ въ своемъ Словарѣ: нѣмецкое zirpen. Что общаго между этими словами? кромѣ

родственныхъ *ч* и *ц*, еще буквы *і* и *р*; остальное совсѣмъ не сходно. Или, напримѣръ, къ глаголу *уркать*—хлебать, съ какой стати онъ приклеилъ schlürfen? что общаго между звуками этихъ словъ? Если Даль думалъ писать сравнительный словарь, въ такомъ случаѣ для всѣхъ было бы занимательнѣе знать сходныя слова въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, а не нѣмецкія. Глаголы „чирикать, чиликать“, значатъ у насъ стрекотать, щебетать, кричать по воробьиному; словомъ, означаютъ тотъ основный крикъ, который издается кузнечикомъ. Они поэтому представляюлся только глагольною формою санскритскихъ: *Чі̂рікâ, Чі̂лікá* (247, 241)—кузнечикъ, коникъ, кобылка, сверчокъ.

Точно также *каплакъ, капелюха*, у малоруссовъ *капелюкъ*—шапка, закрывающая уши, малахай, имѣетъ нѣкоторое сходство съ нѣмецкимъ Карре, но вовсе не нѣмецкаго происхожденья, какъ думаетъ Даль: *Капала* (139) — голова, откуда областное псковское *копълиться* и общее, по экономизаціи звуковъ, *каптѣть* — работать надъ чѣмъ головою, раздумывать, соображать, корпѣть, *Ка* (132) — всякая подвижная вещь, покрышка: *Капала-ка, капъла-къ, капелю-ха*— головная покрышка.

Синонимъ: *Малла* (425) — боковая часть головы, приставка — *ка*: *Малла-ка, мала-хай* — покрышка для боковой части головы.

Склiсъ или *цлiсъ, склесаiйâмi* (663)—смыкать, склепывать; сжимать руками; отсюда *Склêса, цлêса*—смычка, склепка, сжиманье и наше слово *клѣщи*; а съ приставкою *аръ*, по корню *аръ* (48) — дѣлать, исполнять, составляется слово *слѐс-арь*—мастеръ спайныхъ, смыкательныхъ, сжимательныхъ

вещей. Такимъ образомъ это—вовсе не нѣмецкое Schlosser, а самостоятельное русь-славянское слово.

Греки Гомеровой эпохи не знали желѣза; герои Иліады и Одиссеи сражаются мѣднымъ оружіемъ. Санскритское *аййасъ* (45) первоначально означало мѣдь, какъ латинское aes и готское aiz, коимъ Ульфила перевелъ греческое *χαλκός* (Мар. 6: 8). Поэтому, по мнѣнію лингвистовъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Греки, Латины, Нѣмцы оставили первобытную арійскую прародину прежде, чѣмъ желѣзо вошло въ употребленіе, особенно же для оружія. Когда былъ открытъ этотъ металлъ, то въ санскритѣ было перенесено на него прежнее названіе *аййасъ*, но съ приставкою эпитета, выражавшаго его наружный, кидкій въ глаза признакъ, *Кâла* (159)—черный: отсюда *Калâййаса* (160)—желѣзо, а дословно—черная мѣдь. Въ сокращеніи вѣроятно провизносилось и *аййасъ*, отчего слово это стало гомонимомъ, означающимъ и мѣдь, и желѣзо. Въ силу сродства звуковъ *к, ж, з,* отъ *Калâййаса* произошло русь-славянское: *жаль-йезо*, малорусск. *заль-ййзо*, серб. *жель-езо*, чешск. zelezo, польск. żelazo, литовск. gelézis. Въ сербскомъ, металлъ этотъ называется еще „гвожджеˮ, прилаг. „гвозденˮ—желѣзный.

Въ санскритѣ есть и другое названіе желѣза, какъ руды или ископаемаго: *Цiлâджа* или *Дзiлâджа* (648), также родственное по звукамъ и значенью русь-славянскому „залізоˮ или „желѣзоˮ. Оно составлено изъ словъ: *Цiлâ* (648) — скала и *Жа* или *За* (256)—раждаемый: „скалою раждаемоеˮ. Способъ обработки этого металла выразился въ словѣ *Жâлака* (266), желѣзо, которое сложилось изъ *Жала* (266) — холодъ, вода, и *Ка* (132) — агонь: охлаждаемый или поли-

ваемый агонь, въ видѣ до красна раскаленнаго желѣза. Въ русь-славянскомъ языкѣ эти способы обработки выражаются глаголами: *калить*, *сварить*, *кавать*. Они объясняются санскритскими:

а) Гомонимическими корнями: *Халь*, *'Каль*, *Халâмі* (196, 203)—соединять; *Халь*, *халаійâмі* (196) — поливать водою: *кали-ть* значитъ у насъ: сильно нагрѣтые для соединенія куски желѣза обливать водою или погружать въ нее, для быстраго охлажденія.

б) *Ва* (559) — дуновенье, вѣтеръ; *Ра* (530) — агонь: *Ва-ра*, *ва-ръ* — раздуваемый агонь: такъ называется у насъ раскаленное добѣла желѣзо, готовое для ударовъ молотомъ; слово это входитъ въ составъ нашего глагола „с-*вари*-ть", означающаго: соединять два куска желѣза посредствомъ ударовъ, при участіи раздуванья и агня.—Слово это мы встрѣчаемъ также въ санскритскихъ: „*Варута, Вараньа* (569, 578), означающихъ: „броня, оковка"; но, вѣроятно, доспѣхъ этотъ былъ сдѣланъ изъ мѣди на томъ основаньи, что въ литовск. мѣдь называется waru, а для названья брони, доспѣха изъ желѣза пригоднѣе слѣдующее слово:

в) *Ка* (132) — агонь; *Ва* (559) — дуновеніе, вѣтеръ, вода; отъ этихъ реченій образовался нашъ глаголъ: *ка-ва-ть* обработывать предметъ при участіи агня, воды, раздуванья. Санскритское: *ка-ва-ча* (150)—броня, желѣзная оковка. Здѣсь суфиксъ *ча* по всей вѣроятности образовался изъ *Джа*, *Жа*, *За* (256) — рожденный, такъ какъ онъ входитъ въ составъ сербскаго: *къ-вó-жджe*—желѣзо, *къ-вó-здeн*—желѣзный, т. е. ражденный, происшедшій отъ агня, воды, раздуванья, и наконецъ наше слово *гъ-вó-здь*, острая желѣзная спица со шляпкой или головкой.

На кастромскомъ областн. нарѣчіи, кузнечный горнъ, особенно же гвоздевой, называется *домна*, *домница*; а на тверскомъ, *домнуть* значитъ „ударять изо всей силы". Слово это издревле роднится съ санскритскими *'Дамана* (341), *до́мъна* —раздуваніе; *'Дамака* — кузнецъ. Съ изобрѣтеньемъ чугуна, слово „домна" перенесено у насъ на чугуноплавильную печь. Корнемъ этихъ словъ является гомонимъ

'Дма, *'дамâмі* (348), означающій: а) дуть, раздувать, б) ударять; санскритское *'Дматаръ* (349) значитъ: кузнецъ, литейщикъ. Отъ этого корня у насъ произошли: а) малорус. и бѣлорус. *дму*, *дмешь*... дую, дуешь... б) церк.-слав. *дмути* — надувать, раздувать воздухомъ. Вѣроятно, что послѣдній глаголъ, отъ сліянія съ идеей созвучнаго слова *'дімамъ* [346], *дъматъ*—ученый, знающій, пріобрѣлъ метафорическое значенье: надуваться высокоуміемъ, высокимъ о себѣ мнѣніемъ или гордостію.

Изъ предъидущаго анилиза видно, что русь-славянскій народъ явился въ Европу не племенемъ дикарей, а со словами своей азіятской прародины и соединенными съ ними идеями, которыя относились къ употребленью и обработкѣ металла, самаго необходимаго для культурнаго быта и преуспѣнія человѣческаго общества.

Слово *мѣдь*, принадлежащое всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, происходитъ отъ *мêдінî* (516) — земля, почва. Это подтверждается санскритскими словами: *медінî*-драва [516]—порошокъ, и *медінî*-дару [317] — бронза, главная составная часть которой есть мѣдь. *Мêдінî* показываетъ, что та земля, которую нѣкогда, въ отдаленную эпоху, занимали Русь-Славяне, была изобильна мѣдью. Миѳическое преданіе,

донынѣ сохранившееся въ одной изъ нашихъ былинъ, называетъ даже ту страну, которая древле славилась своею мѣдью:

Дворъ у Дюка на семи верстахъ,
Да кругомъ двора столбики точеные,
Маковки на нихъ были мѣдные,
Дорогой мѣди все *казарскіе*....[1]).

Замѣчательны усилія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ ученыхъ придать значеніе и важность мнимому благодѣтельному вліянію нѣмецкаго элемента въ судьбахъ русь-славянскаго народа. Мы не станемъ много распространяться о Шлецерѣ, который, рѣшивши въ своемъ умѣ, что призванные князья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ были изъ Скандинавіи, слѣдовательно германскаго происхожденія, постарался самъ, а за нимъ и норманская школа, изобразить бытъ русь-славянскихъ племенъ до призванія князей такими красками, что вы видите передъ собой океанійскихъ дикарей, ирокезовъ; а между тѣмъ среди ихъ, подъ волшебнымъ вліяніемъ германскаго генія, вдругъ создается государственный строй съ соотвѣтствующими той эпохѣ установленіями. Направленіе это обнаруживается также въ ученомъ остроуміи академика Кеппена, который, въ своемъ сочиненіи о древностяхъ южнаго берега Крыма, доказывалъ, что Готѳы или Готы, отрасль германскаго происхожденія, находились тамъ до самаго присоединенья этого полуострова къ Русскому государству. Основою доказательства послужилъ академику существовавшій въ Крыму титулъ *готѳскаго епископа*, уничтоженный въ XVIII вѣкѣ. Кому же неизвѣстно, что отъ историко-географическаго

[1]) Онежск. былины № 9, стр. 90.

титула до совмѣстнаго съ нимъ существованья дѣйствительности—огромное разстояніе. Вѣдь это все равно, что титуломъ Царя Астраханскаго доказывать существованье въ наше время этого царства. Византійскій императоръ Мануилъ Палеологъ (1391—1425 г.) далъ-было сыну своему Константину въ удѣлъ черноморскія страны, *граничившія съ Казаріей* [1]. Можно-ли изъ историко-географическаго термина *Казаріи*, здѣсь употребленнаго, выводить заключеніе о дѣйствительномъ существованьи въ ту эпоху казарской державы и народа съ именемъ Казаръ? Прокопій, византійскій писатель VI в., говоритъ, что въ Крыму остались Готы, не хотѣвшіе слѣдовать за Теодорикомъ въ Италію (во 2-й половинѣ V вѣка); числомъ ихъ было не болѣе 3,000 человѣкъ, „остающихся вѣрными союзниками Грековъ" [2]). Но куда же подѣвались эти вѣрные союзники въ то время, когда великій князь Владиміръ, безъ всякаго безпокойствія съ тылу, осадилъ и наконецъ взялъ Херсонесъ? Кеппенъ не упустилъ изъ виду и слѣдующаго мѣста изъ Слова о полку Игоревѣ: „Се бо *готьскія* красныя дѣвы воспѣша на брезѣ Синему морю, звоня рускымъ златомъ, поютъ *время Бусово*, лелѣютъ месть Шароканю...." Онъ видитъ тутъ доказательство существованья Готовъ у береговъ Дона и моря во время Игорева похода противъ Половцевъ. Между тѣмъ всякому, знакомому съ поэтическимъ творчествомъ, извѣстно, что поэты нерѣдко сближаютъ въ своемъ воображеніи самыя отдаленныя одна отъ другой эпохи, представляющія тожество событій. Пѣвецъ Игорева похода не съумѣлъ лучшее охарактеризовать эпоху

[1]) Кеппенъ, О древностяхъ юж. бер. Крыма, стр. 93.
[1]) Ibid. стр. 57.

и варварство Половцевъ, какъ сблизивъ ихъ, въ поэтическомъ созерцаніи, съ эпохою и варварствомъ Готовъ, которые въ III в. нашей эры опустошили Крымъ и разрушили Босфорское царство, пока, черезъ сто лѣтъ, въ свою очередь не были разгромлены Гунами. Готы были несомнѣнно арійскою расою, но объ нихъ то достовѣрно можно сказать, что они и родственныя имъ племена были едва-ли не единственными изъ этой расы кочевниками въ Европѣ. Они именно тѣ Геродотовы Скиѳы, которые, въ противоположность Скиѳамъ земледѣльческимъ, питались отъ стадъ своихъ; въ эпоху отца исторіи, хвостъ ихъ находился еще на восточной сторонѣ Каспійскаго моря подъ именемъ Массагетовъ. Объ ихъ соплеменникахъ, далеко проникшихъ въ западную Европу, Юлій Цезарь замѣчаетъ, что Галлы были земледѣльцами; Германцы же, кочуя въ кибиткахъ, питали отвращеніе къ воздѣлыванію земли. То-же самое подтверждаетъ и Страбонъ, и оба писателя свидѣтельствуютъ, что они преимущественно питаются молокомъ и мясомъ скота [1]). Тацитъ о нихъ говоритъ: „Они любятъ многочисленныя стада; это ихъ единственное и наиболѣе цѣнное богатство. — Зима, весна и лѣто имѣютъ у нихъ значенье и названія; имя же и благодѣянія осени имъ невѣдомы“ (Germ., c. V, XXVI). Неудивительно поэтому, что Готы оставили по себѣ самую недобрую память въ русь-славянскомъ народѣ; и если исторія застаетъ антипатіи между славянскими и германскими племенами уже въ разгарѣ, то источникъ ихъ скрывается въ миѳической эпохѣ, когда шла неумолкаемая естественная борьба между готско-кочевымъ и славянско-земледѣльческимъ бытами. Въ преданіяхъ, сохра-

[1]) Zeller, Origines de l'Allem., p. 54, 80

нившихся въ нашихъ былинахъ, именемъ *Буса*, эпоха котораго съ горечью воспоминается пѣвцомъ Игорева похода, и произведеннымъ отъ него выраженьемъ: „*бусарское* войско", отмѣчаются самые злые враги русь-славянскаго народа:

Молодой Илья да сынъ Ивановичъ,
Онъ прибилъ же тое войско все *бусарское*,
Всихъ татаръ да всихъ поганыхъ,
Онъ очистилъ тутъ Черниговъ градъ.... [1]).

Позднѣйшіе пѣвцы былинъ отождествили Бусову эпоху съ татарскою, какъ пѣвецъ Игорева похода сблизилъ ее съ половецкою. „Поютъ *время Бусово*" т. е. эпоху буса, а это слово есть

а) *ʿБааc̆ъ* (475), *бусъ*—стоянка пастуховъ; „время бусово"—эпоха стоянки пастуховъ.

б) *Ардъ* (49)—шататься, двигаться, кочевать; нападать: *Бус̂рд-ское*—пастушье кочевое войско. Въ нашихъ былинахъ *бусардское* часто смѣшивается съ *б̂асурманскимъ* или *бусурманскимъ*:

Говоритъ-же тутъ Илья да сынъ Ивановичъ:
„А убито тое войско *бусурманское*,
Да очищено тутъ Черниговъ градъ,
Что-ль избавленъ еще князь черниговской
А отъ тыхъ *поганыхъ татаровей*"...[2]).

Изъ предъидущаго отрывка мы видѣли, что тотъ-же Черниговъ осаждало *бусардское* войско. Этимологическое значеніе этихъ названій одинаково: *Уру* (115) — широко-раздолье: таково было древнѣйшее русское названіе степи, которое позднѣе замѣнено описательными эпитетами — широко

---

[1]) Онежск. былины, стр. 17.

[2]) Тамъ-же, стр. 20.

раздолье; чистое широкое поле; *Мâна* (502)—варваръ, злой человѣкъ: *Баасъ-уру-мана, бусъ-уръ-манъ*—пастушье широкораздолье варваровъ, степь варваровъ пастуховъ. Съ утратою сознанія этимологическаго значенія составныхъ частей, слово это обратилось въ нарицательное имя всякому врагу русьславянскаго народа, а позднѣе въ названіе всякаго иноязычнаго, особенно же не-христіанскаго народа: Іудеевъ, Татаръ и проч.

> А молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
> Онъ беретъ сбрую ратную....
> Выѣзжалъ далече въ чисто поле,
> Становился супротивъ царя іудейскаго,
> Супротивъ его силы жидовскія —
> *Жидовскія, бусурманскія....*[1]).

Кеппенъ недоволенъ спеціальнымъ изслѣдованьемъ Рейнегса, который доказывалъ, да и то впрочемъ съ натяжками, что оставшееся послѣ Теодорика ничтожное число Готовъ въ Крыму, существовало тамъ не далѣе IX в.; еще болѣе недоволенъ онъ на профессора львовскаго университета Гакета, который, въ концѣ прошлаго вѣка, утверждалъ, что вездѣ, на понтійскихъ берегахъ, подъ именемъ Готовъ разумѣются Іудеи, переселенцы изъ Польши и Венгріи, до сихъ поръ извѣстные своимъ особеннымъ нѣмецкимъ жоргономъ[2]). Проѣзжавшій черезъ Судакъ, въ половинѣ XIII в., монахъ Рубриквисъ говоритъ, что тамъ не мало Готовъ, quorum idioma est teutonicum. Самъ Рубриквисъ не останавливался въ Судакѣ, Готовъ не видалъ, такъ что тевтонскимъ нарѣчіемъ онъ называетъ вѣроятно нѣмецко-іудейскій жаргонъ.

---

[1]) Якушкинъ, Нар. рус. пѣсни, стр. 53.
[2]) Кеппенъ, стр. 317.

У насъ слово *ярмарка* или *ярманка* почти всѣми считается отпѣтымъ нѣмецкимъ словомъ; потому что Jahr значитъ годъ, а Markt рынокъ. Входя въ анализъ этого слова, не должно забывать, съ одной стороны, что Нѣмцы свою лейпцигскую ярманку называютъ Messe; а съ другой, что у насъ на Украинѣ, въ Малой Руси, ярманками величаются базары, бывающіе, въ иныхъ селеньяхъ, по праздникамъ, черезъ каждые двѣ недѣли, а въ иныхъ черезъ мѣсяцъ. Слѣдовательно, русское слово совершенно чуждо годовому сроку.

Нѣмецкое Jahr есть абстрактная, отвлеченная идея извѣстной продолжительности времени, которую мы называемъ годомъ; но тѣхъ словъ, выражающихъ конкретныя представленія, изъ которыхъ извлечена эта идея, въ нѣмецкомъ языкѣ не сохранилось. Совсѣмъ не то въ нашемъ *яръ*: это — санскритскіе корни: *я-ра*, изъ которыхъ въ послѣднемъ звукъ санскр. буквы *а* усѣченъ нашимъ *ъ*. Въ этомъ словѣ у насъ совмѣстились почти всѣ гомонимическія значенія санскритскихъ корней.

Яръ означаетъ у насъ агонь, жаръ, пылъ, разгаръ въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Корни его: а) *Іа* (520)—пылъ, вспыхъ; блескъ, сіяніе, свѣтъ; *Ра* (530)—агонь, горѣніе. Отсюда у насъ *ярью* называется огнесвѣтлый блескъ на чемъ-либо.

Ты не жги свѣчи воску *ярова*,
Ты не жди меня до полуночи...

Ярый воскъ значитъ *свѣтлый*, *бѣлый*; эпитеты эти суть синонимы: *Свiтъ*, *свiтê* (664)—бѣлѣть; *свѣтъ*—бѣлизна; *'Бала* (474), *бѣлъ*—свѣтъ, обратившееся въ эпитетъ предъидущему:

бѣлъ свѣтъ, также *бѣлъ-яръ*, какъ видно изъ слѣдующихъ стиховъ былины:

Ты мой маленькой бурушко косматенькой!
У моей гоoударыни у матушки
Не хотѣлъ ты ѣсть пшена *бѣлоярова*.

б) *Ійа* (520) — вѣтеръ, жаръ; *Ра* [530] — быстрота, быстрина: *Яръ* вѣтеръ; *яръ* конь—рьяный, горячій. На вологодск. нарѣчіи, *яръ*—быстрина и ярость рѣки.

в) *Ійа*—вспыхъ; *ра*—страсть: *яръ*—отличающійся пылкою страстностію: ярый жеребецъ; яръ туръ Всеволодъ.

Наконецъ, изъ значенія корней *я-ра* образовалось сохранившееся донынѣ въ сербскомъ языкѣ названіе весны *яръ*—свѣтлознойной поры года; такъ точно, какъ отъ синонима *Вісна* (605) — блескъ, сіяніе, произошло наше слово *весна*. Слѣдъ общаго у русь-славянскаго народа значенія слова *яръ*, весна, сохранился у насъ въ названіи весеннихъ посѣвовъ *яровыми* хлѣбами. Въ новгородск. и псковск. губ. *ярицею* называется преимущественно ячмень и овесъ, сѣемые съ наступленіемъ весенняго зноя, отъ гомонима *Ійа* — ячмень.

Весянки — пѣсни, которыми встрѣчается и сопровождается въ народѣ весна, есть остатокъ празднествъ древней языческой эпохи. По формѣ своей, слово это представляется произведеннымъ отъ *весна*; но оно только по созвучію слилось съ послѣднимъ, первоначально происшедши отъ другихъ корней, именно отъ *Васу* (571)—Солнце, *На* (351)—прославленіе: *Васу-на* обратилось въ *весъ-на* — прославленіе Солнца. Такому значенію соотвѣтствуетъ санскритское названіе весны *Васанта* (605), которое очевидно образовалось

изъ словъ *Васу*—Солнце, *Анта*, прич. отъ *Амъ* (43)—воспѣваемое, прославляемое: *вас-анта* — весна или прославляемое Солнце. Въ этомъ случаѣ оно олицетворялось, подъ именемъ *Васанта* (571), какъ особый богъ весны; самый мѣсяцъ луннаго года, соотвѣтствующій нашему февралю—марту, назывался *Васантадута* (571), а праздникъ, который торжествовался въ этомъ мѣсяцѣ въ честь бога весны, носилъ имя *Ва̂санті* (381).

Итакъ слово Jahr происходитъ отъ созданнаго у Русьславянъ сложнаго слова *яръ*—весна: Нѣмцы нѣкогда считали свой годъ отъ весны до весны — вотъ конкретная основа Jahr Слѣдовательно, не для чего было намъ занимать у нихъ этого слова, имѣющаго у Славянъ такое широкое значеніе, какого у Нѣмцевъ оно никогда не имѣло. Но въ этомъ своемъ значеніи слово *яръ* не входитъ въ составъ сложнаго ярманка, и мы должны отыскать здѣсь его настоящій смыслъ.

Есть у насъ слово *Юръ*. Оно означаетъ лобное, возвышенное, открытое со всѣхъ сторонъ мѣсто, гдѣ всегда бываетъ толпа, толкотня, шумный рынокъ. *Юра*, *юрила* значитъ безпокойный человѣкъ, непосѣда; *юрить* — суетиться, спѣшить, торопливо собираться. Такое значенье нашего слова объясняется древними корнями:

Йу (576)—соединяться, собираться;

Йа (529)—сборище, собраніе, по украински громада; ходъ, шествіе, движеніе.

Ра [530] — быстрота, спѣхъ: *Яра*, *юра*, *яръ*, *юръ* — спѣшное, торопливое сборище; быстрое движеніе. На этихъ *ярахъ*, *юрахъ*—возвышенныхъ мѣстахъ, съ которыхъ можно было далеко видѣть, строилось

а) *Іiарнъа* (121) — укрѣпленное мѣсто, городокъ въ древнемъ смыслѣ. Собиравшіеся на ярахъ, юрахъ люди тутъ укрѣплялись. *Сѣдяше Кий на горѣ.*

б) *Марiйа* (494) — граница; *Маркга* (504) — поѣздъ, разъѣздъ, поискъ; дорога. Ясно послѣ этого, что *Іiарнь-маркга, яр-марка,* въ первоначальномъ своемъ смыслѣ, означала пограничное укрѣпленіе, пограничный городокъ. Линія этихъ городковъ связывалась наблюдательными, сторожевыми курганами, искуственными насыпями и *маркарами* (494) — ямами, куренями. Таково было съ незапамятной эпохи устройство нашей украинской, полянской земли, которая тянулась полосою вдоль *поля*, древняго названія степи [1]):

Гонять, мамко, *на сторожу*,
Під Черный ліс *на могилу*...[2])

Ярмарки — исконный способъ защиты Славянъ противъ хищническихъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельство объ ихъ осѣдломъ бытѣ съ древнѣйшихъ временъ. Объ этомъ нечаянно проговорились, въ видѣ хвастовства, нѣмецкіе епископы въ посланіи къ папѣ Іоанну IX, 900 г. гдѣ они между прочимъ писали: „Франки открыто являлись передъ цѣлымъ свѣтомъ, между тѣмъ какъ Славяне укрывались въ потаенныхъ убѣжищахъ и городкахъ — latibus et urbibus occultati fuerunt [3]). У Германцевъ этотъ способъ защиты вошолъ въ употребленіе лишь со временъ Карла Великаго. Пограничная съ непріятелемъ область, составлявшая

---

[1]) См. Зарницы Руси.

[2]) Головацкій, Нар. пѣсни Гал. и Уг. Руси. Чт. въ Общ. и. и др. 1863 кн. III, № 18.

[3]) Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳодій, ч. II, № XVI, стр. 143.

передовой постъ для наблюденія за врагомъ, снабженная укрѣпленіями и войскомъ, получила названіе *марки*, состоявшей подъ начальствомъ графа [1]).

У этихъ украинскихъ, пограничныхъ городковъ, ярмарокъ, собирались, въ опредѣленныя времена, изъ ближайшихъ селеній и хуторовъ и изъ степныхъ кочевьевъ, жители съ своими товарами для торга, съ чѣмъ соединялись игры, гульба, пированье. Центральное или промежуточное мѣсто называется въ санскритѣ *Магдійа, магдійама* (489). Это наше слово *майданъ*, серб. *мегдан*—площадь, мѣсто, поприще. Въ санскритѣ *магдійага* (489) означаетъ выступающаго на середину, а въ сербскомъ *мегданція* — боецъ, единоборецъ, поединщикъ.

Ой піду я на *майданъ*,
На майдані хлопці:
То-то мій, то-то мій,
Што въ білій сорочці [2]).

Легко измѣненное слово *ярманка* означаетъ слѣдующее: *Манъ* (490)—установлять цѣну, оцѣнивать, *Ка* (122)—богатство, имущество, вещи: *Ярнь-ман-ка* —городокъ оцѣнки товаровъ (для мѣны или другой какой-либо цѣли). Такому значенію соотвѣтствуетъ и самое слово *украйіна*: *У* (93)—шумѣть, гомонить; далеко быть извѣстнымъ; *Крайіа* (191)—торгъ, рынокъ; прист. *на* (351)—слава, знаменитость; *Украйіна* —шумный, знаменитый торгъ, рынокъ. Отсюда же *Крайіа*—

---

[1]) Marchio, comes marchae, praefectus, dux limitis. Annales Einh. a. 799, 819, 821. Waitz, III, s. 315.

[2]) Головацкій, Нар. пѣсни Гал. и Уг. Руси. Чт. 1863. кн. III, стр. 423.

торгъ, *Марійа* (494)—граница: *Краййа-марійа*—образовало малорусское и бѣлорусское слово *кра-маръ* — торговецъ, въ первоначальномъ смыслѣ пограничный; а въ сербскомъ оно означаетъ чумака, перевозчика грузовъ, также и торговца.

Въ отдаленную миѳическую эпоху посѣщали эти пограничные торги, ярмарки, украины, даже заморскіе торговцы, гости-карабельщики, какъ видно изъ одной былины:

Какъ ѣдутъ гости-карабельщики,
Подиимаютъ это *перушко* орлиное.
Продавали это перушко
Подороже-то атласу, рыта бархату....
Да развозятъ тѣ *перьица* по всѣмъ ордамъ,
По всѣмъ *ордамъ*, по всѣмъ *украинамъ*...[1])

Значитъ, развозили товаръ—*перушки*, *перьица орлиныя* и по степнымъ кочевьямъ, и по украинамъ. Что это за товаръ, болѣе цѣнный, чѣмъ атласъ и бархатъ?

а] *Парі* [391] —округлый, перекатный; чудный, превосходный; *Йашті̂ка* [524]—жемчужное ожерелье: *Парійашті̂ка* —перекатное жемчужное ожерелье, обратилось, съ утратою сознанья этимологическаго сознанья словъ, въ *пёрушки*, *перьицы*, *перицы*. Въ одномъ изъ свадебныхъ обрядовъ псковской губ., дружко приглашаетъ дѣвицъ къ поѣзду такимъ воззваніемъ: Игрицы-*перицы*, красныя дѣвицы!... т. е. игрицы-жамчужины [2]].

б] *Арâла* [46) — женщина, обратилось, также по причинѣ утраты сознанія о значеньи, въ эпитетъ *орлиныя*. Это сдѣлалось тѣмъ легче, что къ слову перушки подходило

---

[1]) Онежск. был., № 159, 255, стр. 817, 1060.

[2]) Шейнъ, Рус. нар. пѣсни, стр. 548.

наше слово *арёлъ*, которое образовалось изъ санскритскаго *арула* [79]—высоко взлетающій: признакъ, по которому дано названіе этой птицѣ.

Такимъ образомъ драгоцѣннымъ товаромъ, который гости корабельщики развозили по всѣмъ ордамъ или кочевьямъ и по всѣмъ границамъ нашего осѣдлаго населенья или по украинамъ, были жемчугъ и женщины. Слово *Арда* происходитъ отъ корня *Ардъ* (49)—бродить, кочевать; нападать.

Здѣсь кстати замѣтить о происшедшемъ въ народномъ сознаніи смѣшеніи словъ: *парійаштіка* съ *перу-ійаштіка*; на послѣднемъ основался сказочный миѳъ о *перушкѣ* жаръ-птицы, которое своимъ блескомъ прогоняетъ всякую темноту: *Перу* (423) — огонь, *Ійаштіка* (524) — чубатая пигалица, очень красивая своими яркими перьями и лакомая по своему мясу. Соединеніе этихъ двухъ словъ означаетъ огненную птицу или жаръ-птицу. *Перуйаштіка* обратилось у насъ въ *перушко*, по созвучію, а самое значеніе слова въ опредѣлительное къ перушку, и вышло „*перушко* жаръ-птицы“.

„На боку лежитъ дуплина-путина, среди дупла *ярмарка*“. Загадка эта означаетъ улей пчелъ, лежень. Для разъясненья ея, нужно найти аналогію между дуплиной-путиной и ярмаркой: а) *Дупъ* (347) — дымить, *Лунтъ* (555)— красть, похищать: *Дуп-лунтъ*, *дуп-лина* — дымомъ, черезъ дымъ похищать (изгнанье пчелъ дымомъ изъ улья, для выборки меда). б) *Путтікâ* (415) — пчела, обратившееся у насъ въ *путину*. Поэтому аналогія между двумя терминами загадки: дуплина-путина и ярмапка, состоитъ въ томъ, что при подкуриваньи улья, между пчелами начинается такая же суетливая толкотня и бѣготня, какъ при нападеніи врага на яр-

манку, укрѣпленный пограничный городокъ, и какъ во время торга при такомъ городкѣ.

Изъ представленнаго нами анализа слова *ярмарка*, *ярманка* и соприкасающихся съ нимъ идей, очевидно, что оно имѣетъ право самостоятельнаго существованья въ русьславянскомъ языкѣ, и что поэтому не было никакой надобности заимствовать его у Нѣмцевъ.

Вотъ еще поразительный примѣръ, какъ народъ, въ продолженіе своего долгаго существованія, перенесшій много превратностей на свѣтѣ, и утратившій сознанье первоначальнаго значенья словъ, измѣнялъ ихъ потомъ въ созвучныя рѣченія, имѣющія совсѣмъ другой смыслъ. Въ приводимой цитатѣ, курсивныя слова несомнѣнно выхвачены изъ поэмъ древнихъ баяновъ, у которыхъ они составляли эпическое описаніе примѣтъ головнаго доспѣха, похожаго по виду на шаломъ или холмъ, и по этому названнаго позднѣе шлемомъ:

Нѣту у Добрыни копья в'остраго,
Нечѣмъ тутъ Добрынюшкѣ поправиться,
Лежитъ тутъ *калпакъ да земли греческой,*
А *вѣсу*-то калпакъ буде *трехъ пудовъ*:
Ударилъ онъ змѣю было по хоботамъ,
Отшибъ змѣи двѣнадцать тыхъ же хоботовъ [1]).

Калпакъ, въ нынѣшнемъ значеньи, есть домосѣдняя шапочка, вязаная или ткапая: слово, по Далю, татарское! Но будь колпакъ хоть кожаною шапочкою, какъ же допустить-то въ ней вѣсъ въ три пуда, и обратить въ оружіе, которое отшибало у змѣи хоботы? Нелѣпость такого представленія

[1]) Онежск. былины, стр. 31.

сама собою заставляетъ предполагать въ словахъ другой смыслъ, а не тотъ, который съ ними народъ позже соединилъ.

а) *Кáла* (151)—желѣзо; *Пá* (403)—покрывать, защищать; *Ка* [132]—голова: *кала-па-ка, калъ-па-къ*—желѣзный покровъ головной.

б) *Замбга* [260] — подбородокъ; *Лí* [554] — привязывать, скрѣплять: *замбга-лí, земь-ли*—подбородочная привязь, скрѣпа;

в) *Грíшта, Грíштí* [756] ощетиненный или огривленный торчащими волосами. Итакъ: „Калъпакъ замъ-лі грішті", въ устахъ нашихъ народныхъ пѣвцовъ обратилось въ „калъпакъ землі греческой"—„желѣзный покровъ головной съ подбородочною скрѣпою ощетиненный или огривленный".

Мы конечно не станемъ перебирать здѣсь всѣ слова русь-славянскаго языка, которыя разнымъ ученымъ въ разное время угодно было считать занятыми у Нѣмцевъ. Это мы сдѣлаемъ особо въ свое время, ограничившись теперь нѣсколькими примѣрами въ доказательство того, что для славянской филогіи предстоитъ очень много работы, но не на пути къ призраку чистаго славянскаго языка, а со всѣмъ на другомъ основаніи и въ другомъ направленіи. Мы приведемъ еще нѣсколько примѣровъ относительно мнимыхъ иноземныхъ заимствованій, чтобъ слово наше, что русь-славянскій народъ обирается со всѣхъ сторонъ, не оставалось пустою фразою.

Профессоръ Крузе говоритъ, что у финскаго племени Эстовъ грубая шерстяная ткань для одежды называется *Вадмалъ*, и что она въ древнее время привозилась изъ-за

моря[1]. Не можетъ существовать никакое первобытное общество, если оно само себя не кормитъ, ни одѣваетъ; утверждать противное значитъ итти противъ неоспоримыхъ началъ исторіи политической экономіи. Вездѣ у простаго народа, въ томъ числѣ у русь-славянскаго, до сихъ поръ одежда составляетъ домашнее производство, домотканину. Что Эсты могли предлагать въ обмѣнъ заморскимъ купцамъ за необходимую имъ одежду? Финское племя было древнѣйшимъ и грубѣйшимъ населеньемъ восточной Европы; при столкновеніи съ арійскимъ народомъ, оно все далѣе и далѣе должно было отступать на сѣверъ, и, конечно, въ теченье многихъ вѣковъ, ему пришлось многое занять и многому выучиться у народа арійскаго, превосходившаго его умомъ, предпріимчивостію, энергіею. Такъ они могли выучиться и тканью у сосѣдняго литовскаго либо русь-славянскаго племени, но не заводить заморской торговли для этой насущной потребности. Слово Вадмаль вовсе не финское, а арійское, образованное изъ корней: *Ватъ* (561)—покрывать, одѣвать; *Маллі* (495) ткацкій станокъ, снарядъ: *Вотъ-маллі*, *вадмаль* — одежда тканая. Первый же корень послужилъ также къ образованью нашего областнаго реченья, существующаго въ воронежск., рязанск., тамбовск. губ., *Ватóла*, и означающаго самую толстую и грубую крестьянскую ткань, употребляемую на покрышку возовъ, подстилку, одѣяла. *Ватъ* [561] — покрывать, одѣвать, *áла* [98] — широкій, объемистый: *Ватъ-áла*, *ватóла*—покровъ объемистый, широкій. Санскр. *вата* [561] значитъ: веревки, обвязки.

Удивительно ли, что филологія можетъ извѣриться въ

---

[1]) Труды 1-го арх. съѣзда въ М. II, 703.

глазахъ исторіи, когда съ нею станутъ обращаться по примѣру одного господина, который, присутствуя на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, говорилъ, что Русь позаимствовала *волынку*, этотъ любимый музыкальный инструментъ бѣлоруссовъ, у Финновъ, у которыхъ она называется *пилли*. Да вѣдь такъ можно доказывать и то, что Русь узнала лошадь черезъ Нѣмцевъ, у которыхъ она называется Pferd. Не станемъ распространяться о томъ, что русь-славянскій народъ, одинъ изъ пѣвучихъ въ Европѣ; а когда у народа есть пѣсни, то всегда бываютъ у него и музыкальные инструменты. Чтобъ признать волынку заимствованьемъ у Финновъ, для этого нужно было бы, вмѣстѣ съ предметомъ, позаимствовать у нихъ же и его названье; кромѣ того, надо еще доказать, что корень слова *пилли* находится въ финскомъ языкѣ. Мы, напротивъ того, полагаемъ, что свое „пилли" Финны взяли у Русь славянъ.

Волынка, какъ извѣстно, музыкальный инструментъ, сдѣланный изъ телячьяго или козьяго мѣха, наглухо зашитаго, который сверху *надувается* дудкою: по этому признаку надуванья онъ и получилъ свое названье: *Bâ* (573)—надувать, *Луунака* (555)—животное:

Ва-луунака, во-лынка—надуваемое животное; поговорка: *дуй* его *волынкою*. Этотъ инструментъ издаетъ свой рѣзкій и непріятный звукъ черезъ нижнюю дудку только вслѣдствіе *сжиманія* подъ лѣвою мышкою, и по этому признаку—*Пîлъ*, *пîлаіиâмі* (413] — сжимать, онъ нѣкогда назывался, на какомъ-нибуоь областномъ русь-славянскомъ нарѣчіи, *Пили*; моментъ сжиманія и звука былъ отождествленъ, и отсюда нашъ глаголъ *пиликать*—издавать непріятный звукъ, по поговоркѣ: всякій *пиликало* хвалитъ свою скрыпку. Теперь

всякому видно, что слово *пили* — вовсе не финскаго происхожденія, а было занято Финнами, вмѣстѣ съ предметомъ, у какого нибудь племени русь-славянскаго народа.

Тотъ-же ученый на съѣздѣ заявилъ собранію: „Русскіе, *безъ сомнѣнія* (полагаемъ, для него), заимствовали *гусли* у Грековъ“ [1]. Но, во-первыхъ, это музыкальное орудіе не исключительно русское, а общеславянское; во-вторыхъ, Руссичи, съ заимствованьемъ предмета, неизвѣстнаго имъ прежде, должны были бы, вмѣстѣ съ нимъ, занять и греческое слово. Въ Чудовской псалтыри, рукописи XI в., находимъ, пс. 42: „Исповѣмь ти ся въ *гуслехъ* бже, боже мой“. Въ греческомъ текстѣ [пс. 43] стоитъ здѣсь слово *кіѳара*—лира и вообще музыкальное струнное орудіе. Будь этотъ предметъ неизвѣстенъ Русь-славянамъ, въ переводѣ назвали бы его кіѳарою, а не гуслями. Слово это образовалось изъ корней: *Кусъ* [167] —звучать, брепчать, *Лі* (554)—привязывать къ себѣ: *Кусълі*, *гусъ-лі*—привязанное звучащее орудіе, потому что пѣвцы носили съ собою гусли на ременной привязи; смыслъ же этому инструменту придавалъ обыкновенный въ былинахъ эпитетъ его *яровчаты*, отъ *Іа* [520]—союзъ, согласіе,

Рава [535]—звукъ,

Чату [242]—пріятныя слова или пѣсня:

Я-páва-чату, *я-póвчаты* — согласующій звуки съ пѣснею. Это древнее русское слово, ставши непонятнымъ, побудило пѣвцовъ былинъ употреблять, наравнѣ съ нимъ, другой истолковательный эпитетъ: *звончатые*.

Въ былинѣ про Добрыню Никитича разсказывается, что, послѣ долгой отлучки, одѣвшись скаморошиною, онъ, никѣмъ

---

[1]) Труды перв. арх. съѣзда II, 470.

не узнанный, вдругъ явился съ гуслями въ бѣлокаменныя палаты Владиміра, на свадебный пиръ своей жены, выходившей за-мужъ за Олешу Поповича:

Скоморошина тутъ мѣстомъ не побрезгивалъ,
А скочилъ на печку на муравлену,
Заиграетъ тутъ въ *гусельышка яровчаты*....
А играетъ-то Добрынюшка во Кіевѣ,
А на выигрышъ беретъ да во Цари-гради,
А отъ стараго да всихъ до малаго
А *повыигралъ поименно.*
Вси же за столомъ да призадумались...[1]).

Идея гуслей, какъ на привязи носимыхъ пѣвцомъ, выражается и въ ихъ санскритскомъ названіи *сувага* [723], которое образовано изъ двухъ корней: *Су* [716] — ходить, *Вагъ* [572]—носить:

Сувага — носимое странникомъ. Вѣроятно, слово это было сначала эпитетомъ *Вíна* [611], которое означало то же, что наши гусли: со временемъ же, получивъ самостоятельное употребленіе, эпитетъ обратился въ синонимъ своего опредѣляемаго, т. е. *віны*. Если, далѣе, мы разберемъ послѣднее слово; то оно окажется также сложнымъ: *Ві* [610]—ходить; носить; водить; *На* [277, 251] — пѣсня; привязь: *Ві-на* — странствующая, носимая на привязи, водимая пѣсня; ибо ни струны съ пѣснію, ни пѣсня съ струнами не разлучались въ первоначальномъ быту арійскаго народа, и въ его поэтическомъ міровоззрѣніи музыкальный инструментъ, сливаясь съ пѣвцомъ, и самъ олицетворялся и одухотворялся, какъ живое существо.—Наше областное вологодское реченіе *вынь*—поясъ, происходитъ отъ *Вее* [616]—завязывать узломъ, *На* (351)—привязь: *Вее-на*, *вы-нь*—завязанная узломъ привязь.

[1]) Онежск. былины, стр. 44.

У слова *гусли* есть синонимъ: *мысли* —

Поиграйте *гусли-мысли*, вы таперича при мнѣ,
Вы таперича при мнѣ, при Василѣ молодомъ [1]).

Здѣсь синонимъ играетъ такую же роль, какъ напримѣръ и въ слѣдующемъ стихѣ:

Разойдись *тоска-кручина*
По чистому полю [2]).

Въ словѣ „мысли": второй слогъ представляетъ, какъ и въ „гусли", одинъ и тотъ-же корень *Лі*; а первый *мис* есть синонимъ корню *Гусъ*: *Місъ*, *Масъ* (507) — звучать, звонко раздаваться; *Місъ-лі* — привязанное звонко раздающееся музыкальное орудіе.

Но *мысль*, какъ дѣйствіе нашего разума, образовалось изъ корней: *Мії* [507]—понимать, *Сііль* [651)—судить, думать: *Мі-сіль*, *ми-съль*—обдумыванье понятій; *мисль-іть*—понимать-обдумывать. Поэтому, въ слѣдующихъ стихахъ пѣсни, намъ представляется уже игра словомъ *мысли* въ его обоихъ значеньяхъ:

Не играйте мои *гусли*,
Не берите парня *мысли* —
На старой бабѣ жениться....[3]).

Гудокъ—музыкальный струнный инструментъ, мы также считаемъ синонимомъ гуслей:

---

[1]) Въ Холмогорахъ, Максимовъ у Якушкина: Нар. рус. пѣсни, стр. 208
[2]) Ibid., 188.
[3]) Въ Мезени. Максимовъ, ibid. стр. 167.

Надѣвалъ Добрыня платье калиснее,
Ище взялъ съ собой *звонцятой гудокъ*,
И пошолъ смотрять на свадьбу Олешину...[1]).

Гу [217]—звучать; пѣть, прославлять; *Гу* [232]—звукъ; *Дáка* [316]—даятель: *Гу-дáка*, *гу-дóкъ*—звукодатель.

Музыкальный инструментъ *киѳара*, въ нашемъ переводѣ гусли, былъ, въ миѳическую эпоху, неизмѣннымъ спутникомъ греческихъ гомеровъ, и ихъ первоначальное нарицательное имя перешло на этотъ инструментъ, какъ на задушевнаго друга ихъ пѣсней; потому что слово *киѳара* происходитъ отъ *Кіта* (165)—пѣвецъ героическихъ подвиговъ, эпическій пѣвецъ; *Ра* (120)—странствовать: *Кітара*—странствующій эпическій пѣвецъ.

Гомеръ—нарицательное имя, какъ и наше *Баянъ*, обращенное въ названіе миѳическаго типа, идеала поэтовъ, въ которомъ хотѣли видѣть живую, единичную личность, тогда какъ это было абстрактное представленіе, составленное изъ характеристическихъ признаковъ, отвлеченныхъ отъ множества странствовавшихъ поэтовъ, изъ которыхъ каждый назывался гомеромъ, и каждый пѣлъ тѣ же самыя пѣсни, которыя дошли до насъ подъ именемъ конкретной личности Гомера. Превосходному, великолѣпному пѣвцу, изъ устъ котораго изящнѣе, пламеннѣе изливались похвалы эллинскимъ героямъ, обращали нарицательное имя въ собственное, по преимуществу предъ всѣми прочими пѣвцами; и такихъ гомеровъ, въ миѳическую эпоху, было много: каждая, болѣе или менѣе обширная мѣстность, могла имѣть своего гомера. Очевидно,

[1]) Онега. Пѣсни, собр. Корѣевскимъ, вып. II, стр. 13.

что греческое слово образовалось, по окающему, свойственному народу, говору, изъ корней: *Гаама* [216]—странствованіе, *Расъ* [535) — звучать, бренчать, играть; воспѣвать; прославлять: *Гаама-расъ, г'оми-рос*—странствующій пѣвецъ-музыкантъ.

У насъ эпическая пѣсня называется *былиною*; слово это образовалось изъ корней: *'Балее* [472] — повѣствовать, разсказывать, *На* [35]—война, битва, бой: *'Балее-на, были-на*—повѣствованіе о войнѣ, о битвѣ: эпическая, героическая пѣсня. Пѣвецъ назывался *баляномъ*, какъ и теперь еще въ народѣ этимъ словомо означается знающій былины, пѣсни и сказки. Смыслъ слова объясняется корнями: *'Баль* [472] — повѣствовать разсказывать, *Аййа* [45) — дорога; странствованье: *Баль-ййана, баль-йанъ, балянъ*—странствующій повѣствователь, эпическій пѣвецъ.

Спутникомъ баляна былъ простой, и потому самому древнѣйшій, и теперь еще живущій въ народѣ, любимый по преданію, музыкальный инструментъ, именно *балалайка*. Слово это составлено изъ: *'Бале* (472) — повѣствовать, разсказывать, *Лаййа* [551] — древнѣйшій размѣръ въ музыкѣ, тактъ, *Ка* [132]—звукъ: *Балê-лаййа-ка, бала-лай-ка*—былина подъ тактъ звука, музыкальный инструментъ для пѣсни. Объясненью нашему соотвѣтствуетъ санскритское названіе струннаго инструмента *баланчитâ* [464], которое по смыслу послѣдняго *чита* отъ крн. *читъ* [245] — наблюдать, означаетъ инструментъ, наблюдающій за пѣньемъ.

Баляны были народными странствующими пѣвцами; но тѣ изъ нихъ, которые были замѣчательны своимъ великимъ талантомъ и состояли при дружинѣ, при князьяхъ, отличены

почетнымъ названіемъ *баяновъ*. Пребываніе ихъ при государяхъ, въ дружинѣ, есть исконный арійскій уставъ; объ этомъ мы находимъ свидѣтельство уже въ Рігъ-Вѣдѣ: „О блестящій лучами Агні, владыка людей и вѣстникъ боговъ! внемли нашимъ гимнамъ, какъ *князь внимаетъ пѣвцамъ*“ [1]. Слово „баянъ“ составлено изъ корней: *'Ба* [469] — свѣтъ, блескъ; красота; *Йа* [520] — слава, извѣстность; *На*—война: *'Ба-йа-на*, *ба-я-нъ*—свѣтъ, краса славы воинской. Такое высокое достоинство пѣвца-поэта подтверждается Словомъ о полку Игоревѣ. Въ 1-хъ, списатель или слагатель Слова, жившій уже въ христіанскій періодъ Руси, занявши изъ древнихъ былинъ обращеніе или воззваніе баяновъ: *братіе!* придалъ ему, по созвучію, христіанскій смыслъ, между тѣмъ какъ его первоначальное значеніе происходило отъ словъ *брьгатъ*, *'братъ*, *'брацйе* (466, 480, 482)—великіе, кормильцы, свѣтлые; во 2-хъ, баяны были друзьями, товарищами въ дружинѣ, чѣмъ и объясняются употребленныя въ Словѣ выраженія: „А *мы* уже, дружина, жадни веселья“; „Здрави князи и дружина“; въ 3-хъ, высокій талантъ баяновъ изображенъ словами: „О бояне, соловью старого времени!“.... „Боянъ же своя вѣщая пьрсты на живыя струны въскладаше, они же сами *княземъ* славу рокотаху“.

Баянъ, какъ выше замѣчено, не есть собственное имя кокого нибудь извѣстнаго, опредѣленнаго лица; это—миѳическій типъ великаго поэта, представляющійся живою, дѣйствительною личностію въ образѣ всякаго великаго поэта, когда бы онъ ни жилъ. Пѣвецъ Игорева похода называетъ этого поэта *Велесовымъ* внукамъ. Въ нашей первоначальной лѣто-

[1]) Les livres sacrés, pub. p. Migne, t. II, Rig-Veda, p. 35, suk. IV, 12.

писи, въ договорахъ съ Греками Олега и Святослава, Велесъ неправильно названъ Волосомъ, съ славянскою глоссою: „скотій богъ“. *Велесъ* есть санскритское *Вiлâсiнъ* (601) — Сiва, который, по индiйскимъ легендамъ, представляется въ двоякомъ видѣ: благотворнаго и губительнаго бога. Благотворный Сiва изображался сидящимъ на быкѣ съ козочкою въ рукахъ, и отсюда-то поясненiе: „скотiй богъ“: „великiй богъ воздатель, носящiй на своемъ знамени образъ *быка*“[1]). Руководствуясь древними былинами, списатель Слова о полку Игоревѣ называетъ миѳическаго баяна внукомъ Велеса или Сивы черезъ Сына его Ганесу, который есть богъ-изобрѣтатель и покровитель астрономiи, математики, поэзiи и всякой премудрости. Да и самъ Сива, между многочисленными эпететами, носитъ также названiе *Будеха* — владыки мудрецовъ[2]).

У русь-славянскаго народа есть еще два названiя пѣвцовъ, на которыя должно обратить вниманiе, какъ на памятники глубочайшой древности; это — Кабзарь и Бандуристъ:

а) *Кабъ*, *Кавъ* (150)—воспѣвать, прославлять; *кабi* или *кавi* пѣвецъ, поэтъ; *Саръ* (727)—странствовать; *сара* (697) —дорога: *Кабi-саръ*, *кабь-зарь*—странствующiй пѣвецъ, поэтъ. Спутникомъ его былъ музыкальный инструментъ, ходячiй въ наше время, о восьми струнахъ: *Кабi* — пѣвецъ, поэтъ; *За* (156) — рожденный: *Кâбi-за*, *кôбь-за* — рожденная пѣвцомъ, поэтомъ.

---

[1]) Le Romayana, tr. p. Fanche, I, p. 58.

[2]) Iacobi et Bertrand, Diction, myth. univ.

б) *Бандура* — инструментъ, въ родѣ гитары, съ 9, иногда 20 и болѣе струнами:

аа) *Банъ* (470)—издавать звукъ, звучать; *Тура* (297) — музыкальный инструментъ вообще: *Банъ-тура, банъ-дура* —звончатый инструментъ.—Внѣшніе признаки этого инструмента означаются тѣмъ же словомъ, потому что *Бан̆дура* (460) значитъ: привязанный, т. е. инструментъ, постоянно носимый пѣвцомъ на привязи, безотлучный спутникъ его; *Бандура* (460)—душникъ, отверстіе въ коробѣ инструмента для пріема и отраженія звуковъ.

бб) *Банъ-тура, I* (86)—странствовать; *Сту* (737) — воспѣвать: *Бань-тура-і-сту, банъдуръ-і-стъ*—съ бандурою—странствующій пѣвецъ.

От ся бандура що наробыла:
Дівчіна козака тай полюбила.

То, что у малоруссовъ называется бандурою, у бѣлоруссовъ извѣстно подъ названіемъ *турбанъ*, т. е. на оборотъ: *тура-банъ* —музыкальный инструментъ—звучащій.

Въ древней Русь-славянской землѣ, въ миѳическую эпоху, не было даже и въ зародышѣ тѣхъ средствъ общенія мыслями, чувствами, извѣстіями, которыя существуютъ теперь; но баляны и баяны, кабзари и бандуристы служили связями самыхъ отдаленныхъ частей ея, и не давали гаснуть въ племенахъ одного и того же великаго народа чувству родства между собою. У нихъ пѣнье и музыкальный инструментъ были неразлучными друзьями. Двѣ русь-славянскія формы глагола *пѣвати* и *пѣтъ* произошли отъ различныхъ корней:

а) *Пѣвъ* (423), *пѣвати*—чествовать, служить божеству,

чтить: это указываетъ на первоначальное происхожденіе пѣнія изъ религіознаго чувства. Пѣніе объясняло смыслъ религіознаго обряда. Названіе куринаго самца *пѣвнемъ* также указываетъ на него, какъ на бывшаго вѣстника вѣдійскихъ часовъ богослуженья. Это подтверждается и значеньемъ синонима *кочетъ*, отъ *Качь* (133)—кричать, *Та* (278) — кликъ, кличъ: *Káче-та*, *кóче-тъ*—кличъ кличущій, оглашающій призывъ къ обряду.

б) *Пiтъ*, *пѣтамі* (411), *пѣтъ* — пѣть, возглашать, вообще звучать, звонко раздаваться, что указываетъ на участіе музыкальнаго орудія при пѣньи. *Пѣтухъ* имѣетъ то же значеніе, что и предъидущіе синонимы: *Пiтъ* — возглашать, *Укта* (93)—святая пѣснь: *Пiтъ-укта*, *пiт-ухъ*, *пѣтухъ*—возглашающій святую пѣснь. Словомъ „пѣтухъ" означается у насъ и самое пѣніе этой птицы: „вставать до пѣтуховъ" т. е. до пѣнья ихъ передъ разсвѣтомъ; то же самое у бѣлоруссовъ: „о первыхъ пѣтухахъ разбудзивъ". Но для пѣтушьяго пѣнья есть у насъ особое слово *кукурику*, *кукуреку*, съ произведеннымъ отъ него глаголомъ. Слово это состоитъ въ связи съ санскритскимъ названіемъ пѣтуха *Куккута* (116). По замѣчанью Максъ Мюллера, оно не произведено ни отъ какого корня, и есть звукоподражительное, просто повторяющее крикъ птицы [1]). Однако-жъ, при сопоставленіи его съ нашимъ „кукурику", мы видимъ, что звукоподражительная часть въ обоихъ есть только *куку*; а приставки *та* и *рику* — различны, имѣющія впрочемъ синонимическое значе: а) *Та* (277) — пронзительный крикъ, кличъ: *куккута* — кличъ кукку или пѣтуха; б) *Рiкъ*, *рекъ* (120) —

---

[1]) Лекціи по наукѣ о языкѣ, стр. 275.

пѣть; воспѣвать, прославлять: *куку-рікъ* — куку-пѣніе или пѣтуха пѣніе.

То же звукоподраженіе лежитъ въ основѣ словд *кукушка*, санскр. *кӑукіла* (186); *Кхакга* (200), *кхъка*, *шъка*— птица: *куку-шъка*—куку-птица

Мы вошли въ подробности по поводу гуслей, которые были будто бы заимствованы у Финновъ; но есть еще много словъ, на которыхъ финноманы утверждаютъ свои доказательства о финствѣ древней Веси, Мери, Муромы. Мы ихъ разсмотримъ въ особой главѣ настоящаго труда; а теперь обратимся къ примѣрамъ мнимыхъ заимствованій у другихъ племенъ. И тутъ славянская филологія осталась вѣрною своему эпиграфу: моя хата съ краю, ничего не знаю.

Вотъ, напримѣръ, междометіе *ура*, которому Даль постарался найти корень въ татарскомъ *ур'*—бить. Но есть-ли хоть малѣйшее соотвѣтствіе этому корню нашего *ура*, выражающаго восторженное одобреніе, мужественное ободреніе или радостный привѣтъ. Корень выражаемаго этимъ словомъ чувства вовсе не татарскій; это—арійское восклицаніе: *урі*, *урарі* (118), въ знакъ одобренія, широкой радости: „Се *ури* кричатъ подъ саблями половецкими, а Володимиръ подъ ранами...“ читаемъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. *Ура̂* (115) — хорошо, превосходно! Междометіе это сохранилось составнымъ корнемъ въ области. архангельск. нарѣчіи *урланъ* — крикунъ: *Лангъ*, *ландъ* (549, 550)—говорить, произносить возвышать: *Ура-ландъ*, *уръ-ланъ*—возвышать, восклицать *ура*.

У Даля же отмѣчечено татарскимъ (какихъ татаръ? горныхъ крымскихъ или иныхъ?) слово *саламата*: это густая кашица, сваренная изъ муки съ солью и масломъ; другое, созвучное ему—*саламаха*, родъ варенухи изъ меда,

водки, сливъ: это—пьяный напитокъ. Оба слова—составныя, и находятъ свои корни въ санскритскомъ, а не татарскомъ языкѣ. Первая часть въ обоихъ есть *Сâлі* (644)—рисъ, изъ котораго у древнихъ Арійцевъ приготовлялись и кушанья и опьяняющій напитокъ. Этого хлѣбнаго растенья на Руси не было, и потому оно было замѣнено тамъ свойственнымъ климату зерномъ. Потомъ

а) *Макха* (484) — жертвоприношенье; смѣсь, составъ: *Сâлі-макха, сало-маха*—приготовленное, смѣшанное съ разными сластями рисовое кушанье, для приношенья, по вѣдійскому обряду, во время служенья на жертвенникѣ Агні. У насъ это слово, вслѣдствіе утраты сознанія о его значеньи, стало означать хмѣльную варенуху, тогда какъ такое значенье должно было-бы принадлежать саматѣ, по слову

б) *Матта* (486)—опьяняющій напитокъ; *Сâлі-матта, саламата*—рисовый хмѣльной ликеръ. Это слово поставлено у насъ на мѣсто перваго; въ Бѣлоруссіи впрочемъ *саламаха* удержала значенье кушанья.

Бирюкъ значитъ, на обл. симбирск. нарѣчіи, медвѣдь; въ другихъ областяхъ — звѣрь: *жить бирюкомъ* значитъ жить одиночкою, какъ медвѣдь въ берлогѣ: *Бíруку* (476), *бíрюкъ* — медвѣдь; пугливый, боязливый; лѣсъ. Всѣ значенья этого санскритск. слова идутъ примѣтами къ медвѣдю, въ восточной Европѣ исключительно лѣсному звѣрю, а что онъ пугливъ, это хорошо извѣстно охотникамъ. Древнее арійское имя медведя вполнѣ сохранилось такимъ образомъ въ симб. нарѣчіи, а между тѣмъ у Даля слово это — татарское. Статочное-ли дѣло, чтобъ лѣсная Русь научилась у кочевниковъ какъ называть роднаго ей звѣря, который въ степяхъ со-

всѣмъ не водится? Тутъ ясно, что Татары заняли это слово у Руси, а не наоборотъ.

Въ областномъ нарѣчіи у насъ сохранилось еще слово *маликъ*, означающее слѣдъ звѣря; у Даля оно также отмѣчено татарскимъ, тогда какъ оно синонимъ бирюка, слѣдъ древняго арійскаго слова *Маллу* (495)—медвѣдь.

Точно также оттискъ древняго арійскаго синонима сохранился въ архангельско-онежскомъ словѣ *аръ*—слѣдъ звѣря, *аритъ* — отыскивать звѣря по слѣдамъ; это — санскритское *Арха* 120, *архъ*, *аръ* — медвѣдь. Вожакъ русскаго медвѣдя ласкаетъ его порой названіемъ *архи*пъ, *архи*пушка.

Наша лѣтопись говоритъ о Святославѣ: „Изрѣзавъ конину-ли, звѣрину-ли или говядину, *на углехъ испекъ*, ядяше". О Половцахъ-же она свидѣтельствуетъ, что они были не только сыроядцами, но ѣли даже мертвечину. Батыевы Монголы въ этомъ отношеніи едва-ли стояли выше Половцевъ, мѣсто которыхъ они заняли въ степяхъ. Способъ походнаго приготовленія пищи Святославомъ указываетъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и на простѣйшую, внѣ обыкновеннаго порядка употребляемую, форму *очага*. Между тѣмъ слово это отмѣчено у Даля татарскимъ; но опять неизвѣстно, какихъ Татаръ: горныхъ, крымскихъ или иныхъ? Значеніе его однако-жъ объясняется вовсе не татарскими словами; это: *Аца* (82)—пища, *Ка* (132)—агонь: *Аца-ка*, *аца-къ*, *ача-гъ* — пищевой агонь, агонь для пищи.

Монголы, подъ именемъ Татаръ, завоевали, въ началѣ XIII вѣка, земли, гдѣ, передъ тѣмъ за два вѣка, была Казарская держава; тамъ, среди разныхъ племенныхъ элементовъ, было и населеніе арійское, преобладавшее въ культурномъ

отношеньи, и изъ языка его могло войти не мало словъ въ татарскую рѣчь. Такимъ же слѣдствіемъ могло отозваться и долговременное владычество Татаръ надъ Русью.

На томъ же археологическомъ съѣздѣ однимъ изъ присутствовавшихъ было высказано, что въ русскомъ языкѣ „самое слово *бусы* есть сокращеніе отъ арабскаго: *бисера*, *бюсера*, *бусура* [1]). Мы полагаемъ, что кочевой народъ Арабы, прежде появленія Магомета, не имѣли никакого вліянія ни на Европу, ни на Азію. Съ торжествомъ магометанства и соединеннаго съ нимъ завоеванія многихъ арійскихъ цивилизованныхъ странъ Азіи, Арабы должны были ввести въ свой языкъ много словъ, означающихъ неизвѣстные имъ предметы; а если слова эти были у нихъ до того времени, то конечно они заняли ихъ у болѣе образованныхъ народовъ, сосѣднихъ съ пустынею. „Персидская цивилизація, говоритъ Максъ Мюллеръ, начала оказывать вліяніе на арабовъ въ самомъ началѣ ихъ религіозныхъ и воинственныхъ побѣдъ, и хотя побѣжденные и обращенные въ новую вѣру Персіяне по необходимости приняли большое число религіозныхъ и политическихъ терминовъ арабскаго, т. е. семитскаго происхожденья, однако, по болѣе тщательному изслѣдованью многихъ персидскихъ словъ, перешедшихъ въ арабскій, кажется, что древняя арійская цивилизація Персіи, возстановленная Сассанидами, произвела сильное, хотя еще и не изслѣдованное дѣйствіе на первобытную кочевую жизнь Аравіи. Самъ Коранъ не свободенъ отъ персидскихъ выраженій...“ [2]). По этому Русь-славяне могли знать *бусы* и *бисеръ* гораздо

---

[1]) Труды 1-го арх. съѣзда, II, 707.

[1]) Лекціи по наукѣ о языкѣ, 1865, стр. 55.

раньше появленія Аравитянъ на историческомъ поприщѣ пропаганды ислама посредствомъ оружія. Бусы и бисеръ вовсе не арабскія слова, такъ какъ они находятся и имѣютъ свои корни въ санскритѣ. Наше слово *бусы* происходитъ отъ *Бусъ* (479) — украшать, наряжать, откуда *Буса* — украшеніе, у насъ — стекляныя или граненыя пронизи разнаго цвѣта.

Что касается до *бисера*, то оно есть санскритское *Баасара* [475], *бисъръ*—кристалъ; блестящій, сіяющій, отъ корня *басъ*—сіять, блистать:

Бралъ да своего-то сиза бурушка,
Кладывалъ онъ потнички на потнички,
Сѣдельшко *черкальсато*,
Двѣнадцать подпружекъ шелковыихъ,
Не ради красы, не ради *басы*,
Ради крѣпости багатырьскія [1]).

Словомъ *бисъръ* переведено у насъ греческое *маргарітіс* — жемчугъ, какъ видно изъ Саввиной книги, рукописи XI в.: „Ни полагаіте *бисъры* вашя прѣдъ свиніями" (Матѳ. 7: 6) [2]).

Отъ подобнаго навязыванья заимствованій изъ чужихъ языковъ, славянская филологія, въ своемъ настоящемъ направленіи, не въ состояніи защищать русь-славянскій языкъ. Уже ли она въ самомъ дѣлѣ думаетъ открыть чистый славянскій языкъ исправленіемъ орфографіи древнихъ писцовъ, подобно тому учителю, который исправляя, въ ученическихъ тетрадяхъ ошибки противъ условныхъ грамматическихъ правилъ правописанья, вообразилъ бы, что онъ создаетъ тѣмъ

---

[2]) Онежск. былины, стр. 177.
[1]) Срезневскій, Памятники юс. письма.

чистый русскій языкъ. Вотъ, напримѣръ, въ оригиналѣ рукописи Слова о полку Игоревѣ написано: *синія мълніи*, а въ подстрочныхъ примѣчаньяхъ христоматіи, о которой выше упомянуто, сдѣлана поправка: *синіи млъніи*; тамъ же *ищючи*: себѣ чьти, поправка: *ищюще*; *галици*, поправка: *галиця* и проч. Какая польза отъ подобнаго направленія? Не все-ли ровно доказывать, что *огнь* писать правильнѣе, чѣмъ *агонь*; *хорошо* правильнѣе, чѣмъ *харашо*? Для сужденія о правильности, нужно найти разумное основанье въ корняхъ и формахъ первоначальнаго языка, отъ которыхъ происходятъ слова, и памятники такого языка должны быть положительными данными, а не какимъ-либо воображаемымъ, идеальнымъ чистымъ языкомъ. Если строго держаться орфографическаго словопроизводства, то одинаково будетъ неправильнымъ писаніе и *мълнія* и *млънія*; самый же нормальный представитель первоначальнаго слова есть нынѣшнее русское *маланья* или, вѣрнѣе, *мъланья*, потому что основою ему послужили санскритскія слова:

Мілана (508) — мгновеніе, отъ *Міламі* — мигать глазами;

Ійа (320)—сверканіе, блескъ:

Мілана-йіа, *мълънь-йа*, *мъланъ-я* — мгновенный блескъ. Изъ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій слово это сохранилось въ одномъ только русскомъ языкѣ; замѣнено оно, въ сербск., словомъ *муња*, въ булгарск. — *свѣткавица*, въ чешск. — *блескъ*, въ польск. и малорус. — *блискавиця*. — Впечатлѣніе мгновеннаго лежитъ въ основѣ и санскритскаго названія молніи: *ханика* (195) есть гомонимъ, означающій: а) мгновенный, б) молнія.

Выше была приведена фраза: „ищючи себѣ *чьти*“: сла-

вянская филологія не въ состояніи объяснить, безъ помощи санскрита, ни этимологическаго происхожденія, ни первоначальнаго значенія такого, повидимому, немудраго слова, каково *чьть*. Корень его *Чі* (244) — насыпать, нагромождать; разжигать, распаливать; отсюда *Чітâ, чітî* (246), *чітъ, чьть*, означающее: а) насыпь, могила, холмъ; б] похоронный кастеръ; *чітйа* — памятникъ. Поэтому *чьті-ть* первоначально означало у насъ—насыпать могилу, вообще соблюсти вѣдійскій погребальный обрядъ надъ тѣмъ, кто палъ въ бою.

Нехай мене поховають украіньски козаки,
Сипте братя, сипте братя, высоку могилу.

Только этого желалъ воинъ, славу пре оставляя князю: „ищючи себѣ *чьти*, а князю славы". Нынѣшній глаголъ *почить*, въ смыслѣ „лишиться жизни", образовался изъ: *Патъ* (385)—дѣлаться владыкою, господиномъ, и *Чіті* (246), *чітъ*: *патъ-чіті*, *почить* — сдѣлаться владыкою могилы. Другой нашъ глаголъ *почивать*, въ смыслѣ „покоиться, лежать въ магилѣ, сложился изъ: *Патъ*, *Чі* (244) — насыпать и *Ва* (551) — жилище: *Патъ-чі-ва*, *па-чи-ва-ть* — „быть господиномъ насыпнаго жилища". Здѣсь корень *пâтъ* сохранилъ у насъ только передній слогъ *па*; но онъ вполнѣ удержался въ нашемъ же глаголѣ *пôтъ-чі-ва-ть*—предлагать яства и питья: ибо вѣдійскій обрядъ погребенья—насыпанье магилы и проч., сливался съ пиршествомъ, какъ поступила и Ольга, совершивъ тризну по Игорѣ. Предложенная пища при такомъ случаѣ называлась *яствою* — словомъ, въ основѣ котораго лежитъ а) крн. *Йазъ*, *іштa* (520) — приносить жертву, освящать жертвоприношеньемъ; отсюда санскр. *йâза* [524], означающее спеціально „варёный рисъ", донынѣ употребляе-

мый у насъ при поминовеньи покойниковъ, и вообще „пищу“; б) къ *йâза* у насъ прибавленъ суфиксъ *тга* [308], *тва* — ядение: *йâза-тга*, *ясъ-тва*—жертвенное пищеядение, въ первоначальномъ смыслѣ, а въ послѣдствіи—пища вообще. Все это вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ объясненьямъ словъ, относящихся къ погребальному чину, которыя мы выше привели въ настоящей книгѣ.

Другое значенье имѣетъ у насъ слово *честь*, *честить* — оказывать знаки уваженія, угожденія старшему: „Кому люба честь, тому бы въ передній уголъ сѣсть“; „Яко же братъ твой Изяславъ честилъ Вячеслава, тако и ты чести“. Оно произошло отъ крн. *Цаасъ* (645), *чаасъ* — повелѣвать, приказывать; управлять; *Цаасті*, *честь*—повелѣванье, начальствованье, управленіе, и перешло у насъ на тѣ внѣшніе знаки, которыми со стороны меньшихъ и подвластныхъ выражалось угожденіе, уваженіе, повиновеніе старшему, правителю. Къ такимъ знакамъ, въ древнѣйшую эпоху, принадлежали: дары, угощеніе пищею и питьями, сидѣніе въ переднемъ углу: „Не чести меня пивомъ-медомъ, почести меня зеленымъ виномъ“. Здѣсь *честь*, *честить* есть русская форма, обратившая въ гомонимъ санскр. слова: *Чашъ* (242), *часъ*— есть, пить; *'Та* (308) — дѣйствіе рта и зубовъ при употребленіи пищи: *Часъ-'та*, *чести-ть*, малорус. *часто*-вать — предлагать пищу и питье въ знакъ уваженья, уваженья. Отъ этого же корня произошли: санскр. *чаша-ка* (242) — сосудъ для питья; хмѣльной напитокъ вообще, и наше *чашъка*, *чаша*.

Вышеприведенныя разъясненія указываютъ, такъ сказать, на объективное значеніе чести; субъективное же, какъ сознаніе своего превосходства, достоинства, образовалось обра-

щеніемъ въ русскую форму, т. е. въ гомонимы, слѣдующихъ санскритскихъ реченій: а) *Чёшта*, *честь* — усиліе, рвеніе, дѣяніе, отъ крн. *Чёшть* (251); б) *Цаста* (641), *цесть*, *честь* — превосходство, первенство, достоинство, отъ крн. *Цансъ* (641)—указывать, дѣлать извѣстнымъ, знаемымъ; почему то лицо, которому должно было оказывать уваженіе, угожденіе, отличалось какими нибудь внѣшними знаками: вооруженіемъ, нарядомъ, драгоцѣнными украшеніями, выставлявшими его на видъ.

Какъ написать правильнѣе: *считать* или *щитать*? Это задѣваетъ вопросъ о буквѣ *щ*, которая, по мнѣнію Калайдовича и другихъ, образовалась изъ буквъ *ш* и *т* [1]). Нѣкоторые даже думаютъ, что въ идеальномъ, чистомъ славянскомъ языкѣ этой буквы не было; что тѣ рукописи древнѣе, въ которыхъ, вмѣсто *щ*, пишется *шт*. Но это — совершенное заблужденіе: въ санскритѣ есть много словъ, въ которыхъ участвуютъ совокупно буквы *шт*, и есть слова, въ которыхъ употребляется особая буква, совершенно соотвѣтствующая нашему звуку *щ*; напримѣръ: *Щâтâ* (253), *щôтъ* — сложенное число, сложеніе, сумма; отсюда нашъ глаголъ *щитать*. Также *Щупа*, *щупâмі* (255) — прикасаться къ чему руками, осязать, есть совершенный типъ нашего глагола *щупать*, *щупа* (255) — *щупанье*. Глаголъ *щеголять* образовался изъ слѣдующихъ составныхъ частей: *Щека* (256)— привычный къ городскимъ нравамъ, *Лâкгъ* (552) — наряжать, украшать: *Щека-лакгъ*, *щега-лять* — наряжаться по городскому. Это прямая противоположность городскихъ нравовъ деревенскимъ. Кстати, обратимъ слово къ нашимъ скиѳома-

[1]) Іоаннъ экз. Булг. стр. 104, пр. 54.

намъ. Когда наши предки, русь-славянскіе пары, прекратили приписываемое имъ скитальчество въ арбахъ, по нынѣшнимъ южно-русскимъ степямъ; то ходили-ль они въ Индію, чтобъ занять тамъ какъ идею, такъ и соотвѣтственное ей слово для отличія городскихъ нравовъ отъ деревенскихъ, горожанина отъ деревенщины?

Въ предисловіи къ Изборнику в. кн. Святослава, 1073 г., написано: *Бъч ла*, а мы пишемъ *пчела*. По орфографическому словопроизводству, первое начертаніе правильнѣе послѣдняго; оно образовалось изъ слова *'Ба* (496), *бъ*—пчела, къ которому присоединенъ эпитетъ *Чала*, совмѣщающій въ себѣ значеніе двухъ гомонимическихъ корней:

а) *Чаль, чала* (241, 242) — суетиться, хлопотать, сновать;

б) *Чаль* (242) — содержать, ухаживать: *'Ба-чала, бъчела*=суетливая пчела; содержимая, уходомъ лелѣемая пчела. Въ нашемъ словѣ эпитетъ слился съ опредѣляемымъ, и образовалъ вмѣстѣ съ нимъ одно нераздѣльное понятіе. По сродной славянскому слуху гармоніи, *бъ*, при сочетаніи съ звукомъ *ч*, уступило мѣсто мягкому *пъ* не только въ произношеніи, но и въ написаніи.

Какое начертаніе правильнѣе: „болярпнъ" или „бояринъ"? славянская филологія этото вопроса не разрѣшаетъ. Достовѣрно однако-жъ, смѣемъ думать, что онѣ оба правильны, отличаясь отъ своихъ первообразовъ только окающимъ говоромъ. Слова эти — сложныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ синонимы, представляющіе почетныя наименованія потомковъ тѣхъ древнихъ родоначальниковъ, названіе которыхъ *старі* будетъ объяснено нами ниже. Въ обоихъ словахъ вторыя по-

ловины одинаковы; а первыя, въ одномъ *балъ*—указываетъ на предметъ прямо, въ другомъ-же *ба*—означаетъ тотъ-же предметъ метафорически, и потому последняя форма есть древнѣйшая. Въ силу своего синонимическаго значенія, слова эти въ нашихъ историческихъ документахъ употреблялись безразлично. Такъ, напримѣръ: Въ предисловіи къ Изборнику Святослава, 1073 г., употреблена форма *болярипъ*; въ нашей первоначальной лѣтописи: ,,и бяста у него [Рюрика] 2 мужа, не племени его, но *бояриuа*"; также въ договорѣ Олега съ Греками: ,,Мы отъ рода руского, иже послани отъ Олга.... и его великихъ *боярь*"; но въ такомъ же договорѣ Игоря: ,,и вел. кн. Игорь и *боляре* его". — ,,Се слышавъ царь (Романъ) посла къ Игорю лучие *боляре*".

Вотъ значеніе обѣхъ формъ слова:

а) *Бáла* [464]—отрокъ, дитя; *Apí* [47]—домовладыка, родоначальникъ: *Бáла-арі, балъ-арь* — отрокъ, дитя родоначальника, домовладыки. Когда, вмѣсто нарицательнаго „арі", стояло собственное имя домовладыки; тогда рожденные отъ него, или усыновленные имъ, означались приставкою къ этому имени слова *жа, джа* [256] *жъ* — рожденный. При этомъ древнее русское слово *Бáла*, имѣющее своего потомка въ нашемъ глаголѣ *баловать*—нѣжить, холить, потакать,—передавалось иногда славянскимъ ,,отрокъ"; такъ, мы читаемъ въ лѣтописи: ,,отроцы Свѣнлъ-*жи* изодѣлися суть оружьемъ и порты". Вообще потомки знаменитыхъ родоначальниковъ стали впослѣдствіи называться „отроками": „Борисъ-же стояше съ *отрокы* своими"; [подъ 6524 г.] Въ это достоинство возводились впослѣдствіи и, такъ сказать, усыновлялись князьями даже и не болярскіе потомки; но такой знакъ княжеской

милости является уже новѣйшимъ учрежденіемъ. То же слово „бала“ передавалось другимъ славянскимъ „дѣтьскый“: „И устрѣтѣ и *дѣтьскый* его, и повѣда ему, глаголя: не ходи, княже, хотятъ тя яти“ [подъ 6605 г.]; въ Радзивиловскомъ спискѣ лѣтописи написано въ этомъ мѣстѣ „отрокъ“.

Здѣсь мы опять наблюдаемъ фактъ, замѣченный Константиномъ Багрянороднымъ въ двойственности древнихъ именъ Днѣпровскихъ пороговъ; тутъ мы видимъ русское слова *бала*, съ произведеннымъ отъ него глаголомъ *баловать* и славянскія: *отрокъ, дѣтскый.*

б) Идеѣ слова „балярь“ предшествовала метафора, составленная изъ рѣченій: *Ба* [469]—лучъ,

Ійа [520] — свѣтъ, блескъ, сіяніе, *Арі*: *Ба-іійа-арі, ба-й-арь*—лучъ свѣтлаго родоначальника, домовладыки, у котораго древнѣйшими эпитетами были: свѣтъ, солнце, сохранившимися донынѣ у русскаго народа.

Въ древнѣйшую эпоху, мѣсто умершаго родоначальника заступалъ старѣйшій, который уже самъ становился домовладыкою, что означалось приставкою: *Іна* [88], *інъ* — владыка, господинъ; солнце: *баль-арь-інъ*—„отрокъ-домовладыки—самъ-владыка“; *ба-ій-арь-інъ* — „лучъ-свѣтлаго-домовладыки-самъ-владыка“. Такъ этимъ титуломъ непрерывно поддерживалась память о первоначальномъ происхожденіи извѣстныхъ родовъ отъ знаменитаго предка, значеніе котораго въ последующихъ поколѣніяхъ возстановлялось старшимъ потомкомъ черезъ приставку слова *інъ*. Здѣсь кстати объяснить значеніе нашихъ отческихъ окончаній, которыя, присоединяясь къ собственному имени предка, означаютъ или его господство,

власть надъ предметомъ, надъ лицемъ; или происхожденіе, зависимость отъ поколѣнія, имя котораго отличено отческимъ окончаніемъ.

а) *Авъ* [51], *óвъ* — быть, состоять господиномъ предмета, овладѣвать имъ: *Рюрикъ-овъ*, *Олегъ-овъ*—предметъ, котораго владыкою состоитъ Рюрикъ, Олегъ. Новая приставка къ этому притяжательному: *вичъ*, есть синонимъ *Ба*, въ словѣ: *ба-ій-арінъ*; т. е., это — санскритское *Вічі* [611], *вічъ*—лучь свѣта, чтó метафорически означаетъ потомка, принадлежащаго къ извѣстному свѣту-родоначальнику: Рюрікъ-овъ-вичь, *Рюриковичи*—Рюрика владыки свѣтлые лучи, т. е. потомки. Приставка эта была въ нашей исторической древности титуломъ, ибо не всякій имѣлъ право писаться *вичемъ*.

б) *Іцъ* (92), *ічъ*—господствовать, имѣть власть; отсюда: *Іца*, *ічъ*—господинъ, владыка: *Свенальдъ-ічъ*—тотъ, надъ коимъ власть принадлежитъ Свенальду; *Радимъ-ічи*—тѣ, надъ коими власть принадлежитъ Радиму, или старшей линіи его потомства.

в) *Іна* (88), *інъ* — владыка, господинъ: *Никитъ-інъ* — состоящій подъ господствомъ Никиты; но какъ *Добрыня* рано лишился отца и вскормленъ дѣдомъ; то внучатное подвластное отношеніе выражено еще одною приставкою *ічъ*: *Никитъ-інъ-ічъ*. Поэтому Добрыня, въ однѣхъ былинахъ, правильно величается: *Никитиничъ;* а въ другихъ, объясненное обстоятельство упущено изъ виду, и его величаютъ *Никитъ-ічъ*.

Значеніе словъ: баляринъ, баяринъ и отческія окончанія свидѣтельствуютъ, что у русь-славянскаго народа аристо-

кратія по происхожденію, по крови, образовалась уже въ миѳическую эпоху, такъ какъ съ ними, какъ съ общеизвѣстными титулами, мы встрѣчаемся уже на первыхъ страницахъ нашей исторіи.

Вмѣстѣ съ кровною аристократіей возникала у насъ и аристократія богатства, какъ это видно изъ нашего разбора словъ „баринъ", „панъ". Возникновенію ея не мало способствовала страсть арійской расы къ азартной игрѣ, перемѣщавшей богатства изъ рукъ въ руки, и двоякій видъ аристократіи—по крови и богатству — есть явленіе, характеризующее не одни древнія русь-славянскія общины, но и другія европейскія арійскаго происхожденія. „Высшее сословіе, говоритъ Мэнъ, образовалось различными путями; но главнымъ источникомъ его служило, повидимому, уваженіе односельцевъ или группы родственниковъ къ какой-либо линіи, въ которой, по общему убѣжденію, кровь, послужившая связью маленькому обществу, сохранялась въ наиболѣе чистомъ видѣ.—Первичное понятіе о начальнической власти очевидно имѣетъ своимъ источникомъ чистоту и благородство крови; но на богатство смотрѣли, какъ на необходимую принадлежность знатнаго происхожденія, и тотъ, кто дѣлался богатымъ (у насъ баринъ, панъ), постепенно возвышался до положенія, совершенно совпадавшаго съ такимъ, какое занималъ бы, если бы принадлежалъ къ знатному роду" [1]).

Два типа этой аристократіи представляются намъ въ нашихъ былинахъ о Дюкѣ Степановичѣ и Садкѣ:

---

[1]) Древнѣйшая исторія учрежденій, Спб. 1876, стр. 106, 109.

Вознесся Сатекъ работничекъ,
Вознесся с *славою,*
Приписалъ себя въ купцы богатыи...

Построилъ онъ палаты бѣлокаменны, всѣмъ ихъ изукрасилъ, задавалъ почестные пиры, и содержалъ при себѣ дружину, какъ какой-нибудь баяринъ Свѣнельдъ:

Ай воспроговорилъ Садке купецъ богатый новгородскіій
Ай ко своей онъ дружинушки хоробрыи:
Ай же ты дружинушка хоробрая!
А й какъ сколько ни по морю ѣздили,
А мы Морскому Царю дани да не плачивали...[1]).

Садко работникъ. Корень *Рабъ, Раᵇе* (534) — браться за что-либо руками, добывать руками; *'Та* (308) — яденіе, пропитаніе, кормленіе: *Раᵇа́-'та, рабо́-та*—руками добываемое кормленіе.

Ніка (т) (360), *нікъ* —родичъ: *Рабо-тъ-нікъ* — руками добывающій пропитаніе родичъ. Слово это служитъ подтвержденьемъ, что у Русь-славянскаго народа первоначальный родъ состоялъ изъ владыкъ, свободныхъ отъ работы, каковыми были домовладыки съ сыновьями отъ водимыхъ, и *обжей,* работниковъ отъ наложницъ для занятій ручными производствами.

Въ дальнѣйшемъ развитіи рода, въ классъ работниковъ стали поступать и не родичи, а всякіе обѣднѣвшіе люди, искавшіе за пропитаніе занятій для своихъ рукъ. Это отмѣчено особеннымъ терминомъ *работничекъ,* который первоначально вовсе не былъ грамматическою уменьшительною формою слова „работникъ", а составлялъ самостоятельное

[1]) Онежск. был., №№ 2 и 70, стр. 11 и 392.

рѣченіе: *Ніча*, *нічáка*, (377), *нічóкъ*, эпитетъ, прилагавшійся къ низкому состоянію, званію: *Рабо-тъ-нічокъ* — „руками добивающій пропитаніе низкаго званія человѣкъ“. Въ отличіе отъ наемнаго работника, *Рабъ*, по смыслу корня, значилъ „взятый въ руки“, т. е. вполнѣ зависѣвшій отъ воли господина, какъ орудіе въ его рукахъ.

По сродству звуковъ *р* и *л*, корень *Лабъ* (550) первоначально значилъ то же самое, что и *Рабъ*; отсюда латинское *lab-or* — работа; здѣсь *or* есть, кажется, видоизмѣненное санскритское *ірâ* — земля, и потому labor значило вначалѣ „руками воздѣлываемая земля“. Впослѣдствіи названные корни получили отвлеченное значеніе — вообще пріобрѣтать, добывать, почему санскритское *Лабійа* означаетъ все пріобрѣтаемое, добываемое.

Славянская филологія становится въ тупикѣ передъ многими темными мѣстами въ древнихъ рукописяхъ, и тѣмъ самымъ доказываетъ всю научную безплодность своего современнаго направленія. Въ подтвержденіе сказаннаго, приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ Охридской книгѣ апостольскихъ чтеній, рукописи XI в., въ которой встрѣчается также нѣсколько строкъ, написанныхъ глагольскими буквами, читаемъ:

„Въ оны дни поимъше Аѳинѣне Павла, на *Арієвъ ледъ вѣсѫ*, глаголюще“... „Ставъ же Павелъ посредѣ *Арієва леда*, рече“...[1]).

Въ нынѣшнемъ текстѣ: „Поемше же его, *ведоша на Ареопагъ*, глаголюще“... „Ставъ же Павелъ посредѣ Ареопага, рече“.... (Дѣян. 17: 19, 22).

[1]) Др. слав. памятники юсов. письма, стр. 273.

Имя Ареопага, знаменитаго аѳинскаго судилища, толкуется такъ: *Аріс* — Марсъ, богъ войны, *пагос* — холмъ: Марсовъ или Аріевъ холмъ. Въ древнемъ русскомъ текстѣ имя это было передано однимъ словомъ: *Лёдъ*, составъ котораго есть слѣдующій: *Ла* (548)—Индра, арійскій богъ войны, соотвѣтствующій Марсу, Арію[1]); *Да* (308); — гора, холмъ: *Ла́-да, лё-дъ*—Индринъ холмъ.

Думая сдѣлать это имя болѣе понятнымъ, или и сами не понимая его, византійско-булгарскіе книжники приставили къ нему греческій эпитетъ *Аріевъ*, уже выраженный словомъ *Ла, Лё*—Индра. Но это только затемнило настоящій смыслъ древняго русскаго переводнаго имени *Лёдъ*; потому что тогда эпитетъ Аріевъ сталъ соотвѣтствовать греческому *Арео*; а *пагос*, кромѣ холма, означаетъ еще и ледъ, замороженную воду. И вотъ какъ образовалось это удивительное имя *Аріевъ ледъ*!

Что касается до слова *вѣсунъ*—ведоша, то оно произведено отъ формы *вѣсайiами*, корня *вiи* (610), также *вiизъ* (611), *вѣзъ*—вести и вѣзти.

Въ той-же Охридской книгѣ: „Раба стера, имущи духъ *пѫтескъ*, срѣте ны“.... Въ нынѣшнемъ текстѣ: „Откровица нѣкая, имущая *духъ пытливъ*“.... [Дѣян. 16: 16]. Въ древнѣйшихъ греческихъ манускриптахъ: *духъ чревовѣщательный*; но въ манускриптѣ VI в. [2]) и послѣдующихъ, какъ и въ нынѣшнемъ греческомъ: „духъ *пиѳона*“ — змѣи, родившейся изъ гніенія, и сообщавшей даръ предсказанія. Корень этого

---

1) Em. Burnouf, Essai sur le Vêda, p. 134.

2) Les Livres du Nouv. Test., Alb. Rilliet. P. 1859.

слова *πύθω*—гнить. Сообразно греческому словопроизводству, духъ *путекъ* произведено отъ *пута*—сгнившій, корня *Пуйй* (420)—гнить. По греческой миѳологіи, *пиѳонъ* убитъ Аполлономъ; а по вѣдійской—*Путана* (420), злой духъ женскаго пола, убитъ Крішною.

Въ Саввиной книгѣ, рукописи XI в.: „Блюдите не *родите* единому сихъ малыхъ, глаголю бо вамъ"....[1]). Въ нынѣшнемъ церковносл. текстѣ: „Блюдите, да не *презрите* единого отъ малыхъ сихъ"... (Матѳ. 10: 18). Ни въ одномъ изъ нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій нѣтъ глагола не *родите* въ значеніи не *презрите*. Это — древній русскій глаголъ, происходящій отъ *Рôдъ*, *рôдамі* (546), *родить* — презирать, пренебрегать.

Приведенные нами примѣры ясно доказываютъ, что славянская филологія, безъ изученія санскритскаго языка и безъ провѣрки имъ славянскихъ нарѣчій, безсильна въ наукѣ и безплодна для нея; съ другой стороны, помимо доводовъ въ послѣдующихъ отдѣлахъ настоящаго труда, эти же самые примѣры обнаруживаютъ, что, задолго до рожденія славянскихъ апостоловъ IX вѣка, уже существовалъ на древнемъ русскомъ, священномъ языкѣ переводъ евангелія. Еще до принятія вел. кн. Владиміромъ христіанства, многочисленная Русь имѣла уже духовную евангельскую пищу на своемъ языкѣ, — та Русь, о которой, по поводу утвержденія Игоремъ договора съ Греками, въ 945 г., наша первоначальная лѣтопись замѣчаетъ: „а хрестеаную *Русь* водиша ротѣ въ церкви св. Ильи.... мнози бо бѣша *Варязи* хрестеани".

---

[1]) Памятники юсов. письма, стр. 8.

Послѣ этого понятно, что Русь и Варяги, языкъ русскій и варяжскій, языкъ русскій и славянскій—тожественныя реченія, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ можно назвать тожественными нынѣшній живой русскій языкъ и церковно-славянскій: ибо древній русскій или варяжскій языкъ былъ у русь-славянскаго народа языкомъ вѣдійской религіи, языкомъ книжниковъ и баяновъ, языкомъ письменныхъ актовъ, каковы, напримѣръ, договоры нашихъ первыхъ князей съ Греками, которые переведены въ нашей первоначальной лѣтописи на тогдашній современный письменный языкъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ анализъ этихъ договоровъ и нѣсколько древнихъ словъ, непонятыхъ переводчиками; въ этомъ убѣждаетъ насъ Слово о полку Игоревѣ, списатель котораго передалъ, не всегда впрочемъ вѣрно, много словъ изъ былинъ древнихъ баяновъ. Болѣе же всего убѣждаютъ насъ въ существованьи древняго офиціальнаго русскаго языка, (нѣкогда въ живой рѣчи употреблявшагося, какъ свидѣтельствуютъ древнія имена Днѣпровскихъ пароговъ), отрывки писанныхъ кирилицею памятниковъ этого языка, или санскрита въ русскомъ видоизмѣненіи, или, скажемъ еще рѣшительнѣе, русскаго санскритскаго нарѣчія. Памятники, которыя мы ниже приводимъ, свидѣтельствуютъ, что и послѣ введенія на Руси христіанской вѣры, еще были знатоки древняго русскаго или варяжскаго языка, который, послѣ принятія Владиміромъ св. крещенія, навсегда пересталъ быть языкомъ религіи, языкомъ книжнымъ и офиціальнымъ. Этими знатоками оставались волхвы (чернокнижники), пѣвцы, но въ особенности *діаки*—имя, которое донынѣ не объяснено удовлетворительно изъ существующихъ славянскихъ нарѣчій: оно—завѣтъ дохристіанскаго

періода Руси, потому что слово это образовано изъ санскритскихъ корней:

Ді (364)—разумъ; выраженіе мысли,

Акхъ (6)—искать; *акха*—веденіе суднаго дѣла:

Ді-акха, дї-якъ—искатель выраженія мысли, излагатель судоговоренія. Въ надписи на полномъ спискѣ библіи, 1499 г., принадлежащемъ св. Синоду, между прочимъ сказано: „а *дїаки*, кои писали, се ихъ суть имена“... [1]). По другимъ корнямъ, слово это имѣло болѣе широкое значеніе; въ сербскомъ евангеліи XII вѣка находится слѣдующая приписка: „Азъ грѣшны Григорие *дийакъ* недостоины нарещисе *дийакъ*, заставихъ сийе евангелие златомъ“ [2]). Изъ этого видно, что съ словомъ *дьякъ* связывалось высокое понятіе о предметѣ, какъ это показываетъ составъ слова:

Дійаі, дійами (249)—думать, смышлять соображать:

Ка (132)—искусный, смышленный человѣкъ:

Дійа-ка, дийа-къ—смышленный, думный, искусный человѣкъ; дѣлецъ, мастеръ; стряпчій [3]).

Упомянутые письменные памятники, съ одной стороны, завершаютъ всѣ, доселѣ произведенныя нами развѣдки, удостовѣряя читателей въ ихъ исторической основѣ и расчищая путь къ ихъ дальнѣйшему продолженію; а съ другой — указываютъ древній фундаментъ, на которомъ должно быть возведено зданіе исторіи Русь-славянскаго народа, какъ выраженіе его самознанія и призванія въ судьбахъ народовъ, — зданіе, по очеркамъ котораго уже теперь можно заключить, что вся древнѣйшая русская исторія должна быть съизнова

---

[1]) Іоаннъ, экз. Булг.

[2]) Срезневскій, Свѣдѣнія о малоизв. и неизв. памятн., стр. 137.

[3]) См. въ концѣ книги прибавл. къ этой стр.

переработана по новому плану, и прежде всего должна быть вычеркнута пресловутая эпоха „начешу Михаилу царствовати.“

Памятники, о которыхъ мы высказались, дойдя до насъ быть можетъ черезъ списыванье съ такихъ же памятниковъ, или по изустной заучкѣ писавшаго, конечно не могутъ быть вѣрными копіями оригиналовъ; но не взирая на искаженія, въ словахъ сохранились первоначальные типы на столько ясно, что объясненіе ихъ становится возможнымъ. Мы представимъ теперь важнѣйшіе изъ памятниковъ, которые намъ удалось собрать изъ доступныхъ въ нашемъ положеніи источниковъ

А. Существуетъ рукопись, относящаяся, по мнѣнію Востокова, къ XIII в., а по мнѣнью другихъ ученыхъ, написанье ея послѣдовало гораздо раньше. Она извѣстна подъ названіемъ *Норовской Псалтыри*. Къ замѣчательнымъ особенностямъ ея принадлежитъ употребленіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ буквы *т* вмѣсто *ч*: *истезохомъ* вм *исчезохомъ*; также *сфѣтъ* вм. *свѣтъ* [1]). Причины этого явленія легко объяснить; но считаемъ не умѣстнымъ повести здѣсь рѣчь объ этомъ. На первомъ листкѣ этой рукописи, говоритъ Срезневскій, замѣчательны, между разными приписками, „двѣнадцать словъ на неизвѣстномъ языкѣ, вѣроятно, названія мѣсяцевъ“ [2]). При современномъ состояніи лингвистики, не приходится, по нашему мнѣнью, отзываться неизвѣстностію языка. Безъ сомнѣнія, 12 словъ прежде всего могли наводить на мысль о 12 мѣсяцахъ, и ихъ написаніе, пожалуй хоть для забавы,

[1]) Срав. на стр. 47, о *ф* и *в* въ имени Сфенгъ.

[2]) Др. Слав. памятники юсов. письма. Сборникъ статей Ак. Н., т. III., 1868 г.

нелязя признать не подходящимъ къ важному содержанію такой сподручной книги, какъ псалтырь; но для чего было бы записывать названіе мѣсяцевъ на такомъ языкѣ, который никому не былъ извѣстенъ? Между тѣмъ, послѣ внимательной переборки этой приписки, оказывается, что она вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру и содержанію книги: это—импровизація на псаломскіе стихи, написанная карилицею и словами древняго русскаго языка или санскрита въ его русскомъ видоизмѣненьи. Въ слѣдующемъ разборѣ, въ которомъ мы не касаемся деклинаціонныхъ окончаній, за правильность которыхъ нельзя ручаться, подъ цифрою 1, у насъ выписаны подлинныя слова, какъ они напечатаны Срезневскимъ; за тѣмъ, подъ 2, объясненіе этимологическаго значенія словъ, и наконецъ подъ 3—вытекающій изъ разбора смыслъ рѣчи.

1. Равасъ теларивъ.

2. а) *Равімі, ру* (542) — звучать, воспѣвать; б) *Тала* (289)—рука на струнахъ киѳара, гуслей или другаго музыкальнаго орудія; *Рівъ* (542)—положить на что: *Тала-рівъ*—положить руку на струны гуслей.

3. Воспой, положивши руку на струны гуслей!

1. *Реаѳамъ.*

2. *Ревѐ* [545]—прыскать; волноваться, *Фѣна* или *пфена* [450]—пѣна: *Реа-ѳамъ=ревѐ-фѣнъ*:

3. Пѣнисто волнуйся!

1. *Ира арѳа.*

2. *Іраіййамі* [92] — произносить, возвѣщать, *Артга*, [48], обращенное въ *арѳа*—судъ:

3. Возвѣсти судъ!

1. *Аларөа никанъ гарду гардамъ.*

2. а) *Ала* (80)—пространный, всеобъемлющій; *Арпіта* [49]—вышній, возвышенный: Ала-арпіта, ала-арфа—всевышній.

б) *Ні* [360]—сверху внизъ; *'Канъ* [202] — зарывать, харанить: Ні-канъ—схаранить.

в) *Гардъ* [756]—сердце: Ніканâмі гарду — схоронить въ сердцѣ; г) *Гâрда* [752]—любовь.

3. Всевышній схоронитъ въ сердцѣ любовь:

1. *Девê кустеринâ.*

2. а) *Дêва* [329]—богъ; б) *Кусъ* [175]—возсіять, *Таруньâ* [286]—дѣва: Кусъ-таруньâ=кустеринâ.

3. Богъ возсіяетъ изъ дѣвы,

1. *Тайлегера.*

2. *Таіӥ* [286]—спасать, *Лêга* [556]—пища, *Pâ* [537] —даятель:

Тай-лега-ра=тайлегера:

3. Спасетъ пищедаятеля.

Итакъ смыслъ таинственной приписки есть слѣдующій: Воспой, положивши руку на струны гуслей! Пѣнисто волнуйся! Возвѣсти судъ! Всевышній схоронитъ въ сердцѣ любовь: Богъ возсіяетъ изъ дѣвы. Онъ спасетъ пищедаятеля [милостиваго].

Б. Въ той же псалтыри записана молитва или заклинанье надъ ужаленнымъ змѣею: это опять слова древняго русскаго языкѣ, значеніе которыхъ мы разберемъ по вышеприведенному образцу:

1. *Иіс. Хрс. сарандара, марандара.*

2. а) *Сара* (699)—змѣя: ящеръ, игуана, хамелеонъ; б) *Дару* (317)—губитель, разсѣкатель;

а) *Марана* (493), *маранъ* — смерть, б) *Дару*: Сарандару, маранъ-дару:

3. Іис. Хрс. змієгубитель, смертигубитель;

1. *Рωхъ сетеусъ.*

2. а) *Рâхъ, раахê* (531) — сохранить, спасти; б) *Сî*, декл. *сêтê* (649)—лежать, быть простертымъ, *Усцъ* (119)—болѣть: *Сêтê-усцъ*—простертый больной:

3. Спаси простертаго больнаго!

1. *Хаса ульты, сетидаръ ульты.*

2. *Кхасъ* (204) — поражать, убивать; *Улута* [116], *ульта*—змѣй боа;

а) *Сатъ* (635)—растерзать,

б) *Дару* [317]—губитель:

3. Порази боа, растерзатель-губитель — боа!

1. *Апостолъ Павелъ рахасъ.*

2. *Рахъ* [531]—спасать:

3. Апостолъ Павелъ! спаси;

1. *Петръ саатасъ аспида, угасъ василиско*:

2. а) *Сатъ* [635]—растерзать, *Аспидъ*—греческое названіе змѣи:

б) *Угъ, угâмі* [118]—поражать; *Василиско* — греческое названіе змѣи:

Петръ! растерзай аспида, порази василиска:

Дегенъ!

Дéгі [331] повел. накл. отъ *дá*: даруй:

3. Даруйте!

1. *Христосъ деръти. амин. амин.*

2. *Деръ*, прич. *дерта* (328)—прославлять, поклоняться:

3. Христосъ прославляемый: аминь, аминь.

Іис. Хрс. зміегубитель, смертигубитель! Спаси простертаго больнаго! Порази боа, растерзатель-губитель — боа! Апостолъ Павелъ, спаси! — Петръ! растерзай аспида, порази василиска: даруйте! Христосъ прославляемый: аминь, аминь.

В. Составители нашей первоначальной лѣтописи, сознавая великую для Руси важность водяныхъ сообщеній, подробно описали путь по Днѣпру изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ въ Варяги. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не забыли также упомянуть и о другихъ водяныхъ путяхъ, между прочимъ о томъ, что „изъ Руси можеть ити.... по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима.“

Такимъ образомъ р. Двина съ древнѣйшей эпохи входила въ систему дѣятельнаго русскаго водянаго движенья, и поэтому историческіе памятники, открываемые, по ея теченью, заслуживаютъ полнаго вниманья.

На стр. LXXIII I тома „Трудовъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ“, сообщается свѣдѣніе о четырехъ камняхъ съ начертаніями и надписями, лежащихъ по теченью Двины, между Полоцкимъ и устьемъ рѣчки Повянушки. Съ перваго взгляда можно замѣтить характеристическое отличіе четвертаго камня отъ трехъ предъидущихъ: На немъ высѣченъ четырехконечный крестъ съ кольцомъ въ основаніи, съ

расширенными концами вершины и поперечины или перекладины; изъ трехъ прочихъ камней, на двухъ стоитъ на каждомъ крестъ на возвышеніи въ родѣ амвона, а на третьемъ— шестиконечный, какъ бы на горѣ, съ кружкомъ у основанія, вѣроятно головою Адама. На четвертомъ, по сторонамъ креста, нѣтъ надписи: Іс. Хр. ніка, которая находится на трехъ прочихъ. На немъ только короткая надпись: *СУЛИ БОРЪ ХРЪ СТЪ*; а на прочихъ: „Господи помози рабу своему Борису“, что написано буквами на первомъ и третьемъ рѣзко отличными отъ буквъ четвертаго; буквы же на 3-мъ камнѣ представляютъ неудачное подраженіе 4-му, и неудача эта особенно замѣтна въ начертаніи буквы *у*. Характеристическимъ признакомъ древности надписи на 4-мъ камнѣ служатъ, въ особенности, угловатыя начертанія буквъ *б*, *р*, *ъ*, и изъ нихъ *р* совершенно не имѣетъ себѣ образца въ атласѣ, приложенномъ къ Трудамъ 1-го археологическаго съѣзда, гдѣ помѣщены снимки съ греческихъ и славянскихъ памятниковъ и рукописей, начиная съ VII в.

№ 4.

СУЛИ ХРЪ
БОРЪ СТЪ

Четвертый камень едва показывался изъ воды въ 1820 и 1858 г.; а то постоянно бываетъ подъ водою. Но безъ всякаго сомнѣнія въ то время, когда на немъ высѣкались изображеніе и надпись, онъ стоялъ надъ водою. Всегдашнее нахожденіе его теперь подъ водою происходитъ, вѣроятно, либо отъ наполненія русла иломъ, черезъ что послѣдовало возвышеніе воды, либо отъ уклоненія теченія рѣки: это можно рѣшить только внимательнымъ топографическимъ изслѣдованьемъ.

Три прочихъ камня были только слѣпымъ подраженіемъ

4-му. Прочли на этомъ камнѣ слово: *боръ*; приняли его за памятникъ какому-то древнему, неизвѣстному Борису, и въ подражаніе, повысѣкали на нѣсколькихъ камняхъ надписи въ память историческому Борису, вѣроятно князю Полоцкому, жившему во второй половинѣ XII в.—Нынѣ гг. Кусцинскій и Шмидтъ также приняли слово *боръ* за имя *Бориса*, и, по ихъ мнѣнію, надпись на 4-мъ камнѣ означаетъ: „Сильный, храбрый Борисъ святъ". Если этотъ камень представляется памятникомъ, воздвигнутымъ при жизни Бориса; то очень сомнительно, чтобъ онъ дозволилъ назвать себя святымъ. Если же онъ воздвигнутъ потомствомъ; то въ числѣ святыхъ Россійской Церкви, сколько намъ извѣстно, нѣтъ Бориса, князя Полоцкаго. Во всякомъ случаѣ, какая бы была цѣль ставить князю памятникъ въ водѣ или у воды?

По отсутствіи на 4-мъ камнѣ обычной у креста надписи: „Іис. Хрс. ника", мы не причисляемъ его къ христіанскимъ памятникамъ Руси. Въ изсѣченномъ крестѣ съ кольцомъ можно видѣть одну изъ древнѣйшихъ формъ рѣчнаго якоря. Самая надпись, состоящая изъ словъ древняго русскаго языка, не имѣетъ никакого отношенія къ религіи; а указываетъ только практическое назначеніе камня въ періоды половодья. Слова *сули баръ хръ стъ* имѣютъ слѣдующій этимологическій смыслъ:

Саа [706], вслѣдствіе ударенія, *су*, означаетъ: *сей*, этотъ;

Лі҇къ [553] — насѣкать, нарѣзать; чертить; писать. Отсюда *лі҇ка*, сокращенное на камнѣ въ *лгі* или *ли* — надпись, насѣчка, начертаніе;

Брг (466, 615)—подыматься, повышаться: *бáргъ*, у насъ, вслѣдствіе ударенія, *бóръ*—повышеніе;

Хара (196), *хъръ*, *хръ*—вода;

Сатъ отъ *асъ* (672), *сътъ*, *стъ*—бываетъ:

То есть: „(По) сіе начертаніе возвышеніе воды бываетъ“.

Въ русскомъ языкѣ сохранилось слово, представляющее замѣчательный памятникъ очень глубокой древности. Слово это — *тарабаръ*, означающее: краснобай, говорунъ, откуда *тарабары* — росказни, красныя словца, *тарабарить* — бесѣдовать, болтать. Оно составилось изъ двухъ санскритскихъ словъ:

Тара (286)—дорога, проходъ; *'Барата* (474), *баръть*, *баръ* — пѣвецъ; поэтъ; у Галловъ и Бретонцевъ — *бардъ*: *Тара-бартъ*, *тара-баръ*—дорожный, прохожій, странствующій пѣвецъ, поэтъ. Выше видѣли мы изъ пѣсни, что Добрыня, для того, чтобъ показаться на свадьбѣ, въ бѣлокаменныхъ палатахъ Владиміра, баромъ или бартомъ съ гуслями, долженъ былъ нарядиться *каликою*, т. е. странствующимъ пѣвцомъ-музыкантомъ.

Въ вѣдійскую эпоху, *'бараты*, *баръты*, *бары* были сперва творцами гимновъ: а потомъ, въ особенности, эпическихъ пѣсенъ, по нашему *былинъ*, требовавшихъ строгаго стихотворнаго размѣра, *слога* (663) [1]. Эти пѣвцы-поэты водились на Руси и записывали свои пѣсни, былины, какъ это ясно доказывается самимъ выраженьемъ народа: *тарабарская грамата*. Съ распространеньемъ, чрезъ посредство Церкви, уставнаго, четкаго почерка кирилицы, названіе „тарабарская грамата“ получило общій смыслъ темныхъ, неразборчивыхъ, непонятныхъ письменъ. Списатель Слова о полку Игоревѣ

[1]) Em Burnouf, Essais sur le Veda, p. 106.

навѣрное, имѣлъ передъ глазами одну или нѣсколько изъ писанныхъ тарабарскихъ былинъ; потому что его поэма, какъ мы уже замѣтили, очевидно распадается на двѣ части, изъ каторыхъ одна содержитъ, такъ сказать, древній фонъ: общія поэтическія картины, миѳическія и стародавнія преданія; а другая — современныя пѣвцу событія, которыя онъ рисуетъ на этомъ фонѣ. Слова древнихъ русскихъ барътовъ, баровъ, баяновъ онъ передаетъ современнымъ ему языкомъ, быть можетъ не всегда понимая настоящій смыслъ древнихъ пѣсенъ и рѣчей.

Вотъ, напримѣръ, рѣчь, древнія слова которой принадлежатъ къ группѣ тѣхъ, каторыя находятся въ разобранной нами припискѣ Норовской псалтыри, и изъ каторыхъ также образовались древнія русскія имена Днѣпровскихъ пароговъ:

„*Спалъ князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи* искусити Дону великаго: „хощу бо, рече, копіе приломити конець поля половецкаго; съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону“[1]).

Нельзя отвергать того, что въ дошедшемъ до насъ спискѣ „Слова“ есть ошибки, каторыя надѣлалъ или самъ писецъ, или онѣ уже находились въ томъ спискѣ, съ катораго онъ переписывалъ. Поэтому, прежде объясненія предложенной рѣчи, мы признаемъ нужнымъ, для уразумѣнія смысла ея, сдѣлать въ ней слѣдующую небольшую перестановку словъ: „Спалъ князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи; рече бо: хощу искусити Дону великаго, копіе преломити“ и т. д.

---

[1]) По изданію Тихонравова, М. 1868.

Походъ Игоря на Половцевъ былъ предпринятъ въ 1185 г.; начало его ознаменовалось солнечнымъ затмѣніемъ, о которомъ наша лѣтопись, по Лаврентьевскому списку, говоритъ: „и въ солньци учинися яко *мѣсяць*", а по Ипатьевскому — „Игорь, возьзрѣвъ на небо, видѣ солньце стояще яко *мѣсяць*". По вѣдійскимъ вѣрованьямъ, слѣды которыхъ разсѣяны въ „Словѣ", отголоскѣ пѣсней древнихъ баяновъ, первый день полнолуннаго и новолуннаго полумѣсячія былъ праздничнымъ днемъ, благопріятнымъ для жертвоприношеній, низводящихъ милости боговъ и счастіе. „Достойными похвалами призываю достопоклоняемый полный мѣсяцъ, податель счастія, да услышитъ онъ насъ и самъ-собою да пойметъ наше намѣреніе"[1]). Игорю солнце показалось полнымъ мѣсяцемъ, благопріятствующимъ его предпріятію. Послѣ этого мы полагаемъ, что нашъ разборъ предложенной рѣчи не представится противорѣчащимъ тѣмъ поэтическимъ частностямъ, каторыми обставленъ предметъ Слова:

1. „Спалъ" отъ корня *Спандъ* (739), часто смѣшиваемаго съ *Сйандъ*, — разливаться; дрожать; мерцать, говоря о свѣтѣ;

2. *Умâ* (115), *умъ*—свѣтъ;

3. *Пахатî* (382), *пóхать* — первый день полнолуннаго полумѣсячія;

4. *Жâла* (266) — обаянье, морока; призракъ, мечта, очарованье,

Стâйинъ [736] —постоянный, неотступный, безотвязный, непрерывный:

---

[1]) Rig-Veda, ed. Migne, p. 136, S. X, 4.

Жала-стайінъ, жа-ласть — неотступная мечта, безотвязный призракъ.

Итакъ смыслъ выписанной нами рѣчи таковъ:

„Замерцалъ князю свѣтъ полнолуннаго перводенья, и безотвязный призракъ (мѣсяцъ) заслонилъ ему знаменье; ибо онъ сказалъ: хочу отвѣдать Дона великаго, преломить копье на концѣ половецкой степи; съ вами, Русичи, хочу положить свою голову, или шлемомъ испить Дону".

Позволяемъ себѣ привесть въ примѣръ еще нѣсколько выдержекъ изъ нашего неоконченнаго труда по разбору „Слова", въ поясненіе того, какъ авторъ его пользовался „старыми словесы" пѣсней древнихъ баяновъ;

1. „Суть бо у васъ желѣзныи *папорзи* подъ шеломы *латинскыми*: тѣми *тресну* земля и многы страны.... и Половцы главы своя подклониша подъ *тыи* мечи харалужныи".

Глаголъ *тресну* Тихонравовъ толкуетъ: зазвучала, загремѣла земля; а Буслаевъ — потряслась земля. Глаголомъ этимъ выражается дѣйствіе, происшедшее отъ „папорзи", и слово это Тихонравовъ объясняетъ: верхняя часть брони, надѣваемая *на персы* или на грудь, вслѣдствіе чего измышляется слово *па-персы*. Въ такомъ случаѣ, какъ же допустить, чтобъ земля загудѣла, зазвучала, затряслась отъ верхней части брони, надѣваемой на грудь, и какой смыслъ будетъ имѣть указательное или относительное мѣстоимѣніе *тыи*, стоящее при „мечи харужныи"? Ясно, что *тыи* относится къ предъидущему слову, и именно къ *папорзи*, которое объясняется синонимически словами „мечи харалужныи". Поэтому вышеприведенное истолкованіе „папорзи"—не вѣрно. Это—древнее русское слово, совершенно забытое, вышедшее изъ употребленія; оно—сложное изъ *па-пара-зі*:

Па (382), въ соединеніи съ другими словами, значитъ: властительный, державный;

Пара-зі, изъ котораго образовалось санскритское *Паранъза* (389), значитъ—мечъ.

Па-паразі, *па-порзі*—державные мечи.

Тогда относительное мѣстоимѣніе *тыи* получаетъ свое полное значенье, и отъ державныхъ харалужныхъ мечей земля дѣйствителпно могла потрястись или загудѣть.

Въ выраженіи: „шеломы *латиньскыи*", эпитетъ есть искаженіе древняго слова, котораго или самъ слагатель „Слова" не понялъ въ былинахъ баяновъ, или которое переписщикъ поэмы переиначилъ по своему разумѣнію. „Латиньскы", по нашему мнѣнію, есть передѣлка реченія *ламъскы*, отъ *Лала̂ма* (551)—грива, квостъ, гребень, которыми украшались шлемы: гривчатые, хвостатые, гребенные шлемы.

Глаголъ *тресну* происходитъ отъ корня *Трасъ, траса̂мі* (302)—*трястися*, дрожать; устрашать, пугать.

Итакъ смыслъ приведеннаго мѣста будетъ таковъ: Суть бо у васъ желѣзные державные мечи, подъ гривчатыми шлемами: тѣми была устрашена или потрясена земля, и. т. д.

2. По образцу „латинскы", намъ представляется еще примѣръ обращенія прилагательнаго качественнаго въ другое созвучное, произведенное отъ собственнаго имени Ляхъ: въ иныхъ рукописяхъ оно писалось „ляцкы", а въ иныхъ „лядьскы": „Кое ваши златіи шеломы и сулици *ляцкыи* и щити"? Странно было бы видѣть, что на Руси не было самодѣльныхъ сулицъ, самаго обыкновеннаго тогдашняго оружія, которое изобильно водилось и у Половцевъ, и чтобъ за

ними нужно было обращаться къ Ляхамъ. Между тѣмъ оказывается, что прилагательное *ляцкыя* есть древнее русское слово, происшедшее отъ корня

Ладъ (550)—бросать, пускать, устремлять остріе: „сулици *ляцкыя*" значитъ: стремливыя, броскія сулицы.

3. „Нъ уже, княже Игорю, *утърпѣ* солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони". Тихонравовъ и Буслаевъ объясняютъ „утърпѣ" словами: окоченѣлъ, ослабѣлъ. Можно признать только послѣдній глаголъ соотвѣтствующимъ смыслу предложенія; точное же значеніе его уясняется санскритскими корнями:

Утъ (86), обыкновенно— префиксъ, означающій постепенное худѣніе, истощеніе, оскудѣніе,

Трьпъ (298) — насыщать, насыщаться: *Утъ-трьпъ*, *утърпъ*, — худѣть, истощаться; „но уже, княже Игорю, худѣлъ, истощался у солнца свѣтъ: не даромъ и деревья листья посроняли".

4. „Нынѣ сташа стязи Рюрикови, а друзіи Давидовы; нъ *розно ся имъ хоботы пашутъ*".

Въ нашей лѣтописи, по Лаврентьевскому списку, подъ 6677 (1169) г., читаемъ: „и потяша стяговника нашего и челку стягову сторгоша с стяга". *Стягъ* — знамя, которое носилось среди войска: оно состояло изъ длиннаго, стоймя поднятаго древка и прикрѣпленной къ его вершинѣ *челки*: конскаго хвоста, полотнища. Кор. а) *Хубъ*, прич. *хубита* (198) — зыбиться; отсюда: *Хōба* (199)—зыбель, зыбь, *Та* (2§1) древко: *Хōба-та*, *хоба-тъ*—зыбель на древкѣ.

Слѣдъ этого слова сохранился въ одномъ изъ нашихъ областн. нарѣчій (курск., орлов., смол.), на которомъ *хоба-*

тъемъ называется всё, что относится вѣтромъ всторону; въ особенности же мякина, относимая вѣтромъ при вѣяньи зерна.

Чёлка есть синонимъ *хобота*: *Чала* (242) — всякая привѣска, способная зыбиться; приставка *Ка* (132) — всякій подвижной предметъ: *Ча́ла-ка*, *чо́лъ-ка*—зыбучая привѣска.

б) *Пачь* (383), *пах*-ать, *паш*-уть — вѣять, распростирхться. Отсюда *Па́чала* (404) — вѣтеръ; у насъ: *пахало*, *опахало*—вещь, которою производится вѣтеръ.

Итакъ смыслъ приведенний рѣчи таковъ: „но у нихъ врозь распростираются, вѣютъ зыбели, чёлки", т. е. полки ихъ готовы разойтись въ противоположныя стороны, не желая дѣйствовать за одно.

5. Авторъ „Слова", пользуясь былинами древнихъ баяновъ и ихъ старыми словесы, вмѣстѣ съ тѣмъ занялъ изъ нихъ для своего творенія и тѣ древнія географическія названія, которыя, въ его время, въ дѣйствительности уже не существовали и въ живой рѣчи не употреблялись. По крайней мѣрѣ ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ, за исключеніемъ „Слова", мы не встрѣчаемъ *Хинова* и *Деремела*. *Тлъковниковъ* именуетъ наша первоначальная лѣтописи: „Дулѣбы, Тиверци, яже суть *толковины*". О Готахъ, нѣкогда господствовавшихъ на черноморскомъ побережьи, авторъ „Слова" узналъ изъ того же источника, т. е. изъ древнихъ былинъ, изъ которыхъ цѣликомъ взялъ весь стихъ, упоминавшій о Готахъ по поводу какого-нибудь другаго древнѣйшаго факта, сходнаго съ Игоревымъ походомъ. Значеніе имени *тлъковники* мы объяснили въ „Зарницахъ Руси", а теперь займемся именами *Хинова* и *Деремела*.

„Суть бо у васъ желѣзные державные мечи подъ гривчатыми шлемами: тѣми была потрясена земля и многы страны *ханови*: Литва, Ятвязи, Деремела; и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя подклониша подъ тыи мечи харалужныи“:

а) *Хана* [195]—зависимость, покорность, порабощеніе; *Ва* [559]—сила, власть, держава: *Хана-ва*, какъ эпитетъ къ слову страны, означаетъ побѣжденныя, покоренныя силы, страны: Литву, Ятвяговъ, Деремеловъ.

б) *'Діра* [346] — море; *Мêла* [517] — сборище, ватага, дружина: *Діра-мела*, *Дарамела* — морскія ватаги, дружины.

Что это были за морскія дружины, — мы объяснимъ въ главѣ о Казарской землѣ; а теперь замѣтимъ только, что названіе *деремелы* намъ представляется синонимомъ *тлъковины*.

Въ объясненномъ смыслѣ должно понимать *ханови* и въ слѣдующей рѣчи „Слова“: Половцы по русской землѣ прострошася, и тѣмъ самымъ „великое буйство подаста *хановимъ*“ — придали великую дерзость покореннымъ силамъ, странамъ.

Но не должно однакожъ считать производнымъ отъ этого реченія эпитетъ *хановъскыя*: „О вѣтре, вѣтрило!... чему мычеши *хановъскыя* стрѣлкы на своею не трудною крыльцю на моея лады вои“?

Въ этомъ эпитетѣ совмѣстилось два значенія, отъ: а) Кор. *Ханъ* (195)—умерщвлять, убивать, б) *Хана* (195) — неуловимое мгновеніе, откуда санскритское *ханіка* — молнія: Слѣдовательно, „*хановъскыя* стрѣлкы“ значитъ: убійственныя, смертоносныя, или же неуловимо мелькающія стрѣлы.

6. „По русской земли прострошася Половци, акы пардуже гнѣздо ихъ въ морѣ погрузиста, и великое буйство подаста хановимъ“.

Прежде всего мы должны измѣнить въ этомъ мѣстѣ общепринятую разстановку знаковъ препинанія, и мѣстоимѣніе *ихъ* замѣнить другимъ: *ю*:

„По русской земли прострошася Половци акы *пардуже*, гнѣздо ю въ морѣ погрузиста, и великое...“

Всѣ толкователи, да конечно и перепищикъ „Слова“, по своему исказившій древнее, не понятое имъ реченіе, приняли *пардуже* за звѣря *пардусъ*—рысь; но имъ ни какъ не удалось согласить съ этимъ толкованіемъ выраженіе: „въ морѣ погрузиста“. Возстановляя однако-жъ „стары словеса“, мы приводимъ эту рѣчь къ ея настоящаму смыслу:

а) *Пāра* (407) — многоводье, *Дута* прич. отъ *ду* (346)—взволнованный: *Парадута, паръ-дужье*, переряженное въ *пардуже*, значитъ: взволнованное многоводье.

б) *Ганацасъ* [208]—толпою; *Iтi* (92)—бѣдствіе, причиненное стихіями, какъ-то: моръ, потопъ и проч. *Ганацасъ-iтi*, *гънацъ-iтi*, искаженное въ *гнѣзъ-до*, значитъ: толпою бѣдъ.

Итакъ смыслъ рѣчи таковъ: „По русской землѣ простерлись Половцы, какъ волнистое многоводье, толпами бѣдъ въ морѣ ее погрузили, и великую дерзость придали смиреннымъ силамъ или странамъ“.

7. „Вы бо своими крамолами начасте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю: *катóрою* бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи *на седьмомъ вѣцѣ Зояни*“. Тихонравовъ, въ своемъ 2-мъ изданіи „Слова“, вмѣсто *Зояни*, какъ значится въ Екатерининскомъ спискѣ, вноситъ

въ текстъ *Бояни*, ни сколько не разсѣявши этимъ темноты выраженія. Другіе толкователи полагали, что тутъ, въ подлинникѣ „Слова" стояло *Трояни*, но отъ такой поправки смыслъ выраженія также не разъяснился.

а] *Кхаттъра* [195], *катъра* — военное господство, преобладаніе; въ Вѣдахъ — воинъ вообще, а въ индійскомъ государственномъ строѣ — кхатръ или нара, принадлежащій къ царственной, т. е. 2-й кастѣ;

б] *Садьманъ* (674)—столица, обращенное перепищикомъ въ числит. *седьмый*;

в) *Вѣца* (619) — домъ, обращенное перепищикомъ въ косв. падежъ слова *вѣкъ*;

г) *Саййауні* (697), *Зоянь*—Индра.

Послѣ этого темное содержаніе второй половины рѣчи получаетъ такой смыслъ: „ибо *воинскимъ господствомъ* было отъ земли Половецкой *ея* насиліе *надъ столицею, домомъ Индры*". Изъ этого видно, что, у нашихъ баяновъ миѳической эпохи, столица Русской земли, первопрестольный городъ, называлась „домомъ Индры". Въ настоящей книгѣ мы уже объяснили смыслъ названія Кіева *селомъ*.

8. „Скочи.... въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ, утръ же *возни стрикусы*, отвори врата Новуграду"... „Возни стрикусы" до сихъ поръ было камнемъ притыканья для толкователей; а между тѣмъ значеніе этихъ словъ, согласное со смысломъ предъидущей части періода, объясняется санскритскими:

Вазъ, вазâмі; *вазаййâмі* (560)—блуждать; прокладывать дорогу для боговъ;

Стрікгôша (735), *стрікусы* — разсвѣтъ, утренніе сумерки, досвѣтки:

„Утромъ же, блуждающу разсвѣту, при блуждающемъ разсвѣтѣ (т. е. когда свѣтъ еще борется съ тьмою), онъ отворилъ врата Новгорода".

9. Разсказывая о своемъ сновидѣніи, Святославъ между прочимъ говоритъ: „Всю ночь съ вечера *босуви* врани възграяху у Плѣсньска на болони *бѣша дебрь кисаню и не сошлю* къ Синему морю".

Босуви — прилагательное въ русской формѣ, отъ корня *'Басъ* (473)—угрожать: *бóсу-ви*—угрозные, зловѣщіе.

Какъ во всѣхъ древнихъ рукописяхъ, такъ, конечно и въ утраченномъ на-вѣки оригиналѣ „Слова", равно и въ томъ манускриптѣ, который дошолъ до насъ, слова были писаны слитно, нераздѣльно и безъ всякихъ знаковъ препинанья. Мусинъ Пушкинъ, владѣвшій этимъ манускриптомъ, сдѣлалъ направильное раздѣленіе словъ, и быть можетъ не совсѣмъ точно прочелъ ихъ, во фразѣ отъ „бѣша" до конца ея, отчего она и явилась на свѣтъ совершенно темною. Но надо удивляться ея истолкованью славянскими филологами, которые думаютъ все и вся разъяснить, не выходя изъ круга славянскихъ нарѣчій и даже чая обрѣсти въ нихъ всѣ элементы для возсозданія фантастическаго чистаго славянскаго языка. Они воображаютъ, что русскій авторъ „Слова" былъ знакомъ съ обособленными миѳами всѣхъ разрозненныхъ славянскихъ племенъ, такъ точно, какъ нѣкоторые думали видѣть въ немъ знатока Гомеровой Иліады и Виргиліевой Энеиды. Приведенную фразу Макушевъ читаетъ: „бѣша дебрь-ски сани и несота іа къ Синему морю", и спрашиваетъ: „дебрьски сани" не соотвѣтствуетъ-ли здѣсь чешской горной сани (драконъ, змѣя), которую, по словамъ Любуши,

убилъ Трутъ въ горахъ Кркпошскихъ [1])? Мы, въ свою очередь, спросимъ: какой же смыслъ имѣетъ толкуемая такимъ образомъ фраза при сопоставленіи ея съ предъидущими предложеньями? Она нисколько не вяжется съ послѣдними, и по прежнему остается темною.

Въ этой фразѣ, какъ и во многихъ другихъ, переписчики „Слова" несомнѣнно исказили незнакомыя имъ древнія русскія реченія, придавши имъ форму извѣстныхъ, употребительныхъ словъ. Смыслъ ея можно возстановить только подъ условіемъ—придерживаться одного значенія корней, не придавая особенной важности флексіямъ, которыя измѣнялись переписчиками согласно съ ихъ пониманіемъ. Тогда разбираемая фраза представится намъ въ слѣдующемъ видѣ: „бѣшать врьки и самійуне сошли къ Синему [Черному] морю". Въ „бѣшать" *тъ* измѣнено въ *дъ* и соединено со слогомъ слѣдующаго слова *връ*, отъ чего образовалось *деврь*, передѣланное въ *дебрь*; отъ „врьки" отдѣлено *ки* и слито съ слѣдующимъ словомъ *саннюи-не*. Теперь объяснимъ коренное значеніе древнихъ словъ:

а) *'Башъ* [474] — выть, въ русской флексіи *бѣша*-ть —выли;

б) *Врька, Брька* (612), *влькъ*—волкъ;

в) *Саню-и-не*: это реченіе образовано изъ предлога и глагола:

Са (667)—есть наше *съ*; передъ гласными оно обращается въ *сам*; *Іюнѣ* (526), *йіу* — союзить, соединять, стаить:

Сам-йіуне—соединенно, стаями, стайно. Это синонимъ

[1]) Смирновъ, О Словѣ о полку Иг., Вор. 1877, стр. 143,

нашего слова *стая*, стада звѣрей, которое образовалось такимъ же способомъ: изъ предлога *са* и глагола *Таій*, *Таійе̂* (286)—ходить, двигаться: *Са-таій*, *съ-тая*—совокупно ходящее, двигающееся: стая волковъ, гончихъ.

Стая у насъ прилагается преимущественно къ дикимъ животнымъ; черезъ приставку *Да̂*, *До̂* (315, 332) — быть подъ рукою, подъ властію; содержать, питать, — образуется слово *ста-до*, означающее: совокупно ходящее или движущееся подвластное, содержимое, питаемое: стадо коровъ, овецъ, свиней.

Гуртъ гусиный: *Гуру* (220) — толстый, широкій, длинный: *Гуру-таій*, *гуръ-тъ*—толщію, ширью, длиною ходящее, двигающееся. Всѣ эти слова: стая, стадо, гуртъ производили преобладающее впечатлѣніе своею двигающеюся массою, при которой опредѣлительнымъ словомъ было названіе животныхъ.

г) *Сасчъ* (701)—слѣдовать, тянуться, бѣжать; въ русской флексіи: *сашь*-ли; *сошь*-ли—тянулись.

Поэтому разбираемая рѣчь представляется намъ въ такомъ смыслѣ: „Всю ночь съ вечера зловѣщіе вороны каркали у Плѣсньска на околицѣ; выли волки и стаями тянулись къ Синему морю".

10. а) „Не лѣпо-ли ны бяшеть, братіе, начати старыми словесы *трудъныхъ* повѣстій...." Здѣсь эпитетъ „трудьныя" искуственно объясняли въ смыслѣ „повѣстей о *трудахъ*, не только о подвигахъ, но и о заботахъ и бѣдствіяхъ"[1]), между тѣмъ какъ онъ самъ принадлежитъ къ числу „старыхъ словесъ", а потому и не поддается объясненію въ нынѣшнемъ

---

[1]) Буслаевъ, Рус. Христоматія. М. 1870 г.

значеніи. Съ замѣною тонкаго звука *т* родственнымъ мягкимъ *д*, этотъ эпитетъ произошелъ отъ

Труті (305), *труть* — сомнѣніе, неизвѣстность, недостовѣрность: „старыми словесы *труть-ныхъ* повѣстій" значитъ: „сомнительныхъ, недостовѣрныхъ сказаній".

б) „Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться *мыслію по древу*, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки".

Макушевъ говоритъ, что нельзя считать мысленное дерево за воображеніе, какъ думаетъ Гербель. Онъ, съ своей стороны, полагаетъ, что подъ словомъ *мысль* нужно разумѣть звѣрька, иначе не будетъ соотвѣтствія съ рядомъ стоящими выраженьями: сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облака. Въ нарѣчіи Опочецкаго уѣзда Псковской губ., онъ находитъ слово *мысь*, въ значеніи бѣлки; а въ чешскомъ языкѣ — *мысливецъ*, означающее jager forster, и заключаетъ, что вышесказанныя выраженія Слова имѣютъ смыслъ только подъ условіемъ принятія *мысли* въ значеньи звѣрька [1]).

Что же вытекаетъ изъ толкованья Макушува?—жалкое, въ поэтическомъ смыслѣ, сопоставленіе бѣлки, прыгающей по дереву, съ орломъ, ширяющимся подъ облаками, или съ волкомъ, рыщущимъ по чистому, широкому полю. Для растекающихся же думъ баяна нуженъ былъ широкій просторъ.

Мы уже объяснили, что слово мысль, въ древнемъ русскомъ значеніи, было гомонимомъ: съ одной стороны, оно являлось синонимомъ гуслей, а съ другой — означало думу,

---

[1]) Смирновъ, О Словѣ о пл. Игор., стр. 144.

мысль. Мы привели и примѣръ изъ народнаго творчества, представляющій игру обоими значеньями этого слова. Такое-же двоякое значеніе оно сохраняетъ и въ приведенномъ мѣстѣ „Слова"; только нужно исправить искаженіе писцовъ въ выраженіи *по древу*, которое поставлено рядомъ съ *мысль*. Искаженіе состоитъ въ передѣлкѣ древняго слова *Драапа* (335), *дрôпъ* въ *древо*, означающаго воздушное пространство, высоту поднебесную. За тѣмъ, въ глаголѣ „растекашеться" совмѣщаются синонимическія значенія: разбѣгаться, раскидываться, рыскать, шириться. Итакъ приведенную рѣчь нужно понимать слѣдующимъ образомъ: „Баянъ бо вѣщій, когда хотѣлъ кому создать пѣсню; то мыслями-гуслями растекался по высотѣ поднебесной, и по землѣ—сѣрымъ волкомъ, и подъ облаками—сизымъ орломъ".

11. „Рища *въ тропу трояню*, чресъ поля на горы, пѣти было пѣснь Игореви, *того внуку*". Въ изданіи Тихонравова сдѣлана неосновательная поправка: вмѣсто *трояню*, поставлено *Бояню*. Прежде всего замѣтимъ, что *троянъ* есть въ „Словѣ" гомонимъ, и потому въ разныхъ мѣстахъ поэмы имѣетъ разное значенье. „Того внуку": Буслаевъ разумѣетъ Олега, Игорева дѣда; но во всей предшествующей части поэмы Олегъ не упоминается, а потому и относительное мѣстоимѣніе *того* было бы тутъ совершенно неумѣстно.

Въ глаголѣ „рища", какъ эта форма написана переписчикомъ, легко смѣшать два значенія корней, отъ которыхъ она произошла, по крайней мѣрѣ по ошибочному начертанію писца: а) *Ріщъ, річьщâмі* (121), то же, что наше *рыскать*, откуда *рища*—торопливо бѣгать, въ разныя стороны кидаючись; вообще двигаться; б) *Річь, річâмі* (121) — прославлять,

воспѣвать. Первое значеніе было бы умѣстно, если-бъ, подобно переписчику, разумѣть, подъ словомъ *тропа*, его нынѣшнее значеніе проторенной дороги: *Тара* [286] — дарóга, *Па* [382]—направляющій:

Тара-па, *търа-па*—направляющая дарога.

Но дѣло въ томъ, что писецъ перевелъ въ начертаніе *тропа* древнее русское или санскритское слово *Трапта* (299) — одинъ изъ видовъ стихотворнаго размѣра, стопы, станса, употребляемыхъ въ вѣдійскихъ гимнахъ. — *Траййа* [302]—три; приставка *Ань* [13]—звучать: *Трáйй-ань*, *трóянь*—трезвучный.

Чересъ поля на горы есть метафора, означающая подъ словомъ *поля*—гладкія, ровныя, такъ сказать повѣствовательныя стансы или стопы, какъ ,,Комони ржуть за Сулою" и т. д.; а подъ словомъ *на горы*—высокіе, быстрь порывистые стансы, стопы.

Выраженіе: ,,того внуку" есть искаженіе словъ;

а) *Тата* (282), вмѣсто котораго написано *того*, — вообще *струнное* музыкальное орудіе;

б) *Вань* (561)—издавать звукъ, звучать: *Укті* и *Ук$_{т}$a* (93)—слово, рѣчь; поэма былина;

Вань-укті, обращенное писцемъ во *вън-укъ* — звучнословный: *Тата-ванукті*, *тътъ-вниктъ* (*того внуку*)—звукословныя струны, которыя ,,сами княземъ славу рокотаху".

Итакъ смыслъ приведенной формы таковъ: ,,Воспѣвая трезвучнымъ размѣромъ, съ ровнаго на высокій, слѣдовало бы запѣть пѣсню Игорю на звучнословныхъ струнахъ: ,,Не буря соколы занесе"... А не воспѣть ли бы, вѣщій бояне: ,,Комони ржуть за Сулою?..."

12. „Рекъ Боянъ и *ходы на* Святославля пѣснотворца старого времени, Ярославля, Ольгова *коганя хоти*: „Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы,—Русской земли безъ Игоря". Послѣдняя фраза, какъ выводъ изъ предъидущаго изрѣченія, не болѣе, какъ придворная лесть автора „Слова".

Вся эта рѣчь утратила свой смыслъ конечно подъ перомъ перепищиковъ, которые, думая сдѣлать ее болѣе вразумительною, замѣнили древнія *русскія* слова употребительными въ ихъ время созвучными реченіями, хотя этимъ совершенно затемнили мысль автора.

а] *Рекъ* поставлено вмѣсто *Рiчь* или *рѣчь* [120] стихъ, изрѣченіе;

б) *Ка́тта, га́тта* [137, 215], *хотъ* — пѣсенная исторія, пѣсенное сказаніе. *На* [277]—пѣсня: *Ка́тга-на* — поемая исторія, былина, что обращены перепищикомъ въ *хо́ды-на* и въ *коганя*,

в) *Ка́тта* [137], *хотъ*—исторія, сказаніе; *Га́та* [215], *хо́тъ* — пѣсня.

Поэтому вышеприведенная рѣчь имѣетъ слѣдующій смыслъ: „Стихъ баяна и былины Святославова пѣснотворца стараго времени, Ярославовой и Ольговой исторической пѣсни: „Тяжко ти головѣ и. т. д."

Это мѣсто „Слова" имѣетъ безцѣнную важность: оно подтверждаетъ наше замѣчаніе, что Русь миѳической эпохи имѣла свою исторію въ пѣсняхъ или былинахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя несомнѣнно были написаны, и служили образцомъ для автора Слова о полку Игоревѣ. Въ своемъ твореніи онъ упоминаетъ былины, пѣвцовъ, поэтовъ, въ которыхъ ему встрѣтился приводимый имъ стихъ; онъ считаетъ

его синтетическимъ итогомъ всей исторіи Руси, начиная съ миѳической эпохи. Съ сокрушеннымъ сердцемъ указывая на то, что всѣ бѣдствія Русской земли съ древнѣйшихъ временъ происходятъ отъ княжескихъ усобицъ, онъ заключаетъ изреченіемъ поэтовъ стараго времени, имѣющимъ тотъ смыслъ, что тяжело приходится великому князю безъ поддержки удѣльныхъ князей (плеча), и тяжело государству (тѣлу) безъ одного старшаго государя (головы).

Слово *хотъ,* встрѣчающееся въ приведенной рѣчи, поставлено писцомъ, какъ мы объяснили, вмѣсто *хотъ,* отъ *ка$^{с}_{т}$а* и *га$^{с}_{т}$а*—пѣсенная исторія. Наши нынѣшнія выраженія: *ходъ* дѣла, *ходъ* событій, принимаются за метафору, происшедшую отъ глагола *ходить*; но я полагаю, что теперешнее *ходъ* незамѣтно выработалось изъ *хотъ,* котораго этимологическое значеніе угасло въ народномъ сознаніи.

Какъ поступалъ авторъ „Слова“ при его написаніи, аналогическій тому примѣръ намъ представляютъ наши былины: въ нихъ древній фонъ остается неизмѣннымъ; все сводится къ солнышку Владиміру; а между тѣмъ у пѣвцовъ выступаютъ на этомъ фонѣ, всегда подъ Кіевомъ, то миѳическій царь Калинъ съ бусурманскою силою, то историческій Мамай съ погаными татарами. По однимъ былинамъ, къ Ильѣ Муромцу, который въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года, приходятъ старцы, калики перехожія, а по другимъ — самъ Іисусъ Христосъ и два апостола. Не трогая завѣщаннаго предками фона, пѣвцы такимъ образомъ предоставляли себѣ свободу наносить на него образы другой эпохи, иныхъ, болѣе новыхъ событій, въ свое время подѣйствовавшихъ на воображеніе народа. „Когда попадалось въ былинѣ,

говоритъ Гильфердингъ, какое нибудь непонятное слово, и я спрашивалъ у пѣвца его объясненія; то, если слово не было въ употребленіи, былъ всегда одинъ отвѣтъ: „такъ пѣвали старики, а что значитъ, мы не знаемъ". Не разъ сказатель, пропѣвъ про князя Владиміра какой-нибудь стихъ, весьма къ нему не почтительный, просилъ за это не взыскать, „потому-де мы сами знаемъ, что не хорошо такъ говорить про святого, да что дѣлать? такъ пѣвали отцы, и мы такъ отъ нихъ научились". Только благодаря этому и могла удержаться въ былинахъ такая масса древнихъ, ставшихъ непонятными народу словъ и оборотовъ; только благодаря этому могли удержаться бытовыя черты другой эпохи, не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, что окружаетъ крестьянина, подробности вооруженія, котораго онъ никогда не видалъ, картины природы, ему совершенно чуждой" [1]).

Если списатель „Слова" заимствовалъ общія мѣста и древнія реченія изъ былинъ баяновъ; то, въ свою очередь, позднѣйшие списатели выхватили такія же мѣста изъ „Слова", для украшенія ими разсказа о другихъ событіяхъ. Такъ, нѣкоторыя рѣчи „Слова" перешли, напримѣръ, въ Сказаніе о Димитріѣ Донскомъ, и при этомъ поэтическія выраженія совершенно обезцвѣчены. „Тотъ бояринъ воскладоша грозная своя персты на живыя струны, пояша княземъ славу". Эта рѣчь „Сказанія" есть перифраза извѣстной рѣчи „Слова": „Боянъ же.... своя вѣщіа прьсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху".

Пѣсня объ Игоревомъ походѣ на Половцевъ сочинена до нашествія Татаръ на Русь. Въ этомъ не можетъ быть ни

---

[1]) Онежск. былины, XXIV стр.

малѣйшаго сомнѣнія. Допуская противное, трудно было бы понять, почему пѣвецъ, такъ глубоко сочувствовавшій бѣдствіямъ русской земли, ни одного слова не проронилъ о ея послѣднемъ величайшемъ несчастіи, причиною котораго было грозное вторженіе дикой монгольской орды. Чѣмъ вспоминать о Готахъ, сподручнѣе было бы ему заговорить о Татарахъ и объ уничтоженіи ими Половцевъ. Поэтому тѣ филологи, которые находили въ этой пѣснѣ татарскія слова, очень ошибаются. Таково именно, по мнѣнью нѣкоторыхъ, слово *харалужный*, принадлежащее будто-бы татарскому языку: ,,Половцы главы своя подклониша подъ мечи харалужніи". Выходитъ, напротивъ того, что Татары, если у нихъ есть или было это слово, позаимствовали его у арійскаго народа; въ пѣсню же объ Игоревѣ походѣ оно вошло изъ старыхъ словесъ древнихъ баяновъ, и было исконнымъ русскимъ словомъ, составившимся изъ санскритскихъ: *Хāра* [196]—облитый, каленый; *Кхара* (202)—закаленный, твердый; *Лукъ* (554)—желѣзо, сѣкира, лезвіе—все, что рѣжитъ, рубитъ: *Хара-лукъ* — закаленное, твердое лезвіе, желѣзо: ,,Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ *харалузѣ* скована, а въ буести закалена" (Сл. о пл. И.); отсюда прилагательное *харалужный*, бывшее въ древности, еще до татарскаго нашествія, постояннымъ эпитетомъ меча и копья.

Такой же постоянный эпитетъ: *мурзамецкое*, по крайней мѣрѣ въ нашихъ былинахъ, сопровождаетъ слово копье. Пѣвцы, утративши сознаніе значенія, искажаютъ его, произнося порой ,,мурзавецкое, бурзамецкое". Нѣкоторымъ хотѣлось произвести это слово отъ татарскаго *мурза*; но оно также древнее русское, сложившееся изъ санскритскихъ рѣченій: *Мурвъ* (511)—привязывать; *Са* (667), *съ*; *Самīка* (666)

— копье, пика: *Муръ-съ-самiка* — привязь съ копьемъ, привязное метное копье. Если читатель припомнитъ сдѣланное нами вначалѣ объясненiе слова *копье*, которое первоначально означало мѣдь или желѣзо; то рѣченiе: *муръ-съ-самiка-купiйа* означало привязное метное копье желѣзное или мѣдное. Но съ теченьемъ вѣковъ, затемнившихъ сознанiе значенья, слово *купiйа* обратилось въ *копье*, а *муръ-съ-самiка* — въ эпитетъ *муръ-съсамецкое, мур-замецкое.*

Еще одно древнее русское рѣченiе, доселѣ не объясненное и изъ всѣхъ письменныхъ и словесныхъ памятниковъ уцѣлѣвшее только въ Словѣ о плъку, есть *орътъмы*:

„.... Потопташа поганыя плъкы половѣцкыя... *Орътъмами*: и япончицами и кожухи начаша мостити по болотамъ.... и всякыми узорочьи половѣцкыми". Ключъ къ этому реченiю въ санскритскихъ словахъ:

Аръта (48)—всяческая вещь; имущество, богатство;

Амiта (43) — несмѣтный, безмѣрный: *Аръта-амiта, орът-ъ-мiтъ, оръть-мы* — несмѣтныя имущества, вещи. У Березина слово это—турецкое!

Стараясь отыскать въ „Словѣ" крохи *турчизмовъ*, Березинъ поднялъ, между прочими, реченье *салтанъ*: „Стреляеши съ отня злата стола салтаны за землями: стрѣляй, господине, Кончака, поганаго кощея".... Слово это попало въ языкъ турецкаго племени лишь съ того времени, какъ послѣднее столкнулось съ арiйскимъ народомъ, или овладѣло землями, первоначально заселенными этимъ народомъ. Оно образовалось изъ

Сарта (711), по взаимной замѣнимости звуковъ *р* и *л* обратившееся въ *салта*, что значитъ: арда, скопище, ватага; караванъ;

Найиа (354)—предводитель, вождь, проводникъ:

Салта-найиа, салта-нъ — вождь арды, скопища, каравана.

Послѣ этого пусть объяснетъ намъ этимологическое значенье этого слова изъ языка турецкаго; вѣдь не мудрено голословно вопіять: это де слово турецкое, потому что Турки его употребляютъ.

Былины, тарабарской граматой писанныя, по всей вѣроятности находились и въ рукахъ составителей нашей первоначальной лѣтописи въ христіанскій періодъ Руси. Мы не коснемся теперь договоровъ съ Греками, но укажемъ въ самой лѣтописи хоть на одинъ примѣръ. Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи, подъ 981 г., написано: „Въ семже лѣтѣ и Вятичи Володимеръ побѣди, и возложи на ня дань отъ *няуга*.“ Въ Радзивиловскомъ же спискѣ реченіе отъ *няуга* замѣнено выраженьемъ отъ *плуга* [1]). Откуда же вошло въ Лаврент. списокъ древнее, давно совсѣмъ исчезнувшее слово *няугъ*, если не изъ первоначальныхъ былинъ тарабарскаго письма? Слово это, представляющее метонимію плуга, можетъ быть отнесено къ разнымъ корнямъ, которые тѣмъ не менѣе всѣ соотвѣтствуютъ общей, выражаемой ими идеѣ:

1. а) *На* (351) — связь, прицѣпка одного къ другому; *Ухапъ* (93)—быкъ, слово, сохранившееся у насъ въ област. нарѣчіи въ формѣ *ухала* въ томъ же значеньи: *На-ухапъ, ня-уга*—соединенные привязью за рога парные быки, какъ и донынѣ на Украинѣ, впрягаемые въ плуги и возы.

б) *Найиа* (359) — нарядъ, вожденіе, упряжъ, *Ухапъ*—быкъ: *Найиа-ухапъ, ня-угъ*—нарядъ быковъ.

[1]) Лѣтоп. по Лавр. сп., изд. Археограф. Ком. 1872 г. Другіе примѣры въ лѣтописи: *клада, крада*, на столпѣ на путехъ, и проч., см. здѣсь стр. 200, 206.

Каждый изъ тяглыхъ быковъ въ отдѣльности назывался *соха*, и слово это, какъ мы уже его разъяснили [стр. 137], перешло на сѣверъ Руси для означенья податнаго тягла въ три лошади, приравненныя къ силѣ одного быка.

2. *Нійôга*, (365), *нійаугъ*, *ня-угъ*—хозяинъ, распорядитель, каковымъ могъ быть только владѣлецъ быковъ или плуга, въ противоположность *сиротѣ*, какъ объяснимъ это слово въ послѣдствіи.

Во всякомъ случаѣ, такъ какъ уже при Святославѣ дань бралась съ хозяевъ, съ владѣльцевъ плуговъ, или съ принадлежащихъ имъ упряжныхъ быковъ; то такой способъ взиманія подати не могъ обойтись безъ поименной росписи хозяевъ, обложенныхъ данью. Отсюда позволительно заключить о вѣроятномъ существованіи граматы на Руси во времена Святослава, начавшаго княженіе съ 946 г. Но конечно Святославъ не былъ первымъ установителемъ подобной дани; она могла установиться и до него. Уже Олегъ бралъ дани отъ *дыма*, т. е. отъ владѣльцевъ хатъ, избъ, чтó тоже означаетъ хозяевъ, и также предполагаетъ надобность въ поименныхъ спискахъ. Изъ этихъ данныхъ можно допустить, на первыхъ порахъ, хотя вѣроятный выводъ, что на Руси, еще до офиціальнаго введенія христіанства, письменность уже употреблялась, не только во внѣшнихъ сношеніяхъ ея правительства, о которыхъ свидѣтельствуютъ договоры нашихъ первыхъ князей съ Греками и о которыхъ лѣтописи Византійской имперіи молчатъ, какъ объ унизительныхъ для ея гордости и вынужденныхъ памятникахъ ея уступчивости въ пользу презираемыхъ ею варваровъ; но, по всей вѣроятности, и въ дѣлахъ внутренняго управленія Русской земли. Названіе письмоводцевъ *дійаками* принадлежитъ до-христіанской

эпохѣ русь-славянскаго народа, и мы не станемъ, до поры до времени, входить здѣсь въ разсмотрѣніе вопроса, каковы были письменные знаки въ тарабарской граматѣ, но обратимъ вниманіе на слѣдующіе факты:

Первые и древнѣйшіе установители славянской правописи глаголицею и кирилицею были мужи разумные и знающіе. У нихъ было передъ глазами писаніе на древнемъ священномъ или русскомъ языкѣ; переписывая его слова, въ которыхъ видѣли начертаніе буквы *а*, исчезнувшей изъ живаго, современнаго имъ произношенья, они не рѣшились оставить ее безслѣдною, а употребили, въ замѣнъ ея, усѣкательные знаки *ъ*, *ь*, *ъі*, *ы*, соотвѣтствующіе санскритской вирамѣ. Если, напримѣръ, въ живомъ языкѣ говорилось *скотъ*: то почему бы и не написать его прямо такъ, какъ оно произносилось? Напротивъ того, имѣя передъ глазами древнее начертаніе: *саката*, они, для приспособленія его къ живому произношенью, написали *скотъ*, указавъ этимъ, что тамъ, гдѣ они поставили *ъ*, въ древнемъ письмѣ находилось *а*. Точно также древнее русское начертаніе „калада" вышло у нихъ „кълада"; они написали „огнь", указавъ тѣмъ, что въ древнемъ письмѣ стояло „агни"; „ратъ" отъ „рати"; „бъчола" или „бъчела", потому что въ древнемъ писаніи было „бачала", откуда нашъ глаголъ, означающій жужжаніе, гудѣніе пчелъ, *бучать*, и проч.

О древнѣйшей русь-славянской граматности существуетъ *русская* легенда, темная и отчасти аллегорическая, до сихъ поръ ни кѣмъ изъ славянскихъ филологовъ не разъясненная. Непостижимыми судьбами была она занесена на Балканскій полуостровъ, искажена тамъ, и дошла до насъ въ рецензіи съ оттѣнками сербскаго нарѣчія. Впервые была она издана

въ небольшомъ сборникѣ „Сербске старине", помѣщенномъ въ „Гласникѣ Друштва Сербске словесности", за 1856 г., свезка VIII. У Бильбасова она названа „Солунскою", и напечатана въ его трудѣ „Кириллъ и Меѳодій" (ч. II, стр. 1 и 117). Эту легенду византійско-булгарскіе книжники всячески старались заглушить, и фактъ существованія русьславянскихъ письменъ исказили своими измышленіями, клонящимися къ оправданію притязаній Византіи на іерархическое и политическое господство надъ Славянами. Но одинокіе, разсѣянные лучи этой легенды просвѣчиваютъ порой въ нашихъ хронографахъ, говорящихъ о древнихъ русскихъ письменахъ, что̀ подтверждается такимъ важнымъ и неоспоримымъ документомъ, каково посланіе папы Іоанна XIII, въ 972 г., къ Богемскому герцогу Болеславу II: онъ предписываетъ отправлять богослуженіе по уставу Римской Церкви, а не по обряду, ею не признанному: non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Ruziae, aut slavonicae linguae....[1]). Въ это время Владиміръ еще и не княжилъ въ Кіевѣ, и христіанство еще не было введено на Руси, а между тѣмъ папа говоритъ о христіанскихъ обрядахъ народа Булгаріи или Руси. Но подробности по этому вопросу будутъ изложены въ другомъ мѣстѣ настоящаго труда; а здѣсь предварительно замѣтимъ толко, что *Русская* легенда, а не „Солунская", можетъ быть разъяснена и растолкована лишь путемъ, нами указаннымъ при объясненіи приписокъ въ Норовской псалтыри, нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ въ Словѣ о плк. Игоревѣ, и проч.

---

[1]) Бильбасовъ, Кириллъ и Меѳодій, I, стр. 155.

Тарабаръ вѣроятно былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *таратора*, слово, означающее у насъ болтуна, говоруни; его синонимъ *таранта*: *тараторить*, такъ же какъ и *тарантить*—говорить скоро, безъ умолку.

а) *Тара*—дорога, проходъ,

Туура (207), *тóра*—музыкальный инструментъ вообще:

Тара-тóра—прохожій, странствующій музыкантъ

Тóра — музыкальный инструментъ, вѣроятно служилъ пѣвцу пособіемъ для речетатива, какъ можно судить по глаголу тараторить, означающему говорить скоро, бойко. Словомъ *таранта* точнѣе опредѣляется этотъ музыкальный инструментъ; оно образовалось, подъ вліяніемъ закона экономизаціи звуковъ, изъ слѣдующихъ корней:

Тара,— дорога, *Ранъ* (533) — звучать, *Танъ* (283), — натягивать, растягивать; *тâна* (289), *тóнъ* — натягиванье чего-бы то ни было, а вмѣстѣ съ тѣмъ и музыкальный тонъ; *танійату* (284)—музыкальный инструментъ, по всей вѣроятности струнный: *Тара-ранъ-танъ*, *таръ-ранъ-та* — странствующій музыкантъ на инструментѣ *танійату*.

Отъ корня *Танъ*, съ приставкою; *áкха* (6), *óкъ*—кругъ, образовалось наше слово *Тана-акха*, *танъ-óкъ* — натянутый, широкій кругъ или караводъ, круговой *танецъ*. *Танокъ*, *танецъ* совершался вѣроятно подъ игру на *таніату*; слово это —общее и великой и украинской Руси:

Въ Галицкой Руси поютъ:

Колъ огня ходитъ *широкій танецъ*,
А въ *танці* ходитъ княгня Иванко; (Сборн. Головацкаго).

У насъ на югѣ:

Ой у місті Немирови дивок *танокъ* ходить,
Молодая Бандурівна всіх передом водить.

Въ великой Руси:

Въ этомъ *кароводѣ*,
Въ этомъ развеселомъ,
Молодецъ гулялъ,
Скакалъ плясалъ,
Таночекъ заводилъ...

Или:

Эти дѣвки хотятъ
По лугу гулять,
Круги заводить....

Въ Вішну-пуранѣ читаемъ: „Рама и Крішна начали пѣть задушевныя и трогательныя пѣсни, любимыя женщинами, и какъ только онѣ заслышали ихъ, тотчасъ пооставляли свои жилища и поспѣшили къ нимъ.... ....Богъ потомъ вмѣшался въ повороты ихъ танца; но такъ какъ каждая изъ нимъ домогалась помѣститься подлѣ Крішны, то *кругъ* не могъ составиться. Тогда онъ принялся брать каждую за руку по одиночкѣ и отводить на ея мѣсто; и такъ какъ онѣ были нѣкоторымъ образомъ обезумлены очарованьемъ, которое охватило ихъ, то *кругъ* наконецъ составился. Тогда начался танецъ, сопровождаемый музыкою....[1]).

Синонимомъ „танка" представляется намъ извѣстное всему русъ-славянскому міру слово *короводъ, хороводъ*; а между тѣмъ и у насъ, и на западѣ думаютъ, что оно занято нами

---

[1]) Les livres sacrés de toutes relig., ed. Migne, p. 348.

у Грековъ. Такъ Дозонъ, въ своей книгѣ „Български народни пѣсни“ (Chansons populaires Bulgares inédites, Paris, 1875), говоритъ, что въ Стругѣ, городкѣ не далеко отъ Охриды, гдѣ онъ самъ проживалъ, дѣвушки, послѣ пасхи, собираются за городомъ, подъ предводительствомъ *хороводки* (у насъ „хороводницы“), и водятъ круговые *танцы* съ пѣснями; что слово это есть греческое *χορός*, и что даже слово „танецъ“, входящее, какъ мы видѣли, въ составъ „танка“, проникло до самой Охриды изъ Германіи. Онъ однако-же свидѣтельствуетъ, что „вообще Славяне повсюду славятся своею любовью къ пѣснямъ“, что въ неутомимой веселости булгарскаго рабочаго люда, возбуждаемой земледѣльческою работою, представляется изумительная противоположность пасмурнымъ обыднямъ полевыхъ работниковъ на западѣ; что пѣсеннымъ и плясовымъ увлеченіемъ Болгары и Сербы превосходятъ даже Грековъ—народъ, болѣе пылкаго темперамента, хотя въ другомъ родѣ [1]), цивилизаціи котораго Болгары не поддавались въ теченіе многихъ вѣковъ. Странно послѣ этого слышать отъ него и отъ другихъ, что Славянамъ нужно было заимствовать свой „хороводъ“ у Грековъ, свой „*тан*-окъ, „танецъ“ у Нѣмцевъ; еще страннѣе отзывы нашихъ собственныхъ ученыхъ, что мы даже музыкальные инструменты—гусли, волынку и проч., переняли то у Грековъ, то у Финновъ.... Вообразили Славянъ какою-то tabula rasa, на которой всякіе другіе народы что́ хотѣли, то и писали.

Хороводы у насъ обыкновенно начинаются съ Ѳоминой недѣли:

---

[1]) Pages XXII, XV, XVII.

Какъ на улицѣ дожжикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ....
Какъ во *пиръ* пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На *игрищѣ поиграть*.... [1]).

Замѣтимъ, что „хораводъ" называется „игрою", и хороводомъ „играютъ", но не гуляютъ. Этимъ словомъ отмѣчается его арійское, первоначальное религіозное значенье: *I* (86)—молить, призывать; *Гръ, граа; гараййамі* и *галаййамі* (222, 216)—звучать; пѣть, прославлять: *І-гра-ть*—молитвенно воспѣвать, прославлять. Отъ формы *гаалаййамі* произошелъ другой родственный глаголъ, неимѣвшій религіознаго значенья, *гулять* — забавляться музыкою и пѣньемъ. Слово „хараводъ" образовалось изъ многихъ созвучныхъ словъ, характеризующихъ частности этого обряда:

а) *Хару* (241) — жертвенное молоко и масло, важнѣйшіе предметы вѣдійскихъ жертвенныхъ приношеній; *Вôдумъ*, неопр. накл. корня *Вагъ* (572) — приносить: *Хару-вôдумъ*, *жароводъ*—жертвоприношенье молока и масла. Этому значенью слова вполнѣ соотвѣтствуетъ объясненный глаголъ „играть", отъ котораго и самый хороводъ называется „игрищемъ".

б) Корень *Кръ, Каръ* имѣетъ въ Рігъ-Вѣдѣ много значеній, изъ которыхъ одно: оглашать звуками окрестность, высоту поднебесную [2]). *Вâда* (576), — рѣчь, слова; звуки музыкальнаго орудія: *Кара-вâда, Кара-вôдъ*—оглашать окрестность словами и музыкальными звуками: Слѣдъ *вада* сохранился въ нашемъ глаголѣ: *вадить* на кого — наговаривать, наущать.

---

[1]) Сахаровъ, Сказ. Рус. нар. II, стр. 67, 78.
[2]) Grassmann, Wörterb. стр. 332, знач. 10.

в) *Кару* (203)—любовь; Кáмадêва—вѣдійскій богъ любви; *Вôдумъ*, отъ того-же крн. *Вагъ* — приводить, приманивать, привлекать; слѣдъ сохранился въ нашемъ областномъ глаголѣ *вадить*, бѣлорус. *вадзиць*: „вадить посулами". *Кару-водъ* — приманивать, привлекать любовь, Камадеву. *Кару-вâду*—любовныя слова, рѣчи; прославленіе Камадевы.

г) *Хара* (240)—движущійся въ разныя стороны; *Харійа* (231) — поступаніе, движеніе; *Хархарі* (241) — хоровое пѣнье, праздничный шумъ, битье въ ладоши; *Харана* (243) — плясунъ; хоръ духовъ, прославляющихъ подвиги боговъ. *Вôдумъ* (572) — водить: *Хара-водъ* — водить движущимися въ разныхъ направленіяхъ. *Харі* (240) — малôдушка, откуда *хароводка*, *хароводница*—руководительница танка.

Ай, на *горѣ* мы пиво варили:
Мы съ этого пива всѣ въ *кругъ* соберемся;
Мы съ этого пива всѣ *въ ладоши ударимъ*...[1]).

Gôla, *gûla* (255, 218), *коло*, сербское и малорусское названіе хоровода, а при взаимной замѣнимости *р* и *л*, *коро*, значитъ „кругъ": *Коло-водъ*, *коро-водъ* — вожденіе круга. Вышеприведенная галицкая пѣсня:

„*Колъ* огня ходитъ широкій танецъ",

значитъ „кругомъ огня".

Мы уже объяснили, отчего Сіва былъ извѣстенъ у насъ подъ именемъ Велеса, съ славянскою глоссою „скотій богъ"[2]).

---

[1]) Сахаровъ, Сказ. р. н, стр. 74.

[2]) Въ Болгаріи, нынѣшній городъ Кюприли, на р. Вардарѣ, назывался въ древности *Велесъ*, съ близъ лежащею отъ него безводною долиною *Овче поле*. Григоровичъ, Пут. по Евр. Турціи, стр. 118, 119.

У этого древнѣйшаго арійскаго бога было еще другое прозваніе, вполнѣ подтверждающее сказанную глоссу. Въ санскритѣ есть сложное слово *Гôпатî* (224), означающее „быкъ въ стадѣ каровъ“. Оно образовано изъ словъ: *Гô* (223) — карова и *Патî* (386) — владыка; мужъ. Но это же самое имя „Гопаті“ составляетъ и прозвище Сівы (224): „быковъ и коровъ владыка“, потому что *Гô*, какъ гомонимъ, означаетъ и быка и карову. Ограда, посвященная быку Сівы, называлась въ санскритѣ *Гôпутîка.* Въ дружинѣ этого бога находился удалый маладецъ, по имени *Танлу* (282), котораго индійская миѳологія признаетъ изобрѣтателемъ мимики и вообще танцевъ; но въ особенности ему приписывается изобрѣтеніе *Танлава* (289) — бѣшенаго танца Сівы и его поклонниковъ. У русь-славянскаго народа, такой же танецъ получилъ свое названіе, по прозвищу самаго „скотьяго бога“, *Гопа-къ* и *Гопі-ка* (224)—пастушескій, т. е. танецъ пастуховъ и пастушекъ; онъ называется еще *Гоцакъ*, отъ *Гôцагка* (22()) — вечерній, сумерочный сгонъ каровъ на ночлегъ, слѣдовательно „вечерній пастушескій танецъ“. Полнѣе выразилось плясовое значеніе имени Сівы въ малорусскомъ глаголѣ, означающемъ „танцовать“: *Гôпа* (224), *гопъ* —„оберегатель, покровитель скотьяго стада“, *Ца* (631)—*Сіва*, *Вâ* (559)—шествіе, движеніе: *Гопъ-цё-ва-ти* — „совершать покровителя скотьяго стада Сівы шествіе“.

Русь-славянскій народъ давалъ Гопаті еще другое прозвище: *Трапацу*, *Трапацъ*, *Трапакъ* — „хранитель скотьяго стада“, отъ *Трâ* (Grassmann 555)—хранитель, оберегатель, *Пацу* (403, Grassm. 795) — стадо скота, и потому танецъ въ честь Сівы *гопакъ* имѣетъ синонимомъ *трапакъ.* Вѣдійское выраженіе: *Пацу-трапъ* (Grassmann 796) или *Трапъ-*

пацу, *трап-пакъ* значитъ: веселиться радоваться о цѣлости скота.

Нашъ глаголъ *тропать*—бѣжать, бѣгомъ уходить, убѣгать, такъ же какъ бѣлорусскій идіотизмъ *дать драпака* —убѣжать, происходятъ отъ корня *Дрâ*, *дрâпайâмі* (334, 335)—бѣгомъ уходить, обращать въ бѣгство, бѣжать.

Съ наступленіемъ христіанскаго періода на Руси, народъ слилъ, по созвучію, имя *Велеса*, скотьяго бога, со св. *Власіемъ*, и 18 апрѣля, посвященное его памяти, называется, по народному *каровьимъ праздникомъ*. У первоначальнаго арійскаго народа, *карова* составляла существенное дабро, безъ котораго пикакое хозяйство не держалось; ея произведенія составляли необходимую принадлежность вѣдійскаго богослуженія, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе гимны Рігъ-Вѣды, упоминающіе о ней съ особенною любовью и благоговѣньемъ. Забота о ней преимущественно лежала на женщинахъ, и у русскаго народа существуетъ еще и теперь поговорка: „Пусти бабу въ рай, а она и карову за собой ведетъ“.

Русскій народъ—питомецъ баляновъ и баяновъ, кобзарей и бандуристовъ, тарабаровъ и таратаровъ: что-жъ удивительнаго, что онъ обладаетъ богатѣйшимъ достояніемъ разнообразныхъ, ни у кого не заимствованныхъ пѣсней? Вся его древнѣйшая исторія въ этихъ пѣсняхъ, въ которыхъ иногда одно слово стóитъ историческаго письменнаго документа.

Наша отечественная филологія тогда только принесетъ желанную пользу этнографіи, исторической географіи, вообще исторіи русь-славянскаго народа, когда въ основу славянскаго

языковѣдѣнія положится глубокое изученіе санскрита; когда въ классическомъ образованіи предоставится почетное мѣсто и вѣдійскому языку. Лексическое и грамматическое сравненіе славянскихъ нарѣчій съ санскритомъ укажетъ законы развитія ихъ изъ первоначальнаго языка, и обнаружитъ, какія изъ нихъ древнѣе, формы которыхъ изъ нихъ стоятъ ближе къ первоначальному языку. Въ изслѣдованіи строя нашего роднаго языка, у насъ обращаются къ санскриту какъ бы невзначай; оттого и происходитъ, что нерѣдко подводятъ подъ грамматическія правила такія слова, которыя имъ вовсе не соотвѣтствуютъ. Такъ, напримѣръ, правило перемѣщенія звуковъ подкрѣпляютъ словами: *лакомый*, которое есть будтобы *алкомый*, одна изъ формъ глагола *алкать*; также *ладонь* и *долонь*. Между тѣмъ это совсѣмъ не такъ. „Алкать", въ первоначальномъ смыслѣ, значитъ „сильно возбуждаться, накидываться на ѣду": *алченъ песъ, да не корыстенъ кусъ*, и глаголъ этотъ былъ произведенъ отъ сохранившагося въ санскритѣ существительнаго *Алака* (50), *алъка* — песъ, собака: *алъка-тъ*. Слово же *лакомый* происходитъ отъ корня — *Лакъ* или *Ракъ* (548, 530) — смаковать, вкушать; отсюда нашъ глаголъ *лакать*: „грѣшны, грѣшны, а щи *лакаемъ*"; отсюда и страд. прич. въ формѣ прилагательнаго *лака-мый*; только мы неправильно пишемъ, по окающему говору, „локáть", и возвращаемся къ корню въ начертаніи „лакóмый". а) *Радъ, радâмі* (534), или, по взаимной замѣнимости звуковъ *р* и *л*, *ладъ, ладâмі*—открывать; давать; отсюда: *ладана, ладó-нь*—открытая, несжатая, дающая (рука); б) *Далъ, далâмі* [313] — рызверзать, раскрывать; отсюда: *дала-на, далó-нь* и *длань* — разверзтая (рука).

Форма искаженная не можетъ дать отчета о формѣ ориги-

нальной какого-то воображаемаго чистаго славянскаго языка: оригиналомъ въ наукѣ долженъ быть фактъ положительный, а не воображаемый. Многочисленныя вѣка, отдѣляющія славянскія парѣчія отъ эпохи, когда санскритъ былъ живою рѣчью, менѣе могли повліять на ихъ измѣненія, чѣмъ географическое отдаленіе отъ древней прародины и обусловленное климатомъ и политическими судьбами народа состояніе варварства: это, при филологическихъ изслѣдованіяхъ, конечно не должно быть упускаемо изъ виду. Во всякомъ случаѣ, если современная лингвистика пришла къ окончательному убѣжденію что, арійская раса, къ которой принадлежитъ и русь-славянскій народъ, представляется въ человѣческомъ родѣ единственно и поистинѣ литературною; то историческое изученіе ея литературы должно начинаться съ ея древнѣйшаго памятника—Вѣды. Этотъ памятникъ въ высшей степени оригиналенъ; въ немъ нѣтъ ничего занятаго у предшествовавшихъ цивилизацій или у чужихъ народовъ; онъ достовѣренъ; содержитъ множество гимновъ изумительнаго разнообразія и богатства. За памятникомъ этимъ послѣдовалъ истолковательный періодъ, отъ котораго дошли до насъ писанія, гдѣ скоплены драгоцѣнныя свѣдѣнія о преданіяхъ, риѳмахъ, языкѣ, самой грамматикѣ гимновъ. Достаточно и этихъ короткихъ указаній, чтобъ понять безцѣнную важность изученія Вѣды для писменъ и исторіи русь-славянскаго языка, который какъ показали всѣ, доселѣ приведенные нами примѣры, представляется кровнымъ санскриту.

Руководствуясь достойными глубокаго уваженія общими и частными выводами западныхъ ученыхъ объ отношеньяхъ къ санскриту древнихъ классическихъ языковъ и новыхъ германскихъ и романскихъ діалектовъ,—мы не должны слѣпо

преклоняться передъ ихъ авторитетами, а подвергать самостоятельнымъ изслѣдованьямъ соотношенія съ санскритомъ славянскихъ діалектовъ, еще болѣе русскихъ областныхъ нарѣчій, которые почти не изучаются на западѣ. Преимущественно присмотрѣвшись только къ связи германскихъ діалектовъ съ санскритомъ, давно-ли нѣмецкіе ученые все *арійское* семейство языковъ окрестили тщеславнымъ наименованіемъ *индо-германскихъ*, которое теперь, благодаря болѣе безпристрастному отношенью къ дѣлу, уже вытѣснено изъ науки? А примѣровъ невѣрнаго примѣненья авторитетныхъ выводовъ къ русь-славянскому языку не мало; такъ, переводчикъ „Лекцій“ Максъ Мюллера по наукѣ о языкѣ порѣшилъ, безъ дальнихъ хлопотъ, воспользоваться слѣдующимъ его замѣчаньемъ: въ англійскихъ словахъ *christendom*—христіанство, *wisdom* — мудрость, суфиксъ *dom* происходитъ отъ корня *to do*, нѣмецкаго *thun*; съ этимъ корнемъ нашъ переводчикъ отождествляетъ славянское *ство*: царство, общество, утверждая, что у насъ буква *с* вставлена только для благозвучія [1]). Это совершенно не такъ. Слова, оканчивающіяся у насъ на *ства*, *ство*, означаютъ свойство, которое опредѣляется мнимымъ или дѣйствительнымъ существеннымъ признакомъ предмета, возводимымъ въ отвлеченное понятіе. Конкретное понятіе „богатый“, напримѣръ, означаетъ того, у кого скопилось излишество средствъ, удовлетворяющихъ потребностямъ жизни; приставкою *ство*, слово обращается въ отвлеченное, синтетическое представленіе всей совокупности вещей, потребныхъ человѣку для нуждъ и удо-

---

[1]) Стр. 205.—Но Максъ Мюллеръ замѣчаетъ, что слово euphonia, благозвучіе, слишкомъ неопредѣленный и едва ли научный терминъ. Nouv. leçons sur la science du lang. I, p. 227.

вольствій. Этотъ суфиксъ есть санскритское *Саттва* (673), *сътва*—существо, свойство; отвлеченное представленіе главнаго или выражаемаго корнемъ, признака, характеризующаго предметъ, напримѣръ: *цар*-ство, *мореход*-ство, *свин*-ство, *дураче*-ство и проч. Суфиксъ этотъ сливается съ другимъ тожезначущимъ реченьемъ *с́та* (735), нашимъ *сть*; напримѣръ: *сладо*-сть, *глупо*-сть. *Бу* (477) есть малорусское *бути*—существовать, церк.-сл. *бы*-ти, рус. *бы*-ть; приставкою *с́та*, образуется санскр. *бута-с́та*, какъ-бы наше *быто-сть* — сущность, естество. Здѣсь, мимоходомъ замѣтимъ о нашемъ словѣ *сладость*, въ которомъ *л* представляется замѣною санскр. *в*: корень

Свадъ, *Свуадъ* (744) — *слад*-ить, дѣлать что сладкимъ, смѣшивать съ нимъ; *свуаду* (746)—*слад*-кое кушанье, латин. suavis. Выше было замѣчено о постоянномъ соотвѣтствіи *в* и *л* въ русскомъ и малорусск.: ходилъ, плакалъ — ходивъ, плакавъ и проч.

У насъ, какъ мы видѣли, создаютъ въ воображеньи идеалъ чистаго славянскаго языка, и по этому идеалу кроютъ начертаніе, напримѣръ, слова *млънія*, говоря, что *такъ должно быть*; начертаніе же *мълнія*—неправильно. Вы возражаете, что для произношенія рѣшительно все равно, напишите-ли вы *мълнія* или *млънія*. На это отвѣтятъ, что-де въ такой-то древней рукописи постоянно или наичаще пишется *млънія*, и что оно должно быть правильно, потому что начертаніе *мъл* представляется какимъ-то неестественнымъ сочетаньемъ буквъ, хотя одинаковый звукъ слышится и въ *мъл* и *млъ*. Ясно, что тутъ споръ идетъ о звукѣ, значеніе котораго не сознается спорящими, отъ чего и самое начертаніе его становится безразличнымъ. Но когда найдется

для него положительная основа, спору не должно быть мѣста. Узнавши, что первоначальная форма разбираемаго слова есть *мілана-йіа*—мгновенный блескъ, вы тотчасъ поймете, что въ славянскомъ языкѣ время направило вліяніе закона экономизаціи звуковъ прежде всего на усѣченіе гласныхъ *а*, *і*, и вслѣдствіе того граматѣи, еще не утратившіе сознанія этимологической основы слова, замѣнили въ начертаніи эти гласныя усѣкательными знаками, откуда произошло *мълънь-йа*. Послѣдующіе писцы, уже не помня исторической основы, а только руководствуясь произношеньмъ, нашли, что *ъ* въ первомъ слогѣ излишне, и стали писать *млънія*, а другіе — *мълнія*. Для произношенья, это, конечно, безразлично; но изучающему историческое происхожденіе нашей письменности весьма важно возстановленіе первоначальной формы начертанія слова *мълънь-йа*. Представляемъ еще примѣръ: *міръ* и *миръ* — наши гомонимы, въ правописи различаемые условно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно произвольно, по не сознанію ихъ корней; а знай ихъ, мы писали бы „міръ" тамъ, гдѣ теперь пишемъ „миръ". Этими словами переведены у насъ въ евангеліи греческія: *еірини* и *космос*.

„Міръ (еірinин) имѣйте со всѣми" (Евр. 12: 14);

„Иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ миръ (космон)".

а) *Еірини* вѣроятно происходитъ отъ гомонима *еіръ*, означающаго: 1) связывать; *еіра*, *еіри*—сходбище, собраніе; 2) *еіръ* — сказывать, говорить. Онъ соотвѣтствуетъ санскритскимъ: *іиръ*, *іирê* (92) — сближаться, подходить; *ірâ* (90)—.слово

Наше слово „міръ" означаетъ „состояніе соглашенія враждующихъ, соединеніе разъединенныхъ": Добрые люди на

міръ бранятся; рать стоитъ до міра. Оно происходитъ отъ корня *Міль* (507), по сродству *л* и *р*, *міръ* — сходиться, соединяться; также составлять общество; отсюда же названіе сходки, крестьянскаго собранія: „какъ *міръ* поволитъ, приговоритъ".

Міръ означаетъ еще родъ человѣческій: Ужъ сколько разъ твердили міру, что лесть гнусна...", отъ корня *Мръ*, *міръ* (513) — подлежать смерти, мереть; *міръ* — смертные, т. е. люди, въ противоположность *безсмертнымъ*, т. е. богамъ. Такое значеніе принадлежитъ и греческому *космос*, означающему между прочимъ „родъ человѣческій".

б) *Космос* означаетъ землю, совокупность всего созданнаго. Въ этомъ значеніи наше *миръ* есть сложное, образовавшееся изъ усѣченнаго *а* и гласной *і*; потому и слѣдовало бы писать *миръ*, а не *міръ*, а именно:

Миръ въ смыслѣ земли, на которой живемъ, отъ *Ма* (483)—мать, *Ірâ* (90)—земля: *ма-іра*, *мъ-іръ*, *миръ*— мать-земля.

Въ смыслѣ всего созданнаго, вселенной: *Ма* (483) — Брâгма, существо существъ, самосоздавшееся въ формѣ первобытныхъ водъ, изъ которыхъ развилась вселенная [1]); *Ірâ* (90)—вода: *ма-іра*, *мъ-іръ*, *миръ* — Брâгма-вода, самосоздавшееся изъ первобытныхъ водъ.

Отсюда уже понятно, что славянская филологія, для изученія какъ вліянія экономизаціи звуковъ въ славянскомъ произношеньи словъ, такъ и въ историческомъ происхожденіи ихъ начертаній, должна не то что поставить себѣ задачей возстановленіе фантастическаго чистаго славянскаго языка; а

[1]) Iacobi et Bertrand, Diction. myth. univ.

дать своимъ разысканіямъ положительную историческую основу и опору, именно санскритскій языкъ, который, по отзыву нѣкоторыхъ ученыхъ, для языковѣдѣнія есть то же, что̀ математика для астрономіи [1]). Приводя къ нему славянскія нарѣчія, какъ бы къ ихъ общему знаменателю, мы, по тѣмъ уклоненіямъ отъ него, въ которыя болѣе или менѣе вдались нѣкоторые изъ нихъ сравнительно съ прочими своими родичами, можемъ между прочимъ усмотрѣть ту степень постороннихъ вліяній, которымъ эти нарѣчія подвергались въ минувшіе вѣка, при столкновеніяхъ съ другими языками.

Западные лингвисты, занимаясь преимущественно, если не исключительно, языками германскими и романскими и, черезъ посредство классическихъ, взводя ихъ къ санскриту, обыкновенно считаютъ діалекты славянскіе, а тѣмъ болѣе малоизвѣстный имъ русскій, съ его областными нарѣчіями, чѣмъ-то побочнымъ, второстепеннымъ, безъ чего можно обойтись. Въ доказательство подобнаго пренебреженія или, быть можетъ, незнанія, можно привесть, — кромѣ уже указаннаго нами мѣста изъ сочиненія Максъ Мюллера, гдѣ онъ сравниваетъ значеніе санскритскаго языка, въ отношеніяхъ къ греческому, латинскому, кельтскому и нѣмецкому, съ значеніемъ австрійскаго императора въ прежней германской конфедераціи, ни словомъ не упоминая о русь-славянскомъ языкѣ, — еще слѣдующую его же рѣчь: „Какъ-же это случилось, что числительное имя 4 говорится по-англійски *four*, по-французски *quatre*, по-латыни *quator*, по древле-ирландски *cethir*, по санскритски *чатуръ* (по западной транскрипціи *chatur*), по литовски *keturi*, по-гречески *tettares*, по-эолійски, *pisyres*,

[1]) Лекціи по наукѣ о языкѣ, стр. 149.

по-готски *fidvor*, по древле-верхне-нѣмецки *fior*, по-валашски *patru*"? [1]). Здѣсь, какъ видимъ, перечислены даже не очень значительныя изъ арійскихъ племенъ: валашское, литовское эолійское, древле-ирландское; а не приведено существующее въ русь-славянскомъ языкѣ *четыре*, наиболѣе близкое къ санскритскому, но, разумѣется, менѣе извѣстное современному ученому, чѣмъ давно исчезнувшій эолійскій діалектъ. Отчего-же тутъ устранено хорошо, конечно, знакомое М. Мюллеру положеніе: si monumentum quaeris, circumspice, болѣе умѣстное, чѣмъ заглядыванье въ отдаленную глубь временъ, которая навсегда поглотила эолійское нарѣчій, едва-ли хорошо извѣстное и самимъ ученымъ. Допустимъ, на минуту, что нѣкоторые изъ нихъ, не знаючи живаго русскаго языка, захотѣли бы судить о его словопроизношеньи по буквеннымъ начертаніямъ, напримѣръ, словъ: „хорошо, поросенокъ": навѣрно можно сказать, что они вдались бы во многія нелѣпости. Такъ точно мы не знаемъ, какъ въ дѣйствительности произносились тѣ санскритскія слова, въ начертаніи каторыхъ видимъ теперь буквы, передаваемыя въ западной транскрипціи латынскими: *c* или *k*; *ch* или *kh*; *g*, *gh*; *ch*, или *k* или *č*; *ch'h* или *chh* или *kh* (наше *щ*); *j* или *g*; *jh* или *gh*; *h*. Извѣстно, что ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ, ни въ современныхъ французскомъ и нѣмецкомъ, нѣтъ того звука, который у насъ передается буквою *ч*; отъ этого санскритское слово, соотвѣтствующее по значенію и начертанію нашему *часъ* въ древнемъ смыслѣ, въ западной транскрипціи передается черезъ *khas*, *k'has*, *c'has* *shas*. Также *ха-та*: соотвѣтствующая въ этомъ словѣ начальная санскритская буква

[1]) Nouv. Leçons sur la sc. du langage, I, 218.

передается транскрипціей: *c'ha*, *kha*, *ksha* или просто иксомъ; отчего мы и переняли у западныхъ начертаніе *кшатръ*, вмѣсто *хаттръ*, *хатаръ*—воинъ. Пересмотрѣвши внимательно употребляемую на западѣ транскрипцію санскритскихъ словъ, мы признаемъ за самую разумную ту, которая усвоена французскою Станиславскою академіей и проведена въ словарѣ Бюрнуфа; скажемъ болѣе — признаемъ ее за самую безпристрастную, такъ какъ въ транскрипціи нѣмецкихъ ученыхъ замѣтно проглядываетъ стремленіе направлять ее къ нѣмецкому произношенію, вслѣдствіе предвзятой идеи, что арійскіе языки должны быть извѣстны свѣту подъ заглавіемъ *индогерманскихъ* [1]). У Бюрнуфа, напримѣръ, буквально соотвѣтствующая санскритскому начертанію, транскрипція есть *iĉĉâmi*, *ичщâмі*, наше *ищу*, *iĉĉat—ищущій*; по транскрипціи-же Ауфрехта и Грассмана, (продолжающихъ называть арійскіе языки „индо-германскими"), это самое слово пишется *ichat*, т. е. *ixamъ*: звуки *ч* и *ш* совершенно исчезаютъ.

Понятно послѣ этого, что этимологическія толкованія западныхъ ученыхъ нерѣдко являются односторонними, во вредъ истинѣ, какъ это можно доказать, напримѣръ, Максъ Мюллеровымъ же разборомъ слова „исторія":

„Взявши слово *historiquement*, говоритъ онъ, мы прежде всего можетъ отдѣлить отъ него нарѣчьное окончаніе *ment*, и намъ останется *historique*, латинское *historicus*. Здѣсь мы можемъ отбросить еще *cus*, прилагательный суфиксъ, посредствомъ котораго *historicus* былъ произведенъ отъ *histōr* или отъ *historia*, такъ какъ это послѣднее слово само произве-

[1]) Даже въ наше время, гг. Гейгеръ и Куно пустились въ ученыя доказательства, что арійскіе языки должны называться *германо-індійскими*; ибо де первобытною колыбелью всей арійской расы была центральная Германія. Pictet, Les Or. ind.-eur., I, 69.

дено отъ *histōr* помощію женскаго суфикса *ia*, служащаго для образованія отвлеченныхъ именъ. На самомъ дѣлѣ *histōr* есть испорченное *istōr*. Обѣ формы однако жъ сходятся, и жесткое придыханіе, замѣняющее мягкое въ началѣ слова, можетъ быть приписано діалектическому вліянію. Затѣмъ надо надо раздѣлить *istōr* на *is* и *tōr*, потому что *tōr* есть именительный единств. числа, какъ то видимъ въ латинскомъ *da-tor*, санскритскомъ *dâ-tar*, греческомъ *do-tér* — „да-тель, дая-тель", и потому что *is* есть коренной элементъ. Въ *is*, *s* есть видоизмѣненіе *d*; ибо, въ греческомъ, *d*, непосредственно послѣдуемое буквою *t*, измѣняется въ *s*. Такимъ способомъ мы наконецъ добираемся до корня *id*, который мы находимъ въ греческомъ *oîda*, въ санскритскомъ *vêda*, не усугубленное прошедшее время этого корня *vid*, извѣстнаго намъ въ англійскомъ *to wit* „знать". Итакъ *histōr* первоначально значило „нѣкто знающій или находящій" и *historia* значило „познаніе". Далѣе *vid* мы не можемъ восходить, и не можемъ также сказать, почему *vid* значитъ „видѣть", или „находить", или „знать" [1].

Во всемъ этомъ филологическомъ разсужденіи соблюденъ, повидимому, и законъ производства отвлеченнаго понятія отъ конкретнаго; но дѣло въ томъ, что первоначальное значеніе *histōr*, какъ „нѣкоего знающаго или находящаго", есть только предполагаемое, а не доказанное. Корень *vid*, въ конкретномъ значеніи, связывается съ чьимъ-нибудь зрительнымъ органомъ, дѣйствіе котораго не можетъ простираться на отсутствующій, исчезнувшій объектъ. Здѣсь мы начинаемъ наше истолкованіе слова „исторія" при помощи русскаго и санскритскаго языка.

[1]) Nouv. Leçons sur la science du langage, II, 2.

Старину спою синему морю на тишину.
Добрымъ людямъ на послушанье" [1]).

Въ миѳическую эпоху исторія не была, какъ теперь, прозаическою повѣтствовательницею, разкащицей; ея первоначальная форма — гомерическія рапсодіи, наши былины, старины: „старину спою"—спою про древнихъ отцовъ, героевъ, про ихъ дѣла. Въ санскритской литературѣ есть родъ историко-миѳологическихъ поэтическихъ произведеній, содержащихъ древнѣйшія легенды о богахъ и герояхъ: онѣ называются *пуранами*, отъ корня *Пуръ, пурâмі* — предшествую, иду впереди. Нарѣчіе *пурâ* — нѣкогда, древле, и отъ него *пурâна*—древній, старый; въ формѣ существительнаго средняго рода, слово это означаетъ пѣсню отцовъ, предковъ, древнюю поэму [2]). Древнѣйшій предокъ арійцевъ, какъ мы сказали прежде, назывался *Пуру*. Поэтому наше слово *старина* есть не болѣе какъ синонимъ санскритскаго *пурана*. Какъ наши „старины" пѣлись „на послушанье добрымъ людямъ"; такъ и пураны приглашаютъ добрыхъ людей къ ихъ слушанью, съ обѣщаніемъ за это разныхъ милостей отъ боговъ; напримѣръ, въ пуранѣ про *Прітху* говорится: „такова сила старины про Прітху, что слушатели ея будутъ утѣшены въ своихъ скорбяхъ" [3]).

Отдѣляя отъ слова „старина" приставку *іна* или *на*, мы имѣемъ *старь*, *старі*—слово, входящее въ составъ греческаго, въ формѣ окающаго говора, *стор*: *ἱ-στορ-ία*, что соотвѣтствуетъ нашему нарѣчію *из-стари*. Теперь надо

---

[1]) Онежск. былины, № 40, стр. 205.
[2]) Leupol, Spécimen des purânas.
[3]) Les livres sacrés, des toutes relig., ed. Migne, Vishnou-pourana, p. 255,

объяснить значеніе слова *старъ*, *старі*; присутствіе его въ греческомъ и русь-славянскомъ языкахъ показываетъ, что оно образовалось уже въ первобытной арійской прародинѣ, прежде чѣмъ вышли оттуда колоніи на поиски новыхъ поселеній.

Отъ корня *Асъ* происходятъ двѣ формы: *ста* и *сатъ*; послѣдняя *Сатъ* (672), *сътъ* означаетъ: добродѣтельный, превосходный; почтенный; ученый; *Арі* (47)—домовладыка, родоначальникъ: *Сатъ-арі*, *сътъ-арі*, *сътарі* — добродѣтельный, превосходный, почтенный, знающій домовладыка, родоначальникъ. Если вспомнить, что въ первобытныхъ общинахъ главы дома, родоначальники были верховными правителями, священниками, наставниками происшедшаго отъ нихъ поколѣнія; то приведенные эпитеты, къ нимъ приложенные, ни сколько не должны удивлять насъ: *стари* были хлѣбомъ, свѣтомъ и разумомъ рода-племени, какъ это подтверждается и частными ихъ наименованіями: *Дѣдъ*, *дідъ*, отъ *Діді* (322) — сіять, блистать; *Прадѣдъ* отъ *Прадідійе* (439) — мерцать: „О Ацвіны, сіяющіе-агни (діді-агні)! пейте медъ свѣтло-шипучій"[1]). Эпитетъ *сът* слился въ одно съ главнымъ словомъ и *арі*, домовладыка, иначе уже не назывался какъ *старі*. Въ греческомъ языкѣ слово это не удерживалось въ первоначальномъ, самостоятельномъ значеніи; однакъ-жъ въ своей окающей формѣ, оно внятно отзывается въ реченіи *στορ-γή* — домовладычняя, отчая любовь, *στορ-γεω* и *στερ-γω*—оказывать домовладычнюю, отчую любовь. Послѣдовавшія за тѣмъ приставки къ этому слову, уже означавшему цѣльное понятіе домовла-

[1]) Aufrecht, Die Hymmen des Rig-Veda I, M. I, № 15, Ст. 11 — Ludvig Der Rv. № 789, ст. 11.

дыки въ его высокомъ значеніи, служили только новыми эпитетами, возвеличивающими его достоинство.

а) *Ка* (132), *къ*—солнце; глава; разумъ; князь: *Старі-ка*, *Старі-къ*—солнце, глава домовладыка и проч.

б) *Іна* (88) владыка, господинъ: *старъ-іна*, *старина*—правитель домовладыка;

в) *іца* (92), *іцъ* — владыка, господинъ: *стар-іца*, *стар-ецъ*.

Слово *отецъ*, по акающему говору, и *атéцъ*, по акающему, принадлежитъ всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ. Можно, казалось бы, произвесть его отъ косвеннаго падежа *атасъ*— „отъ сего, изъ сего", подразумѣвая: происшедшій, рожденный [1]); но, вѣрнѣе, оно есть синонимъ „старі", и образовалось изъ

Аті (13), префиксъ, означающій множество, превосходство въ смыслѣ того слова, съ которымъ онъ соединяется;

а) *іца* (92), *іцъ*—владыка, господинъ: *Аті-іца*, *ат-ецъ*—владыка множества, владыка по превосходству;

б) *Іяацъ* (523) — свѣтъ, слава: *Аті-іяацъ*, *ат-ецъ* — свѣтъ, слава множества, свѣтъ по превосходству.

Предъидущія наши объясненія подтверждаются еще однимъ синонимомъ: *Батя* есть санскритское *Паті* (386) — владыка [2]). Съ приставкою *Ка* (132) — солнце, образуется слово:

„Паті-ка", „бать-ка"—владыка-солнце. Эпитеты: „свѣтъ,

---

[1]) H. Grassmann, Wörterb. sum R.-Veda.

[1]) *Нарі-паті* — владыка наръ: Th. Aufrecht, Die Hymmen des Rig-Veda, Mand. II, 1.

солнце", которые въ нашихъ народныхъ, особенно же свадебныхъ, пѣсняхъ придаются отцу-батюшкѣ и матери (*Ма.* 483, свѣтъ), представляются только раскрытіемъ сокровеннаго въ этихъ словахъ первоначальнаго ихъ значенія. Отсюда эпитетъ „свѣтъ", въ значеньи почета и величанья, перенесенъ и на всѣхъ людей, которымъ хотѣли выразить почтеніе и ласку, подобающую дѣдамъ и отцамъ:

„И вы, гости наши, посидите у насъ,
И вы, *свѣты* наши, побѣсѣдуйте у насъ"[1]).

Такимъ образомъ первенство, первое мѣсто по достоинству и положенію въ первоначальномъ родѣ-племени принадлежало домовладыкамъ, главамъ рода, отцамъ, и слова: „старъ, старикъ, старецъ", удержали донынѣ смыслъ первенства по общественному положенію:

„И собрашася со *старцы*, совѣтъ сотвориша", Матѳ., т. е. собрались со знатными, почетными лицами.

„Соборный *стар-ецъ*"—участвующій въ монастырскомъ правленіи.

„Міръ постановилъ и *старики* приговорили" — утвердили своимъ одобреніемъ.

„*Стар*-шіе впереди сидятъ".

„Губный *стар*-о-ста"—правящій уголовными дѣлами.

„Всѣ въ *стар*-о-стахъ будемъ, некому будетъ и шапки передъ нами снимать".

„Войсковая *стар*-шина" — собраніе начальствующихъ войскомъ.

„*Стар*-ѣйш-іна"—глава между правящими.

---

[1]) Сахаровъ, Свад. пѣсни, Ш, стр. 31.

Стари были первыми въ родѣ-племени не только по положенію и значенію; по имъ принадлежало первенство и по времени, такъ какъ они *шли впереди* происшедшихъ отъ нихъ поколѣній, родовъ; они были просвѣтителями потомства, знавшими то, что было до его нарожденія. Поэтому съ идеей *старі*, родоначальника, слилась идея древняго, долго жившаго и потому многое видѣвшаго: старики были для молодаго поколѣнья воплощенною древностію, и то же почтеніе, которое окружало домовладыку по его достоинству въ родѣ-племени, оказывалось ему уже и по числу прожитыхъ имъ лѣтъ, и по пріобрѣтенному черезъ то знанію и опытности. *Старъ* стало гомонимомъ, означавшимъ старшаго и по положенію и по лѣтамъ; раздѣленіе этого понятія породило, съ одной стороны, передовыхъ по положенію: старцевъ, старостъ, старшинъ, старѣйшинъ; а съ другой—передовыхъ по времени: старыхъ, стариковъ, старцевъ, старинъ. Въ послѣднемъ значеніи слово это сблизилось со смысломъ такого же слова въ Рігъ-Вѣдѣ, гдѣ оно означаетъ безплоднаго, нераждающаго вообще и въ частности: женщину нераждающую[1]).

„Молодой на битву, а *старый* на думу".

„*Старъ* годами, да молодъ умомъ".

„Молодъ, да *стары* книги читалъ".

„*Старый* (предшествующій по времени) другъ лучше новыхъ двухъ".

„Новгородъ—*старый* городъ",

„Какъ *старшие* положатъ, на томъ и пригороды станутъ" — какъ передовые по значенью и времени, т. е. ми-

---

[1]) H. Grassmann, Wörterb. zum Rv.

трополіи, положатъ, на томъ послѣдующіе по времени и подчиненные колоніи станутъ.

Стар-іна, старінушка,—человѣкъ, *опередившій* другихъ лѣтами, пурана—идущій впереди.

На (351), приставка къ *старі*, въ отличіе отъ *іна*, значитъ: война; слава, знаменитость: *Старі-на*—война древнихъ домовладыкъ; славные, знаменитые древніе домовладыки. „Спѣть старину" значило: спѣть про *славныхъ* древнихъ домовладыкъ. По значенію приставки *на*, слово „старина" не рѣдко замѣняется въ нашихъ былинахъ словомъ „слава":

А тутъ Соловью ему й *славу поютъ*,
А й славу поютъ ему вѣкъ по вѣку.

Тутъ Михайлу Потыку сыну Иванову славу поютъ,
Синему морю на тишину,
Добрымъ людямъ на послушанье [1])

Таковъ первоначальный конкретный смыслъ „старины", обратившейся потомъ въ отвлеченное понятіе старобытныхъ временъ вообще. Наше нарѣчіе *і-стари*, *из-стари* буквально значитъ: начиная домовладыками, родоначальниками; выраженія: „такъ пошло, повелось изстари; пошлина по старинѣ" означаютъ, что такой-то обычай, уставъ начался съ родоначальниковъ. Въ этомъ смыслѣ оно соотвѣтствуетъ греческому *ἱ-стор*, потому что тутъ корень, не *іс*ъ, ни *ід*ъ, ни *від*ъ, а

I (86)—начинать. Начало всегда предполагаетъ соприкосновеніе, связь съ другимъ предметомъ, какъ первымъ пунктомъ, отъ котораго идетъ движеніе; связь эта выражается

[1]) Онежск. былины № 6, 74, стр. 66, 445.

присоединеніемъ къ корню *і*—начало, предлога *са* (667), *съ*, изъ чего образовался нашъ сложный предлогъ *изъ*: „итти изъ города“ значитъ—начать шествіе городомъ; „пошло *из-стари*“ — началось домовладыками, родоначальниками. Какъ изъ нарѣчія *пурâ* образовалось *пурâна*; такъ изъ той же части рѣчи *і-старі*, *із-старі*, составилось *і-сто̀рія*.

Итакъ, въ первоначальномъ своемъ видѣ, *исто̀рія*, *ἱ-στορί-α*, была „пѣньемъ старины“ — воспѣваньемъ, прославленьемъ подвиговъ первыхъ родоначальниковъ, домовладыкъ, отцевъ племени. Всякая древность къ нимъ возводилась и отъ нихъ начиналась; отъ этого, впослѣдствіи, и всякій разсказъ, начинавшійся героями и дѣлами минувшихъ дней, получилъ общее названіе „исторіи“. И мы усвоили это слово, какъ чужое, вовсе не узнавая въ немъ своего родича, своей старины, которую поютъ еще и донынѣ забытые пѣвцы нашихъ захолустьевъ:

Взялъ Настасью за бѣлы руки,
Повелъ Настасью во свой онъ домъ,
Этто тутъ Добрыня наживается,
А *исто̀рія-рѣчь* тымъ кончается [1]).

Кор. *Рі̂чь*, *рі̂ча̂мі* (120) — воспѣвать, прославлять; отсюда: *рі̂чь*, *рѣчь*—стихи вѣдійскихъ гимновъ: *Із-старі-рѣчь*, *і-старі-рѣчь*, обратившееся въ *і-сто̀рія-рѣчь*, значитъ: начальныхъ домовладыкъ прославляющая пѣсня.

То старина, то и *дѣянье*,
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
А добрымъ людямъ на послушанье... [2]).

---

[1]) Онеж. был. № 65, стр. 358.

[2]) Кирша Даниловъ, Древнія русскія стихотв.

Здѣсь слово „дѣянье“ нельзя считать производнымъ отъ „дѣять“ въ его нынѣшнемъ значеньи; оно — отпрыскъ древняго корня *Дíі*, *дíйе̂* [322], *дѣй*—исчезать; миноваться, погибнуть: „То старина, то и *дѣянье*“ — давно минувшее, исчезнувшее.

Такимъ образомъ, не прибѣгая къ Максъ Мюллерову буквенному уравненію: s=d, is=id, id=vid, и совершенно соглашаясь съ его словами, что „фонетическіе законы конечно полезны, но не составляютъ единственныхъ орудій, которыми лингвистъ долженъ умѣть пользоваться [1]“, — мы указали общій источникъ двухъ разновидностей одного и того же арійскаго слова: а) *старі-на*, б) *і-старі*, *із-старі*, *ἱ-στορί-α*, *и-сторі-я-рѣчъ*.

Въ древнюю, арійскую эпоху русь-славянскаго народа, *старъ*, *старикъ* — домовладыка, родоначальникъ, какъ предшествовавшій потомству древностію лѣтъ, украшался еще эпитетомъ *жрецъ*, *жерцъ*, значеніе котораго опредѣляется гомонимическими корнями:

а) *Жръ*, *жіръ*, *же̂ръ*, *жъре*; *жірайа̂мі* (272); *Жрі*, *жраійа̂мі* (275) — старѣть, дряхлѣть, старѣться; *іца* (92), *іцъ*—владыка: *Жеръ-іца*, *жрі-іца*, *жер-цъ*, *жръ-цъ* — старый, древній владыка. *Старъ Жрецъ* — добродѣтельный домовладыка, древній господинъ, ветхій деньми. Въ ту отдаленную эпоху, онъ былъ также, какъ мы уже сказали, священникомъ въ своемъ родѣ-племени, исполнителемъ обряда, которому, по первоначальной арійской религіи, кровавыя жертвы

[2]) Nouv. Leçons sur la sc. du langage, I, p. 31.

были чужды. Дѣйствительно, корень, означающій богослужебныя дѣйствія, есть вѣдійское

б) *Жръ* (272, 222, 221) — молиться; воспѣвать, прославлять; возливать (растопленное масло въ огонь): *Жръ-їца*, *жръ-ецъ* — съ молитвою и пѣснью домовладыка, приносящій возліяніе.

Такъ какъ звуку *ж* соотвѣтствуетъ въ греческомъ гортанный; то мы полагаемъ, что отъ этихъ же корней происходятъ: *γηραιός* — старый и *ἱερεύς* (*г'іереус*)—священникъ.

Корень, приведенный выше подъ литерою *а*, какъ гомонимъ, объясняетъ намъ также значеніе нѣкоторыхъ древнихъ русскихъ словъ, неправильно понимаемыхъ. Въ значеніи „старѣть, старѣться" отъ него происходятъ:

а) *Жїръна* (269), *жирнь* — стародавній, древній. Въ Словѣ о полку Игор.: „Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука.... убуди *жиръна* времена" — разбудила древнія, стародавнія времена. Отъ того-же корня

б) Въ значеніи: истощаться, изживаться; тяготиться, сокрушаться, падать духомъ, происходитъ: *жиръ* — уныніе, печаль, тягота, и прилаг. *жиръпь*. Въ „Словѣ": „Печаль *жиръня* утече среди земли руськыя" — печаль обезсиливающая, тягостная. Невѣста, въ свадебныхъ пѣсняхъ, говоритъ родителямъ:

Ваша думушка часовая —
Моя *журушка* вѣковая
У чужаго чужанина....

т. е. моя печаль, тягота вѣковая. Въ причитаньяхъ по покойникѣ, вдова голоситъ: „Какъ въ проклятой, во несчастной живу *жирушкѣ*" [1]), т. е. въ тяготѣ, въ сокрушеніи.

---

[1]) Пѣсни, собр. Рыбниковымъ, III, 353, 355, 411.—

Корень *Гйръ* (756), во флексіяхъ перемѣняющій *г* въ родственное *ж*: *Жйръ*—захватывать, отнимать; отсюда наше *жиръ* — захватъ, добыча. *Гйрана*, *Гйранйа* (754), *гйрънъ*, *жйрнъ*, а въ отличіе отъ *жйрнъ* (старый) — *жйръ*: богатство вообще, избытокъ, достатокъ; золото. Въ „Словѣ": „Кають князя Игоря, иже погрузи *жиръ* въ днѣ Каялы, рѣки половецькыя" — Игорь потопилъ въ Каялѣ всю *добычу*, передъ тѣмъ захваченную у Половцевъ: „злато, паволокы, драгія оксамиты", которыя „руськымъ женамъ" такъ жадно хотѣлось „потрепати". Пословица: „на чужомъ *жиру* недалеко уѣдешь", т. е. на чужомъ богатствѣ, золотѣ, на чужой добычѣ.

Здѣсь кстати объяснить еще одно темное мѣсто въ Словѣ о плк. Игоревѣ, такъ какъ оно слѣдуетъ за стихомъ, въ которомъ встрѣчается рѣченіе *жирнь*:.... „убуди жирьна времена. *Усобица княземъ на поганыя погыбе*: рекоста бо братъ брату: „се мое, а то мое же". И начяша князи про малое „се великое" млъвити, а сами на себе крамолу ковати; а погании со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю руськую". — *Усобица*, славянское слово, явилось тутъ на мѣсто одного изъ „старыхъ словесъ" баяна, или древлерусскаго рѣченія, смыслъ котораго либо самъ авторъ „Слова", либо переписщикъ не понялъ, а потому и переиначилъ. Оттого-то, при пониманіи „усобицы" въ смыслѣ междуусобія, и представляется отсутствіе связи между начальною фразою періода и послѣдующею рѣчью. Надо полагать, что тутъ значилось *усопица*, сложное слово состоящее изъ

Крн. *Ушъ* (117), *усцъ*, *усъ* — сожигать; въ метафорич. смыслѣ пожирать, истреблять; отъ него происходитъ санскритское *Ушáпа*, *усóпъ* — агонь; пожиратель, истребитель;

Ца (631)—оружіе (наприм., въ словѣ: сулі-ца): *Ушѡпь-ца*, *Усопі-ца*, обращенное въ *усобицу*, значило „истребительное, какъ агонь пожирающее, оружіе". Тогда рѣчь „Слова" будетъ имѣть слѣдующій смыслъ: „*Всепожирающее оружіе у князей на поганыхъ исчезло*: ибо они сказали братъ брату.... И начали князья на самихъ себя крамолу ковать, а поганые между тѣмъ со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на землю русскую"[1]).

Изъ первоначальнаго арійскаго домашняго богослуженія образовался потомъ, вслѣдствіе усложнившихся обрядовъ, умножившихся гимновъ и преданій, особый классъ народа, который избралъ для себя спеціальнымъ занятіемъ публичное отправленіе религіознаго служенія. Время ввело въ употребленіе закланіе животныхъ въ пищу богамъ, и къ первоначальному значенію слова „жрецъ" прибавилось значеніе гомонимическаго корня *Жъръ*, *жірі* (268) — убивать; а отъ него — *Жіра* (269), *жіръ*, *жъръ* — ножъ жертвеннаго закланія.

„Жрецъ", отдѣлившись отъ своего древняго русь-славянскаго „Старъ", осталось книжнымъ; оно не встрѣчается ни въ былинахъ, ни въ пѣсняхъ Руси: народъ сохранилъ названіе прежняго исполнителя религіозныхъ обрядовъ, „старика", домовладыки, какъ это показываетъ замѣчательная по своей эпической рельефности, глубоко древняя обрядовая пѣсня: въ ней ясно выставлены и вѣдійская *гурьба* поклонниковъ подъ открытымъ небомъ, и пылающій въ срединѣ ихъ агонь, и „старикъ" съ жертвеннымъ ножемъ, и жертва.

[1]) „Крамолу ковать"—метафора, состоящая въ связи съ оружіемъ; объяснить ее здѣсь считаемъ пока неумѣстнымъ.

За рѣкою за быстрою, ой калiбдка!
Лѣса стоятъ дремучiе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великiе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы.
Поютъ пѣсни калiбдушки.
Въ срединѣ нхъ *старикъ* сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ.
Котелъ кипитъ горючiй,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати....[1]).

Религiозный руководитель рода-племени назывался по-санскритски *Гуру* (220): онъ могъ быть или домовладыка, или какой-нибудь брагманъ. Окружавшее его, при совершенiи обряда, собранiе народа называлось у Русь-славянъ *гура*: слово это на украинскомъ нарѣчiи означаетъ „собранiе“; бѣлорусское: *гур*-комъ значитъ „толпою, ватагою“. Мѣсто для вѣдiйской священной ограды избирались на холмѣ, на бугрѣ: сербское *грба*-бугоръ, горбъ; но русское *гурьба* — толпа народа, содержа въ себѣ идею малорусскаго *гура* — собранiе, приставкою *ба* точнѣе выясняетъ характеръ собранiя: это—санскритское *'Ба* (469), синонимъ *Сукра* (651), которые оба были эпитетами священнаго агня вѣдiйскаго жертвенника. Такимъ образомъ *гурь-ба* собственно означала „собранiе у жертвеннаго агня“. Происходившее при обрядѣ толченiе и выжиманiе сока „сомы“ оставило слѣдъ въ вологодскомъ глаголѣ „*гур*-гать“ — стучать и сербскомъ „*гура*-ти“ — толочь. Собравши такимъ образомъ нѣсколько лучей древняго вѣдiйскаго обряда, разсѣянныхъ въ русь-славянскомъ

---

[1]) Сахаровъ, Сказ. рус. нар. II, стр. 257.

мірѣ, припомнивши первоначальное религіозное значеніе хоровода, и сообразившись съ вышеприведенною русскою обрядовою пѣснію,—мы можемъ достаточно возстановить въ своемъ воображеніи ту картину древнѣйшаго арійскаго жертвоприношенія, которая отрывочно изображается во многихъ гимнахъ Рігъ-Вѣды, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ стихѣ:

„Подобно гусямъ, взгомонимъ (*карінута*) пѣсню подъ ладъ каменнымъ тискамъ, упоенные восторгомъ на жертвенномъ пиршествѣ, созданномъ гурьбою; съ богами, о жрецы, пѣвцы-руководители, прозорливые нары, пейте, о куціки, сому съ пьянымъ медомъ“ [1]).

Синонимомъ „исторіи“ является *повѣсть*, и, вѣроятно, слово это образовалось подобно первому; ибо *пó-вѣстъ* первоначально было тожезначущимъ „старі“, то есть разсказомъ, начинавшимся съ родоначальниковъ: „Се начнемъ *повѣстъ* сію: По потопѣ тріе сынове Ноеви“.... Тутъ, у христіанскаго лѣтописца, библейское родословіе вѣроятно замѣнило какую нибудь языческую повѣсть, походившую нѣсколько на родословіе „Нарцевъ“; иначе, откуда бы онъ почерпнулъ самое свѣдѣніе о первоначальномъ имени Русь-Славянъ „Нарци“?

Па, *Пá* (382, 403) — правитель, державецъ; покровитель; хранитель, *Васта*, *Васту* (572) — домъ, жилище; городъ: *Па-васта*, *пóвѣстъ* — правитель, державецъ жилища, города.

Позднѣе, образованіе этого слова должно было слиться

---

[1]) Aufrecht, Die Hymmen des Rv., I, Mand. III, № 53, ст. 10. — Санскр *Маду* (448), какъ и русское *медъ*, означаетъ не только продуктъ пчелъ, но и пьяный напитокъ.

съ другимъ синонимомъ, которое и получило окончательное значеніе „исторіи": *Васть, ваць, вачъ* (560)—говорить, сказывать, на-распѣвъ произносить; отсюда *Вâсть, Вâць* (574) — святое слово, гимнъ: *Пá-вâсть, пó-вѣсть* — хранитель святого слова: „повѣсть" устно переходила, по преданію, отъ домовладыки къ его пріемнику, прежде чѣмъ составилось собраніе гимновъ Рігъ-Вѣды.

Но то-же реченіе *Вâсь* означало „слово, рѣчь вообще"; такъ что *пó-вѣсть* получило въ послѣдствіи общій смыслъ устнаго преданія, источникомъ котораго были домовладыки, старі, пóвѣсты. Когда, напослѣдокъ, настало письмо, въ помощь терявшимся въ вѣкахъ преданіямъ; тогда приставка къ слову, означавшая древнѣйшій писчій матеріалъ, замѣнила источникъ преданія—живыхъ домовладыкъ, значеніе которыхъ падало съ развитіемъ централизующихъ властей, именно: *Та* (281)—дерево вообще, и слово *Па-вась-та, по-вѣсь-ть*, по значенію образующихъ его частей, получило смыслъ: „хранитель слова-дерево": это—первыя лѣтописи Нарцевъ:

Двѣ вегласнѣ дѣвѣ (выступистѣ)
Выученѣ вѣщьбамъ Вітезовымъ:
У едной су *дескы* правдодатне,
У второй мечь крівдыкараючій[1]).

И долго еще дерево, какъ дешевѣйшій писчій матеріалъ, не выводилось изъ употребленія на Руси: въ правой грамате 1483 г. значится: „И княжой бояринъ Михайло да Климета соцкой тое воды досмотрѣли, да и *на лубъ выписали*, и передъ осподою положили, да и велись (судились) по лубу" [2]).

[1]) Любушинъ Судъ.
[2]) Акты Юрид. Археогр. Ком. № 2.

Много было потрачено Максъ Мюллеромъ утонченнаго филологическаго знанія на доказательство, что санскритское слово *Saramâ* было однимъ изъ многочисленныхъ именъ Зари, Авроры, и что у другихъ арійскихъ народовъ еще *не открыто*, въ ихъ миѳологической фразеологіи, никакого слѣда этого слова [1]). Знай онъ русскій языкъ, и изъ его доказательствъ многое было бы излишнимъ. Малорусскій глаголъ *соромитися*, говоря о дѣвицѣ, значитъ, по свойственной ей робкой стыдливости, „краснѣть", „рдѣться" лицемъ, подобно зарѣ: „ище трошки *засоромилась* передъ поважнимъ гостемъ, то й очиці спустила въ землю, а на виду ажъ *сияе* [2])". Отсюда, по внѣшнему признаку — выступленью на лицѣ багрянаго, какъ у зари, цвѣта — стыдъ и названъ *соромъ*, и изъ *Сарама* образовалось *сърамъ*.

Итакъ, по справедливому замѣчанью А. Людвига, „простая филологическая метода не можетъ во всѣхъ случаяхъ давать намъ въ руки тѣ факты, отъ которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ зависитъ пониманіе" [3]),—намъ должно самимъ, хоть бы для одного пріобрѣтенья фактовъ, возводить къ санскриту, помимо изслѣдованій западныхъ ученыхъ, русь-славянскія слова, которыя сохранились для насъ, какъ въ древнихъ памятникахъ славянской письменности, въ миѳологическихъ, личныхъ, этнографическихъ и географическихъ именахъ, такъ и въ живыхъ нарѣчіяхъ русь-славянскаго языка, въ его областныхъ говорахъ, въ народныхъ словесныхъ произведеніяхъ. Теперь эти слова кажутся намъ не болѣе, какъ существи-

---

[1]) Nouv. Leç. sur la sc. du langage, II, 213 и сл.
[1]) Кулішъ, Чорна Рада, стр. 48.
[1]) Die Rig-Veda, II B., Vorw. XI.

тельными, прилагательными, глаголами или частицами, то есть слѣдствіями, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ происшедшими изъ первоначальныхъ корней, истый смыслъ которыхъ въ нашемъ современномъ языкѣ утраченъ; но въ глазахъ историка, они должны обратиться въ важнѣйшій харатейный архивъ и антикварный музей. Опираясь на эти памятники, какъ несомнѣнные и неподдѣльные документы, и освѣщая ими такъ называемые документы историческіе, —мы надѣемся хоть нѣсколько прояснить, по изложенной здѣсь методѣ, ту темную многовѣковую эпоху, которая предшествовала пресловутой лѣтописной ,,Наченшу Михаилу царствовати".

NB. Предъидущія дополненія на стр. 240.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ.

Къ стр. 20 и 97. Въ виду слова *нара,* къ числу памятниковъ, сохранившихся въ устахъ русь-славянскаго народа, о его первобытной азіатской прародинѣ, со всею вѣроятностію можно отнесть и собственное имя *Тугигоры:*

Ай же сильнія могучіи богатыри
А накину на васъ службу я великую:
Съѣздить надо во *Тугигоры,*
Ай во *Тугингоры* съѣздить ко *лютой змѣи*
А за нашею за дочкою за царскою....[1]).

Это древнее русское и вмѣстѣ санскритское названіе Гималая: *Тугінâдрі* (297), которое сложено изъ словъ: *Тугіна* (296)—ледъ, снѣгъ, зима, морозъ, и *Адрі* (16)—гора; *Тугіна-адрі*—льдистыя, снѣжныя горы; только у насъ *адрі* замѣнено синонимомъ *горы*: *Тугинъ-горы, Тугигоры.* Другое санскритское имя этихъ горъ: *Гімâлаійа* (754) есть только синонимъ перваго: *Гіма* (754), *χειμών*, hiems, а у насъ, черезъ замѣну *г* родственнымъ *з, зіма* —снѣгъ, ледъ, холодъ: *âлаійа* (80)—жилище, пребыванье: *Гімâлай, Зіма-лай*—зимы, холода жилище, пребыванье.

„Тугигоры", какъ жилище холода, *зъла* (стр. 97 и прибавл. къ ней), врага теплоты и свѣта, не добромъ поминаются въ русскихъ миѳическихъ преданіяхъ: тамъ было жилище *„лютой* змѣи", какъ видно изъ приведенныхъ стиховъ былины.

Лютъ отъ крп. *Лоотъ, лутъ* (554, 542)—злиться, сердчать. Вѣроятно однако-жъ, что этотъ эпитетъ змѣи смѣщался съ угасшимъ въ народномъ сознаніи эпитетомъ *Латâ* (550) — ползучій' на что наводитъ и самое значеніе слова *змія,* санскр. *Зігмага*

[1]) Онежск. был., стр. 318.

(269), сложенное: изъ *Зігма* (269), *зьмь*—извилистый и суфикса *га* отъ *Гамъ* (211)—двигаться, ползать: *Зігма-га*—извилисто двигающаяся, ползающая. У насъ синонимическій для *га* суфиксъ—двоякій: *Ійа* (524) и *ейа* отъ крн. *І*—вообще двигаться: *зьмь-ійа* и *зьмь-ейа*—извилисто двигающаяся, ползающая.

Объясненное нами значенье „лютой змѣи“ подтверждается еще эпитетомъ *веретёная, веретенище*:

Приплыла тутъ къ ней змѣищо *воретенище*
Стало у ней сосать да бѣдь бѣлу грудь [1]).

Варетёный произведено отъ *Вэрата* (621 — земляной червякъ; слѣдовательно, *змья веретеная* значитъ: имѣющая видъ извилисто ползающаго червяка, червеобразная.

Отъ *Вэрата*, съ суфиксомъ *На* (351)—связываніе, сплетеніе, пряденіе, произошло наше областное *Вѣретя-нó* и обыкновенное *вереte-нó* — чорвеобразное пряденіе, т. е. это ручное орудіе получило свое названіе по сходству его дѣйствія съ извиваньемъ землянаго червяка. — *Веретеница*, теперешнее названіе змѣйки anguis fragilis, первоначально означало, вѣроятно, безвреднаго небольшаго пресмыкающагося, земноводнаго, похожаго на змѣйку или червяка, именно угря, который днемъ прячется въ тинѣ, а ночью выползаетъ на охоту за своею пищею: *Ніца* (371)—ночь; *Вэрата-ница, Веретеница*—земляной червякъ ночной.

Къ стр. 47. Древній языкъ, какъ священный и офиціальный, могъ употребляться господствующимъ классомъ народа до позднѣйшей эпохи, такъ точно, какъ зендскій, который хотя и пересталъ быть языкомъ живымъ и разговорнымъ уже въ эпоху христіанской эры, однакожъ донынѣ остается въ богослужебномъ употребленіи между Парсами (Гебрами), сгрупированными въ разныхъ мѣстностяхъ Персіи и Индіи. Аналогическій фактъ представляется намъ въ нынѣшнемъ употребленіи среди русь-славян-

[1]) Онежск. былины, стр. 183.

скихъ племенъ церковно-славянскаго языка, чуждаго живой, разговорной рѣчи, хотя и не въ очень значительной степени; онъ, впрочемъ, подвергался, въ теченіе вѣковъ, маловажнымъ видоизмѣненіямъ, вслѣдствіе племенныхъ вліяній. Конечно, онъ намъ понятенъ несравненно болѣе, чѣмъ зендскій Парсамъ.

Къ стр. 73. Германскія саги, также какъ и русскія былины, и Слово о плк. Игоревѣ, несомнѣнно имѣли подкладкою древнѣйшія преданія, которыя стерты болѣе поздними событіями, все-таки однако-жъ изображенными на старомъ фонѣ и „старыми словесы“; при чемъ древнимъ героямъ приданъ характеръ, сообразный духу послѣдующаго времени, хотя въ то же время за ними удерживаются ихъ древнія имена. Такъ, напримѣръ, нашъ багатырь Самсонъ является въ былинахъ со всею первообразною, грубою силою, все подавляющею; тогда какъ нѣмецкій король Самсонъ, хотя тоже багатырь въ своемъ родѣ, но уже съ характеромъ средневѣковаго рыцаря. У обоихъ одно имя; но его вовсе нельзя считать библейскимъ. Оно немного видоизмѣнилось уже въ христіанскій періодъ обоихъ народовъ, для согласованія съ именемъ израильскаго судіи-багатыря. Представимъ примѣръ нѣмецкаго видоизмѣненія и искаженія древняго преданія. Въ средневѣковой Wilkina сагѣ встрѣчается мѣсто, гдѣ сказано: „Кароль Самсонъ далъ своему третьему сыну кремль-городокъ (Burg) *Feritila, каторый у Варяговъ* (die Wäringer) *называется Fridsälu*[1]). Германскіе ученые, обработывая свои саги, съ исключительно нѣмецкой точки зрѣнія, видятъ въ нихъ и имена и слова только нѣмецкія; а между тѣмъ выписанное мѣсто есть искаженный обломокъ древности, затемненная память о кратковременномъ готскомъ владычествѣ въ южнорусскихъ степяхъ и по южному побережью Русскаго моря, о чемъ недоброе воспоминанье сохранилось у русь-славянскаго народа въ имени „*бусар*ское войско“.

[1]) Altd. u. Altnord. Sagen, übers durch F. Hagen, 2 Aufl. 1858, I, Wilk. Sg., S. 33.

Географическія имена, приведенныя въ выпискѣ и измѣненныя по нѣмецкому говору, суть древнія варяго-русскія, подобныя русскимъ именамъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго. Наша лѣтопись довольно подробно описала „Варяжскій путь", совершенно невѣдомый западнымъ лѣтописцамъ и балянамъ, хотя она и не сказала, какъ этотъ путь назывался на варяго-русскомъ языкѣ; Wilkina Saga намъ сохранила имя его:

Вâрі (578) — вода; *Тілль* (293) — ходить, двигаться: *Вâрітілла*, искаженное въ нѣмецкое Feri-tila, значило: „водяной путь". Вѣроятно, Готы, овладѣвши, такъ сказать, ключемъ, варатами этого пути у устья Днѣпра, построили тамъ кремль-городокъ, назвавъ его варяго-русскимъ именемъ водянаго пути, чтобъ держать этотъ путь въ своихъ рукахъ и собирать дань съ плававшихъ по немъ Варяго-Руссовъ. Имя же, которымъ Варяги будто бы называли этотъ городокъ, значило не городокъ и не путь, а промысловый водяной извозъ:

Врітта (613), *врітъ* — кругомъ двигающійся; промыселъ, занятіе; *Сала* (700)—вода: *Врітъ-сала*, измѣненное у Нѣмцевъ въ Frid-sälu, значило: „круго-ѣздный промыселъ водяной", т. е. изъ Русскаго моря и отъ устья Днѣпра водою до Балтійскаго моря, и отселѣ водою же до Рима и Царяграда, какъ обозначенъ этотъ путь въ нашей лѣтописи.

Къ стр. 83. О пѣніи лебедя упоминается и въ нашемъ народномъ творчествѣ, напримѣръ:

Ахъ! вотъ она идетъ будто пава плыветъ,
Рѣчи говоритъ, будто *лебедь поетъ*,

(Сахаровъ, Рус. простонар. праздники, в. II. стр. 97)

Къ стр. 93. Слово *теремъ*, въ нашемъ народномъ творчествѣ, особенно же въ свадебныхъ, какъ въ древнѣйшихъ, пѣсняхъ, пользуется самымъ обширнымъ употребленіемъ, подлежа, какъ родное слово, различнымъ грамматич. видоизмѣненьямъ: теремокъ, теремецъ, теремый. Въ одной изъ пѣсней: „Вы хоромы мои *те-*

ремые", т. е. жилища окончатыя, съ просвѣтами. Въ греческомъ языкѣ слово *τέρεμνον* стоитъ одиночкою, и употребляется очень рѣдко въ значеньи кровли; у насъ же оно имѣетъ исключительное значенье жилища: „теремы *златоверхіе*".

А летѣла тая стрѣлочка прямо въ высокъ *теремъ*.
Въ то было *окошечко* косевчато...;

Паставьте къ утру-свѣту мнѣ-то три терема,
Еще три терема да *златоверхіихъ*..,

Какъ тутъ въ Цари-гради отъ крыку еще каличьяго
Теремы-то вѣдь тутъ пошаталися,
Хрустальніи *оконнички* посыпались,

Тутъ скрыцали да калики перехожіи —
Тергмы у нихъ да пошаталися,
Околенки у нихъ да повалилися....

(Онежск. былины, стр. 25, 174, 239, 60).

Въ послѣднемъ стихѣ *околенки* есть синонимъ *оконички*; его первоначальный типъ — *око-локъ, око-лока*, отъ *Акха, акхі* (см. стр. 92), *ока*—глазъ; *Локъ, лока* (556) — видѣть, видѣніе, зрѣніе: *Акха-лока, око-лока, око-ленка* — окозрѣніе, проглядъ, прозоръ для глазъ.

Къ стр. 97. Въ Зендъ-Авестѣ, слово *зала*, наше *зълъ, зъло*, значитъ зима, холодъ, каторые признаются твореніемъ Аримана и его споспѣшника *Зѣма*-ка, враговъ Агура-Мазды (Ормузда) — источника теплоты и свѣта. (Pictet, Les Origines indo-europ. 1878, I, p. 48 и прим. на стр. 49).

Къ стр. 110. Постояннымъ эпитетомъ къ „ракитовъ кустъ" представляется въ нашемъ народномъ творчествѣ слово *частъ*. Въ миѳическую эпоху оно было у русь-славянскаго народа гомонимомъ, происшедшимъ отъ двухъ разныхъ корней. Одно изъ его значеній угасло въ народномъ сознаньи, именно: *цаста, частъ* — восхваляемый, прославляемый, отъ корня *Ц*ⁿ*асъ* (641): „всехваль

ный, прославляемый домашній овинный агонь"; „часты звѣзды"— прославляемыя, восхваляемыя звѣзды:

Свѣтелъ мѣсяцъ — хозяинъ нашъ,
Красно солнце — жена его,
Частъ звѣзды — ихъ дѣтушки.

Другое, донынѣ сохранившееся значенье, произошло отъ корня *Цацъ* (Grassmann, Wörterb. z. Rv.)—всегда, непрерывно возобновляться, повторяться; къ нему присоединенъ суфиксъ, въ санскритѣ *ватъ*, а у насъ—*та, тъ: цацватъ, частъ*—всегда, безпрестанно возобновляющійся, повторяющійся, встрѣчающійся: частыя деревья, частые дожди, часто-колъ, частая клѣтка, частая ткань—все это означаетъ безпрерывное возобновленіе, повтореніе одного и того же предмета, или однѣхъ и тѣхъ же составныхъ частей его. Въ основѣ третьяго значенья гомонима *частъ* лежитъ корень *Цась* (645)—повелѣвать, опредѣлять, править; отсюда, въ областномъ тврс.-псков. нарѣчіи, слово *Цась* — судьба, часть, удѣлъ (Дополн. къ областн. великор. словарю). Въ соотвѣтствіе значенію слова *звѣзда* (стр. 114), выраженье: *часты звѣзды* означаетъ — правящія, повелѣвающія или судьбу опредѣляющія звѣзды.

Къ стр. 126. Пропущено: *Мужъ-щiнна*—человѣкъ въ возрастѣ *щiнна*, т. е. въ возрастѣ способнаго „разверзать".

Къ стр. 149. Нашъ глаголъ *худѣть, худать*—спадать съ тѣла, терять полноту, происходитъ отъ корня *Ху'дъ* (193) — голадать; *Ху'да, Ху'дъ*—голодъ. Съ суфиксомъ *'Ба* (473) — имѣть видъ, казаться, образуется слово *Ху'да-'ба, худо́-ба*—видъ наружность голоднаго, истощеннаго.

Къ стр. 171. Въ примѣръ тожественнаго значенья словъ: *царь, король, князь*, какъ верховныхъ правителей народа, можно привесть еще слѣд. стихи изъ народнаго творчества:

Ищетъ царь
Царевну свою,
Каралевну свою....[1]).

Ай Владиміръ-то *князь* да столнекіевской
Говоритъ да таково слово:
Ай же сильніи могучіи богатыри,
А накину на васъ службу я великую:
Съѣздить надо въ *Тугигоры*,
А за нашею дочкою за *царскою*,
А за *царскою* дочкой за *Княженецкою*.... [2]).

По этому неудивительно, что, въ сербскомъ памятникѣ XIII в. (см. выше, стр. 166), наши князья, св. Борисъ и Глѣбъ, названы *царями*.

Къ стр. 201. Санскр. корень *Дігъ*, *Дêгê* (322) значитъ „мазать"; „марать". Съ суфиксомъ *Та* (181), *тъ* —дерево, образуется наше слово: *Дêгать* — древесная мазь. По главному назначенью дегтя, содержащій его сосудъ называется у насъ *мазницею*.

По вѣдійскому обряду, для того, чтобъ подкрѣпить агонь пищею, и придать ему бодрость и силу, на горящій кастеръ возливались: *сома*, спиртуозный напитокъ, и, непремѣнно, растопленное масло. Санскр. *Дêга* (331) значитъ „мертвое тѣло", и при его сожженіи на кострѣ, — игра словами *дêга*, *дêгать*, а можетъ быть, при подобныхъ случаяхъ, и дѣйствительное употребленіе

---

[1]) Снегиревъ, Рус. прос. праздн., в. II, стр. 89.

[2]) Онежск. былины, стр. 317.

дегтя, въ замѣнъ не всякому доступнаго масла, послужили основою пословицы, донынѣ сохранившейся въ народѣ: „Его хоть медомъ (хмѣльнымъ, въ замѣнъ сомы) да масломъ поливай, онъ все будетъ говорить: деготь“; т. е. *дѣга*, мертвое тѣло, для скорѣйшаго сгорѣнья, будетъ настаивать на одномъ: полить его дегтемъ.

Къ стр. 216. Значеніе *коляды*, какъ пѣсни, подтверждается народными стихами и рѣчами: „Прикажити-тко, хазяинъ, *коледу просказать*“, или: „Прикажи, сударь хазяинъ, *коледу пропѣть*“- (Сахаровъ, Русск. простонар. праздники, вып. II, стр. 66, 133)- — Въ Кормчей XIII в., коляда названа *игрою*: „яко отъ сотоны есть *игра* та“. (Востоковъ, Церк.-слав. словарь). Въ Псковск. и Тверск. губ., *коледовея* — пѣсни, каторыя дѣвушки, на канунѣ Рождества Христова, поютъ, ходячи на перекресткѣ дорогъ и запасшись овсяными блинами (Дополненіе къ акад. обл. великор. словарю, въ „Матеріалахъ“, т. IV, 1858 г.)

Коляды поются зимою, по старой памяти, въ честь Индры и не рѣдко отождествляемаго съ нимъ, даже въ гимнахъ Рігъ-Вѣды, Солнца, въ декабрѣ, когда праздновалось нашими язычниками зимнее солнцестояніе, или поворотъ солнца на весну; потому-то, съ припѣвомъ *Коляда*, мѣшаются у насъ, въ разныхъ мѣстахъ, *Авсень*, *Таусень*, *Говсень* (Снегиревъ, Рус. простонар. празн., в. II, стр. 107). Съ наступленіемъ на Руси христіанскаго періода, народъ перенесъ свое древнее празднованье и прославленіе Солнца на рождественскій канунъ и вообще на святки. а) *Аваса* (55)—Солнце, *Іна* (88)—владыка: *Аваса-іна*, *Авъс-ѐ-нь*—Солнце-владыко; б) *'Та* (278) — видимый солнечный кругъ: *'Та-авъс-ѐ-нь*, *Таусень* — круглое-солнце-владыко; в) *Гô* (223) — око, глазъ; пресвѣтлый: *Го-авъс-ѐ-нь*, *Говсень*—око-солнце-владыко, или всевидящее, пресвѣтлое солнце-владыко.

Къ стр. 231. Въ языкѣ Русской Правды представляется намъ переходная эпоха борьбы между древнимъ, нѣкогда быв-

шимъ у Русь-славянскаго народа священнымъ и официальнымъ, языкомъ *русскимъ* и вытѣснявшимъ его живымъ и разговорнымъ, *славянскимъ*, съ явнымъ перевѣсомъ на сторону послѣдняго: Слова: *вѣра, вира* принадлежатъ оффиціальному русскому языку; въ разныхъ рецензіяхъ Правды они смѣшиваются, означая во всякомъ случаѣ пеню или денежное возмездіе за преступленіе „Месть" была обоюдною обязанностію: родъ, къ которому принадлежалъ убитый (убитая *голова*), обязанъ былъ требовать выдачи *головника* (убійцы) отъ того рода, въ которомъ онъ скрывался; этотъ родъ, въ свою очередь, обязанъ былъ выдать головника *тѣломъ*, т. е. въ натурѣ: *Вêра* (618)—тѣло. Денежное воздаяніе, замѣнившее въ послѣдующее время выдачу головника тѣломъ, удержало за собою названіе предмета, который оно замѣняло, т. е. *Вêры*; оно же называлось *Вира*, т. е. „предпочтительная замѣна", отъ корня *Віръ* (712) — предпочтительно замѣнять одно другимъ. Такимъ образомъ, съ постепеннымъ угасаніемъ въ народномъ сознаньи порвоначальнаго значенья словъ, *вêра* и *вира* получили смыслъ пенныхъ, карательныхъ денегъ. Когда цѣлая опчина была обязана платить вêру за найденную въ ея округѣ убитую голову—*вêра* называлась *дикою*: „Аще кто не вложится *въ дикую вѣру*, тому людье не помагають, но самъ платить" (Рус. Пр., изд. Калачева, Тр. сп., ст, 6). Деньги эти употреблялись на расходы для похороннаго сожженія убитаго, такъ какъ древнее русское слово *дикая* есть сложное: *'Дікхъ* (345) — сожигать и *Каійа* (156) — тѣло: тѣлосожигательная вира.

„Месть", какъ обоюдная обязанность двухъ родовъ при случаяхъ „головничества", называется въ санскритѣ *Вѣра-суд'ді* (621), что значитъ: *Вѣра* (621) — вражда, ненависть, и *Суд'да* (652), *судъ* — очищеніе: вражды или ненависти очищеніе, — умиротвореніе.

Къ стр. 267. Точно также глаголъ *гаснуть*, по своей формѣ, очень схожъ съ толкнуть, швырнуть и проч.; однако-жъ онъ

слишкомъ отличенъ отъ нихъ, какъ отсутствіемъ значенія однократнаго дѣйствія, такъ и своимъ происхожденіемъ: а) *Кгасі* (232), *кгась*—богъ Агні, самопожирающійся въ своемъ видимомъ образѣ агнѣ, когда онъ уже кончается за недостаткомъ сгараемой пищи; б) съ нимъ соединялся эпитетъ *Нуті* (378), *нуть* — прославленный, поклоняемый. Слово это у насъ безсознательно приняло глагольную форму *гаснуть*, въ значеньи не переходящаго дѣйствія, когда агонь самъ-собою тухнетъ, за недостаткомъ горючаго матеріала. Въ позднѣйшій періодъ, въ формѣ *гасить*, онъ уже сталъ выражать и переходящее дѣйствіе. —Отъ *Гара* (749) — богъ Агні и *Гарі* — его видимый образъ агонь, произошелъ нашъ глаголъ *гарѣть*, по нелѣпому окающему говору *горѣть*, также означающій не переходящее дѣйствіе. Оба глагола подтверждаютъ уже приведенныя нами свидѣтельства объ обожаніи агня у русь-славянскаго народа.

Говорится: „горе *ухадило* добра молодца", или: „вчера *ухадили* медвѣдя". Глагола этого, означающаго „убить", ни какъ нельзя произвесть отъ *хадить*, т. е. дѣлать движеніе ногами. Корень Х*адъ* (202)—убивать.

Къ стр. 303. Къ числу измышленій Шафарика принадлежитъ между прочимъ названіе *Бодричей*, каторое онъ поставилъ на мѣсто не поддававшагося его филологическимъ пріемамъ имени *Ободритовъ*, славянскаго племени, жившаго по Лабѣ и Балтійскому побережью. Если припомнить объясненное нами значенье именъ: Венеты, Висла, Лаба, Одра, вообще означающихъ торговое движенье по водянымъ путямъ; то не мудрено догадаться, что къ ихъ семьѣ принадлежитъ также имя Ободритовъ. Оно сложено изъ словъ: *Апъ* (30)—вода, *ʻдріта*, отъ крн. *ʻдръ* (347) — промышлять, жить, существовать: *Апа-ʻдрітъ*, по окающему говору *Ободриты* — по водѣ промышляющіе, при водѣ живущіе. Послѣ нѣмецкаго завоеванія прибалтійскихъ земель, знатные и богатые изъ Славянъ слились съ завоевателями, и внесли свой духъ торговой предпріимчивости по водянымъ путямъ въ тотъ

средневѣковой союзъ городовъ, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Ганзейскаго. Значительная же часть бѣдныхъ сельскихъ Славянъ продолжали, и послѣ крещенія, заниматься судоходствомъ, рыболовствомъ, соловарнями [1]). Князь Прибыславъ, оставшійся вѣрнымъ религіи предковъ и предпочетшій раздѣлять горькую участь своихъ соплеменниковъ, далъ слѣдующій отвѣтъ епископу Герольду: наши господа, герцогъ и графъ, обременяютъ насъ такими ужасными податями и такимъ невыносимымъ рабствомъ, что мы предпочитаемъ смерть жизни. Какъ же намъ думать о новой вѣрѣ? Мы поэтому невольно *разбойничаемъ на морѣ* [2]). Для такого промысла нужны были, конечно, хорошіе судоходцы.

Къ стр. 305, п. 1 и къ 278. Первоначальная родовая нераздѣльность земли и ея опчинная обработка удостовѣряются еще слѣдующимъ фактомп: санскр. крн. *Пахъ, пахâмі* (382)—дѣлать, работать сообща, совокупно, вмѣстѣ; *Паха*—участникъ, товарищь въ дѣлѣ, работѣ. Отсюда наши слова: *пахать* —совокупно, опчиною обработывать землю, и въ этомъ значеньи глаголъ—исключительно великорусскій; съ суфиксомъ *арь*, отъ *аръ* — дѣлать, исполнять: *пахарь*—участникъ въ опчинномъ араньи земли. Санскритское *Пагкті* (383) — земля, есть, на нашемъ областномъ, тверск. и пск., нарѣчіи *пахать* (Дплн. къ обл. влкрс. Слов.), а на бѣлорус.—*пахаць*—взоранная земля, *пахотина*. Поэтому гл. *пахать*, примѣнившись къ этимъ именамъ, сталъ преимущественно означать оранье, утративъ въ народномъ сознаньи первоначяльный смыслъ опчинной работы вообще.

Къ стр. 308. Подобное же описанье угоняемаго полона встрѣчается въ одной изъ нашихъ былинъ:

---

[1]) Первольфъ, Германизація Балтійскихъ Славянъ, стр. 40, 43, 73, 84 103, 113.

[2]) Тамъ-же стр. 123

А тую землю всю въ полонъ взяли....
А какъ погнали добрыхъ коней
А стады ты стадамы вѣдь,
Ай повели какъ добрыхъ молодцевъ
А ряды ты рядамы вѣдь;
Ай какъ вели молодыхъ молодушекъ,
А какъ красныихъ дѣвушекъ,
А и повели оны толпицами....

(Онеж. былины, стр. 402)

Къ стр. 309. Сновидѣніе Святослава—аллегорическое изображеніе современныхъ ему событій. Бродитъ и играетъ вино молодое. Взмученное *съ друдомъ*, брожепіемъ, оно представляетъ молодыхъ князей, двухъ соколовъ, слетѣвшихъ „съ отня стола злата поискати града Тмутаракапя“; о нихъ Святославъ съ укоромъ говоритъ: „рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Сели створисте моей серебреней сѣдинѣ“! Потому-то бояре и объяснили князю, что вслѣдствіе этихъ печальныхъ событій, „туга плѣнила умъ его“, т. е. умомъ его овладѣли туга, заботы, хлопоты, безпокойства, породившія смутный сонъ. Объясненіе было основано на двоякомъ значеніи слова *съдрудъ*: конкретномъ, какъ „броженіе“ и метафорическомъ, какъ заботы, хлопоты. Свидѣтельство о употребленіи слова въ послѣднемъ значеніи представляется намъ въ слѣдующемъ фактѣ. В. И. Григоровичъ посѣтилъ древній монастырь Всесвяти близъ Охриды; на стѣнѣ его церкви пашелъ онъ надпись 1452 г., катораяя гласитъ: Храмъ сей созданъ и расписанъ „*сътрудомъ* и попеченіемъ раба Божія Ни... Божикова изъ града Охриды“...[1]). Ясно, что тутъ слово „сътрудомъ“ можетъ имѣть только одинъ смыслъ, именно: „заботливостію, хлопотами“.

Мы такимъ образомъ встрѣчаемся съ обломками древнѣйшаго, священнаго русскаго языка и на Балканскомъ полуостровѣ. Первымъ изъ византійскихъ имераторовъ, пожаловавшимъ грамоту, опредѣляющую Аѳонскій полуостровъ исключительно мѣ

[1]) Очеркъ путешествія по Евр. Турціи, 1877, стр. 107.

стомъ для отшельниковъ, былъ славянинъ Василій Македонянинъ. На Аѳонѣ сначала не было общежительныхъ монастырей, а существовали, такъ называемые „игуменары“ или, порусски, „скиты“. Соединеніе ихъ въ общежительныя обители началось не ранѣе X вѣка. Въ историческое время, преобладавшее на Аѳонѣ число монаховъ изъ Славянъ, можетъ вести къ предположенію, что и древнее вѣдійское отшельничество было тамъ основано Русь-славянами, въ лицѣ *рахмановъ*, скиты каторыхъ впослѣдствіи обратились въ христіанскіе. Корнемъ монастыря „Русико“, который уже въ XII в. считался на Афонѣ однимъ изъ главныхъ, былъ скитъ „*Ксилургу*“ или русскихъ [1]). Имя это, какъ сложное, объясняется реченіями древняго русь-славянскаго языка, *Ціла* или *Скіла*, а по греческому произношенію *Ксіла* (648), отъ котораго произошло и получило тожественное значеніе наше слово *скала*; *Урддга* (119) — высокій. *Скіла-урддга*: *Скілъ-ургъ* и *Ксілъ-ургъ* — скала-высока. — *Скітъ*, *Скітаійамі* (245)—владычествовать надъ чувствами, умерщвлять ихъ, возбуждаться къ созерцанію; отсюда *Скітта, скітъ* — владычество надъ чувствами, созерцаніе. Этимъ объясняется какъ образъ жизни рахмановъ, отшельниковъ, такъ и названіе способствовавшаго тому пустыннаго мѣста.

Вошедшее потомъ въ славянскія книги греческое слово *монастырь*, отъ *Μοναστής*, *Μοναστὴρ*—отшельникъ и *Μοναστήριον* — общежительная обитель отшельниковъ, есть только сподручная и легкая замѣна древняго русскаго слова *Намастиръ*, какъ оно и теперь еще произносится на бѣлорус., малорус. и сербскомъ нарѣчіяхъ. Въ жалованной граматѣ сербскаго царя или краля Стефана Уроша, въ началѣ XIV в., читаемъ: „Дарова св. хрисовулъ *намастиру* св. Николая въ мѣстѣ, нариц. Орѣховъ“ [2]). *Намасъ* (354) — поклоненіе, благоговѣніе, *Тîръ* (299), отъ коего *тîртга* (299), *тиръ* — святое мѣсто, какъ цѣль странствованія калікъ перехожіихъ, паломниковъ, для поклоненія, покаянія и

[1]) Григоровичъ, тамъ же, стр. 74 и сл,

[1]) Тамъ-же стр. 42.

очищенія: *Намасъ-тиръ* — „поклоненія святое мѣсто", или, по нашимъ былинамъ, „богомольная старана".

Ай багатырей во Кіеви не лучилосе:
Святополкъ багатырь на святыихъ горахъ,
А Алешка Поповичъ въ *богомольной сторонѣ*...[1]),

Кг стр. 313. Даль, не задумываясь, лишь по звуковому сходству *Daus* съ нашимъ *Тузъ*, называетъ это слово нѣмецкимъ. Но между тѣмъ какъ Daus стоитъ въ нѣмецкомъ языкѣ одиночкою, наше „тузъ" имѣетъ семью: *тузить* — бить кулаками; *тузила* — драчунъ; *тузикъ*, въ народной игрѣ, кляпъ, по которому *бьютъ* палкою; въ карточной игрѣ „тузъ" у насъ *бьетъ* всякую карту своей масти, а козырный — всѣ масти. Въ переносномъ смыслѣ, „дать кому туза" значитъ—нанесть сильный удара. Корень всѣмъ этимъ значеньямъ нашего слова есть санскритское *Тузъ* (295)—бить, разить, ударять

Къ стр. 315. Мы видѣли, что слова, относящіяся къ обработкѣ желѣза и къ оружію, не были заняты Русь-славянскимъ народомъ у какого-либо другаго, а самостоятельно образованы имъ. Между тѣмъ Даль, принадлежавшій къ школѣ норманистовъ, всякое русское слово, сходное съ нѣмецкимъ, прямо означаетъ въ своемъ Словарѣ „нѣмецкимъ" или „съ нѣмецкаго", какъ уже не разъ мы о томъ замѣтили. Поэтому неудивительно, что къ нѣмецкому происхожденію причислены имъ также слова: *Дротъ* —проволока, и *Дратва*, посредствомъ коей сшивается кожа, потому что въ нѣмецкомъ языкѣ существуютъ: Drath и Pech-drath. Послѣднее дословно значитъ „смоляная проволока", и понятно, что такое реченіе могло образоваться лишь послѣ основнаго Drath, слѣдовательно, позднѣйшаго происхожденія.

Слово *дротъ* входитъ въ оборотъ народной рѣчи въ Великой, Малой и Бѣлой Руси; основою ему служитъ корень *Дру*

[1]) Онежск. был., стр. 322.

(335)—плавить, лить растопленную массу; отсюда *Друта, дрôтъ* — плавильное, растопленное, что указываетъ на первоначальное выдѣлыванье дрота изъ плавкаго металла, называемаго *Дравійа* (334)—смѣсь мѣди съ другимъ металломъ. Когда вошло въ употребленье желѣзо, слово „дротъ" легко примѣнилось къ желѣзной проволокѣ, такъ какъ *Д р á ʻд а* (328), *дрôтъ* означаетъ вообще твердое, но спеціально „желѣзо".

Внѣшній видъ проволоки послужилъ для нѣмецкаго племени основою въ названіи швейнаго матеріала для кожи, посредствомъ префикса Pech - смола: Pech-Drath—смоляна проволока. Совсѣмъ другое происхожденіе имѣетъ русское „Дратва": *Драті* (328)—кожа; *Вê, Ваййê, Вâ* (616, 559) — шить, шитво: *Драть-ва* — кожаное шитво.

Къ стр. 318, 245, 406. Пиктетъ (Les Origines indo-europ., I, п. 100—101) производитъ значенье имени *Гетовъ, Готовъ* отъ санскр. корня *ʻgan—oriri, nasci.* Для объясненья исчезновенья въ этомъ имени звука *н,* онъ обращаеися, между прочимъ, къ русскому языку и, конечно, согласно съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ славянскихъ филологовъ, говоритъ, что въ этомъ языкѣ *у* постоянно замѣщаетъ древлеславянское „носовое *а*", т. е. юсъ (онъ, унъ, энъ). Это подтверждаетъ онъ примѣрами: санскр. *Pantha,* древлэславянское *понть, пунть* (т. е. здѣсь гласная *у* изображается юсомъ), а русское — *путь;* санскр. *Angâra,* славян. *онгль, унгль* (польск. węgiel), а русское—*угль.* Слѣдовало бы сказать на оборотъ: чистый древній русскій звукъ *у* искаженъ позднѣйшимъ носовымъ произношеньемъ у мизійскихъ и польскихъ Славянъ. Носоваго *а* въ санскритѣ нѣтъ; такимъ, въ видѣ уступки, можно было бы назвать *а* съ анусварою. Въ приводимыхъ же Пиктетомъ словахъ *а* не имѣетъ этого знака; напротивъ того въ первомъ, стоитъ, рядомъ съ *а,* самостоятельная буква, усѣченная *н,* а во второмъ и совсѣмъ нѣтъ послѣдней.

а) Въ санскригѣ есть тожезначущій корень двоякой формы: *Па ʻт а* (386) и *Пан ʻтъ* (388). Отъ первой формы произошли;

Па'та и *Паа'та*, русское, вслѣдствіе ударенья на *а*, *путь* и греческ. *πάτος* — дорога, путь. Второе существ., съ долгимъ *а*, какъ гомонимъ, означаетъ еще „воду"; отсюда санскр. *Пâ'тісъ* (405)—море и наше *путь-щінна, пучіна*—прорѣзаемая, разсѣкаомая вода, т. е. водяной путь, переѣздъ: Адріатская пучина. Этимъ мы исправляемъ ошибочно поставленное у насъ, на стр. 63, *Па'та* вм. *Пâ'та*. Очевидно, что греч. *πόντος*, море, есть смѣшеніе санскр. имени *Пâтісъ* съ крн. *Пантъ*. Итакъ, мы ни сколько не видимъ въ рус. словѣ *путь* замѣщенія неправильно называемаго древлеславянскаго носоваго *а*.

б) Транскрипція у Пиктета *Angâra* сдѣлана по усвоенному западными учеными произношенью, согласному съ греческимъ, двухъ стекающихся въ словѣ гортанныхъ звуковъ; наиболѣе же близкая къ санскритск. начертанію транскрипція была бы *ahgâra*, *аггара* (10), наше *бгарь*—обгорѣвшее, обуглившееся или еще пламенѣющее полѣно, дерево; *âhgârâ*, *âггâра* (69) — куча обгарающихъ полѣньевъ, дровъ. Отъ этихъ словъ происходитъ наше *агара-къ* — недогорѣлое полѣно, недогорѣвшая лучина, свѣча; съ суфиксомъ *Ішъ* (90) — жертвенное произношенье, образуется областное *агаръ-їшъ* (Доплн. къ обл. великор. Словарю, *огарышъ*), въ первоначальномъ значеньи—недогорѣлое полѣно изъ жертвеннаго кастра. Можно допустить, что, въ слѣдствіе ударенья на *а* и замѣны *р* родственнымъ *л*, изъ *âггâра* образовалось русское *угаль, угъль*. Болѣе вѣроятнымъ однакожъ представляется, что типомъ этого слова было: *Уггвала* (95), *угаль*, вмѣсто *угваль*—пламенѣющій, пылающій. Выпаданье губнаго *в* свойственно русскому произношенью: вострый, острый; вулица, улица; охвочій, охочій; хвастать, фастать, и проч. Корнемъ тутъ является *Гваль, Жваль* (275)—воспалять, возжигать. По второму произношенью, съ выпускомъ *в*, онъ послужилъ основою метафорическому смыслу нашего глигола *жали*-ть — воспалять уколомъ, *жаломъ*, что приписывается змѣѣ, осѣ, пчелѣ, крапивѣ.

По нашему изслѣдованью, какъ объяснимся въ другомъ мѣстѣ, имя *Гетовъ, Готовъ* означаетъ скитающихся пастуховъ, кочевниковъ, въ противоположность *Ставанамъ*.

Къ стр. 329. Къ словамъ: „*калпакъ* земли греческой“ варіантомъ служитъ „*шьляпа* земли греческой“:

Налагалъ-то на голову *шьляпу* земли греческой....
А хватилъ-то Добрыня свою шьляпоньку,
А ударилъ онъ змѣю да тутъ поганую,
А отбилъ онъ змѣи да вѣдь три хобота...[1]).

Въ обоихъ словахъ основы ихъ: *кала, калъ* и *шала, шьлъ*— тожественны по способности *к* переходить въ родственныя *ш, ч*, какъ, напримѣръ, въ рѣченьяхъ: рука—ру*ш*никъ, кулакъ—кула*ш*ный, шапъка—шапо*ш*ъный, пустякъ—пустя*ш*ьнѣй и пооч. Поэтому: *Кӑла* (151), *шьля, шьль*—желѣзо; *Іӣа* (520)—смыканіе, сплоченье; *Пӑ* (403)—покрывать, защищать: *Шьля-іӣа-па, шьляпа*— желѣзно-смычной покровъ, доспѣхъ.

Единство идеи, проведенной въ словахъ „калъпакъ“ и „*шьляпа*“, заставляетъ предполагать, что она присутствуетъ и въ нашемъ словѣ *шлемъ*, и что этотъ доспѣхъ названъ такъ не по сходству его формы съ *шоломемъ* или халмомъ, а получивъ свое первоначальное значенье и цѣльную идею отъ впечатлѣній, выраженныхъ слѣдующими рѣченьями: *Шьла, шела*—желѣзо; *Ма* (483) *мъ* — смыканіе, сплоченіе: *Шелá-ма, шелó-мъ, шьлé-мъ* — желѣзо смычное, сплоченное. Въ Словѣ о плк. Игоревѣ: „поскепаны саблями калеными шеломы *оварьскыи*“. Между „старыми словесы“ древнихъ баяновъ несомнѣнно находился при словѣ „шеломы“ эпитетъ *авартьскыи*, отъ *ӑварта* (81) космы гривы. Слѣдовательно, приведенныя рѣченія значили: „шеломы гривчатыѳ“, или, дословно, „желѣза смычныя съ гривчатыми космами“; а между тѣмъ, въ изданіяхъ Слова, „оварьскыи“, въ формѣ прилагательнаго, произведено отъ собственнаго имени Аваровъ, память о которыхъ и не жила въ эпоху Слова о плк. Игоревѣ.

Въ другихъ былинахъ (стр. 340), варіантомъ „шьляпы земли греческой“ служитъ выраженіе: „шляпа багатырьская“.

Объясненное нами первоначальное значеніе слова *калпакъ* подтверждается еще стихами былины (О. б., стр. 240), въ кото-

[1]) Онежск. былины № 59, стр. 314, 315.

рыхъ про Илью Муромца сказано, что онъ брошенное въ него ножищо-кинжалищо „калпакомъ пріотваживалъ", т. е. отвелъ, отклонилъ въ сторону шлемомъ.

Къ стр. 307 и 24. Памятникомъ исконной борьбы русьславянскаго народа съ кочевниками служитъ также слово *врагъ*, каторое только изъ конкретной основы, тожезначущей слову *бусъ* (стр. 317 — 319), развилось въ идею злобнаго лиходѣя вообще. *Врага* (629), *врагъ, вражь*—стоянка пастуховъ; кочеванье, бродячій образъ жизни; *Вражійа*—нападенье, налетъ; *Вáрака* (577), *вóрагъ, въргагъ*—противникъ, непріятель. Корнями этихъ словъ представляются: *Вркъ* (612) — хищничать и *Вражъ* (629) — бродить, скитаться. Такимъ образомъ конкретное понятіе кочеваго хищника перешло въ общую идею *врага, вóрога*.

Къ стр. 355, 244. Работничокъ въ торговомъ Новгородѣ, имѣвшемъ водяныя сообшенія съ многими странами, разбогатѣлъ по милости *Водяного, Морскаго* царя:

Поѣхалъ таргавать купецъ багатый новгородскій
Какъ на своихъ на черныхъ на корабляхъ.
А поѣхалъ онъ да по Волхову,
А со Волхова онъ во Ладожско,
А со Ладожскаго выплылъ онъ да во Неву рѣку,
А какъ со Невы рѣки какъ выѣхалъ на сине море.
(Онежск. был., стр. 391)

Это—часть круговаго Варяжскаго пути. Значеніе имени разбогатѣвшаго объясняется словами древняго русскаго языка: *Сатта* (673), отъ крн. *Санъ* (675) — пріобрѣтать, добывать: отсюда санскритское *Саттъ-ра* (673)—богатство. Въ древнемъ русскомъ языкѣ, съ приставкою *Ка* (132) — багатство, имущество, образовалось сложное слово *Саттá-ка, Сатó-къ*, также *Сатъ-кó*, съ замѣною же *т* родственнымъ *д*, *Садъ-кó*—пріобрѣтатель, добыватель багатства. Сатко представляется миѳическимъ типомъ новгородскихъ купцовъ, которые всѣ богатѣли торговлею по водянымъ путямъ. „Ти суть людье Ноугородьци отъ рода Варяжьска....

Хрестеаная Русь-Варязи... языкъ руській и словенскій одинъ есть" (См. этой книги стр. 358 и первон. лѣт.).

Къ стр. 427. Объясненное географическое значенье имени „Тугигоры" подтверждается еще слѣдующимъ: въ другой былинѣ (№ 79, стр. 475), одного и того же содержанія, пѣтой другимъ пѣвцомъ, Забава Путятична уносится змѣею не на Тугигоры, а на *Сарачинскія.* Послѣднее имя также указываетъ на Гималай, но по другому признаку, именно по объясненному нами значенью слова *гара* (стр. 84). Есть въ Индіи рѣка, притокъ Ганга, катерая течетъ изъ Гималая, и извѣстна теперь подъ именемъ *Сарджу,* а у Индійцевъ — *Гограгъ,* т. е. „священная". Древнее имя ея въ санскритѣ *Сараїйу* (698); вмѣсто суфикса *їйу* (сливать; чествовать), въ древнемъ русскомъ поставлено: *Щінна* (255), *чінъ* отъ *Щідъ* — пробивать, разверзать, прорѣзать: *Сара-щінна, Сара-чінъ*-скія горы, т. е. „Сарою пробитыя, разверзтыя горы. Мы могли бы подкрѣпить свои объясненія Тугихъ и Сарачинскихъ горъ еще другими миѳами, если бъ это входило въ планъ настоящей книги.

Щ и *ч,* въ санскр. и древнемъ рус., способны къ взаимной замѣнимости: санскр. *Куща* (*ди̏са,* 217) есть тожезначущее русское *куча.* Примѣры представляются также въ словахъ: мужъ-*чіна,* путь-*чіна* и проч.

Еще въ былинѣ (№ 93), близкой по содержанью къ двумъ предъидущимъ, читаемъ:

> Посылаютъ меня, матушка, *въ землю Сарачинскую,*
> Въ тую землю на *Пучай-рѣку,*
> Выручать-то княженецкую племянницу" (стр. 580).

Здѣсь Сарачинскою землею называется страна, орашаемая рѣкою *Сараїйу* или *Сарачиною.* Рѣка эта имѣла у русь-славянскихъ наровъ, соотвѣтственно значенью индійскаго Гограгъ, прозваніе *Пучай-рѣки:* она часто упоминается въ нашихъ былинахъ,

и къ ней ѣздили для омовеній нѣкоторые изъ нашихъ багатырей. Поэтому имя ея несомнѣнно произошло отъ крп. *Пуджъ* (419), *Пучъ*—благоговѣйно чествовать; *пуджа* (420),—воздаванье благоговѣйнаго чествованья. Слѣдовательно имя ея означало: „благоговѣйно чествуемая рѣка“.

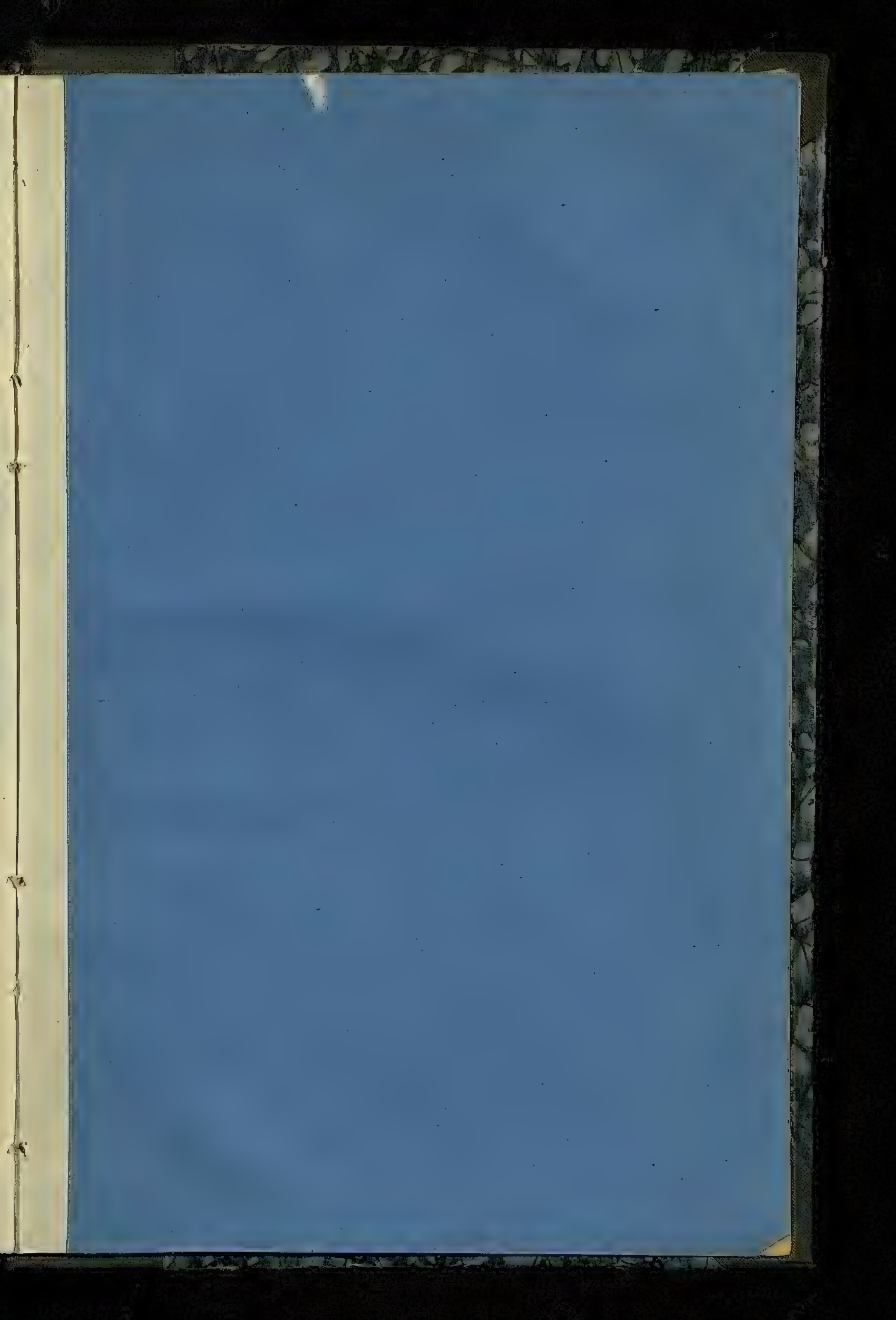
УКАЗАТЕЛЬ *).

*) Алфавитная послѣдовательность ограничена здѣсь только первыми двумя буквами въ каждомъ словѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стрц.	Стрк.	Напечатано:	Читай:
133	16	соединеныимъ	со единымъ
172	26	замѣнивъ	и замѣнивъ
220	1	инами	именами
232	4	*судійті*	*еудійаті*
235	23	*Пі-ра*	*Пі-ір*
238	27	*Санзма*	*Санзна*
240	2	51	151
241	23	24	204.
259	7	напереходъ	наперекоръ
261, 98		Дамаскіана	Дамаскина
277		Коричей	Кормчей
283		Кастія	Каспія
289	24	*Віиноградга*	*Вініграга*
294	23	*Стâ-ваиа*	*Стâ-вана*
296	25	*Валліананъ*	*Валлінанъ*
302	4	Grassarium	Glossarium
308	18	Угоняючи въ непрерывныхъ вереницахъ	умыкаючи въ уходящихъ непрерывныхъ вереницахъ
315	11	*дмути*	*дмити*
336	13	*Аійа*	Аійана
339	11	*Осту* (437)	*Сту* (734)
357	20	стера	етера
367	22	*баръ*	*боръ*
375	11	Дарамела	Деремела
"	25	вой	вои
376	24	смеренным	усмиреннымъ
442	19	произношенье	приношенье



ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Зарницы Руси за скифскимъ горизонтомъ разысканій о ея началѣ. Одесса, 1877 г., ц. 75 к.